СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ

ВЪ ЗВАНІИ ЧТЕЦА,

ВЪ САНѢ ДІАКОНА И ПРЕСВИТЕРА.

Ив. Малышевскаго.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4
1892.

Изъ журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“

СОДЕРЖАНІЕ.

Іоанна въ пещерѣ; болѣзнь и выздоровленіе; поставленіе Іоанна въ санъ діакона. Кончина св. Мелетія, преемникъ его Флавіанъ, служеніе при немъ Іоанна въ санѣ діакона (381—386). Три книги *о Провидѣніи*, посвященныя духовно болящему другу *Стагиру*. Сочиненіе въ утѣшеніе и назиданія *молодой вдовѣ*; книга *о дѣвствѣ*. Книга *о св. Вавилѣ и противъ Юліана и язычниковъ*. Стр. 16—31.

III. Іоаннъ въ санѣ пресвитера и первые два года его проповѣдническаго служенія въ этомъ санѣ. Посвященіе Іоанна въ пресвитера предъ началомъ в. поста 386 года. Проповѣдничество, какъ особенное призваніе его въ санѣ пресвитера. Первая проповѣдь его по рукоположеніи во пресвитера: опредѣлившійся въ ней характеръ отношенія Іоанна къ своему служенію, къ архипастырю Флавіану и слушателямъ. Ближайшія за тѣмъ проповѣди его. Проповѣди по поводу особенныхъ событій этого времени. Торжество чествованія памяти св. Мелетія и *похвальное слово* ему Іоанна. Бунтъ въ Антіохіи, низверженіе гражданами царскихъ статуй, страхъ и уныніе ихъ въ виду грозныхъ каръ за это. Скорбное молчаніе Іоанна и первая проповѣдь его по поводу событія. Поѣздка святителя Флавіана въ Царьградъ для ходатайства за виновныхъ. Рядъ проповѣдей Іоанна, говоренныхъ имъ въ отсутствіе Флавіана, въ теченіи великаго поста, по поводу того же событія (т. е. низверженія статуй) и послѣдствій его. Рѣчь Флавіана и успѣхъ ходатайства его предъ императоромъ Θеодосіемъ В.; возвращеніе его къ дню Пасхи съ рескриптомъ императора о прощеніи, торжество антіохійцевъ, заключительная проповѣдь Златоуста. Значеніе проповѣдническаго подвига его, сказавшееся на совокупности 17 проповѣдей его по случаю низверженія статуй. Стр. 31 57.

IV. Обзоръ всего вообще проповѣдническаго служенія Іоанна Златоуста въ Антіохіи. Предметы его проповѣдническаго учительства. Изъяснительныя *бесѣды на книги священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта.* Слова и бесѣды на великіе годовые *праздники*. Слова въ *дни памяти святыхъ*, особенно Антіохійской церкви. Обличенія и наставленія въ словахъ Златоуста,

направленныя къ вразумленію язычниковъ, тогда еще многочисленныхъ въ Антіохіи. Книга его *противъ іудеевъ и язычниковъ* о томъ, что *Христосъ есть Богъ*. Наставленіе христіанамъ касательно поведенія ихъ въ отношеніи къ язычникамъ и образа дѣйствованія на нихъ. Успѣхи Златоуста и Антіохійской церкви въ дѣлѣ просвѣщенія язычниковъ. Слова Златоуста къ *готовящимся къ крещенію и къ новокрещеннымъ*. Нарочитыя проповѣди Златоуста, направленныя *противъ іудеевъ и іудействующихъ христіанъ*. Рядъ словъ его *противъ Аномеевъ* (крайнихъ аріанъ). Увѣщанія въ словахъ Златоуста, направленныя къ примиренію двухъ партій (евстаѳіанъ или мелетіанъ и павлинистонъ) между православными. Стр. 57—122.

V. Нравственное ученіе въ проповѣдяхъ І. Златоуста. Ученіе о любви, какъ главный и средоточный предметъ ученія его. Ученіе о любви къ Богу. Ученіе о молитвѣ. Ученіе о покаяніи. Ученіе о любви къ ближнимъ: общее содержаніе и общій характеръ его; частныя наставленія о любви къ ближнимъ, особенно наставленіе о милостынѣ и милосердіи. Замѣчательнѣйшая изъ бесѣдъ Златоуста по этому предмету. Другія наставленія, связанныя съ ученіемъ о благотворительности Церковная благотворительность въ Антіохіи при Флавіанѣ и Златоустѣ. Стр. 122—167.

VI. Свойства и пріемы церковной проповѣди Златоуста. Ревность въ подвигѣ проповѣди и непрерывность его; перерывы ея болѣзнями и проповѣди послѣ болѣзней. Любовь къ слушателямъ. Духъ отеческой кротости. Свойства живой бесѣды въ проповѣдяхъ Златоуста. Простота и ясность. Особенные пріемы назиданія: обиліе примѣровъ; пріемъ сравненій въ различныхъ примѣненіяхъ его. Обличенія въ проповѣдяхъ Златоуста. Стр. 167—237.

VII. Отношеніе слушателей къ Іоанну, какъ проповѣднику. Вниманіе ихъ проповѣднику и усердіе къ слушанію проповѣдей его. Затрудненія проповѣдника между различными требованіями слушателей относительно объема его пропо-

дей. Внѣшнія проявленія вниманія слушателей и дѣйствія словъ проповѣдника: восклицанія, рукоплесканія, молчаливое сокрушеніе и плачъ: какъ относился проповѣдникъ къ этимъ проявленіямъ дѣйствія его проповѣди? Наставленія слушателямъ о томъ, чтобы слышанное въ церкви помнили и передавали въ семействахъ и вообще внѣ церкви. Проповѣди Златоуста *о клятвахъ*, какъ примѣръ дѣйствія его слова на слушателей. Проявленія неблагопріятныхъ отношеній слушателей къ проповѣднику: ропотъ на обличенія; недостатокъ или охлажденіе вниманія со стороны нѣкоторой части слушателей: чѣмъ утѣшалъ и ободрялъ себя проповѣдникъ въ подобныхъ случаяхъ? Выдержанность почтительнаго и сыновняго Іоанна, какъ проповѣдника—пресвитера къ своему архипастырю Флавіану и къ епископамъ. Слава І. Златоуста, какъ проповѣдника. Взятіе его изъ Антіохіи и поставленіе на епископскую каѳедру въ Константинополѣ. Замѣчаніе о іерархическомъ служеніи его въ Константинополѣ. Кончина (14 сент. 407 г.) и чествованіе памяти его. Стр. 237—265.

Св. Іоаннъ Златоустъ въ званіи чтеца, въ санѣ діакона и пресвитера.

Св. Іоаннъ Златоустъ родился въ Антіохіи Сирійской въ 347 г. [1]). Она же была мѣстомъ его начальнаго образо-

[1]) Источниками и пособіями для біографіи св. Златоуста служатъ: 1) собственныя сочиненія его, полнѣе собранныя въ изданіи бенедиктинца Монфокона (de Montfaucon), перепечатанномъ съ новымъ пересмотромъ у Миня въ Patr. Graec. t. 47—64, извѣстныя въ большей части своей и въ русскихъ переводахъ, изд. преимущественно въ „Христіанск. Чтеніи", начиная съ 1821 г. 2) *Извѣстія и разсказы современныхъ или близкихъ ко времени Златоуста церковныхъ историковъ*, каковы особенно Сократъ († 440 г.), Созоменъ († 450 г.), блаж. Ѳеодоритъ († 457 г.), и біографовъ, изъ коихъ наиболѣе важенъ Палладій, епископъ еленопольскій, современникъ и другъ Златоуста, авторъ апологетической біографіи его, писанной въ формѣ разговора св. Ѳеодоромъ, римскимъ діакономъ, подъ заглавіемъ: Περὶ βίου καὶ πολιτείας τοῦ μακαρίου Ἰωάννου κ. τ. λ. Рядъ позднѣйшихъ біографовъ Златоуста начинается Георгіемъ, патр. александрійскимъ (616—630 г.г.), авторомъ обширнаго и многословнаго Житія Златоуста, за которымъ слѣдуютъ еще позднѣйшіе—до Метафраста и Каллиста. Въ нашей Четіѣ-Минеѣ подъ 13 Ноября житіе Златоуста изложено большею частію на основаніи позднѣйшихъ источниковъ и главнымъ образомъ—житія Георгія александрійскаго, которое болѣе извѣстно было и въ древнихъ славянскихъ переводахъ. Къ сожалѣнію, въ житіи Георгія есть извѣстія ошибочныя, неточныя, несогласныя съ свидѣтельствами древнихъ повѣствователей и даже самого Златоуста. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ, оправдывающихъ, кажется, уже не разъ высказывавшееся желаніе—подвергнуть наши Четьи—Минеи новому пересмотру и исправленію, что согласно было бы съ мыслію и самого святителя Димитрія объ этомъ знаменитомъ, не только назидательномъ трудѣ

ванія, духовнаго развитія и церковнаго служенія въ званіи чтеца, въ санѣ діакона и пресвитера до 50-лѣтняго возраста, когда онъ призванъ былъ на первосвятительское служеніе въ Царь-градъ, обнимающее съ годами заточенія последнее десятилѣтіе его жизни († 14 сент. 407 г.). Въ виду такого значенія Антіохіи въ жизненномъ поприщѣ великаго учителя, напомнимъ о болѣе характеристическихъ явленіяхъ въ тогдашнемъ состояніи ея, особенно—въ состояніи церкви антіохійской.

Нѣкогда столица греко-сирійскаго царства, столица Сиріи при римлянахъ, возвеличенная Константиномъ В. до значенія столицы *всего Востока*, Антіохія въ вѣкъ Златоуста была однимъ изъ самыхъ большихъ и цвѣтущихъ городовъ имперіи и первенствующимъ среди городовъ не только Сиріи, но и всѣхъ областей имперіи *на дальнемъ Востокѣ*. Населеніе этого обширнаго города, расположеннаго по обоимъ берегамъ р. Оронта и раздѣлявшагося на четыре части (τετράπολις), простиралось до 200 т., кромѣ дѣтей и жителей предмѣстій. Въ составѣ населенія преобладали греки и сирійцы съ немалымъ числомъ и іудеевъ. Многовѣковымъ сожительствомъ обусловливалось здѣсь взаимное воздѣйствіе народностей эллинской и сирійской, при чемъ въ высшихъ классахъ перевѣсъ воздѣйствія былъ на сторонѣ первой, благодаря былому политическому значенію грековъ и превосходству умственнаго и гражданскаго развитія ихъ въ сравненіи съ сирійцами. Но и при эллиниза-

---

его. Опыты научной обработки біографіи св. Златоуста, многочисленные въ иностранныхъ литературахъ, извѣстны и у насъ. Къ болѣе полнымъ біографіямъ его принадлежатъ помѣщенныя въ „Христіанск. Чтеніи“ 1821 г., ч. IV., въ „Историческомъ ученіи объ отцахъ церкви“ преосв. Филарета, архіеп. черниговскаго; періодъ II, §§ 167—177, и въ „Трудахъ к. д. Академіи“ 1862 г., кн. 11 и 12 (послѣдняя переводная). Имѣя въ виду эти и другіе источники и пособія, не будемъ однако же дѣлать частныхъ ссылокъ на нихъ, полагая, что такія ссылки могутъ быть опущены въ настоящей статьѣ.

ціи сирійцевъ удерживались въ нихъ въ *большей или меньшей* мѣрѣ своеобразныя черты ихъ національности, во многомъ симпатичной. Такимъ образомъ складывался здѣсь тотъ характеристическій типъ греко-сирійцевъ или эллинизированныхъ сирійцевъ, который *въ лучшихъ* представителяхъ своихъ соединялъ блестящія качества греческаго генія, каковы энергія, широта и выспренность мысли и воображенія съ привлекательными свойствами въ характерѣ сирійцевъ, каковы простота, сердечность, кротость. Это сочетаніе лучшихъ свойствъ двухъ національностей счастливѣе и выразительнѣе сказывалось именно въ тѣхъ грекосирійцахъ, у которыхъ оно было вмѣстѣ съ тѣмъ плодомъ благодатнаго воздѣйствія христіанства, примирявшаго національности во имя высшаго христіанскаго идеала и призванія и освящавшаго лучшія изъ природныхъ свойствъ каждой изъ нихъ. Избраннѣйшій представитель греко-сирійскаго генія дарованъ былъ Антіохіи и церкви антіохійской въ лицѣ Іоанна, уроженца Антіохіи, воспитанника антіохійской церкви.

Антіохійская церковь, одна изъ начальнѣйшихъ апостольскихъ церквей, великая по своему численному составу, главенствующая среди церквей всего дальняго Востока, славилась своими святителями, святынями, учрежденіями. Въ ряду первыхъ были знаменитые учители и священномученики. Къ святынямъ ея принадлежали: такъ называемый *древній* храмъ, построенный до Константина В., новый величественный храмъ, основанный Константиномъ В., освященный въ 341 г. цѣлымъ соборомъ епископовъ, нѣсколько мученическихъ храмовъ въ самой Антіохіи и ея окрестностяхъ, а въ предмѣстіи Антіохіи, въ такъ называемой „рощѣ Дафны",—храмъ бывшаго антіохійскаго епископа и священномученика Вавилы (238—250 г.г.) съ мощами его, устроенный въ 351 г. кесаремъ Галломъ (братомъ Іуліана отступника, но добрымъ христіаниномъ). Славилась Антіохія и своею школою, процвѣтавшею особенно

со времени св. Лукіана пресвитера и мученика, воспитателя многихъ епископовъ. Труды представителей школы сосредоточивались на изученіи Св. Писанія. Лекціи по нему читали иногда сами епископы, какъ напр. Леонтій антіохійскій (349—356 г.) по Ветхому Завѣту, а Аѳанасій еп. аназаврскій и Антоній еп. тарсійскій по Новому. Въ окрестностяхъ Антіохіи были монастыри и иноки, славные просвѣщеніемъ и подвигами. Широко была развита въ Антіохіи христіанская церковная благотворительность, на которую съ горечью указывалъ язычникамъ Іуліанъ отступникъ. „Каждый изъ васъ дозволяетъ женѣ своей все тащить къ галилеянамъ, которые на ваши средства питаютъ множество бѣдныхъ и представляютъ чрезъ это доказательство въ пользу своего безбожія (такъ называлъ онъ христіанство)". Въ царствованіе Іуліана (361—363 г.), падающее приблизительно на 14—16-й годы жизни Іоанна, христіане антіохійскіе со славою выдержали испытаніе, постигшее ихъ отъ замысловъ отступника. Въ бытность свою въ Антіохіи (съ іюля 362 г. по май 363 г.) онъ пытался поднять язычество, ободрить іудейство, унизить и обезсилить христіанство. Прибывъ сперва въ предмѣстіе Дафну, гдѣ былъ древній храмъ Аполлона, онъ засталъ его пустымъ, и никто изъ язычниковъ не явился съ приношеніемъ для жертвы, кромѣ одного жреца, который принесъ собственнаго гуся. Сдѣлавъ за это рѣзкіе упреки язычникамъ, Іуліанъ велѣлъ удалить изъ бывшаго тутъ же по близости хр. храма мощи св. Вавилы и закрыть самый храмъ. Оскорбленные христіане не упали духомъ: торжественно совершили они перенесеніе мощей при пѣніи стиховъ псалма: *да посрамятся кланяющіеся истуканамъ, хвалящіеся о идолахъ своихъ.* Раздраженный Іуліанъ велѣлъ арестовать многихъ христіанъ, заключать въ тюрьмы, подвергать мукамъ. Но это послужило только къ проявленію величія вѣры христіанъ, въ лицѣ мучениковъ, въ числѣ которыхъ прославился особенно 15-лѣтній отрокъ, пѣвецъ Ѳеодоръ, и мученицъ, какими

явились особенно діакониссы. Между тѣмъ самый храмъ Аполлона, о которомъ такъ заботился Іуліанъ, внезапно пораженъ ударомъ молніи и сгорѣлъ. Заподозривъ христіанъ въ поджогѣ, Іуліанъ *приказалъ дядѣ своему, также Іуліану*, ограбить и закрыть главный хр. храмъ въ самой Антіохіи. Пресвитеръ Ѳеодоритъ уберегъ и отказался выдать болѣе цѣнныя сокровища храма, принялъ за это мученическую кончину, но предъ кончиною предсказалъ скорую смерть обоимъ Іуліанамъ. Тогда же прославилась и хр. антіохійская школа въ лицѣ одного изъ своихъ учителей. Жившій тогда въ Антіохіи, пріятель Іуліана, риторъ Ливаній, по сказанію блаж. Ѳеодорита, посѣтилъ эту школу и насмѣшливо спросилъ учителя: „что подѣлываетъ теперь сынъ плотника?“ Учитель отвѣчалъ: „Тотъ, Кого ты насмѣшливо называешь сыномъ плотника, на самомъ дѣлѣ есть Господь и Творецъ неба и земли. Онъ строитъ теперь погребальныя дроги“. Вскорѣ за тѣмъ пришло извѣстіе о смерти Іуліана на войнѣ съ Персами. Къ славѣ христіанства послужилъ и замыселъ Іуліана возстановить, въ укоръ и обличеніе христіанамъ, іудейскій храмъ въ Іерусалимѣ, въ какомъ замыслѣ принимали участіе и антіохійскіе іудеи, имѣвшіе въ Антіохіи свою синагогу и своего патріарха. Таковы были знаменія новой побѣды христіанства надъ язычествомъ и іудействомъ, свидѣтельницею которыхъ была Антіохія въ годы отрочества Іоанна. И однакоже язычество и іудейство продолжали существовать въ ней, такъ что изъ 200-тысячнаго населенія ея почти половина принадлежала язычеству, частію іудейству. Отъ церкви требовались новыя силы и подвиги для борьбы съ тѣмъ и другимъ, для огражденія христіанъ отъ соблазновъ со стороны язычества и іудейства, наконецъ для просвѣтительнаго вліянія на самихъ язычниковъ и іудеевъ.

Къ сожалѣнію, наличныя силы церкви ослаблялись въ Антіохіи внутренними раздѣленіями въ ней. Св. Василій в. выражается: „Антіохія—глава, въ случаѣ здоровья сооб-

щающая тоже и всему тѣлу церкви". Историкъ Созоменъ прибавляетъ: „при кораблекрушеніи (ναυαγίῳ) Антіохіи подпадаетъ волненіямъ (παρασυρῇ) и вселенная", т. е. вселенская. Главнымъ источникомъ церковныхъ нестроеній въ Антіохіи было аріанство. Съ 328 г., когда по клеветамъ и навѣтамъ аріанъ былъ изгнанъ изъ Антіохіи и сосланъ въ заточеніе епископъ ея св. Евстаѳій, въ теченіи болѣе 30 лѣтъ въ Антіохіи властвовали аріанскіе епископы. Православные антіохійцы не признавали ихъ власти, оставаясь вѣрными св. Евстаѳію († 341 г.). Наконецъ въ 361 г. православные и аріане, утомленные пререканіями, призвали на епископство св. Мелетія, который былъ прежде еп. севастійскимъ и теперь жилъ также въ удаленіи отъ своей каѳедры, въ г. Берріи Сирійской. Избраніе утверждено императоромъ Констанціемъ, покровителемъ аріанъ, думавшихъ найти въ Мелетіѣ своего сторонника. Мелетій прибылъ въ Антіохію и встрѣченъ торжественно. Затѣмъ на соборѣ, по желанію самого Констанція, предложены къ изъясненію слова премудрости: *Господь созда мя начало путей своихъ.* Когда одинъ изъ епископовъ предложилъ аріанское, другой полуаріанское толкованіе этихъ словъ, св. Мелетій въ сильной и назидательной бесѣдѣ выразилъ православное ученіе о Св. Троицѣ и о единосущіи Сына съ Отцемъ, а слова премудрости объяснилъ такъ, что здѣсь говорится не о твореніи, а томъ новомъ видѣ, какой приняла Вѣчная Премудрость при вочеловѣченіи [1]). Православные торжествовали, но аріане озло-

---

[1]) Въ полномъ видѣ бесѣда сохранена у св. Епифанія Кипрскаго (Haeres. 78). Церковные историки блаж. Ѳеодоритъ Кирскій и Созоменъ, описывая обстоятельства, при которыхъ произнесена была бесѣда, сообщаютъ объ одномъ знаменательномъ дѣйствіи Мелетія. Ѳеодоритъ: когда послѣ проповѣди Мелетія о Единосущномъ раздавались громкія восклицанія народа, и когда его попросили кратко выразить ученіе и о св. Троицѣ, тогда онъ поднялъ свою правую руку, *выпрямилъ* три перста, потомъ два изъ нихъ согнулъ и, оставивъ одинъ, произнесъ достохвальныя слова: *Три представляемъ въ умѣ, но бесѣдуемъ какъ съ Единымъ.* (*Церк. Ист. кн.* II, *гл.* 22). *Созоменъ*: „въ началѣ Мелетій

бились, обжаловали святителя при дворѣ, и онъ былъ тотчасъ изгнанъ изъ Антіохіи, а на его мѣсто присланъ аріанинъ Евзой. Православные не пожелали имѣть общенія съ еретикомъ; но, къ сожалѣнію, и сами раздѣлились на двѣ партіи. Одни оставались вѣрными Мелетію, другіе, по неразумной ревности, отдѣлились отъ него на томъ основаніи, что въ его избраніи участвовали и аріане; они объявили себя послѣдователями Евстаѳія и составили особое общество съ пресвитеромъ Павлиномъ во главѣ. Между тѣмъ по смерти Констанція (13 ноября 361 г.), преемникъ его Іуліанъ позволилъ возвращаться къ своимъ каѳедрамъ епископамъ всѣхъ партій въ надеждѣ борьбою ихъ ослабить христіанскую церковь. Съ своей стороны православные іерархи старались устранять несогласія между христіанами и епископами и съ этою цѣлію обращено было особенное вниманіе на Антіохію. Такъ св. Аѳанасій великій, возвратясь изъ ссылки къ своей каѳедрѣ въ Александрію, составилъ соборъ, на которомъ, между прочимъ, постановлено было послать двухъ епископовъ въ Антіохію для умиренія здѣшней церкви. Но прежде ихъ прибылъ въ Антіохію возвращавшійся изъ ссылки (изъ Ѳиваиды) западный епископъ Люциферъ Каларисскій и взялъ на себя—рѣшить недоразу-

---

предлагалъ народу нравственныя размышленія, а потомъ ясно высказалъ, что Сынъ Божій единосущенъ со Отцемъ. Говорятъ, что архидіаконъ, бывшій среди клира, услышавъ это, подбѣжалъ къ нему и своею рукою зажалъ ему уста. Но онъ десницею своею гораздо яснѣе, чѣмъ словами, выразилъ свою мысль. Ибо сперва приподнялъ три перста, потомъ согнувъ ихъ и выпрямивъ одинъ, такимъ образомъ выразилъ народу то, что думалъ и чего не дали ему говорить. Когда же изступленный архидіаконъ, оставивъ уста его, схватилъ руку и далъ свободу языку его, тогда онъ громкимъ голосомъ еще яснѣе возвѣстилъ славу Сына Божія (Церк. Ист. кн. IV, гл. 28)". Извѣстно, что описанное дѣйствіе св. Мелетія, такъ ясное по своему виду и знаменованію, послужило опорою для нелѣпаго вымысла въ видѣ мнимаго Ѳедоритоваго сказанія о Мелетіѣ, направленнаго въ защиту двуперстія. Наши темные и коснѣющіе старообрядцы продолжаютъ вѣрить этому сказанію, созданному какимъ нибудь невѣжественнымъ и скудоумнымъ изъ нашихъ старинныхъ книжниковъ.

мѣнія между православными въ Антіохіи. Склоняясь на просьбы противниковъ Мелетія, такъ называемыхъ *Евстаѳіанъ*, онъ посвятилъ пресвитера ихъ Павлина въ епископа, какимъ и засталъ его возвратившійся въ Антіохію Мелетій. Прибывшій изъ Александріи посломъ отъ собора Евсевій епископъ верчельскій не могъ поправить дѣла. Въ Антіохіи было теперь три епископа: два православные и одинъ аріанинъ. Большинство православныхъ было однако же на сторонѣ Мелетія. При такихъ то обстоятельствахъ постигло Антіохію гоненіе Іуліана въ бытность его въ Антіохіи, когда св. Мелетій вынужденъ былъ вторично оставить ее. Но онъ скоро возвратился съ воцареніемъ Іовиніана, который былъ добрымъ и православнымъ христіаниномъ и оказалъ уваженіе Мелетію въ Антіохіи. Теперь Мелетій устроилъ мѣстный соборъ и отъ имени его въ письмѣ къ императору Іовиніану изложилъ *исповѣданіе вѣры*, согласное съ Никейскимъ символомъ, исповѣдавшимъ *единосущіе* Сына со Отцемъ. Святитель успѣлъ обратить къ православію и часть аріанъ, чему способствовала также слава недавнихъ христіанскихъ мучениковъ въ Антіохіи изъ среды именно православныхъ. Но послѣдовали новыя перемѣны. 15 февраля 364 г. Іовиніанъ умеръ, или, какъ говоритъ Златоустъ, отравленъ, а сынъ его ослѣпленъ. Воцарились на Западѣ Валентиніанъ (364—375), а на Востокѣ младшій братъ его Валентъ (364—375 г.). Первый былъ вѣренъ православію и благоразуменъ въ управленіи, а второй отдался аріанству и поднялъ гоненіе на православныхъ, особенно епископовъ. Два раза удаляемъ былъ Мелетій изъ Антіохіи, два раза возвращался по стараніямъ сильно любившей его паствы; въ 372 г. онъ осужденъ на заточеніе, въ которомъ оставался до смерти Валента въ 378 г. Теперь Мелетій опять возвратился и встрѣченъ христіанами съ величайшею радостію и торжествомъ. Благодаря общему благодушному настроенію православныхъ христіанъ, прежнимъ увѣщаніямъ св. Василія В. и кротости самаго Мелетія, послѣдовало теперь вѣ-

которое сближеніе между православными обѣихъ партій, въ слѣдъ за осужденіемъ еретиковъ и раздорниковъ на соборѣ, созванномъ Мелетіемъ. Впрочемъ, малочисленной партіи евстаѳіанъ позволено оставаться при своемъ епископѣ благочестивомъ Павлинѣ, до его кончины. Мелетій же считался главнымъ архипастыремъ антіохійской церкви, пользовался всеобщимъ уваженіемъ, такъ что предсѣдательствовалъ на второмъ вселенскомъ соборѣ 381 г. въ Константинополѣ, гдѣ и скончался во время собора. Послѣ того св. Григорій Богословъ, ради умиренія антіохійской церкви, предложилъ повременить съ избраніемъ преемника Мелетію въ Антіохіи и признать таковымъ Павлина, какъ тоже православнаго и притомъ старца—до его кончины. Но на это не согласились, и въ преемники Мелетію избранъ и поставленъ пресвитеръ Флавіанъ (381—404). Евстаѳіане въ Антіохіи продолжали считать своимъ епископомъ Павлина († 388), а по его смерти избрали для себя опять особаго епископа въ лицѣ Евагрія (388—392 г.), такъ что раздѣленіе между православными антіохійцами еще затянулось.

Описанныя явленія въ состояніи антіохійской церкви происходили на глазахъ Іоанна, въ которомъ благодать Божія уготовляла ей и всей церкви великаго дѣлателя и учителя.

Іоаннъ происходилъ изъ знатной семьи. Отецъ его Секундъ былъ военачальникъ Сиріи (ὁ στρατηλάτης τῆς Συρίας), мать Анѳуса происходила изъ семьи зажиточной. Обое были христіане и притомъ добродѣтельные, какъ свидѣтельствуетъ Іоаннъ о своей матери, а ея словами и объ отцѣ, котораго самъ не помнилъ [1]). По смерти отца, Іоаннъ, тогда еще грудный младенецъ, съ старшею, но также малолѣтнею, сестрою остался на попеченіи матери. То была за-

---

[1]) Примѣромъ ошибокъ въ сказаніяхъ объ Іоаннѣ житій Георгіева и Четьи-Минейнаго служитъ сообщеніе ихъ, будто родители Іоанна были язычниками и крестились уже послѣ него.

мѣчательная женщина. Овдовѣвъ еще въ молодости, когда ей было всего 20 л., Анѳуса по памяти о „добродѣтельномъ мужѣ“ и ради осиротившихъ дѣтей, воздержалась отъ вторичнаго замужества, давъ обѣтъ цѣломудреннаго вдовства. Съ глубокою почтительностію вспоминая о такомъ подвигѣ матери, Іоаннъ въ своей книгѣ, писанной въ назиданіе нѣкоей молодой вдовѣ, разсказываетъ, что когда бывшій учитель его язычникъ Ливаній спросилъ у него о матери и услышалъ, что ей теперь 40 л., а вдовствуетъ она съ 20 л., то въ изумленіи воскликнулъ: „какія чудныя женщины у христіанъ!“ Іоаннъ сохранилъ и одну бесѣду съ нимъ матери, дающую выразительную характеристику и ея самой и ея вдовьей жизни и ея заботъ о дѣтяхъ. „Сынъ мой! говорила она; я недолго наслаждалась сожительствомъ твоего добродѣтельнаго отца. Такъ угодно было Богу. Смерть его, послѣдовавшая вскорѣ за болѣзнями твоего рожденія, принесла тебѣ сиротство, а мнѣ преждевременное вдовство со всѣми его горестями, которыя могутъ быть хорошо извѣстны только вдовамъ. Ибо никакими словами не возможно изобразить той бури и тѣхъ волненій, какимъ подвергается молодая женщина, недавно вышедшая изъ родительскаго дома, еще неопытная въ дѣлахъ жизни,—и вдругъ пораженная скорбію вдовства и принужденная принять на себя заботы, превышающія возрастъ и самую природу ея. Она должна исправлять нерадѣніе слугъ, примѣчать ихъ лукавства, разрушать злые умыслы родственниковъ, мужественно переносить притѣсненія и безжалостныя вымогательства сборщиковъ податей. Если же по смерти супруга останутся дѣти,—пусть это будетъ дочь,—много и она принесетъ заботы матери, по крайней мѣрѣ забота о ней не будетъ соединена съ издержками и страхомъ. Но за сына она подвергается тысячѣ опасеніямъ на каждый день и великимъ заботамъ. Я уже не говорю о тѣхъ издержкахъ, какія требуются отъ матери, если онъ желаетъ дать сыну хорошее воспитаніе. Однако никакія невыгоды моего положенія не за-

ставили меня вступить во второй бракъ и ввести другаго мужа въ жилище твоего отца. Среди сметеній и безпокойствъ я пребыла твердою... Меня подкрѣпляла Высшая Помощь. Немало въ моихъ печаляхъ утѣшалась тѣмъ, что всякую минуту смотрѣла на твое лице и видѣла въ немъ живой и вѣрный образъ твоего отца. Будучи еще младенцемъ и едва умѣя лепетать, когда дѣти бываютъ особенно пріятны родителямъ, ты уже приносилъ мнѣ много отрады... Съ своей стороны я дѣлала все, чтобы удалить отъ тебя малѣйшее попеченіе о нуждахъ жизни. Хотя ты и говоришь, что у тебя много друзей, но никто изъ нихъ не можетъ доставить тебѣ большаго спокойствія. Нѣтъ никого, кто бы заботился о твоемъ благополучіи столько, сколько я". Въ сказаніяхъ о знаменитыхъ отцахъ и учителяхъ церкви встрѣчаемъ не одинъ примѣръ благотворнаго вліянія матерей ихъ на духовное развитіе ихъ. Сынъ такой матери, какою была Анѳуса, безъ сомнѣнія, много обязанъ былъ ей счастливымъ начальнымъ развитіемъ своихъ необыкновенныхъ дарованій. Подъ наитіемъ нѣжнѣйшей любви матери въ немъ воспитывалось любящее сердце, свойственное его природѣ. Съ годами развивающагося сознанія уяснялся для него въ лицѣ матери примѣръ покорности волѣ Божіей, самоотреченія ради *высшей нравственной* цѣли и вмѣстѣ примѣръ энергіи и твердости въ преслѣдованіи этой цѣли и въ борьбѣ съ испытаніями и невзгодами жизни. Эти живые уроки семейнаго воспитанія были драгоцѣнны для отрока и юноши съ такимъ призваніемъ, какое суждено было сыну Анѳусы.

Анѳуса прилагала особенныя старанія о достойномъ воспитаніи и образованіи сына. Вдова военачальника и добрая христіанка, она понимала цѣну воспитанія и образованія для сына. Сама она въ той же бесѣдѣ выражается, что хотѣла дать сыну *хорошее воспитаніе и не жалѣла для сего никакихъ издержекъ*. Сберегая для дѣтей отцовское достояніе, она, какъ говоритъ, употребляла на воспитаніе и

образованіе сына свое личное состояніе—свое приданное, доставшееся ей отъ ея родителей. Начальное обученіе Іоанна въ годы отрочества характеризуется у біографовъ только общимъ выраженіемъ, что онъ воспитывался на Словѣ Божіемъ. Это можно понимать такъ, что книги священныя были для него, такъ сказать, учебниками *при самомъ* обученіи чтенію. Въ Антіохіи, обиловавшей списками священныхъ книгъ, богатая и благочестивая вдова не затруднялась найти запасъ ихъ для сына. Безъ сомнѣнія, для такого воспитательнаго обученія былъ найденъ потребный учитель, напр. между антіохійскими священниками, какихъ встрѣчаемъ потомъ въ дальнѣйшемъ образованіи Іоанна. Но съ приближеніемъ юношескаго возраста, для Іоанна, какъ *юноши* изъ знатной семьи и обнаружившаго большія дарованія и охоту къ образованію, потребовалось обычное тогда внѣшнее образованіе *въ школахъ* языческихъ. Такою была въ Антіохіи школа Ливанія ритора. Уроженецъ Антіохіи (ок. 314 г.), знатнаго происхожденія, Ливаній началъ свое учительство въ Антіохіи; затѣмъ перешелъ въ Аѳины, гдѣ основалъ свою школу, отсюда въ Константинополь; изгнанный отсюда въ 346 г., перешелъ въ Никомидію, гдѣ училъ 5 лѣтъ, и откуда перешелъ опять въ Константинополь. Во время Кесаря Галла, жившаго въ Антіохіи, получилъ отъ него дозволеніе возвратиться въ Антіохію, гдѣ и оставался до смерти Галла († 354 г.) и послѣ того до старости и смерти († ок. 395 г.). Въ это послѣднее пребываніе свое въ Антіохіи Ливаній основалъ здѣсь свою школу. Это была, какъ и прежнія школы его, школа краснорѣчія и ораторства, которое тогда открывало пути къ государственной и общественной службѣ. Ливаній, по его словамъ, имѣлъ сотни учениковъ, сидѣвшихъ у его ногъ, а сочиненія его цѣнились такъ, что книгопродавцы не успѣвали находить достаточно переписчиковъ для переписки его сочиненій. Во время Іуліана, Ливаній, его учитель и другъ, по видимому поддавался надеждѣ на подъемъ язычества и под-

рывъ христіанства. Къ этому-то времени относится приведенный выше дерзкій вопросъ его учителю христіанской школы въ Антіохіи, умѣвшему отвѣтить на него съ мужествомъ исповѣдника. Послѣ внезапной гибели Іуліана, принесшей разочарованіе языческимъ философамъ, Ливанію осталось ограничиться своею профессіею учителя краснорѣчія, слава которой еще держалась, привлекая къ нему юношей и изъ христіанскихъ знатныхъ семействъ, могшихъ оплачивать дорого стоющаго учителя. Слѣдуетъ прибавить, что Ливаній честнѣе и правдивѣе другихъ языческихъ мудрецовъ способенъ былъ цѣнить дарованія и достоинства своихъ учениковъ изъ христіанскихъ семействъ, вообще уважать истинныя достоинства въ христіанахъ, какъ то видно и по его отзыву о матери Іоанна. Онъ не одобрялъ *насилій* въ дѣлахъ вѣры и совѣсти и наклоненъ былъ уважать искреннія убѣжденія. Вотъ почему ученики его изъ христіанскихъ семействъ находили возможнымъ поддерживать сношенія съ нимъ и по выходѣ изъ его школы, и даже будучи уже на священномъ служеніи. Такъ св. Василій великій, учившійся у Ливанія въ Константинополѣ, находился въ перепискѣ съ нимъ [1]).

Іоаннъ поступилъ въ школу Ливанія, по всей вѣроятности, не ранѣе 16—17 л., т. е. приблизительно въ 363 или 364 г., когда съ гибелью Іуліана гибли надежны и остались разочарованія язычникамъ и ихъ мудрецамъ въ ихъ борьбѣ съ христіанствомъ, и когда христіанскіе юноши могли свободнѣе и смѣлѣе пріобрѣтать отъ языческихъ школъ лишь то внѣшнее образованіе, какое считали для себя нужнымъ и полезнымъ. Въ школѣ Ливанія Іоаннъ настолько выдавался своими дарованіями, усердіемъ и успѣхами, что удивлялъ самого учителя и, много спустя, когда ученики Ливанія

[1]) О Василіѣ В., какъ слушателѣ Ливанія, говорятъ Григорій Назіанзенъ, Сократъ и Созоменъ. Фактъ этотъ, а также фактъ переписки Василія съ Ливаніемъ, признается болѣе солидными изслѣдователями.

нія, предъ его смертію, спрашивали, кого бы назначилъ онъ своимъ преемникомъ, учитель отвѣчалъ: „Іоанна, если бы христіане не похитили его у насъ“. Съ своей стороны Іоаннъ и по выходѣ изъ школы поддерживалъ сношенія съ бывшимъ учителемъ. Кромѣ краснорѣчія Іоаннъ изучалъ и философію у нѣкоего Андрагафія, хотя не имѣлъ особеннаго влеченія къ этой наукѣ.

Пройдя теорію краснорѣчія, Іоаннъ пожелалъ пройти общественную практическую школу его въ званіи адвоката. Онъ, какъ самъ говоритъ, „ежедневно посѣщалъ судилища“, гдѣ защищалъ дѣла. Онъ говорилъ публичныя рѣчи при какихъ-нибудь торжествахъ. Особенно прославился онъ своею рѣчью въ похвалу императорамъ. Получивъ эту рѣчь отъ Іоанна, Ливаній отвѣчалъ ему письмомъ, въ которомъ говоритъ, что рѣчь эту читалъ онъ въ собраніи своихъ учениковъ и любителей краснорѣчія и всѣ они знаками и восклицаніями выражали свой восторгъ ею. „Я же, прибавляетъ Ливаній, чувствовалъ особенное удовольствіе, видя, что съ искусствомъ судебнаго слова ты соединяешь силу ораторскихъ доказательствъ. Счастливымъ называю и тебя, могущаго восхвалять такъ прекрасно, счастливыми называю и императоровъ, имѣющихъ въ свое время такого оратора [1]). Итакъ Іоаннъ имѣлъ уже и почитателей его таланта, которые напрашивались ему въ друзья, и такихъ друзей было у него много, какъ онъ самъ высказываетъ. Между этими друзьями были любители увеселеній, театровъ, которые посѣщалъ съ ними и Іоаннъ. Связи съ такими друзьями, увлеченія, выражаемыя посѣщеніемъ театровъ,

---

[1]) Письмо Ливанія приведено у Исидора Пелусіота въ письмѣ его къ Офелію грамматику (Кн. II, письмо 42). О самой рѣчи Іоанна въ *похвалу императорамъ* слѣдуетъ сказать, что она, по хронологіи, могла относиться именно къ императорамъ Валентиніану и Валенту. Первый изъ нихъ вполнѣ заслуживалъ похвалы и на немъ то, надо полагать, сосредоточено было вниманіе оратора.

грозили опасностями нравственной природѣ юноши. Это, конечно, и разумѣла заботливая мать, говоря, что за сына она подвергается тысячѣ опасеніямъ на каждый день. Но ея же материнскою заботливостію охраняла Іоанна благодать Божія, допустившая его увлекаться театрами какъ бы для того, чтобы въ послѣдствіи явить въ немъ богатаго наблюденіями и сильнаго обличителя худыхъ сторонъ театральныхъ зрѣлищъ. Собственное нравственное чувство, развитое начальнымъ христіанскимъ воспитаніемъ и блюдомое благодатію Божіею, также полагало преграду увлеченіямъ молодаго Іоанна. Оно учило его различать свойства друзей и крѣпче держаться тѣхъ изъ нихъ, настроеніе которыхъ болѣе сообразовалось съ кореннымъ внутреннимъ настроеніемъ самого Іоанна. То были нѣкоторые изъ товарищей его по Ливаніевой школѣ, и отличнѣйшимъ изъ нихъ былъ нѣкто Василій, о которомъ онъ разсказываетъ такъ: „Много было у меня друзей, искреннихъ и вѣрныхъ, знавшихъ и строго соблюдавшихъ законы дружества. Но изъ числа многихъ одинъ превосходилъ всѣхъ другихъ любовію ко мнѣ, и столько отличался предъ ними расположеніемъ ко мнѣ, сколько сіи послѣдніе въ сравненіи съ людьми, не имѣвшими особливой ко мнѣ привязанности. Онъ былъ всегда неразлучнымъ спутникомъ моимъ: мы учились однимъ наукамъ, слушали однихъ учителей. Съ одинаковою охотою и ревностію занимались мы краснорѣчіемъ и другими науками, одинаковыя имѣли желанія, изъ одного источника проистекавшія. И не только въ то время, когда ходили къ учителямъ, но и по выходѣ изъ училища, когда надлежало совѣтоваться, какой лучше избрать намъ путь жизни,—и въ этомъ случаѣ мы оказались согласными въ нашихъ мысляхъ“... Согласіе состояло въ томъ, что Іоаннъ и Василій приняли намѣреніе посвятить себя христіанскому любомудрію и жизни иноческой. Василій тогда же осуществилъ намѣреніе, а Іоаннъ пока удержался слѣдовать за другомъ, увлекшись занятіями адвоката и свѣтскими удовольствіями.

Онъ въ своемъ состояніи въ сравненіи съ другомъ за это время выражается такъ: „Когда другъ мой, поистинѣ блаженный, рѣшился посвятить себя истинной философіи и жизни иноческой, тогда на вѣсахъ жизни нашей потерялось равновѣсіе. Его жребій, по причинѣ легкости своей, возвысился, а я, все еще увлекаемый мірскими пожеланіями, унизилъ мою участь, клонилъ ее долу, отягчивъ юношескими мечтами. Хотя дружба наша оставалась и послѣ этого крѣпкою по прежнему, но союзъ общежитія расторгнулся. Ибо не возможно было жить вмѣстѣ тѣмъ, у которыхъ различны были занятія... Кто ежедневно посѣщалъ судилища, кто гонялся за увлеченіями общественныхъ зрѣлищъ, тотъ не могъ часто провождать время съ человѣкомъ, который зналъ одно удовольствіе—книги и никогда не показывался народу". Однако же Іоаннъ, хотя и не часто, видывался съ Василіемъ и не оставался глухимъ къ напоминаніямъ со стороны друга о преднамѣченномъ обоими образѣ жизни. Наступило время, когда Василій засталъ Іоанна на поворотѣ къ этому образу жизни. „Когда я, говоритъ Іоаннъ, не много освободился отъ житейской бури, другъ мой принялъ меня съ распростертыми руками". Іоаннъ бросилъ адвокатскія занятія и свѣтскія развлеченія, прекратилъ или ограничилъ и свѣтскія знакомства, отложилъ и свѣтскія одежды, въ томъ числѣ и адвокатскую тогу, и принялъ смиренное одѣяніе христіанина. Это было приблизительно въ 367 г. на 20-мъ году жизни его, когда, надо полагать, онъ имѣлъ послѣднюю, такъ сказать, прощальную бесѣду съ Ливаніемъ и далъ ему понять, что, какъ сынъ благочестивой христіанки и изначала воспитанный въ христіанствѣ, окончательно вступаетъ на путь христіанской жизни [1]). У Іоанна былъ уже другой учитель.

---

[1]) Такъ понимаемъ мы ту бесѣду Іоанна съ Ливаніемъ, въ которой была рѣчь о матери Іоанна, какъ доблестной христіанкѣ, давшей обѣтъ цѣломудреннаго вдовства. Матери Іоанна было тогда 40 л. и 20 л. вдовства, а она стала вдовою „вскорѣ за болѣзнями рожденія Іоанна", т. е. въ самый годъ рожденія, слѣд. Іоанну было теперь ок. 20 лѣтъ.

Св. Мелетій, еп. антіохійскій, узналъ о Іоаннѣ, примѣтилъ его дарованія и его христіанское настроеніе, приблизилъ его къ себѣ, довершилъ наставленіе его въ христіанской вѣрѣ и крестилъ его, а потомъ поставилъ на должность чтеца. Время этихъ начальныхъ сыновнихъ отношеній Іоанна къ Мелетію обнимало, по Палладію, три года. Это годы 368—370, изъ коихъ 369-й обыкновеннѣе считается годомъ крещенія Іоанна, а 370-й—годомъ поставленія на должность чтеца [1]). Съ крещеніемъ послѣдовало въ Іоаннѣ внутреннее обновленіе. Бывшій адвокатъ и ораторъ наложилъ на себя прежде всего обѣтъ воздержанія въ словѣ: удерживался отъ клятвы, лжи, осужденія ближнихъ, отъ всякаго празднословія и шутокъ. Онъ любилъ хранить молчаніе въ обществахъ, опасаясь участіемъ въ разговорахъ увлечься въ краснорѣчіе, которое могло бы вызвать похвалы и питать въ немъ тщеславіе. Людей мудрыхъ онъ слушалъ съ покорностію ученика, но терпѣливо выслушивалъ и нелѣпости людей неразумныхъ, не желая показывать, что онъ знаетъ больше ихъ, и сдерживая свойственные его живой природѣ порывы гнѣва на людскія нелѣпости. Въ замѣнъ прежнихъ свѣтскихъ увлеченій онъ возлюбилъ подвиги поста, бдѣнія и молитвы домашней и общественной. Упражненія въ чтеніи Слова Божія, къ которымъ возвратился онъ теперь, освящались для него званіемъ чтеца, которое уже обязывало его читать священныя книги въ церкви для народа. Самое принятіе этого смиреннаго званія юношею, которому и знатность происхожденія и уже пріобрѣтенная

[1]) По нѣкоторымъ изъ *позднѣйшихъ* извѣстій, Іоаннъ сталъ чтецомъ въ возрастѣ ок. 30 л. и посвященъ на эту должность епископомъ Зенономъ, возвращавшимся изъ Іерусалима чрезъ Антіохію. Предпочитаемъ свидѣтельство *современника и друга* Іоанна Палладія, который Мелетію приписываетъ какъ крещеніе Іоанна, такъ и поставленіе его на должность чтеца и оба событія относитъ именно къ указанному моменту въ его жизни, хотя годовъ точно не обозначаетъ.

слава публичнаго оратора открывали виды на блестящее будущее въ свѣтѣ, было выраженіемъ всецѣлой преданности его церкви. Наконецъ, то обстоятельство, что Іоаннъ отдался въ послушаніе Мелетію и къ нему поступилъ на служеніе въ званіи чтеца, тогда какъ въ Антіохіи были еще два епископа аріанскій и православный Павлинъ,—это обстоятельство показываетъ, что Іоаннъ тогда былъ уже созрѣвшимъ въ разумѣ православнаго ученія, что онъ умѣлъ различать не только православіе отъ ереси, но и настоящую церковь отъ церковной партіи, хотя и православной.

Впрочемъ, Іоанну не надолго посчастливилось служить чтецомъ при Мелетіѣ, который, по навѣтамъ аріанъ, покровительствуемыхъ Валентомъ, былъ удаляемъ изъ Антіохіи въ 370 г., а съ начала 372 г. увезенъ въ заточеніе на цѣлые годы. Разобщеніе съ пастыремъ вознаграждалось для него учащеннымъ общеніемъ съ другомъ Василіемъ. Василій чаще и чаще, наконецъ, ежедневно посѣщалъ Іоанна въ домѣ его матери: „онъ, выражается Іоаннъ, не оставлялъ меня ни на малѣйшую часть дня и не переставалъ убѣждать къ тому, чтобы, оставивъ отдѣльныя жительства, обоимъ поселиться вмѣстѣ“. Василій разумѣлъ поселеніе въ пустынномъ уединеніи—для подвиговъ иноческой жизни. Іоаннъ готовъ былъ уже послѣдовать за другомъ. Но любящая и одинокая мать не пожелала отпустить сына. „Когда она узнала о моемъ намѣреніи, говоритъ Іоаннъ, то взявъ меня за руку и введя во внутреннія свои покои, посадила у одра, на которомъ родила меня. Мгновенно изъ очей ея полились источники слезъ, а изъ устъ—слова, горестнѣйшія самыхъ слезъ“.—Въ долгой бесѣдѣ (часть которой приведена нами выше), изобразивъ свою вдовью жизнь, полную испытаніями, трудами и заботами, свои попеченія о сынѣ, Аноуса присовокупила: „За всѣ мои попеченія прошу одной благодарности: не дѣлать меня во второй разъ вдовицею, и скорби, уже угасшей, не воспламенять снова. Потерпи до моей кончины. Можетъ быть жизнь моя не долго продлится...

Когда предашь тѣло мое землѣ, и прахъ мой соединишь съ прахомъ твоего отца; тогда предпринимай далекія путешествія, переплывай моря, какія хочешь... но доколѣ еще дышу, не разлучайся со мною. Не навлекай на себя напрасно гнѣва Божія, оставляя меня на жертву толикимъ бѣдствіямъ, тогда какъ я ни въ чемъ невиновна предъ тобою. Если я подала тебѣ причину винить меня въ томъ, что вовлекаю тебя въ житейскія суеты и заставляю заботиться о твоихъ и моихъ нуждахъ, то бѣги отъ меня... Но если я дѣлаю съ своей стороны все, чтобы удалить отъ тебя малѣйшее попеченіе о нуждахъ жизни; то по крайней мѣрѣ пусть это привяжетъ тебя ко мнѣ. Хотя ты и говоришь, что у тебя много друзей, но никто изъ нихъ не можетъ доставить тебѣ бо́льшаго спокойствія. Ибо нѣтъ никого, кто заботился бы о твоемъ благополучіи столько, сколько я". „Когда я, говоритъ Іоаннъ, сообщилъ другу слова матери, онъ не только не убѣдился ими, но гораздо съ бо́льшею настоятельностію склонялъ меня исполнить предпринятое намѣреніе". Однако же Іоаннъ предпочелъ слушаться матери, а не друга, оставаясь въ ея домѣ.

Но и живя въ домѣ матери, Іоаннъ не прерывалъ ни своихъ упражненій въ благочестіи, ни занятій, клонившихся къ высшему духовному просвѣщенію, имѣя полную свободу къ тому и другому, благодаря матери, заботившейся о его житейскихъ нуждахъ. Василій по прежнему часто посѣщалъ его; къ сообществу друзей присоединились и два товарища ихъ по Ливаніевой школѣ Максимъ и Ѳеодоръ. Друзья и товарищи по школѣ нашли теперь новыхъ учителей и новую школу. Въ отсутствіе сосланнаго въ заточеніе архипастыря Мелетія, для православной антіохійской паствы оставались учителями пресвитеры Флавіанъ и Діодоръ. Первый, подобно Іоанну, происходилъ изъ знатнаго рода, изъ любви ко Христу посвятилъ себя на служеніе церкви, былъ близокъ къ святителю Мелетію, славился благочестіемъ, просвѣщеніемъ, учительностію. Не менѣе знаменитъ былъ

и Діодоръ. Словесныя и философскія науки онъ изучалъ въ Аѳинской школѣ, которую св. Григорій Богословъ называетъ золотою и въ которой, кромѣ языческихъ, были и христіанскіе учители; а священное Писаніе у извѣстнаго тогда толкователя Самуила. Закончивъ образованіе, Діодоръ сталъ строгимъ инокомъ и ревнителемъ вѣры. При Констанціѣ онъ былъ защитникомъ православія, при Іуліанѣ обличителемъ язычества. Во время заточенія Мелетія, Діодоръ умножилъ свою учительскую ревность: онъ, по свидѣтельству Златоуста, каждый день переходилъ изъ одного дома въ другой, чтобы утѣшать и укрѣплять осиротѣлыхъ чадъ православія. Флавіанъ и Діодоръ трудились въ особой подвижнической школѣ (ἀσκητήριον), существовавшей въ одномъ монастырѣ близъ Антіохіи. Здѣсь же извѣстенъ былъ и учитель Картерій. Школу посѣщали и лица съ высшимъ свѣтскимъ образованіемъ, слушая въ ней изъясненіе св. Писанія. Къ этимъ то учителямъ и особенно къ Діодору хаживали теперь Іоаннъ и его друзья—слушать ихъ наставленія въ священномъ Писаніи и жизни подвижнической. Общею мыслію ихъ было посвятить себя жизни иноческой.

По кончинѣ матери, Іоаннъ, отдавъ послѣдній сыновній долгъ ей, немедленно исполнилъ завѣтную мысль. Но одинъ изъ друзей Ѳеодоръ, увлекшись любовію къ нѣкоей Герміонѣ, задумалъ отстать отъ нихъ и вступить въ бракъ съ Герміоной. Іоаннъ написалъ два сильныя и краснорѣчивыя *письма* или *увѣщанія къ Ѳеодору падшему*, чтобы возвратить его къ обѣту дѣвства и подвижничества, совмѣстно принятому друзьями. Въ этомъ Іоаннъ и успѣлъ. Ѳедоръ оставилъ мысль о бракѣ и возвратился къ общимъ духовнымъ упражненіямъ съ друзьями [1]).

---

[1]) Письма или увѣщанія къ Ѳеодору падшему писаны Іоанномъ, какъ полагаютъ, въ 372—375 г. Ѳеодоръ этотъ былъ въ послѣдствіи епископомъ мопсуэтскимъ. Товарищъ Іоанна по антіохійской школѣ Діодора, въ которой, по преданію отъ Лукіана, преобладало буквальное толкованіе св. Писанія, а не

Между тѣмъ между антіохійскими христіанами и областными епископами антіохійскаго митрополитальнаго округа возникла мысль замѣстить нѣкоторыя каѳедры, остававшіяся вакантными по причинѣ тогдашнихъ волненій отъ аріанъ и партійнаго раздѣленія между православными. Пронесся слухъ, что на вакантныя каѳедры хотятъ поставить Василія и Іоанна. Это было приблизительно въ 374 году, когда Іоанну было не болѣе 27 лѣтъ и столько же, или не многимъ болѣе, и Василію, словомъ, когда тотъ и другой, по выраженію Іоанна, были еще *юношами*. Хотя въ древней церкви не безъизвѣстны примѣры избранія на епископство лицъ столь молодаго возраста, но такіе примѣры бывали не часто. Очевидно, Іоаннъ и Василій, не смотря на молодость, были уже настолько извѣстны и такъ высоко стояли въ мнѣніи представителей антіохійской церкви, что тѣ сочли ихъ достойными епископства и надѣялись избраніемъ

аллегорическое (преобладавшее въ александрійской школѣ), Ѳеодоръ не устоялъ въ томъ здравомъ примѣненіи означеннаго способа толкованія, какое видимъ у Іоанна, и впадалъ въ заблужденія. Такъ напр. въ книгѣ Пѣснь Пѣсней онъ, увлекаясь буквализмомъ, видѣлъ изображеніе обыкновенной чувственной любви, которой и самъ поддавался въ молодые годы. Къ 374 г. относятъ слѣдующую случайность въ жизни Іоанна, грозившую ему опасностію. При императорѣ Валентѣ, извѣстномъ своимъ аріанскимъ вольномысліемъ, но и также и суевѣріемъ, жестоко преслѣдовали авторовъ и читателей книгъ, относящихся къ магія и прорицаніямъ. Воины зорко слѣдили за такими лицами, привлекали ихъ суду и казни. Іоаннъ и его товарищъ, направляясь изъ Антіохіи въ ея предмѣстье къ мученическому храму (μαρτύριον), замѣтили на рѣкѣ книгу, которую товарищъ Іоанна и поднялъ изъ воды. Оказалось, что это книга магія, брошенная въ воду бывшимъ владѣльцемъ ея, который однако же былъ уличенъ, какъ проповѣдникъ магіи, и казненъ. По близости случайно проходилъ воинъ; Іоаннъ и товарищъ его сильно встревожились, опасаясь, что воинъ могъ признать ихъ собственниками книги, что грозило бы имъ судомъ и казнію. Спрятавъ книгу, къ счастію, не замѣченную воиномъ, они потомъ забросили ее и такимъ образомъ избавились отъ угрожавшей опасности. Этотъ случай, какъ знаменіе покрова Божія надъ Іоанномъ, разсказанъ имъ самимъ въ одной изъ его истолковательныхъ бесѣдъ на книгу Дѣяній апостольскихъ.

ихъ на епископство помочь церкви, обуреваемой внутренними нестроеніями. Но слухъ о предстоящемъ избраніи на епископство поразилъ Іоанна. „Какъ скоро услышалъ я эту вѣсть, говоритъ онъ, страхъ и недоумѣніе объяли меня. Страхъ: я боялся, чтобы не взяли меня противъ воли моей. Недоумѣніе: я ежеминутно думалъ и не могъ придумать— откуда люди могли возымѣть о мнѣ столь высокое мнѣніе: ибо, обращаясь къ себѣ, я не находилъ ничего такого, чѣмъ бы заслуживалъ сіе достоинство". Нѣсколько иначе настроенъ былъ Василій. „Пустынникъ мой, говоритъ Іоаннъ, приходитъ тайно ко мнѣ, наединѣ сообщаетъ мнѣ эту вѣсть, какъ бы за новость, еще не слыханную мною, и проситъ меня и въ настоящемъ случаѣ, подобно тому какъ и прежде, мыслить и дѣйствовать одинаково, увѣряя, что онъ съ своей стороны готовъ слѣдовать за мною, какой бы я не избралъ путь: рѣшился ли бы я бѣжать, или согласился на избраніе". Іоаннъ примѣтилъ, что самъ Василій готовъ согласиться на избраніе и, почитая друга достойнымъ епископства, думалъ, что отклоненіемъ его отъ согласія на избраніе нанесенъ былъ ущербъ церкви. Поэтому Іоаннъ скрылъ свое намѣреніе уклониться отъ избранія, сказавъ, что совѣщаніе о дѣлѣ можетъ быть еще отложено, что, впрочемъ, Василій можетъ быть увѣренъ, что онъ Іоаннъ не измѣнитъ ему, если дѣйствительно случится съ ними то, о чемъ гласитъ молва. Василій понялъ друга такъ, что и онъ согласится на избраніе. Прошло нѣсколько дней, и въ Антіохію прибылъ старшій въ области епископъ, чтобы съ соборомъ другихъ отцовъ совершить рукоположеніе Василія и Іоанна. Василій, застигнутый одинокимъ, взятъ былъ отцами „какъ бы для другого какого то дѣла", принужденъ покориться суду и избранію отцовъ и былъ рукоположенъ на епископство въ г. Рафаны Сирійской [1]). „Онъ,

[1]) Въ санѣ Рафанскаго епископа Василій присутствовалъ на второмъ вселенскомъ соборѣ 381 г.

говоритъ Іоаннъ, принялъ *иго*, надѣясь, что и я, по данному обѣщанію, безъ всякаго сомнѣнія послѣдую его примѣру, или вѣрнѣе, думая, что въ семъ случаѣ онъ слѣдуетъ болѣе моему совѣту. Ибо многіе изъ присутствовавшихъ въ избирательномъ собраніи, увидѣвъ, что онъ неохотно подвергается избранію, и желая склонить его, громко вопіяли: несправедливо будетъ, когда тотъ, кого всѣ почитали надменнымъ (разумѣя меня), смиренно покорится суду отцовъ, а этотъ, отличающійся благоразуміемъ и скромностію, станетъ гордиться и тщеславиться, доказывая упорство, нехотѣніе, противорѣчіе". Но и говорившіе такъ и самъ Василій ошиблись. Іоаннъ уклонился отъ избранія и укрылся въ какое-то пустынное мѣсто. Услышавъ объ этомъ, Василій горько опечалился. Открывъ убѣжище Іоанна, онъ пришелъ къ нему въ сильномъ смущеніи и съ слезами на очахъ. Напротивъ, Іоаннъ встрѣтилъ друга съ выраженіями полной радости, взялъ его руку, спѣшилъ облобызать его, славя Бога, что желаніе его видѣть друга епископомъ счастливо исполнилось. „Смотря на мое восхищеніе и радость, продолжаетъ Іоаннъ, другъ мой окончательно убѣдился въ томъ, что съ нимъ употреблена мною хитрость,—и это еще болѣе увеличило его смущеніе и горесть".

Такъ начались продолжительныя бесѣды чтеца Іоанна съ епископомъ Василіемъ, возобновлявшіяся при новыхъ свиданіяхъ друзей. Онѣ-то послужили основаніемъ для *шести словъ его о священствѣ*, изложенныхъ именно въ видѣ бесѣдъ Іоанна съ Василіемъ. Въ первомъ изъ этихъ словъ, послѣ разсказа о своихъ начальныхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Василію и обстоятельствахъ его избранія на епископство, Іоаннъ сосредоточиваетъ вниманіе на оправданіи себя въ той „хитрости", въ томъ „обманѣ", какіе дозволилъ онъ себѣ по отношенію къ другу, чтобы подвинуть его на епископство, достойнымъ котораго себя еще не считалъ. Неотразимо, весьма тонкими и искусственными соображеніями и ссылками на примѣры изъ священной исторіи, Іоаннъ

убѣждаетъ друга, что эта хитрость не была нарушеніемъ ни чувствъ, ни законовъ дружбы, ни правилъ благочестія, ибо, допуская ее, Іоаннъ имѣлъ въ виду исключительно благо самого друга и церкви и былъ убѣжденъ, что священное служеніе вполнѣ сообразуется съ внутреннимъ призваніемъ достойнѣйшаго друга его, котораго онъ знаетъ лучше, чѣмъ знали его сами родители его. На туже мысль идутъ собесѣдованія Іоанна съ Василіемъ и во второмъ словѣ, гдѣ затѣмъ Іоаннъ переходитъ и къ оправданію себя въ уклоненіи отъ епископства, вызванномъ сознаніемъ своихъ немощей, своей недовлѣемости для высокаго священнаго служенія. Въ слѣдующихъ словахъ постепенно раскрываются мысли о значеніи и важности священнаго служенія, особенно епископскаго, о великихъ трудностяхъ и испытаніяхъ, предстоящихъ на этомъ служеніи, о широкихъ и разнообразныхъ обязанностяхъ и подвигахъ, требуемыхъ имъ, и качествахъ, необходимыхъ для достойнаго прохожденія сего служенія. Изложеніе этихъ мыслей мѣстами сопровождается смѣлыми и откровенными отзывами о тѣхъ, видно, нерѣдкихъ въ ту пору, искателяхъ священства и епископства, которые сами, при содѣйствіи партій, добиваются столь высокаго служенія, не будучи достойны сего, и, достигнувъ того, думаютъ болѣе о себѣ и своихъ выгодахъ, чѣмъ о священныхъ обязанностяхъ своего служенія. Кратко сказать: слово о священствѣ—это классическое произведеніе великаго учителя, поучительное для всѣхъ временъ. Думаютъ вообще, что оно писано въ ближайшее по поставленіи Василія на епископство время, т. е. въ 374—375 г., когда 27—28-лѣтній чтецъ Іоаннъ проживалъ въ монастырскомъ или пустынномъ уединеніи, куда уклонился отъ епископства.

Мѣстомъ пустыннаго уединенія Іоанна былъ одинъ изъ монастырей или скитовъ, въ горныхъ окрестностяхъ Антіохіи. По описанію Іоанна, здѣсь обиталъ цѣлый сонмъ подвижниковъ, дивныхъ по своей жизни. Въ полночь они уже

поднимались на молитву и псалмопѣніе; послѣ краткаго отдыха предъ разсвѣтомъ, они съ восходомъ солнца опять вставали и пѣли утреню, а затѣмъ каждый занимался въ своей кельѣ чтеніемъ священнаго писанія или списываніемъ священныхъ книгъ. Въ теченіи дня они четыре раза собирались на общую молитву и псалмопѣніе. Это служеніе называлось часомъ третьимъ, шестымъ и девятымъ и вечернею. Между часами они занимались ручными работами: плели корзины и власяницы, воздѣлывали свои сады и огороды, рубили дрова, носили воду, готовили кушанье, умывали ноги посѣтителей и вообще служили имъ со всѣмъ усердіемъ, не разбирая, богаты ли они или бѣдны. Одежды ихъ были изъ козьей или верблюжьей шерсти, а у иныхъ изъ грубо выдѣланныхъ кожъ; обуви совсѣмъ не было, и они ходили босыми. По обѣту полной нестяжательности, все у нихъ было общее и имъ не извѣстны были слова — *мое и твое*. Пищу они принимали разъ въ день, а состояла она въ хлѣбѣ и водѣ и только для слабыхъ дозволялись масло, зелень и овощи. Спали они на соломѣ, голой землѣ, часто и внѣ кельи. Съ послушаніемъ общему настоятелю и духовнымъ старцамъ соединялись у нихъ миръ и любовь между братіями, а плодомъ сего была духовная радость. Предметами бесѣдъ ихъ были Богъ, Творецъ, Царь небесный и Спаситель, жизнь будущая, дѣла и слава святыхъ, борьба съ искушеніями и съ кознями діавола и т. под. Память о кончинѣ и страшномъ судѣ служила обычнымъ у нихъ средствомъ къ поддержанію христіанской бдительности надъ собою. Но ихъ услаждала также надежда на Божіе милосердіе и радость о благодати Божіей, ощущаемой въ сердцѣ. Четыре года (375—378) провелъ Іоаннъ въ обществѣ такихъ подвижниковъ. Ему, выросшему въ богатомъ домѣ, не знавшему въ молодые годы ни тяжкаго труда, ни заботъ о своихъ нуждахъ житейскихъ и притомъ слабому тѣломъ, не легко было привыкнуть ко всѣмъ строгостямъ, лишеніямъ и суровымъ трудамъ иноческой жизни. Онъ

сознается, что не безъ страха вступилъ въ эту жизнь, боялся встрѣтить препятствія и искушенія на ея поприщѣ. Тѣлесная природа говорила ему, что онъ не можетъ обойтись безъ мягкаго хлѣба, употреблять въ пищу то масло, которое употребляютъ въ ночникъ, не можетъ привыкнуть къ грубымъ овощамъ, тяжелымъ работамъ и другимъ суровымъ службамъ. Но слабый тѣломъ, онъ былъ силенъ духомъ и силою духа одолѣвалъ всѣ искушенія и трудности. Впрочемъ, нашелъ для себя и руководителя въ нѣкоемъ сирійскомъ старцѣ, съ которымъ упражнялся какъ въ подвигахъ иночества, такъ и въ изученіи священныхъ книгъ. Молодой подвижникъ воспиталъ въ себѣ такую твердость, что говорилъ: пусть станетъ противъ меня все—поношеніе, брань, насмѣшки, клевета, мечь, огнь, голодъ, болѣзни, смерти и все жестокое, что ни случается въ этой жизни,—я пойду своимъ путемъ".

Эти слова имѣли особенное значеніе въ виду слѣдующаго обстоятельства, ознаменовавшаго жизнь Іоанна среди сирійскихъ подвижниковъ. Императоръ Валентъ съ аріанскимъ вольномысліемъ соединилъ непріязнь къ монахамъ, въ которыхъ видѣлъ особенныхъ твердыхъ противниковъ ереси. Онъ приказывалъ изгонять ихъ изъ обителей ихъ, брать въ военную службу, заключать въ тюрьмы и т. под. Нашлись угодники такой политики, готовые порицать и преслѣдовать монаховъ. Многіе въ Антіохіи и ея окрестностяхъ повергнуты были въ смятеніе и страхъ. Одинъ изъ антіохійскихъ друзей Іоанна пришелъ къ нему въ пустынную келью его и просилъ написать книгу въ защиту монаховъ и монашеской жизни. Выслушавъ друга, Іоаннъ сталъ плакать и молить Бога взять его изъ этой жизни, не дать ему видѣть совершающееся нечестіе. Но другъ замѣтилъ, что теперь не время для слезъ, а надо поспѣшить съ писаніемъ въ обличеніе нечестія. Іоаннъ возразилъ, что чрезъ это писаніе дѣло преслѣдованія монаховъ получитъ бóльшую гласность, даже среди язычниковъ, которые най-

дутъ въ этомъ поводъ глумиться надъ христіанскою церковію. Но другъ замѣтилъ, что язычники и безъ того уже знаютъ о дѣлѣ, а между тѣмъ христіане, ему извѣстные, сами разглашаютъ объ этомъ. Призвавъ Бога въ помощь, Іоаннъ написалъ три книги въ защиту монашества, изъ коихъ первая озаглавлена: *противъ вооружающихся на ищущихъ монашеской жизни*, вторая—къ *невѣрующему отцу*, третья—къ *вѣрующему отцу*. Послѣднія два заглавія вызваны случаями, которые разсказаны въ этихъ книгахъ и послужили ближайшимъ поводомъ къ самому написанію ихъ: это случаи или точнѣе весьма назидательные примѣры поступленія въ монашество двухъ знатныхъ юношей, изъ коихъ одинъ былъ сыномъ невѣрующаго отца или язычника, съумѣвшаго наконецъ оцѣнить высокія достоинства сына, а другой сынъ христіанскихъ родителей, изъ которыхъ только мать сочувствовала благочестивому настроенію сына, тогда какъ отецъ всячески, хотя и безуспѣшно, пытался отвлечь сына отъ монашества. Нѣсколько позже Іоаннъ написалъ въ похвалу монашества еще одно сочиненіе подъ заглавіемъ: *Сравненіе инока съ царемъ* [1]). Писанія Златоуста о монашествѣ имѣютъ въ области своего предмета такое же общеназидательное значеніе, какое имѣютъ слова его о священствѣ въ области этого предмета.

Проживъ четыре года въ подвигахъ общежительнаго иночества, Іоаннъ пожелалъ еще пройти подвигъ полнаго отшельничества, удалился въ одну пещеру, гдѣ прожилъ два года (379—380 г.) въ непомѣрно строгихъ и суровыхъ подвигахъ. Эти подвиги разстроили слабое по природѣ здоровье его настолько, что онъ принужденъ былъ возвратиться въ Антіохію, чтобы отдыхомъ возстановить свои силы. Посѣщенія друзей, бесѣды съ ними облегчали болѣз-

---

[1]) Поводомъ къ такому заглавію сочиненія, указывающему и на содержаніе его, могло послужить то обстоятельство, что именно царь Валентъ былъ гонителемъ монашества, думая силою своей власти подавить и уничтожить его.

ненное состояніе его, такъ что къ началу 381 г. онъ уже оправился.

Возвратившійся въ 378 г. (по смерти Валента) къ своей каѳедрѣ святитель Мелетій, безъ сомнѣнія, зналъ о жизни своего чтеца—отшельника и ждалъ времени снова приблизить его къ себѣ. Лишь только Іоаннъ оправился отъ болѣзни, Мелетій призвалъ его къ себѣ и пожелалъ посвятить его въ діакона. Іоаннъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ бѣжавшій отъ епископства, теперь принимаетъ смиренный санъ діакона. То было дѣломъ послушанія волѣ святителя, бывшаго его наставникомъ, и выраженіемъ рѣшимости всецѣло посвятить себя священному служенію, созрѣвшей въ подвигахъ иночества. Посвященіе Іоанна въ діакона послѣдовало въ началѣ 381 г., когда ему было 34 года. Въ званіи діакона онъ пробылъ пять лѣтъ. Изъ нихъ менѣе года служилъ онъ при Мелетіѣ, который въ томъ 381 г. отправился въ Царь-градъ на второй вселенскій соборъ и тамъ скончался. Въ достойномъ преемникѣ Мелетія Флавіанѣ Іоаннъ имѣлъ такого архипастыря, къ которому уже давно былъ близокъ, какъ бывшій ученикомъ его въ то время, когда, по удаленіи Мелетія въ заточеніе, Флавіанъ и Діодоръ, въ званіи пресвитеровъ, оставались учителями антіохійской паствы. Съ преданностію исполнялъ Іоаннъ обязанности своего діаконскаго служенія. Онѣ были тогда не легки: Кромѣ служенія при священнодѣйствіяхъ епископа, надзора за благочиніемъ въ храмовыхъ собраніяхъ, къ должности діакона относились особенно дѣла церковной благотворительности и исполненіе разныхъ временныхъ порученій епископа. „Должность, говоритъ по этому поводу одинъ изъ біографовъ Іоанна,—трудная, требовавшая безотчетной покорности во всякое время, но за то самое лучшее подготовленіе къ должности епископа и упражненію въ обязанностяхъ любви! Быть естественною опорою бѣдныхъ, изучать ихъ несчастія, видѣть собственными глазами крайность нуждъ, находить причины тому часто въ жадности и жесто-

кости богачей, въ безжалостныхъ и несправедливыхъ притѣсненіяхъ чиновниковъ, являться къ неимущимъ и слабымъ какъ бы видимымъ орудіемъ церкви, получать пріятную склонность—быть любимымъ и благословляемымъ отъ тѣхъ, которые страдаютъ:—какая роль для человѣка, котораго сердце было такъ нѣжно и который такъ страстно ненавидѣлъ неправду!.. Уединеніе, въ которомъ Іоаннъ провелъ нѣсколько лѣтъ, могло охладить въ немъ, чрезъ исключительную заботу о себѣ и своей святости, теплоту сердца и любовь къ другимъ. Легко забывать несчастныхъ, когда не видишь ихъ. Діаконство снова перевело его въ среду дѣйствительной жизни и открыло его глазамъ ея страданія и несправедливости. Такимъ образомъ онъ прошелъ двойное воспитаніе—воспитаніе пустыни, которая укрѣпляетъ и возвышаетъ духъ, и воспитаніе жизни общественной, которая показываетъ человѣку человѣка и даетъ ему знаніе страстей, интересовъ, бѣдствій и пороковъ. Печальное знаніе, но необходимое для того, кто хочетъ имѣть какое либо вліяніе на подобныхъ себѣ. Первое серебро, которое Іоаннъ отдалъ бѣднымъ,—это его собственное. Съ этого дня до самой смерти онъ ничего не имѣлъ; можно сказать, что это былъ первый бѣднякъ въ антіохійской церкви".

Въ санѣ діакона Іоаннъ не говорилъ проповѣдей. По просьбы друзей, знавшихъ о его учительномъ талантѣ, и сердечное участіе къ лицамъ, нуждавшимся въ утѣшеніи и назиданіи, побуждали его назидать ихъ своими писаніями. Еще въ то время, когда Іоаннъ, возвратясь больной изъ пустынной пещеры въ Антіохію, жилъ ради отдыха въ своемъ домѣ, одинъ изъ посѣщавшихъ его друзей Ѳеофилъ Ефесскій сообщилъ ему о печальномъ состояніи общаго друга ихъ Стагира. Молодой человѣкъ знатнаго происхожденія, Стагиръ возымѣлъ мысль отказаться отъ міра и противъ воли отца поступилъ въ монашество, въ одномъ изъ нагорныхъ монастырей близъ Антіохіи. Но привычка къ гордости и изнѣженности не оставляла его и въ монастырѣ.

Мало было у него усердія къ молитвѣ, вниманія къ совѣтамъ и упрекамъ старшихъ, за то много тревоги, безпокойства, досады. Въ состояніи тяжкаго душевнаго угнетенія онъ чувствовалъ себя подъ вліяніемъ демона и жестоко страдалъ. Іоаннъ поспѣшилъ подать врачевство болящей душѣ друга сочиненіемъ *о Провидѣніи*, изложенномъ въ трехъ книгахъ. Первую изъ нихъ онъ написалъ именно тогда, когда еще и самъ былъ боленъ. почему и говоритъ въ ней Стагиру: „надлежало бы мнѣ теперь быть при тебѣ и принять участіе въ твоихъ скорбяхъ; но худое здоровье и головная боль принуждаютъ меня остаться дома". Оправившись нѣсколько отъ болѣзни и затѣмъ посвященный въ діакона, Іоаннъ, какъ полагаютъ, посѣщалъ Стагира и тогда написалъ въ утѣшеніе ему еще двѣ книги. Вообще въ сочиненіи о Провидѣніи Іоаннъ раскрываетъ двѣ главныя мысли: 1) что Богъ искушаетъ тѣхъ, кого любитъ, и 2) что страданія служатъ къ спасенію души. Нѣжное чувство сострадація, участливая рѣчь, искусство въ подборѣ и изложеніи примѣровъ испытанія и милосердія Божія надъ страдальцами придаютъ глубоко впечатляющую силу сочиненію, которое, безъ сомнѣнія, доставило уврачеваніе душѣ Стагира. Вскорѣ затѣмъ писана Іоанномъ книга въ утѣшеніе *молодой вдовѣ*, которую онъ утѣшаетъ мыслію о Промыслѣ Божіемъ и назидаетъ словами ап. Павла о высокомъ достоинствѣ цѣломудреннаго вдовства. Около того же времени писана имъ обширная и превосходная книга *о дѣвствѣ*, пріобрѣвшая широкую извѣстность среди современниковъ. Ко времени діаконства относится книга его *о св. Вавилѣ и противъ Іуліана и язычниковъ*. На основаніи мѣстныхъ преданій Іоаннъ краснорѣчиво изображаетъ подвиги этого славнаго антіохійскаго епископа и священномученика, говоритъ о его мощахъ, и воспроизводитъ памятныя ему и антіохійцамъ событія изъ времени пребыванія Іуліана въ Антіохіи, когда онъ, пытаясь поднять язычество, приказалъ удалить мощи Вавилы изъ его храма въ предмѣстіе Дафны и возста-

новить блескъ языческаго культа въ находившемся тутъ же капищѣ Аполлона, который однако же внезапно сожженъ ударомъ молніи въ знаменіе тщеты замысловъ отступника. Въ посмѣяніе надъ язычествомъ Іоаннъ дозволилъ себѣ привесть здѣсь монодію бывшаго учителя своего Ливанія, въ которой онъ оплакивалъ гибель Аполлонова капища. Закоснѣлость этого славнаго у язычниковъ ритора и борца за язычество оправдывала ревнителя вѣры въ такомъ поступкѣ его по отношенію къ бывшему учителю. Не забыта въ книгѣ и безумная попытка Іуліана возстановить іудейскій храмъ въ Іерусалимѣ. Ко времени діаконства Іоанна Сократъ относитъ и *Слова его о священствѣ*. Возможно, что Слова эти, писанныя ранѣе, назначавшіяся для друга Іоанна Василія и бывшія пока извѣстными только въ кругѣ ближайшихъ друзей, теперь предложены въ общую извѣстность, къ общему назиданію. Возможно, что Іоаннъ, теперь діаконъ, самъ восчувствовалъ потребность оживить въ своей душѣ, засвидѣтельствовать для другихъ свои мысли о священствѣ въ виду предстоявшаго ему пресвитерскаго сана.

Пробывъ десять лѣтъ въ званіи чтеца съ шестью изъ нихъ годами подвижнической жизни, а затѣмъ пять лѣтъ въ санѣ діакона, Іоаннъ на 39 году жизни возвышается до пресвитерства: рѣдкій примѣръ неспѣшнаго восхожденія по степенямъ свящ. служенія, назидательный особенно въ лицѣ мужа столько высокихъ дарованій и качествъ! И теперь не самъ онъ искалъ пресвитерства, а призванъ для сего любовію и благожеланіями святителя Флавіана и антіохійскаго клира и народа. Для святителя и народа съ мыслію о священствѣ Іоанна соединялась мысль объ учительствѣ, проповѣдничествѣ. Хотя доселѣ онъ и не говорилъ проповѣдей, но всѣмъ были извѣстны и его высокое образованіе и его учительскія дарованія, заявленныя въ писаніяхъ. Въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Александріи и Константинополѣ каждый священникъ имѣлъ право вмѣстѣ съ отправленіемъ священнослуженія проповѣдывать слово Божіе; а объ Антіохіи

самъ Златоустъ говоритъ. что должность проповѣдника возлагалась тамъ на болѣе образованныхъ изъ священства. „И теперь необразованнымъ изъ священниковъ поручаемъ мы должность крестить, а учительство (διδασκαλίον) поручаемъ мудрѣйшимъ (σοφότεροις), говоритъ самъ Златоустъ при объясненіи словъ апостола: *не посла бо мя Христосъ крестити, но благовѣстити* (1 Кор. 1, 17). А въ двухъ первыхъ проповѣдяхъ своихъ, сказанныхъ по рукоположеніи во пресвитера, онъ ясно выражается, что удостоенъ чести пресвитерства для того, чтобы быть проповѣдникомъ, что пресвитерство было для него призваніемъ на „*поприще учительства*".

Посвященіе Іоанна въ пресвитера состоялось предъ началомъ великаго поста 386 г. въ присутствіи многочисленнаго народа въ главномъ городскомъ храмѣ. Теперь же, по поставленіи, сказана имъ и первая проповѣдь въ ознаменованіе воспринятой должности. Эта, сравнительно небольшая, проповѣдь проникнута глубочайшимъ смиреніемъ. Начиная рѣчью о своемъ посвященіи, онъ выражается: „ужели истинно случившееся съ нами? и сбывшееся дѣйствительно сбылось, и мы не въ обольщеніи? И кто бы повѣрилъ тому, что убогій и отверженный юноша на виду всѣхъ вознесенъ на толикую высоту начальства?... Городъ, столь обширный и многолюдный, народъ чудный и великій жадно внимаетъ нашему убожеству, какъ будто услышитъ отъ насъ что-либо великое и превосходное... Боюсь, чтобы съ великимъ трудомъ собранныя нами для васъ мысли, скудныя, правда, и ничтожныя, отъ страха пришедши въ забвеніе, не исчезли бы и не улетѣли, оставя умъ нашъ пустымъ. Поэтому всѣхъ васъ, начальствующихъ и начальствуемыхъ, равно прошу, чтобы вы сколько навели на насъ страха стеченіемъ на слушаніе, столько же вдохнули въ насъ бодрости усердіемъ къ молитвамъ и умолили *Дающаго глаголъ благовѣствующимъ силою многою* (Пс. 67, 12) дать и намъ слово *въ отверзеніе устъ нашихъ* (Еф. 6, 19). Для васъ столь многихъ и великихъ, конечно, не трудно укрѣпить разслабленную страхомъ душу одного

юноши: вы и обязаны исполнить эту просьбу нашу, потому что для васъ же и мы отважились на такое дѣло,—для васъ и вашей любви, которая и насъ, не очень опытныхъ въ словѣ, убѣдила говорить и заставила выдти на поприще учительства... Итакъ, намѣреваясь *въ первый разъ* говорить въ церкви, я хотѣлъ начатки вступительной бесѣды посвятить Богу, давшему намъ сей языкъ: такъ бы и слѣдовало"... Объяснивъ, почему это слѣдовало бы, а также и то, что слова хваленія Господа Бога суть лучшая жертва Ему, лучшій начатокъ жертвы Ему, проповѣдникъ высказываетъ, что въ чувствѣ своей грѣховности онъ не дерзаетъ возноситься непосредственно къ восхваленію Господа и избираетъ другой способъ хвалить Его: хвалить сорабовъ Его, ибо чрезъ нихъ славится и Господь, какъ сказано: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ добрыя дѣла ваша и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ*... Итакъ, кого же изъ сорабовъ мы восхвалимъ? Кого же другого, какъ не общаго учителя отечества (т. е. святителя Флавіана), а чрезъ отечество—и всей вселенной? Ибо какъ онъ научилъ васъ стоять за истину до смерти, такъ и вы другихъ людей научили скорѣе разставаться съ жизнію, нежели съ благочестіемъ. Итакъ, хотите—сплетемъ ему изъ этого вѣнцы похвалъ?". Восхваливъ христіанскіе и пастырскіе подвиги святителя Флавіана, проповѣдникъ напомнилъ и о времени избранія его на епископство по кончинѣ св. Мелетія: „когда мы потеряли прежняго отца, который и сего родилъ намъ, наше положеніе было затруднительно. Поэтому и плакали мы горько, какъ бы не надѣясь, что этотъ престолъ получитъ другого такого мужа. Но когда сей явился и сталъ посреди, то разогналъ, какъ облако, всю оную скорбь, и все печальное закрывъ, прекративъ нашъ плачъ не постепенно, но вдругъ,—такъ, какъ будтобы блаженный оный самъ, вставши изъ гроба, взошелъ опять на сей престолъ"... Восхваливъ архипастыря, проповѣдникъ призываетъ паству къ молитвамъ о немъ и

о церкви: „помолимся о томъ, чтобы общая матерь наша пребывала непоколебима и неподвижна, и чтобы сей отецъ, учитель, пастырь и правитель прожилъ должайшія лѣта". Въ заключеніе всего, Іоаннъ проситъ у слушателей, которыхъ, по праву учителя, называетъ уже и *дѣтьми*, не только вниманія къ нему, но и молитвъ о немъ, чтобы, подкрѣпляемый ими, онъ могъ достойно выполнять принятое на себя дѣло церковнаго учительства и чтобы въ день суда могъ онъ дать отчетъ Господу въ должномъ употребленіи дарованнаго ему таланта и получить снисхожденіе на судѣ „благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Ему же слава и честь и держава и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь". Подобными выраженіями славословія Златоустъ любитъ заканчивать почти всѣ свои бесѣды и поученія.

Уже на этой первой проповѣди Іоанна сказались характеристическія черты его проповѣдничества. Съ глубокимъ созааніемъ своего призванія къ проповѣдничеству соединяется въ немъ смиренное чувство своей немощи, какъ вѣрнѣйшій залогъ совершенствованія и возмоганія въ проповѣдническомъ подвигѣ при содѣйствіи благодати Божіей. Выраженія этого чувства повторяются и въ ближайшихъ послѣ первой проповѣдяхъ его. Такъ во второй своей проповѣди (*о Серафимахъ*) Іоаннъ говоритъ: „большая скудость на трапезѣ нашей, однакожъ не скроемъ ее; мало и бѣдно все, что̀ есть у насъ, однако предложимъ вамъ". Немного позже, въ своей бесѣдѣ на *Бытіе* онъ выражается: „не на свои силы надѣясь, но поручая все молитвамъ предстоятелей (пресвитеровъ) и вашимъ, вступили мы на поприще учительства". Своею вступительною бесѣдою Іоаннъ сразу опредѣлилъ и свои отношенія, какъ проповѣдника, къ главному *предстоятелю церкви*, святителю Флавіану, облекшему его этимъ званіемъ. Это—отношеніе почтительной любви и уваженіе къ авторитету святителя, въ которомъ онъ не одинъ разъ и потомъ указываетъ своимъ слушателямъ *источникъ учительства*, мудрость правленія и т. п.

О св. Василіѣ Великомъ говорится въ житіи его, что будучи, въ санѣ пресвитера, назначенъ на должность проповѣдника епископомъ Кессаріи Каппадокійской Евсевіемъ, онъ славою своего проповѣдничества навлекъ было зависть епископа, такъ что предпочелъ на время даже уклониться отъ проповѣдничества. Іоаннъ былъ счастливѣе. Добрый и кроткій старецъ Флавіанъ, поставивъ своего бывшаго ученика на должность пресвитера - проповѣдника, только радовался его усердію, успѣхамъ и славѣ. Онъ самъ въ особенныхъ случаяхъ уступалъ ему слово, или лучше,—поручалъ пространнѣе и полнѣе разъяснить то, о чемъ самъ сказалъ кратко. Такъ, однажды требовалось опровергнуть превратное и соблазнительное для православныхъ толкованіе еретиками аномеями словъ Евангелія: *Сынъ ничто же о Себѣ творитъ, аще не видитъ Отца творяща.* На проповѣдь собрались православные и аномеи. Проповѣдь имѣлъ говорить самъ Флавіанъ. Іоаннъ, говорившій предъ тѣмъ проповѣдь въ крещальнѣ и довольно уставшій, спѣшилъ въ главную церковь слушать Флавіана. Но старецъ святитель ограничился краткимъ, какъ бы вводнымъ объясненіемъ этихъ словъ, и затѣмъ поручилъ проповѣдывать на тѣже слова Іоанну, зная, что этого желаетъ и народъ, смущаемый толками еретиковъ. Іоаннъ, хотя и усталый, повиновался и въ обширной бесѣдѣ прекрасно изъяснилъ упомянутыя слова и содержащееся въ нихъ православное ученіе. Наконецъ, своею первою, вступительною и ближайшими послѣ нея проповѣдями Іоаннъ проявилъ желанный характеръ своихъ отношеній къ слушателямъ, полагая въ основу его союзъ любви, по которому проповѣдникъ, ревнуя о просвѣщеніи, исправленіи и спасеніи слушателей, стремится своею мыслію и сердцемъ войти въ общеніе съ мыслями и сердцами слушателей, ожидая отъ нихъ не только вниманія, воспріимчивости, но и молитвеннаго содѣйствія его слову.

Такъ начавшись, проповѣдническое служеніе Іоанна въ Антіохіи продолжалось двѣнадцать лѣтъ съ 386 по 398

годъ. Прежде чѣмъ перейдемъ къ описанію характеристическихъ проявленій сего служенія и предметовъ проповѣдническаго учительства Іоанна, остановимъ вниманіе на двухъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ первые два года его проповѣдническаго служенія, не безъ основанія выдѣляемыхъ изъ всего ряда годовъ этого служенія. Событія эти имѣли значеніе въ дальнѣйшемъ опредѣленіи положенія Іоанна, какъ проповѣдника, въ отношеніи къ антіохійской церкви и вообще жителямъ Антіохіи.

Первымъ изъ нихъ было торжество чествованія памяти бывшаго святителя Антіохіи Мелетія. Съ именемъ Мелетія для Антіохіи связаны были воспоминанія о послѣдней борьбѣ христіанства съ язычествомъ, о борьбѣ православія съ аріанствомъ. Имя его служило знаменемъ единенія для того большинства православныхъ антіохійцевъ, отъ котораго продолжало сторониться меньшинство ихъ, существовавшее въ Антіохіи, подъ названіемъ Евстаѳіанъ—Павлинистовъ. Мелетій, какъ было сказано, скончался въ Константинополѣ во время вселенскаго собора 381 г. По желанію Антіохійцевъ, гробъ съ останками святителя тогда же привезенъ въ Антіохію. Съ той поры прошло пять лѣтъ. Надо полагать, что уже съ той же поры совершалось въ Антіохіи чествованіе памяти святителя, но безъ особеннаго торжества. Особенное торжество въ память святителя совершилось именно въ первый годъ проповѣдническаго служенія Златоуста [1]). Кажется, оно и устроилось подъ вліяніемъ Златоуста, который, лично связанный съ святымъ архипастыремъ, ревновалъ о торжественномъ чествованіи его, чтобы именемъ его укрѣпить союзъ вѣры и любви между право-

---

[1]) Златоустъ говоритъ, что отъ кончины Мелетія до этого торжества прошло *пять* лѣтъ, а Мелетій скончался въ февралѣ или (по др. извѣстіямъ) въ маѣ 381 г., слѣд. торжество происходило въ 386 г., въ которомъ незадолго до великаго поста Іоаннъ поставленъ въ пресвитера и началъ свое проповѣдническое служеніе.

славными антіохійцами болѣе численной и благоразумной части православнаго населенія Антіохіи и привлечь къ сему союзу и остальную часть, дать назиданіе и неправославнымъ. На этомъ торжествѣ сказалъ онъ похвальное слово Мелетію, въ главномъ епископскомъ храмѣ, въ виду гробницы Мелетія, въ присутствіи архіепископа Флавіана, клира и многочисленнаго народа. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ этого слова, въ частности тѣхъ, которыя знакомятъ насъ съ тогдашними своебразными обычаями въ знакахъ любви и почтительности антіохійцевъ къ своему святителю.

„Отовсюду объемля взоромъ сіе священное стадо и видя стекшійся сюда цѣлый городъ, я не знаю, кого прежде ублажать:—святаго ли Мелетія, и по смерти столько чтимаго; или васъ, которые показываете толикое усердіе къ усопшимъ пастырямъ своимъ?

„Блаженъ Мелетій, что успѣлъ во всѣхъ васъ поселить такую любовь къ себѣ!—Блаженны и вы, что храните сей залогъ любви неизмѣннымъ! Ибо не взирая на то, что протекло пять уже лѣтъ, какъ онъ преселился къ желанному Іисусу, вы поспѣшили къ нему нынѣ съ такою пламенною ревностію, какъ будто вчера, или только третьяго дня разстались съ нимъ. Посему счастливъ и онъ, имѣя такихъ чадъ; счастливы и вы, удостоившись имѣть такого отца! Отъ прекраснаго корня произрасли достойные его плоды. Какъ древесный корень, скрываясь въ нѣдрахъ земли, обнаруживаетъ свое качество чрезъ добрые плоды: такъ и блаженный Мелетій, почивающій въ сей гробницѣ, не будучи зримъ очами тѣлесными, теперь, какъ чрезъ плоды свои, являетъ чрезъ васъ силу благодати. И если умолчимъ мы, то настоящее торжество и пламенное усердіе ваше, громче всякой трубы, возвѣстятъ любовь святаго Мелетія къ чадамъ своимъ. Онъ такъ привлекъ къ себѣ ваши сердца, что при одномъ имени его они приходятъ уже въ радостный восторгъ...“ Затѣмъ проповѣдникъ оживляетъ воспо-

минаніе о начальномъ вступленіи на антіохійскую каѳедру, о борьбѣ его и паствы съ аріанами, о временахъ изгнанія Мелетія послѣдними изъ Антіохіи въ Арменію и выражается такъ: „какъ скоро святый Мелетій прибылъ въ вашъ городъ, каждый изъ васъ желалъ дать сыну своему имя Мелетія, думая чрезъ святое наименованіе какъ бы ввести святого въ домъ свой. Матери забывали тогда имена отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, и новорожденныхъ сыновъ своихъ нарекали именемъ блаженнаго Мелетія. Благочестивая ревность превозмогала природу. Дѣти, носившія такое имя, были любезны родителямъ не только по чувству любви родительской, но и по любви къ самому имени. По общему мнѣнію, сіе имя было украшеніемъ родства, благоденствіемъ дома, залогомъ счастія и спасенія для тѣхъ, кои носили оное... Оно вошло въ такое употребленіе, что слышимо было вездѣ—и на улицахъ, и на торжищахъ и на поляхъ и на дорогахъ".

„Но ваша ревность не ограничилась однимъ именемъ; она простерлась далѣе. Какъ почтили вы имя блаженнаго, такъ почтили и его самого. Многіе изъ васъ начертали святый его образъ на перстняхъ, на печатяхъ, на чашахъ, на стѣнахъ чертоговъ, дабы не только слышать имя, но и зрѣть всюду изображеніе святаго, и имѣть сугубое утѣшеніе въ разлукѣ съ нимъ. Ибо, по вступленіи его въ Антіохію, враги истины успѣли скоро изгнать его изъ города. Богъ же попустилъ сіе изгнаніе для двухъ причинъ, т. е. чтобы явить добродѣтель святаго, и вмѣстѣ засвидѣтельствовать ваше мужество. Извѣстно, что когда святый Мелетій прибылъ въ Антіохію, какъ Моисей въ Египетъ, то сталъ врачевать городъ отъ еретическаго поврежденія, и, отнявъ отъ тѣла Церкви согнившіе и не подававшіе надежды къ исцѣленію члены, возвратилъ ему совершенное здравіе. Это несносно было для враговъ истины; и они, возбудивши противъ него императора, изгнали его изъ города, думая восторжествовать чрезъ то надъ истиною, и опять

заразить городъ прежнею болѣзнію. Но случилось не то, чего они ожидали. Послѣ такого событія сильнѣе обнаружилась ваша ревность, и свѣтлѣе просіяла мудрость наставника: мудрость наставника, ибо святый Мелетій, въ теченіе тридцати дней, и то неполныхъ, успѣлъ столько утвердить васъ въ вѣрѣ, что, не смотря на множество свирѣпствовавшихъ бурь, вы остались непоколебимы; ваша ревность, поелику съ такимъ усердіемъ вы приняли сѣмена, посѣянныя имъ, въ продолженіе неполныхъ тридцати дней, что онѣ пустили глубокіе корни въ душахъ вашихъ, и послѣ не могли быть исторгнуты никакими искушеніями".

„Нельзя умолчать и о томъ, что случилось при самомъ изгнаніи. Когда начальникъ города, сидя въ колесницѣ съ святымъ Мелетіемъ, проѣзжалъ чрезъ площадь: тогда камни, какъ градъ, со всѣхъ сторонъ посыпались на главу градоначальника; ибо граждане не могли перенесть разлуки со святымъ, и лучше хотѣли лишиться преходящей жизни, нежели видѣть, какъ отторгаютъ отъ нихъ пастыря. Чтожъ сдѣлалъ тогда блаженный? Видя тучи бросаемыхъ камней, онъ покрылъ главу градоначальника своею одеждою! Такою чрезвычайною кротостію онъ постыдилъ враговъ своихъ, а ученикамъ своимъ преподалъ наставленіе, до какой степени должно простираться ихъ незлобіе;—научилъ ихъ не только не причинять зла своимъ гонителямъ, напротивъ—со всею готовностію защищать ихъ, когда угрожаетъ имъ опасность отъ кого-либо. Кто не изумлялся тогда, видя неограниченную любовь паствы, высокую мудрость пастыря, его смиреніе, его великодушіе? По истинѣ чудное дѣло! Изгоняли пастыря, а овцы не разбѣгались; низвергали кормчаго, а корабль не погружался въ море; удаляли вертоградаря, а виноградъ становился плодоноснѣйшимъ. Поелику узы любви связывали васъ съ пастыремъ, то ни искушенія, ни опасности, ни отдаленность мѣста, ни продолжительность времени—и ничто другое не могло отдѣлить васъ отъ сообщества съ блаженнымъ. Хотѣли удалить отца отъ дѣтей;

но вышло напротивъ: онъ сблизился съ ними тѣснѣйшею любовію, и отбылъ въ Арменію, какъ бы взявъ съ собою цѣлый городъ".

„Въ землѣ изгнанія святый Мелетій находился только тѣломъ: а сердце и духъ его, воспаряя на крыльяхъ благодати, всякій разъ переносились къ вамъ и обнимали своею внутренностію весь народъ антіохійскій. Тоже самое дѣлали и вы. Ибо, пребывая въ стѣнахъ сего города, вы ежедневно духомъ любви переносились въ Арменію, зрѣли тамъ лице святаго мужа, слушали сладостный и поучительный гласъ его, и послѣ того опять возвращались въ свое отечество. Вотъ для чего Богъ попустилъ ему потерпѣть скорое изгнаніе, т. е. чтобы показать, какъ я уже сказалъ, возставшимъ на васъ врагамъ твердость вашей вѣры и опытность учителя! Это видно изъ того, что святый Мелетій, возвратившись изъ своего заточенія, пробылъ съ вами уже не тридцать дней, но цѣлые мѣсяцы, и годъ, и два, и три, и болѣе. Вы явили несомнѣнное доказательство непоколебимости вашей вѣры, и Богъ снова даровалъ вамъ отца, дабы вы безъ опасенія наслаждались его присутствіемъ. И подлинно, величайшее было наслажденіе видѣть святое лице его! Не говоря о его ученіи, о его бесѣдѣ,—одинъ видъ его былъ уже достаточенъ, чтобы внушить правила добродѣтели душамъ тѣхъ, кои взирали на него".

„При возвращеніи же къ вамъ святаго Мелетія, весь городъ устремился къ нему навстрѣчу: одни тѣснились возлѣ него, прикасались къ ногамъ его, лобызали его руки, слушали его слова; а другіе, бывъ затрудняемы множествомъ стекшагося народа, смотрѣли на него издали, получая отъ одного воззрѣнія обильное благословеніе, и отходили въ домы свои со всякимъ довольствомъ, думая, что они, видѣвшіе его издалека, ничего не потеряли предъ тѣми, которые находились вблизи"...[1]).

---

[1]) Мелетій, какъ знаемъ, былъ не одинъ разъ удаляемъ изъ Антіохіи и

Сказавъ затѣмъ о присутствіи Мелетія на вселенскомъ соборѣ въ Царьградѣ, о проявившемся здѣсь глубокомъ уваженіи къ нему императора и отцевъ собора и о кончинѣ Мелетія во время собора, о печали антіохійской паствы при вѣсти о его кончинѣ и о плачѣ, съ какимъ встрѣчали въ Антіохіи привезенное изъ Царь-града святое тѣло почившаго архипастыря, Златоустъ продолжаетъ: „человѣколюбивый Богъ, сжалившись надъ нашею печалію, скоро даровалъ намъ другаго пастыря, который со всею вѣрностію изображаетъ въ себѣ свойства предшественника, и, подобно ему, представляетъ собою образецъ всякой добродѣтели. Лишь только вступилъ онъ на престолъ, мы тотчасъ сбросили съ себя печальныя одежды, отерли слезы свои; а между тѣмъ сходство добродѣтелей того и другаго снова возобновило въ насъ воспоминаніе о блаженномъ. Горесть исчезла, уныніе разсѣялось, но любовь возгорѣлась сильнѣе. Печаль о немъ прекратилась, но памятованіе о немъ не только не умалилось, но еще большую возъимѣло силу. Свидѣтели сему вы сами. Ибо не смотря на то, что со дня кончины святаго Мелетія протекло уже много времени, вы стеклись и окружили нынѣ мощи его, какъ пчелы, слетаясь, окружаютъ свои соты. Ваша любовь къ нему происходитъ не отъ влеченія природы, но основывается на здоровомъ сужденіи ума; посему-то она и не кончилась съ смертію его; не ослабѣла отъ времени, но еще болѣе возрасла и усилилась не только въ тѣхъ, которые видѣли его, но и въ тѣхъ, которые его не знали. Итакъ будемъ молиться всѣ вкупѣ, — начальники и подчиненные, жены и мужи, старцы и юноши, рабы и свободные, сдѣлавъ предстоятелемъ нашихъ молитвъ самого блаженнаго (ибо онъ имѣетъ нынѣ большее дерзновеніе къ Богу, и пламенѣетъ къ намъ

не одинъ разъ возвращался въ нее. Но Златоустъ говоритъ какъ будто только о двухъ случаяхъ изгнанія и возвращенія. Быть можетъ въ ораторской рѣчи онъ соединяетъ характеристическія черты различныхъ моментовъ епископства Мелетія и борьбы его и его паствы съ аріанами.

сильнѣйшею любовію), чтобы и наша любовь къ нему умножалась, и чтобы всѣ мы, подобно какъ здѣсь предстоимъ гробу его, такъ и тамъ удостоились быть близъ вѣчной обители его и получить уготованныя блага. Да будетъ сіе, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава и держава Отцу и Святому Духу во вѣки вѣковъ! Аминь".

Воздавъ похвалы Мелетію, восхваливъ и то единеніе вѣры и любви, какое проявилось въ торжествѣ чествованія ему, Іоаннъ въ ближайшихъ затѣмъ бесѣдахъ кротко, но властно обличалъ существовавшее въ Антіохіи раздѣленіе на партіи, строго порицалъ анаѳемы, произносимыя одною изъ нихъ на другую, призывая къ терпимости и незлобію. Такъ въ самомъ началѣ своего служенія онъ стремится къ возсозданію церковнаго единенія между вѣрующими, чтобы всѣмъ сдѣлать доступнымъ свое учительное слово.

Между тѣмъ не болѣе, какъ чрезъ годъ послѣ торжества памяти Мелетія, послѣдовало въ Антіохіи крайне печальное событіе, вызвавшее Іоанна на особенно усиленный подвигъ учительства. Предъ постомъ 387 г. произошло въ Антіохіи страшное возмущеніе, вызванное новымъ тяжелымъ налогомъ. Вообще подати и налоги были тяжелы въ тогдашней имперіи, взимались строго и съ притѣсненіями со стороны корыстолюбивыхъ сборщиковъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ сѣтованіе матери Іоанна Анѳусы и еще прежде Григорія Богослова [1]). Новый налогъ, вызванный потребностями войны, казался невыносимымъ. Явившіеся откуда то и бродившіе по городу подстрекатели ускорили взрывъ раздраженія и ропота. Ропотъ поднялся и среди богатыхъ и знатныхъ, потомъ во всемъ населеніи Антіохіи. Толпы бунтующихъ нападали на домъ префекта, ломали двери; затѣмъ бросились на статуи императора Ѳеодо-

---

[1]) Жизнь Св. Григорія Богослова въ Прибавленіяхъ къ Твор. св. Отцевъ ч. I. стр. 28. М. 1851 г.

сія и его жены (тогда уже умершей) Флациллы, опрокинули ихъ, влачили по площадямъ и улицамъ съ крикомъ и бранью. Власти, собравъ военную силу, усмирили бунтъ, арестовали многихъ, быстро казнили или заключали въ тюрьмы, чтобы подвергнуть допросамъ и пыткамъ. Народъ опамятовался, унялся отъ буйства, за то впалъ въ ужасъ и отчаяніе. Златоустъ еще до возмущенія предостерегалъ отъ него слушателей [1]). Когда бѣдствіе разразилось, онъ пораженный скорбію, молчалъ цѣлую недѣлю. Наконецъ въ субботу или воскресеніе сыропустной недѣли, Златоустъ, съ видомъ глубочайшей печали, выступаетъ на подвигъ увѣщанія и утѣшенія.

„Что мнѣ сказать, или о чемъ говорить“? такъ начинаетъ онъ свою первую бесѣду. „Время слезъ теперь, а не рѣчи, рыданій, а не словъ, молитвы, а не проповѣди. Содѣянное такъ велико, рана столь неисцѣльна, язва такъ глубока, что она выше всякаго врачества и требуетъ высшей помощи. Дайте мнѣ оплакать настоящее бѣдствіе. Семь дней молчалъ я, какъ друзья Іова: дайте мнѣ теперь открыть уста и оплакать это общее бѣдствіе. Кто пожелалъ зла намъ, возлюбленные? Кто позавидовалъ намъ? Откуда такая перемѣна? Ничего не было славнѣе нашего города; теперь ничего не стало жалче его. Народъ, столь тихій и кроткій, всегда покорный рукамъ правителей, теперь вдругъ разсвирѣпѣлъ такъ, что сдѣлалъ такія дерзости, о которыхъ и говорить неприлично. Плачу и рыдаю теперь—не о великости угрожающаго наказанія, а о крайнемъ безразсудствѣ сдѣланнаго... отъ плача прерывается голосъ мой, едва могу я открывать уста, обращать языкъ и произнести слово...“

---

[1]) Объ этихъ своихъ предостереженіяхъ Златоустъ говоритъ и въ своей первой бесѣдѣ по поводу возмущенія. При этомъ онъ напоминаетъ слушателямъ, что не разъ убѣждалъ ихъ унять богохульниковъ, мутившихъ народъ, изгнать какихъ-то пришельцевъ и бродягъ, нечестивцевъ и злодѣевъ, которые своими замыслами и дѣйствіями навлекутъ великое бѣдствіе на городъ.

Оплакавъ съ слушателями постигшее ихъ бѣдствіе, Златоустъ продолжаетъ: „на этомъ я и прекратилъ бы мое слово, ибо для скорбнаго сердца не прилично длинное слово. Но я надѣюсь, что разгоню мракъ вашей печали и освѣщу мысли ваши наставленіемъ. Обратитесь ко мнѣ сердцемъ вашимъ, приклоните ко мнѣ ухо ваше, оставьте горесть, обратимся къ ученію по прежнему. Какъ прежде мы приходили сюда всегда съ радостію, такъ и теперь, такъ поступимъ и теперь, полагаясь во всемъ на Бога. Это полезно вамъ для смягченія и самаго бѣдствія. Ибо если Господь увидитъ, что мы внимательны къ слову Его и не отвергаемъ Его наставленій въ это несчастное время, то Онъ скоро возьметъ насъ подъ свое попеченіе, даруетъ намъ покой и измѣнитъ настоящій плачъ въ радость. Христіанину должно отличаться отъ невѣрныхъ и, ободряясь надеждою на будущее, стоять выше нападенія золъ человѣчества. На камнѣ поставленъ вѣрный, и волны міра не могутъ поколебать его. Итакъ, возлюбленные, перестанемъ отчаяваться. Мы не столько заботимся о спасеніи своемъ, сколько создавшій насъ Богъ“...

Слова любви состраждущей и назидающей возымѣли дѣйствіе. Тяжкое, какъ камень, состояніе страха и отчаянія смѣнилось болѣе тихою и сознательною печалію и сокрушеніемъ, тѣмъ болѣе, что приближавшійся великій постъ напоминалъ о покаяніи. Антіохійцы стали усиленно посѣщать церковь и молиться о смягченіи бѣдствія, которое представлялось еще далеко не кончившимся.

Императоръ еще не зналъ о событіи въ Антіохіи. Съ донесеніемъ о немъ отправлены были сановники въ Константинополь. Опасенія, что императоръ, узнавъ о событіи, въ порывѣ законнаго гнѣва, предпишетъ новыя кары, опять повергли антіохійцевъ въ уныніе. Но тутъ принялъ на себя подвигъ ходатайства за виновныхъ старецъ архипастырь Флавіанъ. Онъ поспѣшилъ въ путь, въ надеждѣ опередить сановниковъ, везшихъ донесеніе. Своему пресвитеру проповѣднику онъ предоставилъ удерживать народъ

въ спокойствіи, по возможности утѣшать и назидать его на время своей поѣздки. Іоаннъ неутомимо подвизался въ этомъ дѣлѣ. Тотчасъ по отбытіи Флавіана, въ одинъ изъ дней первой недѣли великаго поста, онъ сказалъ вторую свою бесѣду, начавъ ее ободряющею рѣчью о самой поѣздкѣ святителя для ходатайства. „Когда посмотрю на этотъ престолъ, праздный и оставленный учителемъ, то вмѣстѣ и радуюсь и плачу: плачу потому, что не вижу здѣсь отца; радуюсь потому, что онъ отправился въ путь для нашего спасенія и пошелъ избавить столь многочисленный народъ отъ царскаго гнѣва. Это и для васъ украшеніе и для него вѣнецъ: для васъ украшеніе, что имѣете такого отца; для него вѣнецъ, что онъ такъ любвеобиленъ къ чадамъ, и оправдалъ самыми дѣлами то, что сказалъ Христосъ. Слыша, что *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. 10, 11), онъ пошелъ съ готовностію положить душу свою за всѣхъ васъ, хотя и многое препятствовало ему отправиться въ путь и принуждало его остаться здѣсь. Это, во первыхъ, его престарѣлыя лѣта, потомъ немощь тѣлесная, и время года и приближеніе святаго праздника (Пасхи), наконецъ сестра, которая у него одна и находится при послѣднемъ издыханіи. Но презрѣлъ и родство и старость и немощь и трудность времени и тягость путешествія, и всему предпочитая спасеніе, какъ юноша, летитъ старецъ, окрыленный нынѣ ревностію. Если Христосъ, говорилъ онъ, предалъ Себя за васъ; то какого извиненія будемъ достойны мы, которымъ вручено управленіе столь многочисленнымъ народомъ, если не рѣшимся и сдѣлать и потерпѣть все для безопасности ввѣренныхъ намъ?... хорошо понялъ онъ и то, что у него теперь дѣло не объ одномъ городѣ, но обо всемъ Востокѣ, ибо нашъ городъ есть глава и мать городовъ, лежащихъ на Востокѣ... И уповаю, что наши надежды будутъ благоуспѣшны; потому что Богъ не презритъ такого усердія и попеченія и не попуститъ, чтобы Его служитель возвратился безъ успѣха. Знаю, что какъ только онъ предста-

нетъ и увидитъ благочестиваго царя, то однимъ видомъ въ состояніи будетъ укротить гнѣвъ; потому что у святыхъ не только слова, но и самыя лица исполнены духовной благодати. А онъ исполненъ и великой мудрости, и, будучи свѣдущъ въ божественныхъ законахъ, скажетъ ему тоже, что и Моисей сказалъ Богу: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави*; *аще же ни*,—умертви и меня съ ними (Исх. 32, 32). Таково сердце святыхъ, что умереть съ своими чадами имъ пріятнѣе, чѣмъ жить безъ нихъ"... Далѣе Златоустъ много и съ необыкновенною находчивостію и силою распространяется о томъ, что̀ и какъ можетъ сказать святитель Флавіанъ императору, чтобы вымолить у него пощаду и прощеніе Антіохіи, и что̀, надо думать, и было предметомъ обсужденія между Флавіаномъ и Златоустомъ. Но, покончивъ съ ободреніемъ и утѣшеніемъ, Златоустъ переходитъ къ назиданію. Примѣнительно къ наступившему времени великаго поста, онъ поучаетъ о спасительности поста, о постѣ тѣлесномъ и духовномъ и подвигѣ покаянія и сокрушенія и пользуется случаемъ отъ тяготившей надъ слушателями мысли о теперешней временной винѣ ихъ предъ императоромъ перенести ихъ къ мысли о гораздо большихъ и постоянныхъ винахъ нашихъ предъ Богомъ. „Вотъ оскорбленъ человѣкъ, и мы всѣ въ страхѣ и трепетѣ, какъ нанесшіе оскорбленіе, такъ и тѣ, которые не чувствуютъ за собою никакой подобной вины. А Бога оскорбляютъ каждый день: что я говорю каждый день?—каждый часъ оскорбляютъ Его богатые, бѣдные, наслаждающіеся покоемъ и терпящіе скорбь, обижающіе и обижаемые,—и никто объ этомъ не подумаетъ. Потому то Онъ и попустилъ потерпѣть оскорбленіе сорабу, чтобы изъ бѣдствія, послѣдовавшаго за такимъ оскорбленіемъ, позналъ онъ человѣколюбіе Господа. Это оскорбленіе было теперь первое и единственное; но, не смотря на это, мы не надѣемся получить прощеніе. Но Бога мы прогнѣвляемъ каждый день, и нисколько не раскаяваемся, а Онъ все переноситъ со всякимъ долго-

терпѣніемъ. И хотя виновники настоящаго преступленія схвачены, посажены въ тюрьмы и наказаны; но мы все еще боимся. Оскорбленный еще не слышалъ о томъ, что̀ случилось, и не произнесъ суда,—а мы всѣ трепещемъ. А Богъ ежедневно слышитъ оскорбляющихъ Его, и однако же никто изъ виновныхъ предъ Нимъ не раскаявается, не смотря на то, что Онъ милосердъ и кротокъ. Оскорбленный нынѣ государь есть одного съ нами естества; притомъ въ первый разъ потерпѣлъ такое поруганіе, да и не въ собственномъ присутствіи; онъ не видалъ того и не слыхалъ, и однако никто изъ обвиненныхъ не получилъ прощенія. О Богѣ же ничего такого сказать нельзя. Различіе между Имъ и нами безконечно. Онъ всякій день терпитъ поруганія, Самъ видя то и слыша: но Онъ не посылаетъ грома для истребленія ругающихся надъ Нимъ , ни водъ для ихъ потопленія, но терпитъ все и обѣщаетъ прощеніе хулителямъ своимъ, если покаются... Итакъ хотя бы и все настоящее бѣдствіе обратилось въ утѣшеніе и радость; но я торжественно объявляю всѣмъ вамъ, что, не смотря на то, мы останемся въ томъ же страхѣ и должны будемъ пострадать несравненно болѣе настоящаго. Богъ обыкновенно поступаетъ такъ, что не тотчасъ посылаетъ наказанія, когда мы согрѣшаемъ, но даетъ намъ время покаяться и ожидаетъ нашего исправленія. Если же мы, не видя Его наказанія, подумаемъ, что грѣхъ нашъ прощенъ; то бѣдствія отъ Него посѣщаютъ насъ неожиданно".

Въ теченіе слѣдующей недѣли великаго поста Златоустъ опять говорилъ увѣщательныя и утѣшающія слова, изъ коихъ одно посвящено размышленію о смерти и вызвано ожившими толками и опасеніями, что антіохійцевъ ждутъ новыя казни тяжкія и смертныя. Смерть, учитъ проповѣдникъ, не должна быть страшна христіанамъ, которые имѣютъ надежду воскресенія и будущей жизни. Имѣя сію надежду, можешь ли бояться смерти, подобно невѣрующему? но ты скажешь: я смерти не боюсь, а боюсь, чтобъ не уме-

реть худо, насильственно, чтобъ у меня не отрубили головы. А развѣ Іоаннъ Креститель умеръ худо? И ему отрубили голову. Развѣ Стефанъ первомученикъ умеръ худо? Онъ побитъ камнями. Да и всѣ мученики не скончались ли отъ меча или огня, или брошены въ море, или свержены съ горы или отданы были на растерзаніе звѣрямъ? Не то худая смерть, когда умираемъ насильственно, но то, когда умираемъ во грѣхахъ. Слушай, что̀ говоритъ пророкъ: *смерть грѣшникомъ люта* (Пс. 33, 22). Не смерть насильственная люта, говоритъ онъ, но смерть грѣшниковъ; ибо для нихъ осужденіе вѣчное, муки вѣчныя. Но вы говорите,—мы не боимся умереть насильственно, а боимся умереть несправедливо, лишь по подозрѣнію въ томъ, въ чемъ мы не участвовали, а потерпѣть одно наказаніе съ преступниками". „Что ты говоришь? спрашиваетъ проповѣдникъ: развѣ ты хочешь умереть справедливо, по дѣламъ"? И затѣмъ разъясняетъ, что именно безвинная смерть и не должна быть страшна, ибо она вводитъ насъ въ общеніе съ ангелами и святыми. Если же мы боимся смерти, то потому, что не имѣемъ любви къ царству небесному, не стремимся къ будущей жизни, или потому, что живемъ неблагочестиво и не имѣемъ чистой совѣсти... При добродѣтели и чистой совѣсти не страшны никакія лишенія, страданія, ни самая смерть. „Итакъ перестань плакать о смерти, и плачь о грѣхахъ своихъ, чтобы омыть ихъ".

Но скоро страхъ опять поразилъ антіохійцевъ. Святитель Флавіанъ какъ ни спѣшилъ опередить сановниковъ, посланныхъ съ донесеніемъ о возмущеніи, но послѣдніе пришли ранѣе его. Императоръ Θеодосій, узнавшій отъ нихъ пока только о возмущеніи, но не о карахъ, уже понесенныхъ виновными, въ справедливомъ гнѣвѣ рѣшился строжайше покарать антіохійцевъ: далъ повелѣніе судить и казнить возмутителей смертію, лишить Антіохію преимуществъ столичнаго города области, грозилъ даже разрушить ее и обратить въ деревню. Для исполненія повелѣнія посланы въ

Антіохію два знатные сановника Геллебихъ и Кесарій. Преувеличенная молва, будто противъ Антіохіи снаряжено цѣлое войско, чтобы истребить городъ и всѣхъ жителей, довела ихъ до отчаянія, такъ что они собирались бѣжать. Златоустъ явился на каѳедру съ новою увѣщательною бесѣдою. „Не ищите спасенія въ бѣгствѣ, убѣгайте грѣха, удаляйтесь отъ злаго пути. Если сего убѣгать будемъ, то, хотя бы стали среди безчисленнаго войска, никто не сдѣлаетъ намъ вреда. А если не будемъ удаляться отъ зла, то хотя бы взошли на самыя вершины горъ,—и тамъ найдемъ враговъ безчисленныхъ"... Народъ не бѣжалъ, а проповѣдникъ продолжалъ ободрять его своими бесѣдами. Но затѣмъ опять прошелъ слухъ объ идущемъ будтобы къ Антіохіи войскѣ, и народъ опять собирался бѣжать. Златоустъ поспѣшилъ въ церковь, чтобы снова отклонять его отъ бѣгства. Сюда же вошелъ и префектъ города, бывшій изъ некрещенныхъ, также съ цѣлію отговаривать народъ отъ бѣгства. По выходѣ префекта изъ церкви, Златоустъ началъ свою бесѣду такъ: „Я хвалилъ начальника за то, что онъ, видя городъ въ смятеніи и жителей въ помышленіи о бѣгствѣ, вошелъ въ церковь и утѣшилъ васъ доброю надеждою: но я чувствую величайшій стыдъ, что вы, не смотря на столь многія мои увѣщанія, имѣете нужду въ постороннемъ утѣшеніи. Я желалъ, чтобы въ то время развер̃глась земля и поглотила меня, когда я слышалъ, что онъ говорилъ вамъ, то утѣшая васъ, то обвиняя за безвременную и безразсудную боязнь вашу. Не вамъ надобно принимать наставленіе отъ него; но вамъ надлежитъ быть наставниками невѣрныхъ. Св. Павелъ никакъ не допускалъ, чтобы вѣрные судились отъ невѣрныхъ (1 Кор. 6, 1)". Затѣмъ опять убѣждалъ слушателей къ терпѣнію и покорности волѣ Божіей, указывая на примѣръ Іова

Прибыли наконецъ Геллебихъ и Кесарій. Послѣ нѣкотораго колебанія *они приступили* къ суду и расправѣ. Судъ и расправа продолжались четыре дня въ концѣ третьей и

въ началѣ четвертой недѣли великаго поста. Это были страшные дни для Антіохіи. Златоустъ молчалъ въ эти дни и только оплакивалъ бѣдствія города. Но явились въ городъ, быть можетъ не безъ его участія, бывшіе сподвижники его—пустынники изъ окрестностей Антіохіи и смѣло возвысили голосъ, какъ ходатаи за опальныхъ, призывая судей къ милосердію. Суды, пытки и казни пріостановились и одинъ изъ судей Кесарій поспѣшно отправился въ Константинополь съ донесеніями къ Θеодосію. Волненіе въ обнадеженномъ городѣ стало утихать. Теперь Златоустъ опять явился на каθедру и „развернулъ предъ народомъ поразительную картину дѣлъ человѣческихъ", какъ выражается одинъ біографъ его [1]). „Я видѣлъ, говоритъ проповѣдникъ, какъ жены и дѣвицы, привыкшіе къ мягкой постели, лежали на голой землѣ; другія, которыя недавно пріобрѣли себѣ рабынь, евнуховъ и другія выгоды, вдругъ всего лишались, и съ громкимъ плачемъ повергались къ ногамъ другихъ, чтобъ испросить какое-либо пособіе себѣ. Я видѣлъ и въ памяти моей оживилось слово Соломона: *суета суетъ и всяческая суета*... Гдѣ было богатство, знатность, блескъ, покровительство друзей и всѣ выгоды жизни, тамъ все это обратилось въ ничто. Грѣхъ и нечестіе все опрокинули. Я видѣлъ, какъ матери смотрѣли на похищаемыхъ изъ ихъ домовъ сыновей и, не могши освободить ихъ, только смотрѣли на это и терзались. Я видѣлъ и, помышляя о страшномъ судѣ, говорилъ самому себѣ: если отъ людей, когда они осудятъ кого, не могутъ избавить осужденнаго ни мать, ни сестра, ни отецъ; то кто избавитъ насъ отъ осужденія на страшномъ судѣ? Кто скажетъ за насъ слово? Кто освободитъ насъ, когда повергнутъ насъ на муки нестерпимыя?"... Въ слѣдующіе дни и недѣли великаго поста Златоустъ продолжалъ свои бесѣды, обращая мысли и сердца народа на разные предметы христіанскаго

---

[1]) Преосв. Филаретъ, архіеп. черниговскій.

благочестія, но не опуская отъ времени до времени успокоивать и ободрять народъ отъ новыхъ приступовъ малодушія, возобновлявшихся подъ вліяніемъ мысли, что императоръ не умилостивится. Но Іоаннъ питалъ надежду на умилостивленіе.

Узнавъ изъ привезенныхъ Кесаріемъ донесеній о всемъ, что происходило въ Антіохіи, Θеодосій нѣсколько смягчился, не думая однако далеко простирать свои помилованія и отмѣнять прежнія опредѣленія о лишеніи Антіохіи ея прежнихъ правъ и преимуществъ. Но въ этотъ моментъ предсталъ царю съ своимъ ходатайствомъ святитель Флавіанъ, уже довольно прожившій въ Царь-градѣ въ скорбномъ ожиданіи удобнаго времени для ходатайства. Явившись въ царскую палату, гдѣ уже былъ Θеодосій, старецъ сталъ въ отдаленіи съ поникшею главою, съ опущеннымъ взоромъ. Онъ молчалъ и тихо плакалъ, представляя и себя какъ бы участникомъ въ преступленіи Антіохіи, или отвѣтственнымъ за ея вины. Самый этотъ видъ старца—святителя тронулъ сердце христіанскаго императора. Не гнѣвно, а спокойно началъ Θеодосій свою царскую рѣчь къ святителю. Напомнивъ о своемъ прежнемъ, особенномъ благоволеніи къ Антіохіи, о милостяхъ, ей оказанныхъ, Θеодосій въ краткихъ, но сильныхъ словахъ выразилъ, какъ глубоко возмутили его преступныя и оскорбительныя дѣйствія антіохійцевъ, неистовство которыхъ простерлось не только на живыхъ (т. е. самого Θеодосія), но и на мертвыхъ (т. е. Флациллу, покойную жену Θеодосія) Съ слезами и вздохами выслушавъ императора, святитель началъ затѣмъ свою рѣчь. Эта обширная и превосходная рѣчь составлена, какъ полагаютъ, Златоустомъ или при его главномъ участіи, такъ что онъ въ своихъ бесѣдахъ не напрасно успокаивалъ антіохійцевъ намеками на то, чтó и какъ скажетъ императору святитель Флавіанъ. Приведемъ главныя мысли изъ этой, по истинѣ образцовой, рѣчи.

„Признаемся, государь, и не можемъ не признать той

любви, какую оказалъ ты отечеству нашему; посему-то такъ горько и плачемъ, что темныя силы позавидовали столько возлюбленному тобою отечеству нашему, и мы сдѣлались неблагодарными предъ благодѣтелемъ, чрезвычайно оскорбили возлюбившаго насъ". Начавъ такъ, святитель изображаетъ всю виновность Антіохіи, нисколько не умаляя ея, и выражаясь, что и при самыхъ страшныхъ карахъ Антіохія еще не довольно была бы наказана за свое преступленіе. Она наказана уже и сама собою—тѣмъ общимъ позоромъ, какой навлекла она на себя въ глазахъ вселенной, который чувствуютъ антіохійцы, не смѣя смотрѣть въ глаза людямъ, взирать и на самое солнце. Изобразивъ неизмѣримость бѣдствія Антіохіи, какимъ есть самое преступленіе ея, святитель живописуетъ предъ царемъ образъ безпредѣльной любви и милосердія Бога, не погубившаго во гнѣвѣ своемъ человѣка, падшаго по внушенію діавола, но разрушившаго злобу врага своимъ милосердіемъ. Послѣ прекрасныхъ словъ о величіи человѣколюбія и милосердія, какъ лучшемъ, богоподобномъ украшеніи въ царскомъ вѣнцѣ, и значеніи живѣйшей и могущей стать на вѣки памятною благодарности, какая воздвигается въ сердцахъ антіохійцевъ дѣломъ прощенія и милости и будетъ цѣннѣе всякой мѣдной, золотой или каменной статуи, святитель приводитъ царю на память великодушный поступокъ блаженнаго Константина царя. „Утверждаютъ о блаженномъ Константинѣ, что когда нѣкоторые бросали камни въ его изображеніе, и когда многіе побуждали его наказать оскорбителей его, представляя, что они все лице его изранили камнями, то онъ, осязая рукою лице свое и нѣсколько улыбнувшись, сказалъ: *я не чувствую никакой раны на моемъ лицѣ, у меня цѣла и вся голова, цѣло и все лице.* Это изреченіе его и донынѣ всѣ произносятъ. Долгое время не истребило изъ памяти сего великодушія царя. Не славнѣе ли оно многихъ трофеевъ!.." Напомнивъ Ѳеодосію и его собственныя дѣла милосердія, святитель выражается, что чело-

вѣколюбивое прощеніе Антіохіи будетъ подвигомъ болѣе славнымъ, чѣмъ могъ бы быть подвигъ спасенія имъ города отъ нашествія варваровъ... Подвигъ христіанскаго прощенія въ христіанскомъ государствѣ послужитъ къ славѣ самой вѣры христіанской въ глазахъ іудеевъ, язычниковъ и варваровъ... Воистину великъ Богъ христіанскій! скажутъ они... Устраняя опасенія и рѣчи о томъ, будто прощеніе Антіохіи послужитъ соблазномъ для другихъ городовъ, которые станутъ пренебрегать властью царя, святитель говоритъ, что могущество власти его сказалось во всей силѣ уже на томъ мертвенномъ страхѣ, въ какой повержены антіохійцы, что и далѣе величіе ея можетъ сказаться далеко не такъ на разрушеніи города и казненіи виновныхъ (ибо это легко), какъ именно на прощеніи ихъ, что̀ свойственно только одному государю и никому другому. Держать городъ въ страхѣ всегда не трудно, но расположить къ себѣ сердца всѣхъ жителей его,—это вообще трудно, теперь же именно это легко достигается великодушнымъ прощеніемъ. Съ дерзновеніемъ, свойственнымъ его сану и возрасту, святитель ставитъ на видъ и значеніе своего ходатайства: „представь себѣ, государь, какъ будетъ удивительно для всѣхъ потомковъ, что между тѣмъ какъ столь великій городъ сдѣлался достойнымъ казни и мщенія, какъ всѣ пришли въ страхъ и трепетъ военачальники, правители, судіи, и никто не смѣлъ сказать слова о несчастныхъ: тогда предсталъ за нихъ одинъ старецъ Божій, облеченный святительствомъ, и однимъ ходатайствомъ своимъ преклонилъ на милость государя, такъ что государь, по уваженію къ закону Божію, для одного старца сдѣлалъ то, чего не сдѣлалъ ни для одного изъ своихъ подданныхъ. Антіохія доставила тебѣ, государь, немалую славу уже тѣмъ, что въ посольство къ тебѣ употребила меня, ибо жители ея обнаружили превосходную и прекрасную мысль о тебѣ, что ты, во всей подвластной тебѣ державѣ, болѣе всѣхъ уважаешь священниковъ Божіихъ, хотя бы они были и

не знатны. Впрочемъ, я пришелъ къ тебѣ, государь, не отъ однихъ антіохійцевъ. Еще прежде прошенія ихъ, посланъ я отъ Господа, Ангеловъ и человѣковъ сказать всемилостивѣйшему сердцу твоему: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ Вашъ небесный* (Матѳ. 6, 10). Вспомни тотъ день, въ который всѣ должны будемъ дать отчетъ въ дѣлахъ; помысли, что если и ты согрѣшилъ въ чемъ предъ Господомъ, то милостивымъ твоимъ опредѣленіемъ можешь нынѣ омыть твои согрѣшенія... Умоляю тебя подражать твоему Господу, Который, будучи ежедневно оскорбляемъ нами, не перестаетъ подавать всѣмъ блага свои. Не постыди меня въ надеждѣ и не отвергни моего предстательства. Наконецъ заявляю предъ тобою, государь, что если благоволишь оставить справедливый гнѣвъ и принять городъ въ прежнее благоволеніе; то я возвращусь въ него весьма охотно. Но если откажешь въ благоволеніи, то я не только не возвращусь въ городъ и не увижу его, но и брошу его навсегда и пристану къ какомъ-либо другомъ городѣ. Я не хочу жить въ такомъ отечествѣ, къ которому ты, при всемъ твоемъ человѣколюбіи и при всей несравненной твоей кротости, не можешь имѣть благоволенія".

Императоръ слушалъ рѣчь святителя съ сердцемъ болѣе и болѣе растроганнымъ; едва удерживалъ онъ слезы, не разъ появлявшіяся на его очахъ, наконецъ прослезился отъ всего сердца, когда утихъ голосъ святителя. Послѣ минутнаго молчанія, сказалъ: „если и Господь вселенной, Который для насъ сошелъ на землю, для насъ принялъ зракъ раба и былъ распятъ облагодѣтельствованными Имъ, молился за распинателей Отцу Небесному: *Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ*, то какъ не простить ругавшихся надо мною мнѣ, подобному имъ, человѣку"!

Слова императора были уже объявленіемъ прощенія. Святитель принесъ живѣйшую благодарность императору. Приглашенный на царскій обѣдъ, святитель во время обѣда, какъ разсказываетъ историкъ Созоменъ (кн. VII, гл.

23), пѣлъ стихи, въ которыхъ выражались отчаяніе и покаяніе антіохійцевъ. Святитель просилъ еще императора дозволить ему отпраздновать съ нимъ Пасху въ Константинополѣ. Но Θеодосій побуждалъ его не медлить отъѣздомъ въ Антіохію. „Я знаю, сказалъ императоръ, что сердца ихъ теперь разстроены и многія бѣды еще продолжаются. Поѣзжай же, утѣшь ихъ. Увидѣвъ тебя, своего кормчаго, они забудутъ минувшую бурю и все бѣдствіе изгладятъ изъ памяти“.

Къ празднику Пасхи Флавіанъ возвратился въ Антіохію и привезъ радость паствѣ. Радость была всеобщая и живѣйшая. Антіохійцы украсили торговую площадь вѣнками, улицы освѣтили факелами. Въ праздникъ Пасхи святитель совершилъ торжественное служеніе. Златоустъ прочелъ народу рѣчь святителя императору и рескриптъ императора, объявлявшій прощеніе, прекращеніе суда и казней, возвращеніе Антіохіи ея преимуществъ, какъ митрополіи или столицы области, и даже обычной годовой раздачи хлѣба бѣднѣйшимъ классамъ населенія. Но проповѣдникъ не преминулъ преподать и наставленія жителямъ въ пасхальной бесѣдѣ. „Вы украсили торжище вѣнками и освѣтили улицы факелами: но отнынѣ поступайте всегда иначе. Украшайте самихъ себя не цвѣтами, а добродѣтелію; освѣщайте душу вашу добрыми дѣлами. Радуйтесь всегда духовною радостію и благодарите Бога не только за прекращеніе бѣдствій, но и за то, что Онъ послалъ ихъ. И о всемъ томъ *повѣдите чадомъ вашимъ, и чада ваши чадомъ своимъ, и чада ихъ роду другому* (Іоил. 1, 3) [1]).

Событіе 387 года, не смотря на всѣ бѣдствія его, послужило къ славѣ христіанства и православія въ Антіохіи. Среди бѣдствій этого страшнаго времени обнаружились мужество такихъ заступниковъ за народъ, какъ антіохійскіе

---

[1]) Всѣхъ бесѣдъ Златоуста, надписываемыхъ въ изданіяхъ бесѣдами „о статуяхъ“, т. е. по поводу антіохійскаго возмущенія, считается 19, но собственно 17 изъ нихъ относятся къ этому времени и событію. Въ переводѣ на русскій языкъ онѣ помѣщены въ „Хр. Чтеніи“ 1848 г.

пустынники, самъ Златоустъ и святитель Флавіанъ, и малодушіе и трусость философовъ, которые при общемъ бѣдствіи первые обратились въ бѣгство. „Гдѣ теперь, говорилъ Златоустъ, эти мнимые философы, которые только по костюму похожи на философовъ, которые носятъ длинныя мантіи и щеголяютъ своими длинными бородами, съ палками въ правой рукѣ? Гдѣ тѣ презрѣнные циники, подобно собакамъ, подстерегающіе кость на столѣ своего господина,—люди, которые думаютъ только объ удовлетвореніи своей чувственности? Пришла опасность,—и они всѣ оставили городъ, они убѣжали изъ него съ большою поспѣшностью, они пошли искать безопасности въ глубинѣ пещеръ“. Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что бывшій учитель Іоанна Ливаній не послѣдовалъ примѣру другихъ философовъ. Напротивъ, онъ также ходатайствовалъ за антіохійцевъ предъ Ѳеодосіемъ, сложилъ въ этомъ смыслѣ длинную рѣчь къ нему, а языческій писатель Зосима приписываетъ этой рѣчи даже и самое спасеніе Антіохіи. Послѣднее утвержденіе есть уже самохвальство языческое. Поступокъ Ливанія, конечно, добрый поступокъ. Но ни рѣчь Ливанія, блиставшая болѣе риторическимъ искусствомъ и тонкостями діалектики, чѣмъ внутреннею силою и сердечностію, ни самъ онъ лично—далеко не имѣли и не могли имѣть предъ христіанскимъ императоромъ такого значенія, какъ рѣчь Флавіана, дышавшая неотразимою силою христіанскаго, сердечнаго слова и какъ личное предстательство старца святителя. Вообще обстоятельствами страшнаго событія 387 года, потрясшаго и сердца язычниковъ, и исходомъ его Златоустъ не преминулъ воспользоваться, чтобы показать различіе между язычествомъ и христіанствомъ, которое дало своимъ послѣдователямъ столько помощи къ перенесенію бѣдствія и затѣмъ къ избавленію отъ него. На это различіе онъ указывалъ въ ближайшей бесѣдѣ къ оглашеннымъ изъ язычниковъ, самое обращеніе которыхъ къ христіанству, вѣроятно, и было если не вызвано, то подвинуто

минувшимъ бѣдствіемъ и его исходомъ. Но бѣдствіе 387 г. и подвигъ Златоуста во время бѣдствія наиболѣе повліяли на укрѣпленіе его нравственнаго союза съ православными антіохійцами, съ которыми онъ переживалъ всѣ тяжкіе моменты бѣдствія, отзываясь на каждый изъ нихъ словомъ назиданія и утѣшенія и увѣнчавъ свой подвигъ радостнымъ возвѣщеніемъ о прекращеніи бѣдствія. Теперь именно достигло высшаго обнаруженія его значеніе, какъ всенароднаго, церковнаго учителя Антіохіи. Съ этого же времени проповѣдническое слово его, прошедшее чрезвычайное упражненіе въ *девятнадцати* сряду сказанныхъ бесѣдахъ по поводу событія 387 г., сохраняя свойства любви, кротости, простоты и живости, пріобрѣло черты нѣкоторой властности, господственности учителя надъ учениками, отца надъ дѣтьми. Однако въ теченіи этого слова теперь же наступилъ нѣкоторый, хотя и краткій перерывъ. Бывшее напряженіе среди трудовъ и бѣдствій отозвалось на здоровьѣ проповѣдника, такъ что послѣ Пасхи 387 г. онъ чувствовалъ себя больнымъ и не могъ проповѣдывать нѣсколько дней мученическихъ. Возвратясь къ подвигу проповѣдничества на пятой недѣлѣ послѣ Пасхи, онъ спустя нѣкоторое время опять былъ боленъ и опять прервалъ свои бесѣды. Съ августа 387 г. онъ безъ перерывовъ подвизается въ дѣлѣ проповѣди. Съ слѣдующаго года проповѣдничество его принимаетъ еще болѣе ровное и послѣдовательное теченіе, хотя временами и прерываемое подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, или видоизмѣняющееся по ихъ требованію. Переходимъ къ общему описанію проповѣдничества Іоанна, какъ главнаго подвига пресвитерскаго служенія его въ Антіохіи.

О проповѣдяхъ Златоуста и вообще о его учительныхъ твореніяхъ выражаются обыкновенно, что они — неисчислимы, что дошедшее къ намъ количество ихъ, какъ оно ни велико, далеко еще не обнимаетъ всего того, что вышло изъ устъ и изъ подъ пера великаго учителя. Имѣя здѣсь въ

виду только тѣ изъ нихъ, которыя относятся ко времени его пресвитерства въ Антіохіи, ограничимся лишь общимъ обозначеніемъ главныхъ предметовъ, на которыхъ сосредоточено было устное и письменное учительство Іоанна [1]).

1. Наиболѣе общимъ предметомъ и постоянною основою всего устнаго учительства Златоуста было *изъясненіе священнаго писанія Ветхаго и особенно Новаго завѣта.* Воспитанникъ антіохійской школы, въ которой попреимуществу упражнялись въ изъясненіи Св. Писанія, усердно изучавшій его и дома и въ школѣ, и въ пустынѣ, и во время діаконства, Іоаннъ обладалъ превосходнымъ и глубокоосновательнымъ знаніемъ. Еще въ ту раннюю пору своей жизни (какъ основательно полагаютъ нѣкоторые изъ патрологовъ) онъ составилъ для домашняго употребленія отчетливое обозрѣніе (προθεωρία) содержанія каноническихъ книгъ В. и Н. Завѣта и частное обозрѣніе книгъ Пятокнижія, Іисуса Навина, Судей, 4 Книгъ Царствъ, Іова, 4 большихъ и 7 малыхъ пророковъ [2]). Въ пресвитерствѣ, послѣ первыхъ проповѣдей, сказанныхъ предъ великимъ постомъ, когда состоялось его рукоположеніе, онъ съ наступленіемъ поста тотчасъ началъ свои бесѣды на *Бытіе*, какъ на первую книгу священнаго канона. Прервавъ ихъ для бесѣдъ по другимъ предметамъ,

---

[1]) Патрологи много трудились надъ установленіемъ хронологическаго порядка бесѣдъ и твореній Златоуста и достигли въ этомъ отношеніи достаточно опредѣлительныхъ выводовъ. Установленіе этого порядка имѣетъ, конечно, важное значеніе и для жизнеописанія Іоанна. Важно оно и для характеристики Іоанна, какъ проповѣдника и учителя. Такъ напр. оно даетъ видѣть, что неутомимый и неумолкавшій проповѣдникъ часто принуждаемъ былъ прерывать начатые ряды бесѣдъ по одному предмету для проповѣди по другимъ предметамъ и вопросамъ, вызываемымъ обстоятельствами, возвращался къ прерванному ряду бесѣдъ и, послѣ новыхъ перерывовъ, доводилъ его до конца. Въ настоящемъ случаѣ намъ представляется болѣе удобнымъ обозрѣвать бесѣды, слова и вообще учительныя произведенія Іоанна не въ хронологическомъ порядкѣ, а въ порядкѣ главныхъ предметовъ его учительства.

[2]) Признается вообще, что это обозрѣніе не окончено самимъ Златоустомъ и въ послѣдствіи было дополнено другим и изъ другаго источника.

онъ въ дни Пятидесятницы и нѣсколько разъ потомъ возвращался къ бесѣдамъ на *Бытіе*, окончивъ ихъ въ октябрѣ 386 г. Позже, въ разное время, сказывалъ онъ свои истолковательныя бесѣды на псалмы, книгу Іова, части книги пр. Исаіи и нѣкоторыхъ другихъ изъ большихъ и малыхъ пророковъ. Сверхъ того, для отдѣльныхъ словъ и бесѣдъ онъ бралъ предметы изъ В. Завѣта, каковы его слова: объ Іовѣ, объ Аннѣ и Самуилѣ, Давидѣ и Саулѣ, Маккавеяхъ и проч. Бралъ для бесѣдъ и общіе вопросы экзегетики В. Завѣта, каковы, напр., двѣ бесѣды его о *темнотѣ пророчествъ*, сказанныя въ великій постъ 386 г. между бесѣдами на *Бытіе*. Но обильнѣе были изъяснительныя бесѣды его на книги Новаго Завѣта. Во время пресвитерства имъ объяснены евангелія *Матөея и Іоанна*, отчасти *Дѣянія апостольскія*, посланія св. Ап. Павла къ *Римлянамъ* къ *Коринөянамъ*, *Галатамъ*, *Ефессянамъ*, къ *Тимоөею и Титу* (Другія посланія объяснены уже позже во время епископства). Много было и отдѣльныхъ бесѣдъ и словъ его на лица и предметы изъ новозавѣтной исторіи и на трудные, или же превратно толкуемые тексты изъ новозавѣтныхъ книгъ. Понятно, что проповѣди по изъясненію Свящ. Писанія имѣли почти всегда форму *бесѣдъ*, изъ коихъ каждая состоитъ изъ двухъ частей: объясненія текста слова Божія въ первой и нравственныхъ примѣненій или наставленій во второй. Въ объясненіи текста Златоустъ обращалъ строгое вниманіе на буквальный смыслъ его и ясную связь мыслей. Это было сообразно съ духомъ антіохійской школы, ея славныхъ представителей Лукіана и Діодора и съ свойствами собственной мысли Іоанна, отличавшейся простотою, ясностію, опредѣлительностію. Въ толкованіяхъ на В. Завѣтъ онъ мѣстами считалъ нужнымъ обращаться къ подлиннику, къ свойствамъ еврейскаго языка, ссылаясь на знатоковъ его. Думаютъ, впрочемъ, что, какъ сирійскій грекъ, онъ зналъ сирійскій языкъ, помогавшій ему понимать свойства языка еврейскаго, къ тому же онъ пользовался переводами Акилы, Симмаха и Өеодотіона.

Допуская, кромѣ буквальнаго, смыслъ аллегорическій, таинственный (напр. въ пророчествахъ о Христѣ), онъ, подобно учителю своему Діодору, умѣлъ и училъ ограничивать предѣлы его. При толкованіи книгъ Н. Завѣта, которымъ занимался болѣе, чѣмъ Ветхимъ, онъ чувствовалъ себя въ полномъ обладаніи экзегетическихъ средствъ, начиная съ совершеннѣйшаго разумѣнія греческаго языка, въ которомъ умѣлъ различать особенности, свойственныя тексту Н. Завѣта. Вникать въ ясную логическую и предметную связь мыслей было однимъ изъ любимыхъ пріемовъ его толкованій. „Не надобно, говоритъ онъ, просто схватываетъ слова Писанія и вырывать ихъ изъ связи и изъ сродства содержанія; не надобно брать голыя слова, лишая ихъ помощи со стороны предыдущаго и послѣдующаго... Ибо, если въ судахъ, гдѣ разсуждаемъ о дѣлахъ мірскихъ, мы выставляемъ все, служащее къ оправданію—и мѣсто и время и причины и лица и весьма многое другое: то не нелѣпо ли тогда, какъ предлежитъ намъ подвигъ за жизнь вѣчную, приводить слова Писанія просто, какъ случилось“ и проч. Онъ хотѣлъ, чтобы въ его толкованіяхъ участвовали своими мыслями и сами слушатели. „Одной милости прошу у васъ прежде, нежели приступлю къ словамъ евангельскимъ, прошу—не откажите же въ просьбѣ. Не важнаго и не тяжелаго требую, и, если получу, польза отъ того не для меня только, но и для васъ, или лучше,—далеко больше для васъ. Чего же прошу, васъ? Того, чтобы во едину отъ субботъ или въ самую субботу ту часть евангелія, которую надобно вамъ слушать въ проповѣди, каждый имѣлъ въ рукахъ, часто читалъ дома, часто испытывалъ и изслѣдовалъ слова и замѣчалъ бы, что̀ ясно и что́ темно покажется, что́ представится противорѣчущимъ, или непротиворѣчущимъ, и, испытавъ такимъ образомъ, приходилъ слушать проповѣдь“. Прекрасный совѣтъ для всѣхъ временъ! Конечно, и тогда не всѣ могли всегда и вполнѣ исполнить его. Но толкователь обладалъ неподражаемымъ искусствомъ въ са-

мыхъ бесѣдахъ своихъ держать мысли и сердца слушателей въ живомъ общеніи съ собственною мыслію и сердцемъ, вызывая ихъ къ тому своими обращеніями, вопросами и разными ему одному свойственными пріемами собесѣдовательной рѣчи. Но наибольшею помощію Іоанну въ изъясненіи Св. Писанія были его святое настроеніе, благоговѣніе и чистое разумѣніе христіанскаго ученія, а отсюда его способность мыслію и сердцемъ воспринимать смыслъ слова Божія, воспринимать высшее озареніе благодати, *отверзающей ему умъ разумѣти писанія*, и вводить другихъ въ разумѣніе его. Вотъ почему толкованія Златоуста и именно въ его бесѣдахъ считались и считаются образцемъ толкованій. Многіе еще въ древности выражались, что въ толкованіяхъ Златоуста слышится голосъ и духъ самихъ священныхъ писателей, имъ изъясняемыхъ, наитіе Духа Божія, Духа Христова. „Если бы, говоритъ св. Исидоръ Пелусіотъ, божественный Павелъ захотѣлъ языкомъ аттическимъ объяснять себя самого; то онъ не иначе сталъ бы толковать, какъ толковалъ его Златоустъ". „Помните Іоанна, писалъ преп. Іоаннъ Кассіанъ, того Іоанна, который точно, подобно Іоанну Евангелисту, апостолу Іисусову, возлежалъ всегда на персяхъ Господа и внималъ глаголамъ Его". Св. Димитрій Ростовскій, въ словѣ на день Златоуста, съ услажденіемъ приводитъ слова о немъ, найденныя въ одной старопечатной Минеѣ: „Златоустовы уста—Павловы уста, Павловы уста—Христовы уста, убо Златоустовы уста—Христовы уста". Еще замѣчаніе о нравственной части истолковательныхъ бесѣдъ Златоуста. Въ томъ видѣ, въ какомъ она является у него, она составляетъ особенность Златоуста. Нравственныя примѣненія составляютъ не только постоянную принадлежность истолковательныхъ бесѣдъ его, но нерѣдко превосходятъ обиліемъ содержанія и самымъ объемомъ собственно истолковательную часть ихъ. Это происходило не только отъ общаго взгляда его на нравственное преспѣяніе, какъ на вѣнецъ всякаго духовнаго развитія, но и изъ того

убѣжденія, что Священное Писаніе само въ себѣ просто и понятно, что слѣдовательно требуется болѣе всего воспринимать его ученіе и примѣнять къ жизни. „Благодать Св. Духа, говоритъ онъ, потому устроила такъ, чтобы священныя книги были написаны мытарями, рыбарями, скинотворцами, пастухами, людьми простыми и неучеными,— дабы для всѣхъ понятно было читаемое, дабы и ремесленникъ и слуга и вдова и самый малосмысленный человѣкъ пріобрѣтали какую-нибудь пользу отъ слушанія. Ибо не для суетной славы, а для спасенія слушающихъ писали тѣ, коихъ Богъ удостоилъ благодати Св. Духа... Въ самомъ дѣлѣ, кому непонятно все, что написано въ Евангеліи? Кто слыша: *блаженны кроткіе, милостивые, чистые сердцемъ* и другое сему подобное, будетъ имѣть нужду въ учителѣ, чтобы уразумѣть это? А знаменія, чудеса, повѣствованія не каждому ли ясны и понятны“? Если такъ, то настоитъ болѣе всего думать и трудиться надъ примѣненіемъ къ жизни. Въ развитіи нравственныхъ примѣненій Златоустъ обнаруживаетъ неистощимую изобрѣтательность. „Чтó можно, замѣчаетъ русскій патрологъ, извлечь изъ этихъ словъ апостола: *цѣлуйте Акиллу и Прискиллу*? Но Златоустъ на эти слова говорилъ два превосходныхъ слова о любви къ уничиженнымъ міра“. Обиліе и выразительность нравственныхъ примѣненій въ бесѣдахъ Златоуста зиждется на его знаніи жизни, на его особенномъ умѣньи, по подобію евангельскихъ притчъ, возводить слушателя въ міръ духовныхъ, нравственныхъ отношеній образами и явленіями изъ обыденной жизни. Впрочемъ, о нравственномъ ученіи Златоуста предложимъ нѣсколько замѣчаній еще ниже, а теперь продолжимъ обозначеніе отдѣльныхъ предметныхъ сторонъ его учительныхъ словъ и бесѣдъ.

2. Изъ текущаго ряда истолковательныхъ бесѣдъ выдѣляются его слова и бесѣды на великіе годичные праздники Рождества Христова, Крещенія, Пасхи, Вознесенія, Пятидесятницы, Воздвиженія креста и др., также и избранные

дни св. Четыредесятницы и страстной недѣли. Въ словахъ на Господскіе праздники чаще преобладаетъ догматическое ученіе, напр. въ день Рождества Христова—о Божествѣ и воплощеніи Сына Божія, въ день Пятидесятницы о Божествѣ и дарахъ Св. Духа, съ глубоко-назидательнымъ для всѣхъ временъ объясненіемъ того, почему теперь не видно такихъ обильныхъ знаменій и чудесъ, какъ въ дни апостольской церкви, и т. под. Другія праздничныя слова проникнуты благоговѣйнымъ созерцаніемъ таинъ божественнаго домостроительства, восторженнымъ исповѣданіемъ всеобъемлющей любви Христовой, возвѣщаемой празднествомъ. Таково особенно безсмертное и несравненное слово его въ день Пасхи, донынѣ читаемое въ церкви. Праздничныя слова Златоуста служатъ также богатымъ источникомъ свѣденій по исторіи учрежденія праздниковъ, праздничныхъ обычаевъ его времени и т. под. [1]).

Чаще другихъ современныхъ учителей Златоустъ проповѣдывалъ въ *дни памяти святыхъ*. О библейскихъ святыхъ Ветхаго и Новаго Завѣта онъ говоритъ попреимуществу въ своихъ истолковательныхъ бесѣдахъ, но часто посвящаетъ имъ и особыя похвальныя слова. Наиболѣе такихъ словъ посвящено было имъ апостолу народовъ св. Павлу, съ которымъ особенно сроднялась душа Златоуста, такъ много трудившагося надъ истолкованіемъ его посланій. Изъ святыхъ христіанской церкви въ похвальныхъ словахъ Златоуста выступаютъ особенно тѣ, которые памятны были въ исторіи Антіохійской церкви и особенно чествуемы были въ ней, какъ свои мѣстные святые. Таковы знаменитые святители антіохійскіе: *Игнатій Богоносецъ* (84—107 г.), *Вавила священномученикъ* (238—250 г.), св. *Филогоній* (318—322 г.), *св. Евстаѳій* (323—328—341 г.) и *св. Мелетій*.

---

[1]) Такъ напр. въ проповѣди на праздникъ Рождества Христова, говоренной *въ 386 году*, Златоустъ даетъ видѣть, что праздникъ этотъ, совершавшійся прежде *6 января*, въ соединеніи съ праздникомъ Богоявленія или Крещенія Господня, перенесенъ въ Антіохійской церкви на 25 декабря только *за десять лѣтъ предъ симъ*, слѣд. въ *376 г.* Воздвиженіе св. креста праздновалось на другой день Пасхи.

Таковы св. мученицы и мученики: св. *Дроенда*, мученица времени Траяна, мощи которой вмѣстѣ съ мощами другихъ мучениковъ находились въ подгородной церкви близъ Антіохіи; мученики и мученицы времени Діоклитіана: *св. Романъ*, заклинатель и діаконъ кесарійской церкви, пострадавшій въ Антіохіи, *св. Іуліанъ* тарсянинъ, *св. Варлаамъ*, старецъ антіохійскій, пострадавшій въ Кесаріи Каппадокійской, котораго поэтому еще прежде восхвалялъ въ своемъ словѣ и св. Василій Великій; *свв. Домника* мученица и ея дочери *Вероника* и *Проседока*; *св. Лукіанъ* пресвитеръ и мученикъ антіохійскій, и св. *Пелагія*, пятнадцатилѣтняя отроковица, ученица Лукіана, наконецъ св. *Іувентій* и *Максиминъ*, пострадавшіе при Іуліанѣ уже на памяти Златоуста и его слушателей. Видно, что нѣкоторые изъ сихъ мучениковъ бывали не одинъ разъ предметомъ похвальныхъ словъ Златоуста. Есть слова его, посвященныя мученикамъ вообще, безъ означенія именъ ихъ, которые, конечно, извѣстны были слушателямъ. Видно, что чествованіе своихъ мѣстныхъ святыхъ было однимъ изъ сильно развитыхъ церковно-народныхъ обычаевъ въ Антіохіи, что онъ особенно усилился во время и послѣ гоненія, неожиданно постигшаго христіанъ, въ частности антіохійскихъ, при Іуліанѣ отступникѣ, что существовали установленные дни памяти ихъ кончины, существовали, какъ уже было сказано, храмы или часовни въ честь мучениковъ и мученицъ, устроенные въ Антіохіи и ея окрестностяхъ, на гробахъ ихъ, или хранившіе мощи ихъ, перенесенныя сюда изъ другихъ мѣстъ, что для храненія мощей уже устраивались драгоцѣнныя раки, что самое перенесеніе мощей изъ общихъ кладбищъ или изъ одного мѣста въ другое совершалось торжественно. Особенно святитель Флавіанъ, въ согласіи съ мыслію Златоуста, любилъ поощрять чествованіе памяти св. мучениковъ и съ этою цѣлью въ дни памяти ихъ совершалъ съ клиромъ и народомъ исхожденія или торжественные ходы къ гробамъ и церквамъ мучениковъ, въ разныя окрестности Антіохіи, каковы роща Дафны, Антіохійское поле, кладбище. При такихъ то торжествахъ

въ честь мучениковъ и всякихъ вообще празднествахъ въ память ихъ, Златоустъ выступалъ съ своими похвальными словами. Восхваляя священномучениковъ, мучениковъ и мученицъ, изображая величіе ихъ святости, вѣры и особенно любви ко Христу, за Котораго они пострадали, знаменія и чудеса, которыми Господь прославилъ ихъ при жизни и по смерти, проповѣдникъ, кромѣ многочисленныхъ назиданій слушателямъ, любитъ присоединять размышленія о величіи и славѣ вѣры и церкви, торжествовавшей надъ гоненіями и гонителями. Въ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчательны слова о св. Вавилѣ и св. Іувентинѣ и Максиминѣ, служащія превосходнымъ обличеніемъ языческой вспышки при Іуліанѣ. Одна изъ любимыхъ мыслей, которую неразъ повторяетъ Златоустъ какъ въ своихъ словахъ въ похвалу святыхъ, такъ и въ другихъ бесѣдахъ, состоитъ въ томъ, что святость познается не столько отъ чудесъ и знаменій, сколько изъ жизни святыхъ, изъ дѣлъ вѣры, любви и святости, украшавшихъ ихъ жизнь. Торжества въ дни праздниковъ и памяти святыхъ, совершаемыя за городомъ подъ открытымъ небомъ, сопровождались иногда и трапезами, и Златоустъ, порицая излишества на подобныхъ трапезахъ, старается и самыя трапезы сдѣлать назидательными. „Ты желалъ бы здѣсь насладиться и чувственною трапезою? Что же? И здѣсь, при гробѣ мученика, по окончаніи богослуженія, можешь доставить себѣ это наслажденіе и отдохновеніе, сидя подъ смоковницею или виноградомъ, и предотвратить упреки совѣсти: ибо мученикъ здѣсь недалекъ отъ тебя, и, назирая тебя вблизи, невидимо предстоитъ при самой трапезѣ и не позволитъ наслажденію перейти въ грѣхъ“. Въ похвальныхъ словахъ знаменитымъ и святымъ епископамъ Антіохіи, Златоустъ пользуется прекраснымъ поводомъ изобразить высокія достоинства епископскаго призванія и выяснить отношенія отеческой и сыновней любви, долженствующія соединять народъ и пастырей.

Живя и проповѣдуя въ такомъ городѣ, какъ Антіохія, гдѣ изъ 200 тысячнаго населенія еще около *половины* его оставалось въ язычествѣ и іудействѣ, св. Іоаннъ ревновалъ о вразумленіи язычниковъ и іудеевъ, огражденіи христіанъ, отъ соблазновъ ихъ, а также и о томъ, чтобы христіане, словомъ и дѣломъ являя достоинство своей вѣры предъ невѣрными, содѣйствовали привлеченію ихъ къ вѣрѣ Христовой.

Въ многоразличныхъ рядахъ словъ Златоуста неизвѣстно *особаго ряда* словъ съ *надписаніемъ противъ язычниковъ*, подобнаго ряду словъ съ *надписаніемъ противъ іудеевъ*. Но обличеніями язычества, мыслями къ вразумленію язычниковъ, наставленіями христіанамъ, направленными къ той же цѣли, обилуютъ многія слова его, говоренныя по другимъ случаямъ и по другимъ предметамъ его проповѣди.

Таковы нѣкоторыя слова или бесѣды его по случаю низверженія царскихъ статуй, говоренныя въ великій постъ 387 г. Послѣдовавшія за этимъ событіемъ страшныя бѣдствія, въ видѣ строгихъ и тяжкихъ казней, обрушившихся на антіохійцевъ, какъ христіанъ, такъ и язычниковъ, потрясли сердца и этихъ послѣднихъ. Но тогда какъ языческіе философы малодушно бѣжали изъ города, ища безопасности въ глубинѣ пещеръ, оставляя безъ утѣшенія своихъ собратій, христіане имѣли любвеобильнаго утѣшителя и наставника въ пресвитерѣ проповѣдникѣ, неутомимо бесѣдовавшемъ съ ними въ церковныхъ собраніяхъ, видѣли и мужественныхъ ходатаевъ въ лицѣ антіохійскихъ священниковъ, а также пустынниковъ, явившихся для сего въ городъ, ободрялись надеждою на могущественное ходатайство святителя Флавіана. Все это влекло и язычниковъ въ ограду церкви Христовой, предрасполагало ихъ къ воспріятію слова благодати отъ ея учителей. Златоустъ, какъ было уже вкороткѣ замѣчено, воспользовался такимъ настроеніемъ, чтобы въ своихъ великопостныхъ бесѣдахъ, по случаю низверженія статуй, съ наставленіями христіанамъ со-

единить размышленія къ просвѣщенію язычниковъ. Размышленія этого рода выступаютъ уже съ шестой бесѣды, особенно же въ бесѣдахъ осьмой, девятой, десятой одиннадцатой и двѣнадцатой. Размышленія эти сосредоточены на ученіи о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ, верховномъ законодателѣ и Судіи, *и о естественныхъ источникахъ такого ученія о Богѣ или Богопознанія, каковы: видимая природа и* совѣсть или врожденный намъ нравственный законъ, указуемые и въ св. Писаніи. Когда въ дню Пасхи возвратился изъ Константинополя въ Антіохію святитель Флавіанъ и привезъ рескриптъ императора о прощеніи и возвращеніи благоволенія городу, произведшій общую радость, то язычники еще болѣе расположились къ принятію христіанства, и этимъ-то, уже изъявившимъ готовность принять христіанство язычникамъ, Златоустъ говорилъ *особыя* слова, обширно раскрывавшія то, что́, *изложено въ прежнихъ бесѣдахъ, но къ намъ не дошедшія. Содержаніе* тѣхъ и другихъ словъ онъ самъ напоминаетъ и резюмируетъ въ первой бесѣдѣ своей объ Аннѣ, матери Самуила, говоренной въ томъ же 387 г. послѣ Вознесенія[1]). „Для васъ, говоритъ онъ, не легко было бы пересказать тогдашнее наше разсужденіе съ язычниками, а я, который постоянно упражнялся въ томъ и имѣлъ это своимъ занятіемъ, весьма легко могу припомнить все содержаніе словъ и повторить вамъ вкратцѣ то, что тогда сказано. *Какой же былъ* у насъ предметъ? Мы

---

[1]) Бесѣда эта съ рядомъ другихъ помѣщена въ переводѣ въ изд. „Бесѣдъ св. Іоанна Златоуста“, Спб. 1850 г. Т. II. изд. 2-е, стр. 1 и дал. Здѣсь въ *приложеніяхъ къ бесѣдѣ (стр. 7 и 11) дѣлаются ссылки на* „Бесѣды по случаю низверженія статуй“ VIII—XII, какъ на такія, какія только и разумѣетъ Златоустъ, припоминая и резюмируя въ бесѣдѣ объ Аннѣ свои „разсужденія съ язычниками“. Дѣйствительно, въ этихъ пяти бесѣдахъ есть многое изъ того, что припоминаетъ онъ въ бесѣдѣ объ Аннѣ, какъ бывшее предметомъ этихъ „разсужденій съ язычниками“. Несомнѣнно вообще и то, что эти бесѣды направлены были къ обличенію и вразумленію язычниковъ, какъ видно напр. изъ слѣд. словъ XI-й бесѣды его: „Но язычникъ не принимаетъ этого; побесѣдуемъ же и съ нимъ, и, что сдѣлали мы относительно природы, сразившись съ язычниками не только писаніемъ, но и умозаключеніями, тоже будемъ дѣлать теперь и касательно совѣсти (Бесѣды св. Златоуста т. I. Спб. 1859. Изд. 2. стр. 424)“. Ясно однако, что VIII—XII великопостныя бесѣды по случаю низверженія ста-

изслѣдовали, какъ Богъ изначала промышлялъ о родѣ человѣческомъ и научилъ насъ полезному тогда, какъ еще не было письменъ и не дано было Писанія; мы доказали, что Онъ руководилъ насъ къ Богопознанію чрезъ созерцаніе природы. Взявши васъ тогда, не за руку, но за умъ, я водилъ по всему творенію, показывая небо, землю и море, озера, источники, рѣки и великія моря, луга и сады, цвѣтущія жатвы, обильныя плодами деревья, и вершины горъ, покрытыя лѣсами. Много тогда говорилъ я и о сѣменахъ и о растеніяхъ плодоносныхъ и безплодныхъ; и о животныхъ кроткихъ и дикихъ, живущихъ въ водѣ, на землѣ и земноводныхъ; о летающихъ въ воздухѣ и пресмыкающихся по землѣ и о самыхъ стихіяхъ вселенной. И какъ умъ нашъ былъ не въ состояніи постигнуть безпредѣльнаго богатства природы и объять вселенную; то мы всѣ вмѣстѣ восклипали о каждомъ твореніи: *яко возвеличишася дѣла твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 91, 6). Впрочемъ, мы удивлялись премудрости Божіей, не по множеству только тварей, но и по слѣдующимъ двумъ (причинамъ): что Богъ сотворилъ природу прекрасною, великою и удивительною, и что положилъ на всемъ видимомъ много признаковъ ея слабости: первое (сдѣлалъ) для того, чтобы внушить взираю-

---

туй не обнимаютъ *всего*, что припоминаетъ и резюмируетъ Златоустъ въ бесѣдѣ объ Аннѣ, слѣдовательно были, кромѣ этихъ пяти великопостныхъ, еще и *другія и особыя* бесѣды или разсужденія съ язычниками, тоже обнимавшія ученіе о естественныхъ источникахъ Богопознанія. Что были такія особыя и нарочитыя бесѣды, говоренныя именно уже *послѣ поста* и послѣ возвращенія къ дню Пасхи Флавіана, это *ясно также* изъ слѣд. словъ той же бесѣды объ Аннѣ: „По случаю возвращенія отца (т. е. Флавіана) изъ дальняго путешествія, необходимо было разсказать все, происходившее въ столицѣ; *послѣ этого — бесѣдовать съ язычниками, чтобы ихъ, какъ сдѣлались они отъ несчастія лучшими и обратились къ намъ отъ языческаго заблужденія, достаточно утвердить и научить, какого избѣжали они мрака, и какого достигли свѣта истины* (Тамъ же, стр. 7). Изъ приведеннаго мѣста видно и то, что эти новыя бесѣды имѣли цѣлію *утвердить* бывшихъ язычниковъ въ тѣхъ истинахъ Богопознанія, которыя были преподаны въ великопостныхъ бесѣдахъ и которыя слышали они или отъ самого проповѣдника, посѣщая эти бесѣды вмѣстѣ съ христіанами, или отъ христіанъ, передававшихъ имъ ученіе своего учителя; ибо Златоустъ всегда поощрялъ своихъ слушателей—христіанъ, чтобы слышимое ими въ церкви они ревновали сообщать и другимъ, въ томъ числѣ и язычникамъ.

щимъ (на природу) удивленіе къ Его премудрости и привлечь ихъ къ служенію Себѣ, а послѣднее для того, чтобы созерцающіе красоту и величіе твореній, оставивъ Создателя, не стали, вмѣсто Его, поклоняться вещамъ видимымъ, такъ какъ усматриваемая въ нихъ слабость можетъ отклонить ихъ отъ такого заблужденія. И о томъ, какъ вся природа тлѣнна, какъ она преобразится въ лучшій видъ и достигнетъ большей славы, также—когда, почему и для чего она сдѣлалась тлѣнною,—обо всемъ мы любомудрствовали тогда съ вами"... Изложивъ дальнѣйшее содержаніе своихъ разсужденій о природѣ, какъ учительницѣ Богопознанія, отвѣтивъ на одно возраженіе, слышанное тогда по поводу этихъ разсужденій, Златоустъ продолжаетъ: „Итакъ одинъ способъ Богопознанія состоитъ въ разсматриваніи видимой природы; другой, не менѣе важный, заключается въ совѣсти, и его изложили мы тогда обширно, доказавъ, какъ познаніе добра и зла намъ врождено, и какъ данная намъ совѣсть внушаетъ все это. Такъ, у насъ отъ начала были эти два учителя—природа и совѣсть, и оба они, не произнося словъ, учили людей безмолвно. Природа, поражая зрителя видомъ своимъ, возбуждаетъ въ насъ удивленіе къ ея Создателю; а совѣсть, своими внутренними внушеніями, научаетъ всему, что должно дѣлать. Силу ея и рѣшеніе суда ея мы узнаемъ по самому лицу (человѣка). Когда обличаетъ она во грѣхѣ внутренно, то покрываетъ и внѣшній видъ смущеніемъ и великою скорбію. Она дѣлаетъ насъ блѣдными и робкими, когда мы впадаемъ въ какой-либо гнусный проступокъ; и хоть голоса (совѣсти) мы не слышимъ, однакожъ по внѣшнему виду замѣчаемъ внутреннее негодованіе ея". Понятно, какъ цѣлесообразенъ этотъ пріемъ учительства по отношенію къ язычникамъ, указующій учителей Богопознанія въ природѣ и совѣсти и основанный на примѣрѣ учительства великаго *апостола языковъ*. „Кромѣ этихъ двухъ учителей, говорили мы (продолжаетъ Златоустъ), Промысломъ Божіимъ намъ данъ еще и третій учитель, уже не

безмолвный, какъ первые, но такой, который настроиваетъ нашу душу словомъ, увѣщаніемъ, совѣтами. Кто же онъ? Это родной каждаго отецъ". Далѣе говорится здѣсь о долгѣ родителей давать хорошее образованіе и воспитаніе дѣтямъ и о значеніи воспитательнаго вліянія родителей. За отсутствіемъ этого предмета учительства въ бесѣдахъ по случаю низверженія статуй, надо предполагать, что подобныя мысли были изложены именно въ бесѣдахъ, говоренныхъ послѣ и направленныхъ къ утвержденію въ истинахъ Богопознанія *бывшихъ* язычниковъ, но уже обратившихся къ христіанству. Этихъ то новыхъ христіанъ Златоустъ наставлялъ быть учителями въ христіанствѣ и для своихъ дѣтей, вести ихъ, путемъ воспитанія, къ христіанской вѣрѣ и добродѣтели; ибо тогда еще было въ обычаѣ, что родители—крещены и христіане, а дѣти ихъ оставались юношескаго возраста некрещенными, и слѣд. чуждыми церкви, получали образованіе у языческихъ учителей, въ языческихъ школахъ.

Послѣ бесѣдъ, направленныхъ къ утвержденію въ истинномъ Богопознаніи тѣхъ изъ язычниковъ, которые обращались къ христіанству, въ томъ же 387 г. говорены были Златоустомъ бесѣды къ *готовящимся къ крещенію и новокрещеннымъ* [1]). Они были, конечно, изъ тѣхъ, которые предъ тѣмъ обратились и слушали прежнія бесѣды Златоуста. Новыя бесѣды съ ними дышатъ нѣжнѣйшею любовію и радостію о торжествѣ слова благодати. Но это обращеніе язычниковъ въ 387 г. было въ немалой степени воспособлено упомянутыми бѣдствіями этого года. Какъ сознавалъ и Златоустъ, говорившій объ обратившихся: „отъ несчастія сдѣлались они лучшими и обратились къ намъ". Миновало несчастіе, ослабѣло со временемъ и его дѣйствіе, которое и безъ того впрочемъ не на всѣхъ сказывалось одинаково. Вообще Златоустъ и прежде предвидѣлъ, видѣлъ и потомъ, что язычество хочетъ и продолжаетъ держаться въ значительной части населенія Антіохіи. Поэтому онъ продолжалъ ревновать объ из-

---

[1]) Объ этихъ бесѣдахъ скажемъ нѣсколько ниже.

обличеніи языческихъ заблужденій, огражденіи христіанъ отъ соблазновъ языческихъ и наставленіи христіанъ въ способахъ состязанія съ язычниками и дѣйствованія къ обращенію ихъ въ христіанство. Съ этою цѣлію еще въ томъ же 387 г. онъ составилъ книжку подъ заглавіемъ: *противъ іудеевъ и язычниковъ* о томъ, что *Христосъ есть Богъ*. Небольшая эта книга, написанная просто и вразумительно, назначалась собственно для людей изъ низшаго и малообразованнаго класса, каковы — слуги, служанки, простыя женщины, мелкіе торговцы, ремесленники, матросы, земледѣльцы. Имѣя въ виду, что по своей трудовой жизни и невысокому уровню образованія, они не могутъ во всей широтѣ изучать свою вѣру, попечительный учитель далъ имъ въ этой книгѣ простое и краткое изложеніе существенныхъ основаній вѣры Христовой, чтобъ и этихъ простыхъ людей поставить въ возможность разумно отвѣчать вопрошающимъ о ихъ вѣрѣ язычникамъ и іудеямъ и даже вразумлять послѣднихъ. Замѣчателенъ слѣдующій совѣтъ, какой даетъ въ этихъ видахъ Златоустъ своимъ читателямъ изъ людей простыхъ: „когда язычникъ спроситъ: откуда видно, что Христосъ есть Богъ (это подлежитъ утвердить прежде всего, ибо за симъ слѣдуетъ и все прочее), то мы не станемъ брать доказательствъ съ неба, или отъ другихъ подобныхъ вещей. Ибо, если я скажу язычнику, что Христосъ сотворилъ небо, землю и море, невѣрующій съ этимъ не согласится. Если скажу, что Онъ воскрешалъ мертвыхъ, исцѣлялъ слѣпыхъ, изгонялъ бѣсовъ, — онъ тому не повѣритъ. Если скажу ему, что Христосъ обѣщалъ царство небесное и неизреченныя блага; если буду говорить о воскресеніи: язычникъ не только не приметъ сихъ доказательствъ, но и станетъ смѣяться. Чѣмъ же мнѣ убѣдить его, особенно если онъ не изъ образованныхъ? Чѣмъ другимъ, если не тѣмъ, въ чемъ и я и онъ вмѣстѣ должны согласиться безъ всякаго противорѣчія и въ чемъ нѣтъ сомнѣнія? Христосъ есть насадитель христіанства. И язычникъ не будетъ отвергать, что церковь, распространенная по всей вселенной, основана Іисусомъ Хри-

стомъ. Отселѣ возьмемъ мы доказательства Его могущества, и докажемъ язычникамъ, что Христосъ есть Богъ; смѣло скажемъ имъ, что такое дѣло не по силамъ простому человѣку. Подумай, чтó за великое дѣло въ короткое время наполнить всю вселенную множествомъ церквей, обратить столько народовъ, убѣдить столько людей, разрушить отеческіе обычаи, поколебать устарѣлыя привычки, разсѣять, какъ прахъ, могущество страстей, силу грѣха, ниспровергнуть языческіе алтари, храмы, истуканы, уничтожить религіозныя таинства, безстудные праздники, разсѣять смрадное куреніе, какъ дымъ, и—повсюду создать христіанскіе жертвенники у Римлянъ, у Скиѳовъ, у Индійцевъ. И чрезъ кого это совершено? Чрезъ одиннадцать человѣкъ незнатныхъ, бѣдныхъ, которые повсюду встрѣчали брань, гоненіе и смерть!“ Для обличенія іудеевъ въ той же книжкѣ дается оружіе христіанамъ въ указаніяхъ на исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ о лицѣ Іисуса Христа, о Его церкви и судьбѣ самого іудейскаго народа.

Въ своемъ мѣстѣ было упомянуто, что еще во время своего діаконства Златоустъ составилъ книжку въ видѣ учительнаго повѣствованія *о священномученикѣ Вавилѣ*, гдѣ указывались знаменія торжества христіанства надъ язычествомъ, христіанскаго священномученика надъ языческимъ оракуломъ храма Аполлона въ Дафнѣ, о пораженіи молніею самаго этого храма во время Іуліана отступника, хотѣвшаго возстановить въ немъ блескъ идольскихъ жертвъ. Теперь самое это повѣствованіе воспроизведено Златоустомъ въ формѣ церковной бесѣды, въ какомъ видѣ оно и дошло къ намъ [1]). Извѣстна и другая краткая бесѣда его о свя-

[1]) Эта обширная бесѣда, рядомъ съ другою краткою о священномуч. Вавилѣ, издана въ русскомъ переводѣ въ т. I. „Словъ и Бесѣдъ Златоуста на равные случаи“ при Спб. д. Академіи. Спб. 1864 г. стр. 126—135, 135—219. Что повѣствованіе о Вавилѣ составлено во время діаконства, а именно въ 382 г., на это указываетъ замѣчаніе, что храмъ Аполлона, пораженный молніею при Іуліанѣ, стоитъ въ обгорѣломъ видѣ вотъ уже *20-й годъ*, (т. е. съ 862 г., когда Іуліанъ былъ въ Антіохіи). А какъ Златоустъ въ діаконствѣ не говорилъ проповѣдей, то форма церковной бесѣды придана имъ повѣствованію уже во время пресвитерства.

щенному муч. Вавилѣ, также направленная къ обличенію язычества. Есть обличеніе на язычество и въ его похвальныхъ словахъ другимъ мученикамъ, напр. св. Лукіану. Въ истолковательныхъ бесѣдахъ на книги свящ. Писанія, особенно посланія св. Ап. Павла, Златоустъ пользуется подходящими текстами, чтобы внесть въ свою бесѣду обличеніе суевѣрій и нелѣпостей язычества. Таковы напр. 12 и 13-я бесѣды его на посланія къ Ефесеемъ, гдѣ просто и, такъ сказать, наглядно изобличается нелѣпость боготворенія солнца и другихъ стихій. Въ первой изъ этихъ бесѣдъ обращаетъ на себя вниманіе изображеніе нѣкоторыхъ языческихъ суевѣрій, имѣющихъ сходство съ суевѣріями и нашего стараго язычества, долго державшимися и въ христіанствѣ. Изображеніе это дается въ видѣ объясненія послѣднихъ словъ текста: *сіе убо глаголю и послушествую о Господѣ, ктому не ходити вамъ, якоже и прочіи языцы ходятъ въ суетѣ ума ихъ, помрачени смысломъ* (Ефес. 4, 17). „Эллины (т. е. языческіе эллины)—настоящія дѣти, какъ и сказалъ объ нихъ нѣкто: „эллины—всегда дѣти". Того, что́ не составляетъ грѣха, они боятся, какъ то: тѣлесной неопрятности, одра, занимаемаго мертвецомъ, погребенія мертвыхъ, роковыхъ дней и тому подобнаго. А того, что́ составляетъ настоящій грѣхъ, какъ то: сладострастной любви къ отрокамъ, прелюбодѣянія, блуда—они не думаютъ считать за грѣхъ. Ты можешь видѣть, какъ язычникъ омывается послѣ мертвеца, но отъ мертвыхъ дѣлъ онъ не омывается никогда. Онъ много прилагаетъ старанія о пріобрѣтеніи денегъ и въ тоже время думаетъ, что пѣніе курицы пѣтухомъ можетъ имѣть вліяніе на его счастіе. Такъ они *помрачены смысломъ*. У нихъ много примѣтъ, устрашающихъ ихъ. Напримѣръ, такой-то, говоритъ, первый встрѣтился со мною, когда я выходилъ изъ дому: выйдетъ непремѣнно тысяча непріятностей для меня. Сегодня негодный слуга, подавая мнѣ сандаліи, поднесъ напередъ лѣвую: быть большимъ бѣдамъ и напастямъ. Самъ я, выходя изъ дома, ступилъ за порогъ лѣвою ногою: и это предвѣщаетъ несчастія. Это—

домашнія неудачи. Когда же я вышелъ изъ дома, у меня правый глазъ мигнулъ: это предвѣщаетъ слезы. Равнымъ образомъ и женщины,—когда тростниковые прутья, ударившись о ткальное древко, издадутъ звукъ, или сами онѣ поранятъ себя гребнемъ,—принимаютъ это за худое предзнаменованіе. И опять, когда онѣ задѣнутъ основой (τὴν κροκὴν) о гребень и очень сильно, потомъ верхніе прутья, ударившись о древко, отъ напряженнаго удара издадутъ звукъ, то и это считаютъ за предвѣщаніе несчастія. И тысячи другихъ у нихъ достойныхъ смѣха суевѣрій. Закричитъ ли оселъ, или пѣтухъ, чихнетъ ли кто,—словомъ, что ни случится, все ихъ тревожитъ, такъ что они, какъ я сказалъ, какъ будто скованы тысячами узъ и находятся во мракѣ и гораздо большемъ порабощеніи, чѣмъ тысячи невольниковъ. Но не будемъ мы такими; напротивъ, осмѣявши всѣ такія суевѣрія,—какъ чада свѣта, какъ небесные граждане, не имѣющіе ничего общаго съ землею, будемъ считать для себя страшнымъ одинъ только грѣхъ и оскорбленіе Бога“ [1]).

Представимъ, наконецъ, образцы тѣхъ практическихъ наставленій, какія въ своихъ бесѣдахъ преподаетъ Златоустъ христіанамъ съ цѣлію не только облечь ихъ, такъ сказать, духовнымъ оружіемъ для борьбы съ языческими соблазнами и заблужденіями, но и сдѣлать ихъ способными воздѣйствовать на обращеніе язычниковъ къ христіанству. Наставленія эти во многомъ пригодны и для другихъ временъ и другихъ случаевъ. Таково *прежде всего* наставленіе—твердо

---

[1]) Въ бесѣдахъ Златоуста разсѣяно немало и другихъ обличеній на язычество. Такъ, нерѣдко выставляетъ онъ на посмѣшище и позоръ нелѣпыя и противныя нравственности басни языческихъ поэтовъ о богахъ, показываетъ несообразность съ здравымъ разумомъ языческихъ религіозно-философскихъ ученій и т. под. Но вообще его обличенія не таковы, какъ напр. обличенія Климента Александрійскаго, ибо и язычество времени Златоуста было не таково, какъ язычество времени Климента. Системы языческихъ ученій падали и не требовали такихъ цѣльныхъ обличеній, какъ во время Климента требовалось обличеніе *остатковъ языческихъ суевѣрій* и запоздалыхъ попытокъ осмысленія ихъ со стороны языческихъ риторовъ и философовъ: это по преимуществу и дѣлаетъ Златоустъ.

знать и разумѣть основанія своего вѣроученія, чтобы не оказаться слабымъ или безотвѣтнымъ при возможныхъ состязаніяхъ съ язычниками. Въ 18-й бесѣдѣ на евангеліе св. Іоанна, онъ говоритъ: „странно, что тотъ, кто называётъ себя христіаниномъ, ни слова не умѣетъ сказать въ защиту своей вѣры. Вотъ причина, почему язычники не спѣшатъ оставить свои заблужденія. Если они, защитники лжи, всячески стараются прикрыть свое постыдное ученіе, а мы, служители истины, не можемъ открыть и рта предъ ними; то какъ имъ не обвинять наше ученіе въ слабости? Какъ не подозрѣвать въ насъ обмана и неразумія? Не потому ли они и хулятъ Христа, какъ льстеца и обманщика, который увлекъ чернь, пользуясь ея невѣжествомъ? Мы виновны въ такихъ хуленіяхъ, потому что не хотимъ потрудиться узнать, что̀ можно сказать въ защиту нашей вѣры“. Въ 65-й бесѣдѣ на тоже евангеліе, онъ выражается: „если бы вы внимательно занимались Писаніемъ и каждодневно пріучали себя къ борьбѣ; то я не сталъ бы внушать вамъ удаляться состязаній съ язычниками и даже совѣтовалъ бы вамъ вступать съ ними въ борьбу, ибо истина сильна. Но такъ какъ вы не умѣете пользоваться Писаніемъ, то я боюсь вашихъ состязаній, боюсь, чтобы язычники не побѣдили васъ безоружныхъ. Ибо нѣтъ ничего слабѣе людей, лишенныхъ помощи Духа“. Въ связи съ такою мыслію, Златоустъ, въ своихъ весьма частыхъ наставленіяхъ о чтеніи св. Писанія, нерѣдко указываетъ на пользу этого упражненія въ видахъ добраго вліянія на язычниковъ. „Не думай, поучаетъ онъ въ 21-й бесѣдѣ на посланіе къ Ефесеемъ, не думай, будто однимъ монахамъ нужны наставленія въ Писаніи: весьма многія изъ этихъ наставленій потребны и для тѣхъ дѣтей, которыя должны вступить въ мірскую жизнь... Монахъ, какъ бы находясь на необуреваемой пристани, проводитъ жизнь неозабоченную и устраненную отъ всякаго волненія, а мірской человѣкъ постоянно обуревается и плыветъ среди моря, сражаясь со множествомъ треволне-

ній. Хотя бы онъ самъ и не имѣлъ нужды въ наставленіи, но ему оно можетъ быть нужно для того, чтобы, если случится, онъ былъ въ состояніи заградить уста другихъ. И чѣмъ бо́льшимъ кто пользуется почетомъ въ настоящей жизни, тѣмъ болѣе нужно для него такое (христіанское) образованіе. Стоитъ ли кто при дворѣ царскомъ,—и тамъ много эллиновъ, философовъ, людей, надменныхъ временною славою, какъ въ мѣстѣ, наполненномъ водяными животными. Тамъ всѣ напыщены и надменны, а кто нѣтъ, тѣ стараются сдѣлаться такими. Каково же, подумай, если сынъ твой, вступивши туда, входитъ, какъ лучшій врачъ, съ орудіемъ, которое въ состояніи укротить надменность каждаго, подходитъ къ каждому и разговариваетъ, врачуетъ больное тѣло, прикладываетъ пластырь изъ Писаній, расточаетъ любомудренныя доказательства« [1])... „Знай вообще, что мірской человѣкъ съ такимъ образованіемъ (т. е. основанномъ на знаніи Писанія) и въ свѣтѣ будетъ самымъ пріятнымъ человѣкомъ, и хотя бы не былъ при дворѣ, не будетъ ниже того, кто служитъ при дворѣ... Ибо если эллины, люди, стоющіе не болѣе трехъ пенязей, циники (κύνες—собаки), принявши такую же, стоющую не болѣе трехъ пенязей, философію (подлинно, такова греческая философія), или, вѣрнѣе, не самую философію, а только имя ея, облекшись въ мантію и отростивши волосы, посрамляютъ многихъ: то не къ большему ли способенъ любомудръ истинный. Если одинъ ложный видъ, только тѣнь философіи такъ возвышаетъ: то что́ сказать о томъ, если мы полюбимъ истинное, свѣтлое любомудріе“? Сильный знаніемъ своей вѣры и убѣжденный въ превосходствѣ ея, христіанинъ, по Златоусту, долженъ смѣло исповѣдывать ее, находясь среди язычниковъ. Въ похвальномъ словѣ св. Лукіану

[1]) Говоря о царскомъ дворѣ, гдѣ много эллиновъ, философовъ, Златоустъ разумѣетъ, конечно, дворъ въ Константинополѣ, гдѣ, при населеніи до 400 тысячъ, христіане далеко еще не составляли большинства, гдѣ и среди знатныхъ сановниковъ были еще язычники или по крайней мѣрѣ некрещенные, колебавшіеся между христіанствомъ и философіею языческою.

мученику, описавъ мужественное исповѣданіе имъ своей вѣры, Златоустъ поучаетъ: „онъ говорилъ смѣло предъ начальниками и царями: это и мы будемъ дѣлать нынѣ. Если мы будемъ находиться въ собраніяхъ богатыхъ и славныхъ язычниковъ, то станемъ смѣло исповѣдывать свою вѣру; будемъ посмѣваться ихъ заблужденію. Если они начнутъ свое превозносить, а наше унижать, то мы не станемъ молчать и переносить безотвѣтно, но, обличивъ ихъ гнусность, будемъ превозносить все христіанское съ великою мудростію и смѣлостію. И какъ царь носитъ діадему на головѣ, такъ и мы будемъ вездѣ носить наше исповѣданіе. Ибо не столько царя украшаетъ вѣнецъ, сколько насъ вѣра и ея исповѣданіе". Но, конечно, не всѣ христіане могли обладать большимъ образованіемъ, чтобы отражать и убѣждать язычниковъ. Поэтому-то Златоустъ, какъ уже упомянуто было, и составилъ для менѣе образованныхъ христіанъ руководство для состязаній съ язычниками, подъ заглавіемъ—*противъ язычниковъ и іудеевъ о томъ, что Христосъ есть Богъ.* Поэтому онъ и подвизался неутомимо въ толкованіи Писанія въ своихъ церковныхъ бесѣдахъ. Но онъ преподавалъ и особенныя наставленія на тѣ случаи, когда простые люди могутъ смущаться глумленіями рѣчистыхъ язычниковъ и оказываться неумѣлыми въ спорахъ съ ними. „Не смущайтесь глумленіями язычниковъ, убѣждалъ онъ вѣрующихъ. Ничего нѣтъ удивительнаго и неожиданнаго въ томъ, что люди безумные глумятся надъ высокими истинами. Такихъ людей не должно убѣждать человѣческою мудростію. Если же захочешь убѣждать такимъ способомъ, то достигнешь противнаго. Одна вѣра нужна для уразумѣнія того, чтó выше разума. Если станемъ объяснять имъ силою разума, какъ Богъ сдѣлался человѣкомъ, какъ вошелъ въ утробу Дѣвы, а не предоставимъ сего одной вѣрѣ, то они еще будутъ смѣяться надъ ними. Сіи то и суть сыны погибели, которые хотятъ дойти до всего разумомъ". Однажды Златоустъ услышалъ, что христіанинъ состязался

съ язычникомъ о томъ, кто ученѣе и краснорѣчивѣе: Платонъ или Павелъ? Христіанинъ, вопреки язычнику, усиливался доказать, что ап. Павелъ былъ выше философа Платона въ учености и краснорѣчіи. Въ предупрежденіе подобныхъ неумѣлыхъ споровъ, Златоустъ въ одной изъ бесѣдъ на 1 посланіе къ Коринѳянамъ, гдѣ самъ ап. Павелъ говоритъ о своей проповѣди, какъ проповѣди не въ превосходствѣ слова и мудрости, а въ явленіи духа и силы (гл. 2, 1—5), воспользовался случаемъ преподать такое наставленіе: „христіанинъ, по своей простотѣ, старался доказать, что Павелъ былъ ученѣе (λογιώτερος) Платона. Если бы онъ доказалъ сіе, то побѣда осталась бы на сторонѣ язычника. Ибо, если Павелъ былъ ученѣе Платона, то, естественно, многіе сказали бы, что Павелъ держалъ побѣду не силою благодати, но силою своего краснорѣчія. Но побѣда Павла блистательна тѣмъ, что слово его, человѣка неученаго, восторжествовало надъ Платономъ. Проповѣдь Павла сильна не человѣческою мудростію, но благодатію Божіею. Чтобы намъ не впасть въ подобное заблужденіе, чтобы не подвергнуться насмѣшкамъ за такія разсужденія съ язычниками, когда случится у насъ съ ними преніе,—будемъ обвинять апостоловъ въ неучености. Такое обвиненіе есть для нихъ похвала. Апостолы—люди простые, необразованные, неученые, такъ легко побѣждали мудрецовъ, властителей, царей, людей гордыхъ своимъ богатствомъ, славою, всѣми внѣшними благами, какъ будто эти люди не стоили и имени мужей. Отсюда видно, что велика сила креста, и не человѣческимъ могуществомъ все сіе сдѣлано".

Еще назидательнѣе тѣ наставленія Златоуста, какія преподаетъ онъ христіанамъ съ цѣлію одушевить ихъ ревностію о просвѣщеніи язычниковъ свѣтомъ вѣры Христовой. „Нѣтъ ничего, поучаетъ онъ, равноцѣннаго душѣ: цѣлый міръ не стоитъ ея. Если ты раздашь цѣлыя тысячи бѣднымъ, то ты еще не сравнишься съ тѣмъ, кто обратитъ одну душу. Обращающій душу уподобляется Петру и Павлу.

Если у кого есть другъ, родственникъ или членъ семейства, еще остающійся въ язычествѣ, пусть тотъ уловляетъ и просвѣщаетъ его, и онъ будетъ подобенъ Петру и Павлу. Что я говорю о Петрѣ и Павлѣ? Онъ будетъ устами Христовыми. Если не обратишь язычника нынѣ, то—завтра. Если и никогда не обратишь; то все же будешь имѣть надежду. Не обратишь всѣхъ,—можешь обратить хотя нѣкоторыхъ изъ многихъ. Изъ-за того, что не можешь спасти всей вселенной, не презирай спасенія нѣсколькихъ людей, и изъ желанія большаго не отвергай малаго. Если не можешь спасти ста человѣкъ, позаботься о десяти. Если и десяти не можешь, не пренебрегай пяти. Если не можешь и пяти, не неради о спасеніи хоть одного. Если и одного не можешь спасти, не теряй духа и не полагай преграды съ своей стороны". Внушая такую ревность къ обращенію язычниковъ, Златоустъ училъ также христіанъ дѣйствовать въ отношеніи къ послѣднимъ съ терпѣніемъ и снисходительностію, кротостію и любовію, не смущаясь и не раздражаясь какими бы то ни было проявленіями неразумія или злонравія въ язычникахъ. „Въ 4-й бесѣдѣ на 1 посланіе къ Коринѳянамъ онъ поучаетъ: „не видимъ ли мы, какъ дѣти, сидя на рукахъ родителей, бьютъ ихъ по лицу, и какъ отецъ, держа на рукахъ сына, съ удовольствіемъ позволяетъ ему изливать весь гнѣвъ свой на него, и веселится, видя, что дитя его успокоилось? Такъ должно поступать и намъ. Какъ родители съ дѣтьми, такъ и мы должны обходиться съ язычниками. Ибо всѣ язычники—сущія дѣти. Изъ нихъ же нѣкто сказалъ, что они вѣчно дѣти, и нѣтъ у нихъ старца. Дѣти ни мало не пекутся ни о чемъ полезномъ. Такъ и язычники всегда думаютъ о забавахъ, лежатъ на землѣ, пресмыкаются по землѣ, стремятся къ земному. Часто дѣти, когда имъ говорятъ о чемъ-либо необходимо нужномъ, ничего не понимаютъ, но только смѣются. Таковы и язычники: смѣются, когда станемъ разсуждать съ ними о царствѣ небесномъ". Въ 33-й бесѣдѣ на то же посланіе даетъ онъ такое

наставленіе: „Не ненависть, а состраданіе должно питать къ язычникамъ. Иначе, какъ трудно будетъ тебѣ обратить язычника, если ты его ненавидишь". Какъ тебѣ молиться за невѣрующаго? Если мы должны ненавидѣть враговъ Божіихъ, то должны ненавидѣть не только невѣрующихъ, но и грѣшниковъ, а такимъ образомъ сдѣлаемся хуже звѣрей; напыщенные гордостію, подобно фарисею, всѣхъ будемъ бѣгать. Дѣло діавола удалять насъ другъ отъ друга; онъ усильно старается подавить любовь, чтобы пресѣчь путь къ исправленію,—удержать язычника въ его заблужденіи, а тебя—во враждѣ къ нему, и такимъ образомъ заградить ему путь къ спасенію. Какъ выздоровѣть больному, если врачъ ненавидитъ его и бѣгаетъ отъ него, а больной въ свою очередь чуждается врача, такъ что ни больной не зоветъ къ себѣ врача, ни врачъ не идетъ къ больному? Скажи, почему ты чуждаешься и бѣгаешь его? Потому что онъ нечестивецъ? Но потому тебѣ и должно идти къ нему и врачевать его, чтобы возставить больного. Іуда былъ неизлечимо боленъ, однако же Господь не переставалъ врачевать его. Если бы ты творилъ чудеса, воскрешалъ мертвыхъ, или совершалъ подобныя дѣла, и тогда не столько стали бы удивляться тебѣ язычники, сколько тогда, когда увидатъ, что ты обходишься съ ними кротко, снисходительно, ласково. Ничто такъ не привлекаетъ къ себѣ, какъ любовь. За тѣ дѣла, то есть, чудотворенія и знаменія, будутъ тебѣ завидовать, а за любовь—удивляться и любить. Полюбивъ тебя и продолжая симъ путемъ идти далѣе, могутъ принять отъ тебя и истину. Если язычникъ не тотъ-часъ вѣруетъ, не удивляйся сему, не понуждай, не требуй всего въ одинъ разъ; но пусть онъ прежде хвалитъ тебя, полюбитъ тебя, а потомъ, со временемъ, дойдетъ такимъ образомъ и до вѣры. Мы должны обращаться съ язычниками снисходительно, съ любовію. Любовь есть великая наставница; она можетъ выводить людей изъ заблужденія, преобразовать сердце, руководствовать къ любомудрію и изъ камней дѣлать людей.

Если хочешь испытать ея силу, приведи ко мнѣ дикаго, который боится всякаго шума, пугается тѣни, человѣка вспыльчиваго, свирѣпаго, похожаго болѣе на звѣря, чѣмъ на человѣка, сладострастнаго, распутнаго, словомъ—человѣка со всѣми пороками; отдай его въ руки любви, введи въ ея училище,—и скоро увидишь, что дикій и несмѣлый сдѣлается человѣкомъ мужественнымъ, великодушнымъ, отважнымъ на все". Но вразумляя язычниковъ ученіемъ отъ св. Писанія, дѣйствуя на нихъ силою своей вѣры и непостыднаго исповѣданія ея, ревнуя о спасеніи ихъ съ кротостію и любовію къ нимъ, христіане, по наставленію проповѣдника, должны паче всего привлекать ихъ къ своей вѣрѣ своею жизнію, достойною истиннаго христіанина. Въ 4-й бесѣдѣ на 1 посланіе къ Коринѳянамъ онъ учитъ: „Прежде убѣжденій постараемся побѣдить язычниковъ жизнію, ибо жизнь есть самая сильная битва, и доказательство отъ дѣлъ есть самое неопровержимое доказательство. Не будетъ никакой пользы, если мы на словахъ будемъ много любомудрствовать, а жить станемъ не лучше язычниковъ. Они не слушаютъ нашихъ словъ, а слѣдятъ за нашими дѣлами и говорятъ: сперва самъ слѣдуй своимъ словамъ, а потомъ убѣждай другихъ. Если же ты проповѣдуешь о безчисленныхъ благахъ въ будущемъ вѣкѣ, а самъ такъ привязанъ къ благамъ настоящимъ, какъ будто бы кромѣ ихъ ничего не было; то для меня твои дѣла убѣдительнѣе словъ. Если я вижу, что ты похищаешь чужое, чрезмѣрно скорбишь объ умершемъ и впадаешь въ другіе подобные грѣхи: то какъ я повѣрю тебѣ, что будетъ воскресеніе? Если они и не говорятъ сего, то думаютъ такъ, останавливаются на на такой мысли, и это препятствуетъ невѣрующимъ обращаться ко Христу" [1]). Въ 43 й бесѣдѣ на евангеліе отъ

---

[1]) Въ согласіи съ такою мыслію, проповѣдникъ старался устранять среди христіанъ такіе частные обычаи, которые, нося полуязыческій характеръ, могли давать язычникамъ неблаговидное представленіе о вѣрѣ христіанъ. Таковъ

Матөея, проповѣдникъ взываетъ къ слушателямъ: „начнемъ новую жизнь. Землю сдѣлаемъ небомъ. Покажемъ чрезъ это язычникамъ, какихъ благъ они лишаютъ себя. Видя нашу добрую жизнь, они будутъ видѣть въ ней изображеніе небеснаго царства. Если они увидятъ въ насъ людей кроткихъ, чуждыхъ гнѣва, нечистыхъ наслажденій, зависти, любостяжанія, и исполнителей всякихъ добродѣтелей, то скажутъ: если такъ свѣтла жизнь христіанская здѣсь, гдѣ они странники, то чѣмъ они будутъ, когда достигнутъ своего отечества? Когда такъ будемъ вести себя, то и язычники будутъ лучше, и слово благочестія будетъ распространяться не менѣе, чѣмъ при апостолахъ“.

Слава и сила проповѣди Златоуста, направленной къ обличенію язычества, достигавшей и слуха язычниковъ, одушевлявшей христіанъ ревновать объ успѣхахъ своей вѣры среди нихъ, имѣли дѣйствіемъ то, что въ Антіохіи язычество болѣе и болѣе поникало предъ христіанствомъ, что здѣсь упадало вліяніе языческихъ жрецовъ, риторовъ, философовъ, даже такихъ, какъ Ливаній. Въ своей книгѣ о священномуч. Вавилѣ Златоустъ говоритъ, что съ перенесеніемъ мощей его въ часовню его имени, устроенную въ предмѣстьи Антіохіи, въ рощѣ Дафны, сталъ умолкать

напр. обычай плакальщицъ при похоронахъ. „Скорби, говоритъ Златоустъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ о Лазарѣ, но не какъ язычникъ, который не вѣруетъ въ воскресеніе, не имѣетъ упованія на жизнь будущую. Повѣрьте мнѣ, я стыжусь, краснѣю, когда вижу на улицѣ толпу женщинъ въ безобразномъ видѣ, которыя рвутъ на себѣ волосы, ломаютъ себѣ руки, терзаютъ ланиты, и все это совершается предъ глазами язычниковъ. Что же скажутъ язычники? Чего не заговорятъ о насъ? Это ли люди любомудровавшіе о воскресеніи? На словахъ они любомудрствуютъ о воскресеніи, а на дѣлѣ поступаютъ, какъ невѣрующіе въ воскресеніе. Не такъ бы они поступали, если бы имѣли твердое упованіе на воскресеніе. Не предавались бы такой скорби, если бы были убѣждены, что умершій ихъ перешелъ къ лучшей участи. Вотъ что и еще болѣе сего говорятъ невѣрующіе, слыша вопли тѣхъ женщинъ. Устыдимся же, образумимся, не будемъ вредить ни себѣ, ни тѣмъ, которые смотрятъ на насъ“.

бывшій здѣсь оракулъ въ капищѣ Аполлона. Такое знаменіе торжества христіанства надъ язычествомъ, казалось, повторилось въ знаменіи торжества проповѣди Златоуста надъ краснорѣчіемъ Ливанія, бывшаго его учителя. Объ этомъ даетъ свидѣтельство самъ Ливаній. Въ послѣдній годъ своего учительства въ Антіохіи онъ съ горечью замѣчалъ, что число слушателей его умаляется, что тогда какъ прежде онъ видѣлъ сотни слушателей у своихъ ногъ въ школѣ, теперь видитъ ихъ по *двѣнадцати*, наконецъ не болѣе, какъ *по семи*, хотя продолжаетъ учительствовать съ такимъ же стараніемъ, какъ и въ былые годы [1]). Тускнѣла слава Ливанія и другихъ языческихъ учителей предъ славою христіанскаго учителя-пресвитера, слушать котораго стекались не только давніе христіане, но и все новые и новые, обращенные изъ язычества, бросавшіе прежнихъ учителей ради великаго христіанскаго учителя. Златоустъ много разъ имѣлъ утѣшеніе въ церквахъ и крещальняхъ говорить проповѣди такимъ новымъ христіанамъ, какъ готовившимся къ крещенію, такъ и новокрещеннымъ. Изъ *отдѣльныхъ* бесѣдъ этого рода, говоренныхъ въ Антіохіи, сохранились первыя или болѣе раннія, относимыя обыкновенно къ 387 году. „Какъ вожделѣненъ и любезенъ намъ сонмъ юныхъ братій!“ начинаетъ онъ одну изъ этихъ бесѣдъ къ готовящимся ко крещенію. „Я называю васъ братіями еще прежде рожденія и привѣтствую васъ, какъ родныхъ, еще прежде, чѣмъ вы родились. Ибо я знаю, вѣрно знаю, какой вы имѣете удостоиться чести и какого начальства. А тѣхъ, которые имѣютъ получить начальство, обыкновенно всѣ уважаютъ еще прежде полученія этого начальства, чтобы услужливостію предварительно снискать ихъ благосклонность на будущее время. Такъ поступаю теперь и я; ибо вы имѣете получить не только начальство, но и

---

[1]) Herzog, Real-Encycl. подъ словомъ Libanius.

самое царство, и притомъ не просто царство, но царство небесное. Посему прошу и умоляю васъ: вспомните обо мнѣ, когда достигнете этого царства; какъ Іосифъ говорилъ начальнику виночерпіевъ: *помяни мя, егда благо ти будетъ* (Быт. 40, 14), такъ и я нынѣ говорю вамъ: *помяните мя, егда благо вамъ будетъ.* Не за истолкованіе сновъ прошу у васъ этого воздаянія, какъ онъ; ибо я пришелъ не сны толковать вамъ, но возвѣщать о предметахъ небесныхъ и преподать благовѣстіе о тѣхъ благахъ, *ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша*, таковы блага, *яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9). Іосифъ говорилъ виночерпію: *еще три дни, и помянетъ Фараонъ санъ твой, и паки поставитъ тя въ старѣйшинство твое винарско* (Быт. 40, 13); а я не говорю: еще три дня, и вы сдѣлаетесь виночерпіями; но: еще *тридцать дней*, и не Фараонъ, а Царь Небесный возведетъ васъ въ горнее отечество, въ свободный Іерусалимъ, во градъ небесный. Тотъ говорилъ: *и подаси чашу Фараону въ руки его* (ст. 13), а я не говорю: вы будете подавать чашу въ руки царя; но самъ Царь *даетъ въ руки ваши чашу* страшную и исполненную великой силы и драгоцѣннѣйшую всякой твари. Посвященные въ тайны знаютъ силу этой чаши; узнаете и вы спустя немного. И такъ вспомните обо мнѣ, когда войдете въ то царство, когда получите царскую одежду, когда облечетесь въ порфиру, обагренную Кровію Господнею, когда надѣнете діадему, блистающую со всѣхъ сторонъ свѣтлѣе лучей солнечныхъ". Такъ одушевляя готовящихся къ св. крещенію, Златоустъ хвалитъ ихъ и за то, что они не отлагаютъ крещенія до болѣзни или предсмертнаго часа, какъ то бывало еще тогда въ обычаѣ [1]). А затѣмъ прекрасно изъ-

---

[1]) По особенному значенію для своего времени рѣчи Златоуста въ обличеніе этого обычая, умѣстно здѣсь представить черты изъ нея: „не только ублажаю, но и хвалю ваше благоразуміе, что вы приступаете къ крещенію не при послѣднемъ дыханіи, какъ безпечнѣйшіе люди, но какъ благоразумные

ясняетъ имъ значеніе таинства крещенія, опираясь на разныя наименованія его въ Свящ. Писаніи, и преподаетъ наставленія о новомъ образѣ жизни по предстоящемъ возрожденіи въ таинствѣ крещенія. Въ ряду другихъ прекрас-

---

рабы, готовые съ великимъ благорасположеніемъ повиноваться Господу, уже съ этого времени и съ ревностію подклоняете выю души подъ благое иго Христово. Ибо, хотя равны дары благодати и для васъ и для принимающихъ таинство при концѣ жизни, но не одинаково расположеніе воли и приготовленіе къ дѣлу. Тѣ принимаютъ таинство на одрѣ, а вы въ нѣдрахъ Церкви, общей всѣмъ матери; тѣ въ скорби и слезахъ, а вы въ радости и веселіи; тѣ—со стенаніемъ, а вы съ благодарностію; тѣ—страдая сильною горячкою, а вы, исполняясь великаго духовнаго удовольствія. Поэтому все здѣсь соотвѣтствуетъ дару, а тамъ все противорѣчитъ дару; ибо тамъ принимающіе таинство предаются сѣтованію и плачу: стоятъ кругомъ дѣти рыдающія, жена, терзающая ланиты, друзья печальные, слуги, обливающіеся слезами, видъ всего дома уподобляется ненастному и мрачному дню; и если заглянешь въ самое сердце лежащаго, то найдешь его скорбнымъ болѣе всего этого... Предсмертныя мысли и заботы больнаго разрываютъ и волнуютъ его сердце, какъ вѣтры. Взглянетъ ли на жену, думаетъ о ея вдовствѣ, взглянетъ ли на слугъ,—ему приходитъ на мысль запустѣніе дома; обратится ли къ самому себѣ,—и онъ припоминаетъ настоящую жизнь, и, готовясь разстаться съ нею, чувствуетъ великое облако печали. Такова душа намѣревающагося тогда принять таинство. Потомъ, среди такого смятенія и безпокойства, *входитъ священникъ, который для больнаго страшнѣе самой горячки, а для приближенныхъ къ больному ужаснѣе самой смерти*; ибо прибытіе священника считается знакомъ большей безнадежности, нежели голосъ врача, отчаявающагося въ жизни больнаго, и источникъ вѣчной жизни кажется знакомъ смерти. Но я еще не сказалъ о самомъ высшемъ злѣ: часто среди смятеній и приготовленій, ближніе и не замѣчаютъ, какъ душа разлучается съ тѣломъ; а многимъ и присутствіе ея не приноситъ никакой пользы; ибо когда готовящійся принять таинство не узнаетъ присутствующихъ, не слышитъ голоса ихъ, не можетъ произнести тѣхъ словъ, посредствомъ которыхъ онъ долженъ вступить въ блаженный завѣтъ съ Господомъ, но лежитъ, какъ безжизненное дерево или камень, нисколько ни отличаясь отъ мертваго: то какая польза отъ принятія таинства при такой безчувственности?“ Подобныя наставленія и предостереженія относительно обычая отлагать крещеніе до предсмертной болѣзни или старости дѣлали и другіе св. отцы, такъ что со временемъ возымѣлъ силу другой обычай—принимать крещеніе въ молодости или вообще вслѣдъ за обращеніемъ въ христіанство, а въ христіанскихъ семьяхъ—крестить дѣтей въ первые годы, а затѣмъ и въ первые дни ихъ дѣтства.

ныхъ наставленій, преподаваемыхъ Златоустомъ готовящимся къ св. крещенію и ново-крещеннымъ, находится и то, чтобы они чистотою и безукоризненностію своей жизни, своею праведностію, цѣломудріемъ и вообще хр. добродѣтелями являли свое превосходство предъ язычниками, какъ *людей*, какъ *вѣрующихъ*, какъ *христіанъ*, споспѣшествуя такимъ образомъ возрастанію и славѣ вѣры и церкви Христовой. Кромѣ *отдѣльныхъ* или *нарочитыхъ* бесѣдъ къ *новопросвѣщеннымъ*, извѣстно не мало другихъ бесѣдъ, въ надписаніи которыхъ, указывающемъ на общее или рядовое содержаніе бесѣды, прибавляется *и къ новопросвѣщеннымъ*. А это именно и указываетъ, что случаи обращенія язычниковъ и крещенія ихъ повторялись во все время проповѣдническаго служенія Златоуста въ Антіохіи.

Болѣе особенныя побужденія были у Златоуста просвѣщать христіанъ относительно іудеевъ и іудейства и обличать послѣднихъ, такъ что онъ считалъ нужнымъ говорить особыя нарочитыя *проповѣди противъ іудеевъ*. Сильные въ Антіохіи, іудеи имѣли здѣсь уже своего патріарха (какъ уже было сказано), двѣ синагоги, одну въ самомъ городѣ, другую въ предмѣстьи Дафны близь такъ называемой „пещеры или пропасти Матроны", пышно совершали свои праздники, хвалились своими постами и обрядами, стращали какими-то священными клятвами, обольщали своимъ искусствомъ врачеваній и т. под. Нѣкоторые христіане засматривались на іудейскіе праздники, поддавались іудейскимъ обольщеніямъ. Были въ Антіохіи и сектанты—*іудействующіе христіане*,—принимали уже прямое участіе въ іудейскихъ обрядахъ, хаживали въ іудейскія синагоги, соблюдали іудейскіе посты, отличались отъ прочихъ христіанъ особенно празднованіемъ пасхи и самымъ представленіемъ о ней. Вопреки установленному Никейскимъ соборомъ общему и единообразному обычаю празднованія пасхи, они праздновали ее по старому, извѣстному на Востокѣ, обычаю -одновременно съ іудеями въ 14 й день мѣсяца Нисана

и потому постъ четыредесятницы начинали ранѣе другихъ и самый этотъ постъ называли постомъ пасхальнымъ и Пасху понимали, какъ дни страданій Христовыхъ [1]). Подъ вліяніемъ іудействующихъ христіанъ и другіе христіане заходили далеко въ своихъ увлеченіяхъ іудействомъ. Говоря о двухъ синагогахъ іудейскихъ и въ частности—синагогѣ близъ пещеры Матроны, Златоустъ (въ 1 словѣ противъ іудеевъ) говоритъ: „слышалъ я, что многіе изъ вѣрующихъ ходятъ туда и спятъ подлѣ этого мѣста“. Многое и другое слышалъ и видѣлъ Златоустъ въ отношеніяхъ христіанъ къ іудеямъ, съ перваго же года своего пресвитерства и учительства, и возревновалъ уврачевать христіанъ отъ *болѣзни іудейской.* Всѣхъ *словъ* его *противъ іудеевъ* извѣстно теперь *восемь* (а было ихъ больше), порядокъ которыхъ можетъ быть приблизительно опредѣленъ. Начавъ въ м. августѣ 386 г. рядъ словъ противъ еретиковъ Аномеевъ, Златоустъ прерываетъ его послѣ перваго же слова, чтобы начать рядъ словъ противъ іудеевъ. Побужденіемъ къ тому послужило приближеніе іудейскихъ праздниковъ и постовъ мѣсяца *Тисри*, нашего сентября, какъ поясняетъ онъ въ первомъ словѣ, сказанномъ за 15 дней до наступленія этихъ праздниковъ, слѣд. къ концу августа. Сказавъ, что хотѣлъ бы, согласно желанію слушателей, продолжать начатый рядъ словъ противъ Аномеевъ, онъ выражается: „но что̀ мнѣ дѣлать? Другая, болѣе тяжкая болѣзнь вызываетъ языкъ нашъ къ ея врачеванію, болѣзнь, поразившая тѣло

---

[1]) Говоря о іудействующихъ христіанахъ, отторгающихся отъ единенія съ прочими христіанами, Златоустъ (въ III словѣ) выражается: „Это-то единеніе многіе теперь расторгаютъ, когда, по неумѣстной ревности, уничижая наши постановленія и придавая большую важность іудейскимъ, считаютъ ихъ (іудеевъ) учителями, заслуживающими бо́льшей довѣренности, чѣмъ наши отцы (т. е. отцы Никейскіе въ постановленіи о пасхѣ), христоіубійцамъ *вѣрятъ [въ ученіи] о страданіи [Христовомъ—περὶ πάθους]*“. Здѣсь именно указывается на своеобразное представленіе іудействующихъ христіанъ о пасхѣ, *акъ пасхѣ страданій Христовыхъ.*

церкви. Ее должно прежде искоренить, потомъ уже позаботиться и о внѣшнихъ; должно прежде лечить своихъ, а потомъ заняться и внѣшними. Какая же эта болѣзнь? У жалкихъ и несчастныхъ іудеевъ наступаетъ непрерывный рядъ праздниковъ—*трубы*, *кущи*, *посты*; а многіе изъ нашихъ, которые считаются нашими, и говорятъ о себѣ, будто мыслятъ по нашему, одни ходятъ смотрѣть на эти праздники, а другіе даже участвуютъ въ праздникахъ и постахъ (іудейскихъ). Этотъ то злой обычай хочу я теперь изгнать изъ церкви. Противъ аномеевъ можно говорить и въ другое время, и отъ замедленія въ этомъ не будетъ вреда: но если зараженныхъ іудействомъ не уврачуемъ теперь, когда праздники іудеевъ близко и у дверей, то боюсь, чтобы нѣкоторые изъ христіанъ, по неудержимой привычкѣ и великому невѣжеству, не приняли участія въ ихъ (іудеевъ) нечестіи: тогда напрасны были бы уже и наши слова объ этомъ". Повидимому, на ускореніе проповѣди противъ іудеевъ повліяло еще слѣдующее разительное обстоятельство, которое встрѣтилось проповѣднику именно на третій или четвертый день послѣ перваго слова противъ аномеевъ и за три дня до перваго слова противъ іудеевъ и разсказано имъ въ этомъ же словѣ: „За три дня предъ симъ (повѣрьте, не лгу), я видѣлъ, что какой то негодяй и безумецъ, выдающій себя за христіанина (не могу назвать истиннымъ христіаниномъ отважившагося на такой поступокъ) принуждалъ одну почтенную, благородную, скромную женщину войти въ синагогу еврейскую, и тамъ поклясться по спорному между нимъ и ею дѣлу. Такъ какъ эта женщина взывала о помощи и просила остановить такое беззаконное насиліе, говоря, что ей, причастницѣ божественныхъ таинъ, не подобаетъ идти въ то мѣсто: то я, возгорѣвъ и воспламенясь ревностію, всталъ и не дозволилъ влечь ее на такое преступное дѣло, но освободилъ отъ этого нечестиваго принужденія. Потомъ я спросилъ влекшаго, христіанинъ ли онъ? И когда онъ призналъ себя таковымъ, я строго выговаривалъ ему, порицая его за без-

чувственность и крайнее безсмысліе, и говорилъ, что онъ ничѣмъ не лучше осла, если говорить о себѣ, что покланяется Христу, и въ то же время влечетъ кого-либо въ вертепы іудеевъ, распявшихъ Его. И долго я говорилъ ему, во первыхъ, на основаніи Божественныхъ евангелій, что вовсе не должно ни самому клясться, ни другого принуждать къ клятвамъ; потомъ, что не должно принуждать къ этому нетолько вѣрную и посвященную (въ таинства христіанскія), но и никого изъ непосвященныхъ. Когда же, поговоривъ много и долго, изгналъ я изъ души его ложную мысль (о важности синагоги); то спросилъ его о причинѣ, по которой онъ, оставя церковь, влекъ эту женщину въ еврейское сборище. Онъ отвѣчалъ, что многіе сказывали ему, будто клятвы, тамъ даваемыя, особенно страшны. При этихъ словахъ я застоналъ, воспламенился гнѣвомъ, и потомъ опять засмѣялся. Видя коварство діавола, и то, къ чему онъ успѣлъ склонить людей, я стоналъ; а размышляя о безпечности обольщаемыхъ, я воспламенялся гнѣвомъ; смотря опять на то, каково и какъ велико неразуміе обольщаемыхъ, я смѣялся. Объ этомъ я разсказалъ и сообщилъ вамъ потому, что вы безчувственны и несострадательны къ тѣмъ изъ христіанъ, которые дѣлаютъ и терпятъ такія вещи". Понятно, насколько этими, такъ сказать, вводными сообщеніями проповѣдника, сдѣланными въ первомъ словѣ противъ іудеевъ, возбуждены были у его слушателей интересъ и вниманіе къ начатому ряду словъ его по этому предмету. За пять дней до наступленія іудейскихъ праздниковъ, онъ сказалъ второе слово противъ іудеевъ. Но затѣмъ онъ долженъ былъ прервать начатый рядъ словъ для проповѣди по другимъ обстоятельствамъ. Послѣдовалъ соборъ или съѣздъ въ Антіохію областныхъ епископовъ, а затѣмъ рядъ дней памяти мѣстныхъ антіохійскихъ мучениковъ, прерываемый днями общецерковныхъ праздниковъ Рождества Христова, Богоявленія, съ предшествующимъ ему днемъ календъ или первымъ днемъ 387 г., и другими случаями, требовавшими словъ проповѣдническихъ. Въ промежутки между

этими случаями и словами, онъ возобновилъ прерванный рядъ проповѣдей противъ аномеевъ, а къ словамъ противъ іудеевъ возвратился уже къ концу февраля 387 г., въ виду приближающагося поста четыредесятницы [1]. Прямымъ побужденіемъ къ возобновленію проповѣди противъ іудеевъ въ это именно время служило желаніе разъяснить неразуміе и неблагочестіе тѣхъ іудействующихъ христіанъ, которые собирались начать ранѣе и особо отъ прочихъ христіанъ свой постъ, называемый у нихъ пасхальнымъ, что и дѣлаетъ Златоустъ въ своемъ сказанномъ теперь третьемъ словѣ противъ іудеевъ. Но на этомъ словѣ должна была теперь внезапно и остановиться проповѣдь противъ іудеевъ: вспыхнулъ извѣстный бунтъ въ Антіохіи, сопровождавшійся разрушеніемъ императорскихъ статуй и тяжкими послѣдствіями для антіохійцевъ и вызвавшій Златоуста на цѣлый рядъ словъ въ теченіи всей четыредесятницы до Пасхи включительно. Къ вторично прерванному ряду словъ противъ іудеевъ Златоустъ возвратился уже въ концѣ лѣта 387 г., когда опять приближались сентябрскіе праздники и посты іудеевъ. Четвертое слово сказано было за десять дней до этихъ праздниковъ, а затѣмъ слѣдовали пятое, шестое и седьмое, говоренное, какъ сообщаетъ самъ проповѣдникъ, въ ту пору, когда іудеи *уже строили свои кущи*, т. е. ок. 14 сентября.

---

[1]) Думаютъ, что послѣ перваго и втораго слова противъ іудеевъ говорены были противъ нихъ же еще и другія, не дошедшія къ намъ, слова и не вошедшія въ составъ извѣстныхъ *восьми* словъ. Объ упомянутомъ же здѣсь перерывѣ словъ противъ іудеевъ говоритъ самъ Златоустъ во второмъ словѣ противъ аномеевъ. Порядокъ словъ противъ іудеевъ вообще достаточно опредѣленъ въ Compendium Chronologicum gestorum et scriptorum s. Ioannis Chrysostomi Стилтинга (Patr. Graec. Миня T. 47, p. 264 и далѣе), съ которымъ въ главномъ сходятся указанія и нашихъ патрологовъ. Только начало этихъ словъ, т. е. первое слово, слѣдуетъ, кажется намъ, относить не къ *концу* августа, или *началу* сентября, а къ срединѣ августа, ибо самъ Златоустъ въ 1 словѣ говоритъ, что начинаетъ свою проповѣдь противъ іудеевъ за *пятнадцать или болѣе* дней до наступленія іудейскихъ праздниковъ, ставя первымъ изъ нихъ праздникъ *трубъ*, падающій, какъ извѣстно, на первый день мѣсяца Тисри, совпадающаго съ сентябремъ.

Послѣднее, осьмое слово сказано уже по окончаніи іудейскихъ праздниковъ этого года.

Слова Златоуста противъ іудеевъ очень обширны, обильны мыслями и разсужденіями о іудействѣ и іудеяхъ, съ характеристикою ихъ нравовъ и съ направленіемъ всего проповѣдническаго слова къ обличенію іудеевъ, вразумленію сектантовъ іудействующихъ и къ назиданію вѣрныхъ церкви христіанъ. Исходною мыслію проповѣдника есть мысль объ *отпаденіи іудеевъ* отъ своего бывшаго призванія, чрезъ отверженіе ими свѣта вѣры Христовой, благодати усыновленія, тайны спасенія, словомъ всѣхъ тѣхъ духовныхъ благъ, которыя теперь дарованы въ наслѣдіе вѣрующимъ христіанамъ. Причиною такого отпаденія есть чувственность и жестоковыйность іудеевъ, которою они часто прогнѣвляли Бога и въ Ветхомъ Завѣтѣ, навлекали обличенія пророковъ, и по которой они не хотѣли уразумѣть духовныхъ благъ царства Христова, не хотѣли покориться благому игу Христову, какъ будто невыносимому, и возстали на своего Христа и Господа, хулили и распяли Его. Теперь они кажутся ревнителями своего обрядоваго закона, чтителями священныхъ книгъ Пятокнижія и пророковъ, лежащихъ въ ихъ синагогахъ, что́ обольщаетъ и нѣкоторыхъ христіанъ. Но эта ревность по обрядовому закону уже неразумная и даже нечестивая, какъ запоздалая и неумѣстная: ибо законъ этотъ имѣлъ временное значеніе, обусловливаемое и привязанностію къ мѣсту, какъ Іерусалимъ, храмъ и проч.; онъ былъ только сѣнію грядущаго и подлежалъ отмѣненію, которое и предсказано было пророками и которое свидѣтельствуется утратою іудеями всего, что необходимо для существованія обрядоваго закона. Синагоги іудейскія, гдѣ теперь трубятъ іудеи, не суть храмы Божіи и лишены всего, что соединялось съ храмомъ и съ храмовыми праздниками іудеевъ: „Чего бѣжишь видѣть въ синагогѣ богопротивныхъ іудеевъ, скажи мнѣ? Людей, трубящихъ въ трубы? Но надлежало бы тебѣ, сидя дома, скорбѣть о нихъ и плакать о томъ, что они противятся заповѣди Божіей“,

Сказавъ, какое значеніе имѣли трубы и праздникъ трубъ въ свое время, въ Ветхомъ Завѣтѣ, Златоустъ продолжаетъ: „гдѣ же теперь жертвенникъ? гдѣ кивотъ? гдѣ скинія и святая святыхъ? гдѣ херувимы славы? гдѣ златая кадильница? гдѣ очистилище? гдѣ чаша? гдѣ сосуды возліянія? гдѣ огнь, свыше ниспосланный? Все оставилъ ты и удерживаешь только трубы? Видишь ли, что іудеи скорѣе играютъ, чѣмъ служатъ Богу?“ Потеря іудеями отечества, Іерусалима, храма, законнаго священства, разсѣяніе ихъ по землѣ - все это знаменіе суда Божія надъ ними. Знаменія сего суда видны и въ былыхъ судьбахъ іудеевъ, указаны въ пророчествахъ, точно во всемъ исполнившихся и продолжавшихъ исполняться уже во времена христіанскія, видны и на безплодныхъ и несчастныхъ попыткахъ іудеевъ отвоевать Іерусалимъ при Титѣ и Адріанѣ и послѣдней попыткѣ возстановить храмъ при Іуліанѣ отступникѣ, памятной всѣмъ. Напрасно іудеи стараются истолковать свои послѣднія несчастны судьбы такъ, что это только наказаніе за обыкновенные грѣхи, подобно прежде бывшимъ наказаніямъ въ Ветхомъ Завѣтѣ: послѣдній судъ Божій надъ ними есть судъ именно за тотъ чрезвычайный грѣхъ, какимъ есть грѣхъ отверженія своего обѣтованнаго Мессіи, грѣхъ распятія и продолжающагося хуленія Его іудеями, и это именно ясно провозвѣщено въ древнихъ пророчествахъ и Евангеліи. Также ясны и истинны предвѣщанія пророческія и евангельскія о царствѣ Христовомъ, оправданныя исполненіемъ ихъ и свидѣтельствуемыя всею исторіею христіанской церкви. Мѣстами проповѣдникъ даетъ описанія самой обрядности современныхъ ему іудеевъ, соединенной съ праздниками и постами ихъ, указывая въ ней черты лицемѣрія, формализмъ, даже неблагочестіе и неблагопристойности. Такъ, напр., говоря о постахъ, онъ замѣчаетъ, что если и въ Ветхомъ Завѣтѣ іудеи постились *въ судахъ и сварахъ*, какъ изобличалъ ихъ пророкъ (Ис. 58, 5), то теперь постятся въ неумѣренности и крайней невоздержности, пляша босыми ногами на площади: у нихъ цѣль (ὑπόθεσις) постящихся, а видъ (σχῆμα)

пьянствующихъ... Пророкъ повелѣваетъ: *освятите постъ*; не сказалъ: шумно празднуйте постъ; *проповѣдите цѣльбу, соберите старѣйшины* (Іоил. 1, 14). А они, собравши толпы изнѣженныхъ людей и скопище распутныхъ женщинъ, весь этотъ театръ и актеровъ увлекаютъ въ синагогу". Говоря о собраніяхъ въ синагогахъ въ праздникъ трубъ, замѣчаетъ: „туда, обыкновенно, собираются и любодѣйцы и изнѣженные мущины и цѣлая толпа плясуновъ. И что̀ говорить о совершающихся тамъ прелюбодѣяніяхъ"? Повидимому подобныя явленія происходили особенно въ собраніяхъ синагоги у пещеры Матроны, гдѣ обольщаемые христіане проводили и ночи, какъ замѣчаетъ проповѣдникъ—обличитель. По поводу того, что іудеи пытались внушать малодушнымъ христіанамъ какой-то благоговѣйный страхъ къ своимъ синагогамъ, указывая на хранимыя въ нихъ священныя книги Пятокнижія и пророковъ, важныя особенно для клятвъ на нихъ, Златоустъ выражается: „іудеи пугаютъ васъ, какъ малыхъ дѣтей, а вы не чувствуете этого. Какъ негодные слуги, показывая дѣтямъ страшныя и смѣшныя маски, возбуждаютъ большой смѣхъ, такъ и іудеи пугаютъ только слабыхъ христіанъ своими личинами"... Вообще синагоги іудейскія не дѣлаются святыми отъ лежащихъ въ нихъ книгъ, ибо книги не придаютъ святости мѣсту, если оно оскверняется душевнымъ расположеніемъ собирающихся въ немъ. А іудеи ввели съ собою въ свои синагоги Моѵсея и пророковъ не для того, чтобы почтить, но чтобы оскорблять и безчестить ихъ. Ибо когда они говорятъ, будто Моѵсей и пророки не знали Христа и ничего не сказали объ Его пришествіи: то какое же еще можетъ быть бо̀льшее оскорбленіе для этихъ святыхъ?... Самое чтеніе пророческихъ писателей безъ вѣры имъ не можетъ принести пользы читающимъ"... Проповѣдникъ находитъ крайне непристойнымъ для христіанина довѣряться и врачебному искусству, которымъ хвалятся и стараются обольщать евреи, и совѣтуетъ искать своихъ врачей тѣлесныхъ и духовныхъ, и паче всего искать врачества въ вѣрѣ, молитвѣ и помощи Божіей. Замѣчателенъ, наконецъ,

отзывъ Златоуста о чертахъ нравственнаго характера и быта современныхъ ему іудеевъ, встрѣчаемый въ первомъ же словѣ его: „о чемъ еще сказать вамъ? о похищеніяхъ, о лихоимствѣ, о притѣсненіи бѣдныхъ, о кражахъ, о корчемствѣ? Но для разсказа объ этомъ *не достанетъ и цѣлаго дня*". А въ шестомъ словѣ подъ эту характеристику онъ подводитъ и тогдашнихъ патріарховъ іудейскихъ, касаясь ея впрочемъ только мимоходомъ при разъясненіи того, что у іудеевъ нѣтъ теперь законнаго священства. „Гдѣ теперь ваша святыня? Гдѣ первосвященникъ?... Не говори мнѣ объ этихъ вашихъ патріархахъ,—корчемникахъ, торгашахъ, исполненныхъ всякаго беззаконія. Какой тутъ священникъ, скажи мнѣ, когда нѣтъ ни древняго помазанія, ни всей прочей святыни?

Все, что говоритъ Златоустъ въ обличеніе іудеевъ, направляется у него и къ вразумленію іудействующихъ христіанъ. Но къ нимъ обращено много и особенныхъ обличеній и наставленій, сущность которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ: какъ они, называясь христіанами, держатъ общеніе съ іудеями, убившими Христа и хулящими Его? Какъ они, побывавъ въ синагогѣ, пріобщаются своей трапезѣ, будто христіане? Почему, удерживая нѣчто изъ іудейства, они не исполняютъ другихъ іудейскихъ обрядовъ? Видано ли, чтобы іудеи соблюдали какіе-либо христіанскіе уставы и обряды и относились къ нимъ иначе, чѣмъ только съ хуленіемъ и непріязнію? Откуда же у іудействующихъ это позорное и грѣховное рабство іудейству? Не тяжкій ли грѣхъ, что они, называясь христіанами, отдѣляются отъ единой матери церкви, отъ союза мира, единомыслія и любви съ собратіями христіанами? Въ частности, онъ много останавливается на обличеніи того неумѣстнаго упорства іудействующихъ, по которому они праздновали пасху вмѣстѣ съ іудеями, понимая и самую пасху, какъ время поста и плача. Этому посвящено почти все третье слово, въ которомъ прекрасно изображается достоинство Никейскаго Собора и его святыхъ отцевъ, установившихъ единообразное

празднованіе пасхи ради согласія въ Церкви. Между прочимъ, разъясняя здѣсь значеніе іудейской пасхи, различіе отъ нея христіанской, Златоустъ называетъ пасхою *евхаристію*, совершаемую не одинъ разъ въ году, какъ іудейская пасха, а въ каждое храмовое собраніе, бывающее въ воскресные и другіе дни. Разъясняя значеніе предпасхальнаго поста четыредесятницы, онъ выражается: „мы постимся не для пасхи и не для креста, но ради своихъ прегрѣшеній, потому что намѣреваемся приступить къ Тайнамъ; пасха же есть предметъ не поста и плача, но веселія и радости. Ибо крестъ уничтожилъ грѣхъ, сдѣлался очищеніемъ всего міра; отверзъ врата небесныя, возвелъ естество наше на небо и посадилъ одесную престола, доставилъ намъ и другія безчисленныя блага. И такъ изъ-за всего этого должно не плакать и не сокрушаться, а веселиться и радоваться". Понятно, что подобное наставленіе приспособлено было именно къ смягченію упорства іудействующихъ, не раздѣлявшихъ съ прочими вѣрующими духовной радости въ дни Пасхи. Въ наставленіяхъ, обращаемыхъ ко всѣмъ вѣрнымъ христіанамъ, Златоустъ убѣждаетъ и даже строго внушаетъ прилагать всѣ старанія къ отвлеченію слабыхъ и заблуждающихъ отъ іудейскихъ соблазновъ, дѣйствуя такъ на членовъ семьи, домочадцевъ, знакомыхъ и вообще ближнихъ; требуетъ розыскивать такихъ, узнавать о нихъ, и въ случаѣ упорства ихъ, приводить къ священнику, чтобы тотъ, съ помощію Божіей, вразумлялъ ихъ. Эти строгія внушенія смягчаются впрочемъ въ осьмомъ и послѣднемъ словѣ, гдѣ уже совѣтуется не разглашать о падшихъ въ іудейскіе соблазны, посѣщавшихъ синагоги, а вразумлять ихъ наединѣ, съ любовію, кротостію, предавая забвенію грѣхъ паденія ихъ, какъ скоро они сознали его. Очевидно, что рядъ словъ Златоуста произвелъ свое дѣйствіе, что суевѣрныя увлеченія іудействомъ значительно ослабѣли, что самая секта іудействующихъ значительно умалилась, что̀ дѣйствительно замѣчается въ судьбѣ этой секты въ Антіохіи, а потомъ и

въ другихъ мѣстахъ, хотя слабые отростки ея еще видимы и въ позднѣйшія времена.

Въ томъ же первомъ году своего пресвитерства Златоустъ, какъ уже упомянуто, съ августа началъ рядъ *словъ противъ еретиковъ аномеевъ*, перемѣжавшійся, кромѣ другихъ словъ, рядомъ словъ противъ іудеевъ, и окончившійся въ 387 г.[1]). Внѣшнему соотношенію словъ противъ аномеевъ съ словами противъ іудеевъ, т. е. сооотношенію близости ихъ по времени произнесенія ихъ, отвѣчаетъ и *внутреннее* соотношеніе ихъ. Въ первомъже словѣ противъ іудеевъ, сказанномъ послѣ перваго слова противъ аномеевъ, Златоустъ, объясняя мотивы перехода отъ одного къ другому, присовокупляетъ: „при томъ же настоящее слово (противъ іудеевъ) *сродно* съ прежнимъ (противъ аномеевъ): такъ какъ *сродно и нечестіе іудеевъ и аномеевъ, то и настоящія состязанія наши сродны съ прежними.* Вѣдь и аномеи ставятъ въ вину (Іисусу Христу) тоже самое, за что обвиняли Его іудеи. За чтоже они обвиняли Его? За то, что Онъ называлъ Бога Своимъ Отцемъ, дѣлая Себя равнымъ Богу (Іоан. 5, 18). За это же обвиняютъ Его и аномеи, или лучше сказать, не обвиняютъ, но даже совсѣмъ изглаждаютъ самыя слова Іисуса Христа (Іоан. 5, 17) и смыслъ ихъ, если не руками, то мыслію". По тому же сродству нечестія іудеевъ и аномеевъ, Златоустъ въ словахъ противъ послѣднихъ пользуется случаями изобличать и іудейскія толкованія тѣхъ или другихъ мѣстъ св. Писанія.

Для болѣе яснаго представленія о характерѣ словъ Златоуста противъ аномеевъ и важности этихъ словъ для Антіохіи, нужно вспомнить—кто были аномеи. Названіе это (Ἀνόμοιοι) дано имъ по ихъ нечестивому ученію, что Сынъ Божій не только не равенъ и не единосущенъ Отцу, но даже *неподобенъ* (ἀνόμοιος) Отцу по существу. Это были *чистые* или *крайніе* аріане, отличавшіеся отъ полуаріанъ, которые признававшіи Сына *подобнымъ* Отцу распада-

---

[1]) Порядокъ словъ противъ аномеевъ обозначается у патрологовъ нѣсколько различно, такъ однако же, что всѣ эти слова пріурочиваются къ 386 и 387 г.г.

лись опять на двѣ партіи, изъ которыхъ одна болѣе умѣренная признавала Сына *во всемъ подобнымъ Отцу* (ὅμοιον κατὰ πάντα), подобнымъ *и по существу* (ὁμοιούσιον), а другая просто *подобнымъ*, подобнымъ не по *существу*, а по волѣ. Аномейство, въ смыслѣ крайняго аріанства, считало Антіохію какъ бы своею родиною. Было упомянуто, что въ Антіохіи со времени удаленія изъ нея св. Евстаѳія (въ 328 г.) до св. Мелетія (358 г.), въ теченіе тридцати лѣтъ господствовали аріанскіе епископы, впрочемъ, не одной и той же партіи. Основателемъ собственно аномейской партіи былъ здѣсь антіохійскій діаконъ *Аэцій*, крайній послѣдователь Арія и имѣвшій своимъ послѣдователемъ *Евномія*, котораго константинопольскій аріанскій епископъ Евдоксій, съ согласія покровителя аріанъ императора Валента, поставилъ въ 366 въ епископа г. Кизика. По Аэцію и Евномію, аномеи назывались также *аэціанами* и *евноміанами*. Тѣ и другіе неоднократно подпадали осужденію на соборахъ и со стороны не только православныхъ, но и полуаріанъ, особенно при императорѣ Констанціѣ († 361 г.), склонявшемся къ партіи полуаріанъ. Ободренные при Валентѣ, покровителѣ Евномія, аномеи, какъ и вообще аріане, стали упадать въ царствованіе Ѳеодосія Великаго и послѣ вселенскаго собора 381 г., такъ что въ Антіохіи по смерти своего епископа Ѳеодора или Дороѳея († 383 г.) уже не имѣли новаго епископа. Однако-же продолжали держаться здѣсь, причиняя, вмѣстѣ съ сектою іудействующихъ христіанъ, соблазнъ и смущеніе православнымъ антіохійцамъ. Потому Златоустъ и почелъ нужнымъ выступить съ рядомъ словъ противъ аномеевъ. Мысль объ этомъ онъ возымѣлъ съ первыхъ же поръ своего пропоаѣдническаго служенія, но нѣсколько помедлилъ съ исполненіемъ ея, въ надеждѣ привлечь вниманіе аномеевъ къ его проповѣдническому слову вообще, и достигъ цѣли. Возбуждаемые славою новаго проповѣдника, аномеи ходили слушать его вмѣстѣ съ православными и наконецъ стали высказываться съ желаніемъ услышать въ его проповѣди разсужденія и по пред-

мегу ихъ ученія. Теперь почелъ онъ благовременнымъ начать рядъ своихъ словъ противъ аномеевъ. Всѣхъ словъ, сказанныхъ имъ въ *Антіохіи*, извѣстно теперь *десять*. Видимо раздѣляются они на двѣ серіи. Первыя пять словъ, сказанныя въ 386 г., имѣютъ особое заглавіе: *о непостижимомъ* противъ аномеевъ. Оно указываетъ на общую мысль этихъ словъ, направленную противъ общей же или исходной мысли аномеевъ, коренящейся въ гностицизмѣ и, послѣ Арія и Аэція, рѣзче формулированной Евноміемъ. Гностики усвояли себѣ *совершенное знаніе, высшее* того, какое есть въ Церкви, какъ ея исповѣданіе, основанное на простой вѣрѣ. Въ духѣ такого самообольщенія, Евномій и аномеи утверждали, что Божество, по самому существу своему, доступно нашему знанію, постижимо разумомъ также, какъ человѣкъ и его природа, что съ такимъ знаніемъ о Божествѣ они видятъ различіе отъ Него Христа Сына Божія, въ Которомъ нѣтъ божественности, нѣтъ подобія Богу по существу, такъ что Онъ является твореніемъ Божіимъ, хотя и высшимъ другихъ твореній. Въ обличеніе этого дерзкаго и нечестиваго ученія, Златоустъ въ первыхъ пяти словахъ сосредоточивается на мысли о *непостижимости* Бога для нашего ограниченнаго разума и даже разума ангельскаго. Въ первомъ словѣ, говоренномъ въ отсутствіе въ Антіохіи святителя Флавіана, проповѣдникъ пользуется этимъ обстоятельствомъ, чтобы начать рѣчію о любви, которая соединяетъ пастыря съ овцами и въ его отсутствіи и которая вообще есть высшая добродѣтель, такъ что она пребываетъ и пребудетъ и тогда, *аще пророчествія упразднятся*, *аще ли языци умолкнутъ*, *аще разумъ* (знаніе) *испразднится* (1 Кор. 13, 8. 13). Выраженіе: *упразднится разумъ или знаніе*, онъ сопоставляетъ, для объясненія его, съ словами изъ того же апостольскаго текста: *отчасти бо разумѣваемъ и отчасти пророчествуемъ*: *егда же пріидетъ совершенное*, *тогда еже отчасти упразднится* (ст. 9). Упраздненіе знанія означаетъ переходъ отъ частнаго, несовершеннаго къ совершенному, какое наступитъ въ будущей жизни. Итакъ настоящее наше знаніе

Божества есть знаніе частное, несовершенное, знаніе *яко зерцаломъ въ гаданіи*, въ сравненіи съ тѣмъ, какое откроется вамъ въ будущей жизни. „Знаю, напримѣръ, что Богъ есть повсюду и повсюду весь, но какимъ это образомъ, не знаю; знаю, что Онъ безначаленъ, нерожденъ, вѣченъ, но какъ это, не знаю, потому что для мысли недоступно бытіе такого Существа, которое не получало начала ни отъ себя, ни отъ другаго. Итакъ, гдѣ тѣ, которые утверждаютъ, что они объяли все знаніе, и между тѣмъ впали въ бездну невѣдѣнія? Говоря, что все постигли въ настоящемъ, они и въ будущемъ лишаютъ себя всесовершеннаго знанія". Такъ начавъ, проповѣдникъ разъясняетъ мысль, что Богъ непостижимъ по существу. Непостижимы Его премудрость, неизслѣдимы тайны Его домостроительства, какъ все это превосходно выражено у пророковъ и у ап. Павла. „Но, оставивъ пророковъ и Павла, взойдемъ на небеса: нѣтъ ли тамъ кого-либо знающаго, что̀ есть Богъ по существу. Впрочемъ, хотя бы на небѣ и нашлись знавшіе, то у нихъ нѣтъ ничего общаго съ нами; ибо велико различіе между ангелами и человѣками. Однакожъ, ты увѣришься, что и тамъ ни одна созданная сила не знаетъ сего. Выслушаемъ только ангеловъ. О самомъ ли существѣ Божіемъ бесѣдуютъ они тамъ и вопрошаютъ другъ друга? Никакъ. А чтожъ? Одни прославляютъ, поклоняются, непрестанно и съ великимъ страхомъ возсылаютъ хвалебныя и таинственныя пѣсни; другіе взываютъ: *Слава въ вышнихъ Богу*; серафимы: *Святъ*, *Святъ*, *Святъ* и отвращаютъ очи, не имѣя силъ сносить даже *снисхожденія* Божія"... Такимъ общимъ изображеніемъ непостижимости Божества проповѣдникъ даетъ видѣть прежде безуміе тѣхъ, которые хвалятся знаніемъ существа Божія. Этимъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ намѣтилъ главную задачу начинаемыхъ словъ, сопровождая это еще слѣдующими, свойственными ему, объясненіями съ слушателями: „я желалъ бы еще продолжить мое слово, но такъ какъ нынѣ я въ первый разъ вступилъ въ эти состязанія, то, думаю, для васъ полезно будетъ пока довольствоваться

сказаннымъ... Если Богъ допуститъ, мы еще *долго* будемъ разсуждать объ этомъ. *Я давно уже* болѣзновалъ симъ словомъ, но медлилъ и отлагалъ, видя, что *многіе изъ людей, зараженныхъ этимъ зломъ, съ удовольствіемъ слушаютъ насъ*; я удерживалъ языкъ отъ сихъ состязаній, не желая отгонять ловитву, но *стараясь прежде совершенно овладѣть ими*, и тогда приступить къ дѣлу. Теперь же, по милости Божіей, *слыша, что они сами приглашаютъ меня и желаютъ, чтобы я обратился къ этимъ состязаніямъ*, смѣло приступаю къ исполненію своего намѣренія и беру оружія, истребляющія помыслы *и всякое возношеніе, взимающееся на разумъ Божій*. Беру оружія не для того однако же, чтобы поражать противниковъ, но чтобы возставить лежащихъ: свойство этихъ оружій состоитъ въ томъ, чтобы поражать любопретельныхъ и исцѣлять съ великимъ тщаніемъ тѣхъ, которые *слушаютъ благонамѣренно*. Оружія эти не наносятъ ранъ, а врачуютъ ихъ". Сообразно съ этимъ Іоаннъ обѣщаетъ бесѣдовать кротко, совѣтуетъ и православнымъ соблюдать кротость въ обращеніи съ аномеями, не чуждаться и дружескихъ связей съ ними, если онѣ не приносятъ вреда; если же такія связи могутъ вести къ соблазну, къ оскорбленію ихъ вѣры, то прерывать ихъ, убѣгать отъ нихъ, но не спорить и не состязаться съ противниками, и самыя оскорбленія отъ нихъ переносить кротко и терпѣливо, подражая самому Господу. Это первое слово Іоанна противъ аномеевъ такъ понравилось православнымъ слушателямъ, что они высказали желаніе слышать продолженіе его проповѣди о томъ же предметѣ, которое однако же, по извѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, могло наступить не ранѣе, какъ чрезъ два мѣсяца. Не смотря на такой перерывъ, слѣдующія четыре слова находятся въ тѣсной связи съ первымъ, представляя частнѣйшее раскрытіе или примѣненіе высказанныхъ въ первомъ общихъ мыслей. Все прекрасное содержаніе этихъ словъ сводится къ тому, чтобы, отложивъ самонадѣянную и дерзкую пытливость всецѣло постичь Божество силою разума, путемъ умозаключеній, про-

никаться благоговѣйнымъ созерцаніемъ безпредѣльнаго величія Бога Творца неба и земли, ангеловъ и людей, таинъ Его домостроительства и снисхожденія для откровенія о Себѣ и спасенія людей и вѣрою усвоять то, что Богъ Самъ открываетъ о Себѣ, что возвѣстилъ о Немъ *Единородный Сынъ Его, сый въ лонѣ Отчи.* Каждое изъ словъ сопровождается разнообразными нравственными наставленіями, въ частности наставленіями объ отношеніяхъ къ еретикамъ, убѣжденіями оберегать себя и другихъ отъ ихъ соблазновъ, вразумлять еретиковъ и молиться объ ихъ обращеніи къ истинной вѣрѣ и единеніи съ церковію. Въ пятомъ словѣ, въ которомъ уже предупреждаетъ, что послѣ него дастъ отдыхъ уму слушателей, т. е., отложитъ слѣдующія слова на дальнѣйшее время, Іоаннъ объясненіемъ текста—*Бога никто же видѣ нигдѣ же, Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, Той исповѣда* (Іоан. 1, 18),—не только завершаетъ первый рядъ словъ, но преднамѣчаетъ предметъ обѣщаннаго на долѣе новаго ряда словъ. Въ этомъ ряду словъ проповѣдникъ излагаетъ и защищаетъ православное ученіе о божествѣ и единосущіи со Отцемъ Сына Божія, Іисуса Христа, объясняетъ, что воплощеніе и плотское уничиженіе его не только не умаляетъ, но еще ярче открываетъ намъ божественное достоинство и величіе Его. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ изъ словъ изобличаются возраженія и толкованія аномеевъ, также іудеевъ, направленныя противъ этихъ святыхъ истинъ. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ пріурочены къ днямъ проповѣди по другимъ предметамъ, какъ значится и въ заглавіяхъ ихъ, напр. 6-е слово *противъ аномеевъ на память блаженнаго Филогонія* (20 дек.), 9-е—*противъ аномеевъ, о четверодневномъ Лазарѣ.* Ограничимся немногими выдержками для характеристики собственно обличительной стороны въ этихъ словахъ Златоуста. Напр. девятое слово онъ начинаетъ такъ: „воскресшій сегодня Лазарь доставляетъ намъ разрѣшеніе многихъ и различныхъ недоумѣній. Ибо, не знаю—какъ, это чтеніе подало и еретикамъ поводъ и іудеямъ случай къ противорѣчію, не по самой сущности своей,

да не будетъ,—но по коварству души ихъ. Многіе изъ еретиковъ говорятъ, что Сынъ неподобенъ Отцу. Почему? Потому что Христосъ, говорятъ они, для воскрешенія Лазаря имѣлъ нужду въ молитвѣ. Какъ, говорятъ, молящійся можетъ быть подобнымъ принимающему молитву? Ибо одинъ молится, а другой принимаетъ молитву отъ молящагося. Но они богохульствуютъ, не понимая, что молитва была *дѣломъ снисхожденія и ради немощи присутствующихъ*. Кто, скажи мнѣ, больше: тотъ ли, кто умываетъ ноги, или тотъ, кому онъ умываетъ ноги? Конечно, скажешь, тотъ больше, кому умывающій умылъ ноги. Но Спаситель умылъ ноги предателя Іуды; ибо онъ былъ вмѣстѣ съ учениками. Кто же, не Іуда ли предатель больше Владыки Христа, такъ какъ Христосъ умылъ его ноги? Да не будетъ. А что ниже: умывать ноги или молиться? Конечно, умывать ноги. Итакъ не отказавшійся сдѣлать низшее какъ отказался бы сдѣлать высшее? Впрочемъ, все сдѣлано было ради немощи присутствовавшихъ іудеевъ, какъ покажетъ дальнѣйшая исторія. Между тѣмъ іудеи, находя здѣсь поводъ къ противурѣчію, говорятъ: какъ христіане считаютъ Богомъ того, который даже не зналъ мѣста, гдѣ лежалъ умершій Лазарь? Ибо Спаситель сказалъ сестрамъ Лазаря Мареѣ и Маріи: *гдѣ положисте его* (Іоан. 11, 34)? Видишь ли, говорятъ они, Его невѣдѣніе? Видишь ли Его немощь? Какъ же тотъ, который даже не зналъ мѣста, будетъ Богомъ? Но я скажу имъ, не думая самъ такимъ образомъ, но желая посрамить ихъ противленіе: ты говоришь, іудей, что Христосъ не зналъ этого, такъ какъ Онъ сказалъ: *гдѣ положисте его?* Слѣдовательно и Отецъ не зналъ въ раю, гдѣ скрылся Адамъ; ибо Онъ ходилъ, какъ бы ища его въ раю, и говорилъ: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. 3, 9), какъ бы такъ говоря: гдѣ ты скрылся?.. Представивъ и другіе подобные примѣры изъ Ветхаго Завѣта въ обличеніе іудеевъ, Іоаннъ возвращается къ аномеямъ и продолжаетъ: „теперь время сразиться съ тѣми, которые говорятъ, что Христосъ по немощи своей молился, воскрешая Лазаря. Слушайте же, прошу васъ, возлюбленные, со всѣмъ вниманіемъ. Когда

умеръ Лазарь, Іисусъ не былъ въ тѣхъ мѣстахъ, но былъ въ Галилеѣ и сказалъ своимъ ученикамъ: *Лазарь другъ нашъ успе.* Они же, думая, что Онъ говоритъ о снѣ, говорятъ Ему: *Господи, аще успе, спасенъ будетъ* (т. е. выздоровѣетъ). Тогда Онъ ясно сказалъ имъ: *Лазарь умре.* Затѣмъ Спаситель идетъ въ Іерусалимъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Лазарь; Его встрѣчаетъ сестра Лазаря и говоритъ Ему: *Господи, аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ мой умеръ...* Немощная женщина не знала теперь, что Христосъ хотя и не присутствовалъ тѣлесно, но присутствовалъ силою божества; она же ограничиваетъ силу Учителя тѣлеснымъ присутствіемъ. Мареа говоритъ Ему: *Господи, аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ мой умерлъ. Но и нынѣ*, говоритъ, вѣмъ, *яко елика аще просиши отъ Бога, дастъ Тебѣ Богъ.* Итакъ Спаситель въ слѣдствіе ея просьбы совершаетъ молитву. Богъ не имѣлъ нужды въ молитвѣ, чтобы воскресить мертваго. Развѣ не воскрешалъ Онъ и другихъ мертвецовъ? Когда Онъ встрѣтилъ одного мертвеца, выносимаго изъ воротъ, то коснулся только одра его и воскресилъ мертваго (Лук. 7, 14). Послѣ другихъ такихъ примѣровъ, проповѣдникъ останавливается на самой молитвѣ Спасителя предъ воскрешеніемъ Лазаря, и въ частности на словахъ Спасителя: *народа ради стоящаго окрестъ рѣхъ, да вѣру имутъ, яко Ты Мя послалъ еси*, объясняя, что молитва была не для мертваго, а для присутствовавшихъ невѣрныхъ, что наконецъ самое воскрешеніе Лазаря совершилось не молитвою, а Божественнымъ словомъ Спасителя: *Лазаре, гряди вонъ.* Собесѣдованію о *молитвахъ Христовыхъ*, объясненію значенія ихъ, посвящено и послѣднее, десятое слово, заключаемое общимъ размышленіемъ о плотскомъ смиреніи Христа. „Итакъ, узнавъ изъ всего сказаннаго о власти Христовой, если увидимъ, что иногда Онъ дѣлалъ и говорилъ нѣчто смиренное,—не будемъ приписывать Ему уничиженнаго естества. И самое принятіе плоти допустилъ по смиренію, а не потому, чтобы Онъ былъ ниже Отца. Откуда это видно? Ибо враги истины разглашаютъ и это, говоря: если Хри-

стосъ равенъ Родителю, то почему Отецъ не принялъ плоти, а Сынъ принялъ образъ раба? Не очевидно ли потому, что Онъ ниже Отца? Но если бы поэтому Онъ принялъ наше естество, то Духъ, Котораго они сами считаютъ меньшимъ Сына,—а мы этого не говоримъ,—долженъ былъ бы воплотиться. Если Отецъ больше Сына потому, что одинъ воплотился, а другой не воплотился, то и Духъ по той же причинѣ былъ бы больше Сына; ибо и Онъ не принялъ плоти. Впрочемъ, чтобы намъ не доказывать умозаключеніями, теперь подтвердимъ это самыми Писаніями и покажемъ, что Христосъ принялъ плоть по смиренію". Показавъ это изъ словъ Писанія, особенно изъ словъ ап. Павла въ посл. къ Филип. 2, 3—7., проповѣдникъ заключаетъ: „видишь ли, какъ самое принятіе плоти служитъ знакомъ того, что Сынъ равенъ Отцу, и что это равенство не заимствованное, не переходящее и отходящее, но неизмѣнное и постоянное и такое, какое слѣдуетъ имѣть Сыну въ отношеніи къ Отцу"? Все слово заключается слѣд. нравственнымъ наставленіемъ: Итакъ, будемъ говорить имъ (аномеямъ) все это и стараться, сколько отъ насъ зависитъ, отклонять ихъ отъ злой ереси и обращать къ истинѣ. А сами не станемъ считать одну вѣру достаточною намъ для спасенія, но будемъ заботиться и о поведеніи, покажемъ и прекрасную жизнь, чтобы и съ той и съ другой стороны намъ получать совершенную пользу. Къ чему я прежде убѣждалъ, къ тому же убѣждаю и нынѣ: прекратимъ вражду другъ къ другу, и пусть никто далѣе одного дня не будетъ врагомъ ближняго, но до наступленія ночи пусть укрощаетъ свой гнѣвъ, дабы, оставшись наединѣ и и тщательно припоминая сдѣланное и сказанное во враждѣ, не сдѣлать конецъ болѣе труднымъ и примиреніе болѣе неудобнымъ". Это наставленіе о примиреніи и мирѣ въ союзѣ любви заканчивается такъ: „Начало и конецъ всякой добродѣтели любовь: ею искренно и постоянно наслаждаясь, да сподобимся мы получить царство небесное, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь".

Закончивъ наставленіемъ о примиреніи и любви свой послѣдовательный рядъ бесѣдъ противъ аномеевъ, Златоустъ уже не говорилъ въ Антіохіи такихъ же рядовыхъ бесѣдъ противъ нихъ [1]). Но онъ пользовался случаями изобличать ихъ лжеученіе предъ православными въ другихъ рядовыхъ бесѣдахъ, каковы особенно нѣкоторыя бесѣды его на евангеліе отъ Іоанна, не опускалъ случаевъ изобличать аномеевъ, когда они сами вызывали къ тому. Выше было уже упомянуто объ его обличительной бесѣдѣ по поводу одного изъ такихъ случаевъ. Въ бесѣдѣ на слова Спасителя: *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* (5, 17), Іоаннъ показывалъ равенство Сына съ Отцемъ, указываемое евангелистомъ и далѣе словами: *сего ради паки искаху его іудеи убити, яко не токмо разоряше субботу, но Отца своего глаголаше Бога, равенъ ся творя Богу* (—18). Аномеи противопоставили такому пониманію текста слѣдующій затѣмъ стихъ: *не можетъ Сынъ творити о Себѣ ничего же, аще не видитъ Отца творяща.* Возраженіе аномеевъ могло смущать православныхъ. Поэтому въ ближайшій день проповѣди, въ собраніи въ великой церкви, самъ епископъ Флавіанъ сказалъ нѣсколько словъ въ объясненіе приводимаго аномеями текста, а затѣмъ, согласно общему желанію православныхъ, предоставилъ говорить Іоанну. Началъ онъ такъ: „О насиліе, о принужденіе! Говорившій прежде меня учитель, имѣя полную чашу, далъ намъ вкусить питія только оконечностями губъ: это сдѣлалъ онъ не по недостатку въ ученіи,— оно обыкновенно льется у него ручьемъ,—но, какъ я сказалъ, онъ хотѣлъ показать принужденіе со стороны вашей любви, которое вы старались сдѣлать нашему смиренію. Посему онъ скоро замолчалъ и окончилъ рѣчь, желая удовлетворять вашему желанію и уплату всего долга возложить на насъ. Если же онъ и предоставилъ намъ продолжать

[1]) Рядовыя десять словъ Златоуста противъ аномеевъ въ русскомъ переводѣ помѣщены въ Хр. Чтеніи 1841—42 г. (не всѣ) и особомъ изданіи при Хр. Чтеніи 1864 г. Тутъ же 11-е и 12-е слова, произнесенныя уже не въ Антіохіи, а въ Константинополѣ.

рѣчь, и васъ вижу я ожидающими нашей бесѣды; то уже необходимо выдти на подвигъ; но и вы помогите мнѣ и прострите руку, оживляя вашими молитвами нашъ языкъ и разумнымъ вниманіемъ облегчая дѣло ученія... Подвигъ предстоитъ намъ немаловажный, но требующій многихъ молитвъ, великой бдительности со стороны слушающихъ и великой ревности со стороны говорящаго, дабы то, что будетъ сказано, было сказано съ точностію и насаждено твердо въ душѣ вашей любви. Ибо я желаю, чтобы вы не только слушали, но и назидались, не только узнавали, но и учили, не только принимали сами, но передавали другимъ. Подлинно, тогда зрѣлище будетъ у васъ блистательнѣе и собраніе больше, когда вы будете въ состояніи тѣмъ, что слушаете, привлекать и другихъ". Такъ настроивъ вниманіе слушателей, Златоустъ напоминаетъ о своей прошлой бесѣдѣ, о возраженіи еретиковъ, еще разъ призываетъ слушателей къ усиленному вниманію и переходитъ къ разъясненію предмета. Сперва ставитъ онъ предъ слушателями возраженіе еретиковъ. „*Не можетъ Сынъ*, говорятъ они, *творити о Себѣ ничесоже, аще не еже видитъ Отца творяща*... Видишь ли, говорятъ они, какъ Сынъ Божій отклонилъ мысль о равенствѣ своемъ со Отцемъ? Такъ какъ іудеи, говорятъ, стали думать, что Сынъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу, то Онъ въ опроверженіе этого сказалъ: *не можетъ Сынъ о Себѣ творити ничесоже*". Признавъ поводъ къ смущенію въ такомъ толкованіи еретиковъ, Златоустъ ссылается затѣмъ на свою прошлую проповѣдь, гдѣ показано было, что мысль о равенствѣ Сына со Отцемъ была мыслію не іудеевъ, а самого Спасителя и Евангелиста [1]). Далѣе устанавляетъ основную тему бесѣды, что словами—*не можетъ Сынъ о Себѣ*

---

[1]) Въ прошлой бесѣдѣ, между прочимъ, объясняетъ Златоустъ: „говорится, что Онъ дѣлалъ Себя равнымъ Богу: если бы Самъ Онъ не дѣлалъ Себя равнымъ Богу, а только іудеи умозаключали объ этомъ изъ сказаннаго (предъ тѣмъ); то Евангелистъ исправилъ бы такую мысль и сказалъ бы, что іудеи думали, будто Онъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу, а Самъ Онъ не дѣлалъ этого и не доказывалъ".

творити ничесоже и проч.—„Христосъ не отвергаетъ этой мысли, но съ великою точностію утверждаетъ и подтверждаетъ ее и представляетъ намъ доказательство *сродства, единенія и согласія своего со Отцемъ*". Одного чтенія текста Писанія недостаточно, если не будетъ притомъ и разумѣнія. Этого-то разумѣнія нѣтъ у еретиковъ, какъ и у іудеевъ, которые, постоянно читая Ветхій Завѣтъ, говорящій и о Христѣ, остаются однако въ невѣріи. Подтвердивъ примѣрами необходимость разумнаго пониманія смысла изреченій Писанія, проповѣдникъ рядомъ сопоставляемыхъ свидѣтельствъ Писанія и словъ Спасителя, показываетъ, что Сынъ Самъ Собою дѣлаетъ съ силою и властію Божескою, равною силѣ и власти Отца, но въ согласіи съ Нимъ по единству и единосущію Единороднаго съ Своимъ Отцемъ. Въ заключеніе проповѣдникъ присовокупляетъ объясненіе о самомъ свойствѣ выраженій, подобныхъ тому, какое стало предметомъ бесѣды: „такъ какъ Христосъ говорилъ іудеямъ, которые называли Его богопротивникомъ и врагомъ Законодателя и умозаключили объ этомъ изъ Его дѣйствій; то Онъ придалъ своимъ словамъ болѣе человѣкообразный и болѣе чувственный видъ, предоставляя благоразумному слушателю понять благопріятную мысль и исправляя мыслящихъ болѣе чувственнымъ образомъ; посему и сказалъ: *яже Той творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ*. Онъ не ожидаетъ, пока увидитъ Отца дѣлающимъ, чтобы потомъ Самому дѣлать, и не нуждается въ наученіи; но видитъ существо Его и знаетъ это существо ясно. *Яко же знаетъ Мя Отецъ*, говоритъ Онъ, и *Азъ знаю Отца* (Іоан. 10, 15).

Двѣ бесѣды, о коихъ была сейчасъ рѣчь, сказаны были Златоустомъ, какъ полагаютъ, много спустя послѣ обозрѣнныхъ выше рядовыхъ бесѣдъ противъ аномеевъ [1]. Оче-

[1]) Бесѣды эти въ русскомъ переводѣ помѣщены въ томѣ второмъ *Бесѣдъ* св. Златоуста, изд. при Хр. Чт. 1862 г. Спб. 1862 г. стр. 193—205 и 205—226. Съ обличеніями аномеевъ Златоустъ выступаетъ еще и въ своей бесѣдѣ на слова о Мелхиседекѣ (Евр. 7, 1—3), изъ которой видно, что еретики и эти слова пытались истолковывать въ смыслѣ своего ученія. Бесѣда помѣщена

видно, еретики еще держались въ Антіохіи; но, безъ сомнѣнія, болѣе и болѣе колебались, а многіе и обращались къ истинной вѣрѣ, приходя слушать и другія бесѣды Златоуста, на что есть намеки въ его бесѣдахъ. Главное же — собесѣдовательныя обличенія еретиковъ послужили къ огражденію православныхъ отъ ихъ соблазновъ.

Обличая въ своихъ бесѣдахъ язычниковъ, іудеевъ и еретиковъ, Златоустъ не могъ не обращать вниманія и на печальное раздѣленіе между самими православными въ Антіохіи, гдѣ еще существовала партія павлинистовъ (бывшихъ евстаѳіанъ), которая чуждалась общихъ пастырей, антіохійскихъ святителей Мелетія и Флавіана и союза съ общею церковію православныхъ, имѣя своихъ епископовъ Павлина (362—388) и Евагрія (388—393). Златоустъ началъ впрочемъ увѣщаніемъ по этому предмету не павлинистамъ, а православнымъ общей церкви, стоявшимъ на сторонѣ Мелетія и Флавіана, слѣд. союзнымъ и съ нимъ самимъ. Это было въ одномъ изъ послѣднихъ мѣсяцевъ 386 г., когда Златоустъ началъ свои бесѣды противъ аномеевъ и іудеевъ, потомъ долженъ былъ прервать ихъ по случаю прибытія въ Антіохію областныхъ епископовъ, потребовавшаго словъ его по этому событію. Возвратясь въ ноябрѣ къ бесѣдамъ противъ аномеевъ, Златоустъ смущенъ былъ обстоятельствомъ, которое едва ли не было вызвано тѣмъ же событіемъ, т. е. бывшимъ собраніемъ епископовъ въ Антіохіи. Естественно, что на этомъ собраніи прилагались старанія примирить непріязненныя стороны православныхъ въ Антіохіи, но, какъ видно, остались безуспѣшными или малоуспѣшными. Отсюда между мелетіанами и павлинистами возникло потомъ какое-то столкновеніе, и болѣе нетерпѣливые и задорные изъ первыхъ позволили себѣ произвесть

тамъ же, т. III, стр. 191 и д. Въ бесѣдахъ Златоуста нерѣдко встрѣчаются обличенія и на другихъ еретиковъ, каковы особенно манихеи, маркіониты. Но отдѣльныхъ и нарочитыхъ бесѣдъ противъ нихъ нѣтъ между извѣстными бесѣдами Златоуста.

анаѳему на павлинистовъ, называя ихъ даже еретиками, особенно ихъ епископа Павлина, тогда еще живаго. „Онъ еретикъ, говорили они о каждомъ павлинистѣ (такъ передаетъ рѣчи ихъ Златоустъ), имѣетъ въ себѣ діавола, произноситъ хулу на Бога и коварными убѣжденіями и суетною лестію ввергаетъ многихъ въ бездну погибели; посему онъ отверженъ отцами, особенно учитель его, произведшій раздѣленіе въ церкви,—разумѣя Павлина или Аполлинарія [1]). Видно, что возбудителями православныхъ къ анаѳемѣ на павлинистовъ были нѣкоторые изъ самихъ священниковъ православныхъ [2]). До глубины огорченный всѣмъ этимъ, крайне неблаговиднымъ и соблазнительнымъ обстоятельствомъ, Златоустъ пріостанавливается даже съ словами противъ еретиковъ, чтобы преподать наставленіе своимъ православнымъ, и произноситъ (конечно, съ одобренія и епископа Флавіана) сильное слово *объ анаѳемѣ* или проклятіи. Указавъ на такой переходъ отъ одного предмета къ другому, онъ говоритъ: „У насъ дѣло дошло до такого бѣдственнаго состоянія, что, находясь въ крайней опасности, мы не сознаемъ этого, не преодолѣвая гнуснѣйшихъ изъ страстей, такъ что на насъ исполнилось пророческое изреченіе: *нѣсть пластыря приложити, ниже елея, ниже обязанія* (Исаіи 1, 6). Съ чего же я начну говорить объ этомъ злѣ? Съ постановленій ли заповѣдей Господнихъ или съ вашего безумнаго невѣжества и безчувственности? Но когда я стану говорить объ этомъ, не станутъ ли нѣкоторые смѣяться надо мною, и не покажусь ли я изступленнымъ? Не возопіютъ ли противъ меня, что я намѣреваюсь бесѣдовать о такомъ прискорбномъ и достойномъ слезъ предметѣ? Но что мнѣ дѣлать? Я скорблю

---

[1]) Павлина, совмѣстника Мелетія и Флавіана, подозрѣвали въ сочувствіи извѣстному еретику Аполлинарію, послѣдователи котораго имѣли и своего епископа *Виталія*. Далѣе Златоустъ замѣчаетъ, что говорившіе такъ не понимали или не хотѣли понять различія между тѣмъ и другимъ: ибо Павлинъ былъ православнымъ, только держался стороны, противной Мелетію и Флавіану.

[2]) На это есть ясный намекъ въ бесѣдѣ Златоуста по данному случаю.

и сокрушаюсь душею и терзаюсь внутренно, видя такую безчувственность, когда наши дѣла превзошли преступленія іудеевъ и нечестіе язычниковъ. Ибо, совершая путь, я вижу людей, не имѣющихъ ума, научившагося Божественному Писанію, и даже вовсе ничего не знающихъ изъ Писанія, и съ великимъ стыдомъ молчу, видя бѣснующихся и пустословящихъ, *не разумѣющихъ ни яже глаголютъ, ни о нихъ же утверждаютъ* (1 Тим. 1, 7), невѣжественно дерзающихъ преподавать одно только свое ученіе и проклинать то, чего не знають, такъ что и чуждые нашей вѣрѣ смѣются надъ нами, не заботящихся ни о доброй жизни, ни научившихся дѣлать добрыя дѣла. Увы! какія бѣдствія! Увы мнѣ! Сколько праведниковъ и пророковъ *вождѣлѣша видѣти, яже видимъ, и не видѣша, и слышати, яже слышимъ, и не слышаша* (Матѳ. 13, 17): а мы обращаемъ это въ шутку! Внимайте слышанному, прошу васъ, дабы намъ не погибнуть... Скажи, какая цѣль Евангелія благодати? Для чего совершилось явленіе Сына Божія во плоти? Для того ли, чтобы мы терзали и снѣдали другъ друга? Заповѣди Христовы особенно требуютъ отъ насъ любви. И въ законѣ говорится: *возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе* (Лев. 19, 18); а здѣсь (въ благодати) повелѣвается намъ и умирать за ближняго"... Напомнивъ притчу Спасителя о добромъ самарянинѣ и о томъ, что Христосъ умеръ не за друзей только и близкихъ, но и за враговъ, Іоаннъ продолжаетъ: „Если Самъ Онъ такъ училъ и поступалъ, и церковь слѣдуетъ этому образцу, каждый день возноси молитвы за всѣхъ; то какъ ты осмѣливаешься говорить свое? Ибо скажи мнѣ, что значитъ эта анаѳема, которую ты произносишь? Вникни въ это слово, разсуди, что̀ ты говоришь? Понимаешь ли ты силу его? Въ богодухновенномъ писаніи найдешь это слово произнесеннымъ объ Іерихонѣ: *и проклenеши весь градъ Господу Богу твоему* (Іис. Нав. 6, 10). И у насъ до настоящаго дня господствуетъ всеобщій обычай говорить: такой-то совершилъ это, сдѣлалъ приношеніе (ἀνάθεμα) такому-то мѣсту. Итакъ, что̀ значитъ слово анаѳема? Оно говорится о какомъ либо *добромъ* дѣлѣ,

означая посвященіе Богу. Чтó же значитъ анаѳема, которую ты произносишь? Не то ли, чтобы такой-то сдѣлался жертвою діавола, не имѣлъ права на спасеніе, былъ отверженъ отъ Христа? Но кто ты, присвояющій себѣ такую власть и великую силу"? Напомнивъ слова Спасителя о послѣднемъ судѣ (Матѳ. 25, 31—33), Златоустъ продолжаетъ: „Зачѣмъ же ты присвояешь себѣ такую честь, которой удостоенъ только сонмъ апостоловъ и истинные и вполнѣ ревностные ихъ преемники, исполненные благодати и силы? Впрочемъ, и они, строго соблюдая заповѣдь, съ такимъ чувствомъ отлучали еретиковъ отъ церкви, какъ будто исторгая у себя правый глазъ, чѣмъ доказывается ихъ великое сострадание и сокрушеніе"... Сказавъ далѣе, что и апостолы обличали и отвергали ереси, но никого изъ еретиковъ не подвергали анаѳемѣ, что и ап. Павелъ только въ двухъ случаяхъ сказалъ — *да будетъ проклятъ* (1 Кор. 16, 22) и: *анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 9), не относя, впрочемъ, этихъ словъ къ извѣстному лицу, онъ приводитъ на память еще слѣд. примѣръ: „хочешь ли знать, что сказалъ одинъ святый, бывшій здѣсь прежде насъ преемникомъ апостоловъ и удостоившійся мученичества? Объясняя тяжесть этого слова, онъ употребилъ такое сравненіе: какъ облекшій себя въ царскую багряницу простолюдинъ, и самъ и его сообщники предаются смерти, какъ тираны; такъ, говоритъ онъ, и злоупотребляющіе опредѣленіемъ Господнимъ и предающіе человѣка церковной анаѳемѣ подвергаютъ себя совершенной погибели, присвояя себѣ достоинство Сына"[1]. Приведя и тѣ выраженія о павлинистахъ, будто еретикахъ, которыми оправдывали свой поступокъ лица, произнесшія на нихъ анаѳему, Іоаннъ замѣчаетъ, что говорящіе такъ тѣмъ самымъ обличаютъ, что заблужденіе усилилось въ нѣдрахъ грубѣйшаго предразсудка". „Но ты, продолжаетъ онъ, поучай, *съ кротостію наказующе противныя, еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины* и проч. (2 Тим. 2, 25. 26). Простри сѣть любви, не для того, чтобы хромающій погибъ, но

[1]) Изъ посланія св. Игнатія Богоносца къ Смирнянамъ.

лучше, чтобъ онъ исцѣлился; покажи, что ты отъ великаго добродушія хочешь собственное благо сдѣлать общимъ"... Пояснивъ, что вразумленіе противящагося есть нашъ долгъ, что при этомъ, въ случаѣ упорства его, слѣдуетъ объявить о немъ и предъ свидѣтелями, только съ долготерпѣніемъ и кротостію, святой учитель опять говоритъ о любви, какъ высшей добродѣтели по слову Господа (Іоан. 13, 35) и ученію Апостола (1 Кор. 13, 1—7), безъ которой ни познаніе тайнъ Божіихъ, ни вѣра, ни пророчества, ни нестяжательность, ни мученичество за Христа не принесутъ пользы. Далѣе живописуетъ онъ трогательнѣйшія черты этой любви и ея дивную силу въ св. ап. Павлѣ, въ частности и то свойство ея, какое проявилось на его снисхожденіи къ самымъ язычникамъ. „Такъ, прибывъ къ Аѳинянамъ и нашедши ихъ преданными идолопоклонству, онъ не сталъ укорять ихъ, говоря: безбожники вы и нечестивцы... Но что? *Проходя*, говоритъ, *и соглядая чествованія ваша, обрѣтохъ и капище, на немъ же бѣ написано: невѣдомому Богу. Его же убо невѣдуще чтете, сего азъ проповѣдую вамъ* (Дѣян. 17, 23). О чудо! О отеческое сердце! Онъ назвалъ богочтительными Еллиновъ—идолопоклонниковъ? Почему? Потому что они, какъ благочестивые, совершали свое богослуженіе, думая, что они чтутъ Бога, бывъ сами увѣрены въ этомъ. Подражать этому увѣщаваю всѣхъ васъ, а вмѣстѣ съ вами и себя самого". Вспомянувъ и милосердіе Господа Бога, простирающаго дары своей благости не только на добрыхъ, но и злыхъ, заповѣдавшаго молиться и за враговъ, какъ и молится церковь, св. учитель говоритъ: „мы совершаемъ это служеніе, и вотъ увѣщаваемъ васъ: *рукоположеніе не къ властолюбію ведетъ*, не къ высокомѣрію располагаетъ, не господство предоставляетъ; всѣ мы получили одного и того же Духа, всѣ призваны къ усыновенію; кого Отецъ избралъ, тѣхъ Онъ и сподобилъ со властію служить братіямъ своимъ. Итакъ, исполняя это служеніе, мы увѣщаваемъ и заклинаемъ васъ—отстать отъ такого зла [1]). Еще повто-

---

[1]) То, что здѣсь въ назиданіе говорится о значеніи *рукоположенія*, даетъ именно видѣть, что въ дѣлѣ анаѳемы на павлинистовъ были виновны и имѣющіе рукоположеніе, т. е. священники.

ривъ, что судъ о противящихся должно предоставить Господу (Римл. 14, 4), что опасно произносить свой судъ о томъ, что сокрыто и извѣстно Судіи вѣковъ, Который одинъ знаетъ и мѣру вѣдѣнія и мѣру вѣры, что за зло, выражаемое неразумнымъ судомъ анаѳемы, можетъ постичь насъ наказаніе въ день суда Господня, св. учитель сводитъ рядъ наставленій къ слѣдующему концу: „еретическія ученія, несогласныя съ принятыми церковію, должно проклинать, и нечестивые догматы обличать, *но людей нужно всячески щадить и молиться объ ихъ спасеніи.* О, если бы всѣ мы, питая любовь къ Богу и ближнему и исполняя заповѣди Господни, удостоились встрѣтить небеснаго Жениха съ елеемъ и съ горящими свѣтильниками въ день воскресенія, представляя Ему въ славѣ многихъ, облагодѣтельствованныхъ нашимъ состраданіемъ, благодатію и человѣколюбіемъ Единороднаго Сына Божія, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно и во вѣки. Аминь“.

Но внушая *своимъ* православнымъ, т. е. православнымъ паствы Флавіана, духъ любви и кротости по отношенію къ павлинистамъ, Златоустъ ревновалъ воздѣйствовать и на самихъ павлинистовъ, привлечь ихъ отъ раскола къ единенію съ общею церковію, съ общимъ пастыремъ ея въ лицѣ Флавіана. Это достигалось нелегко. Партія павлинистовъ, имѣвшая на своей сторонѣ и нѣсколькихъ подгородныхъ епископовъ, по смерти Павлина († 388 г.), поставила, какъ уже сказано, преемника ему въ лицѣ Евагрія, обнаруживъ тѣмъ недоброе намѣреніе держаться и впредь особо отъ паствы Флавіана, т. е. отъ общей церкви въ Антіохіи. Замѣчательно, что этотъ актъ упрямства или немирья оставленъ безъ порицанія въ бесѣдахъ Златоуста, пройденъ имъ молчаніемъ [1]). Видно, учитель антіохійскій, въ согласіи съ своимъ архипастыремъ, продолжалъ сохранять духъ терпимости и кротости по отношенію къ несогласникамъ, во вниманіе къ ихъ православію и въ ожиданіи

---

[1]) По крайней мѣрѣ, въ бесѣдахъ Златоуста не встрѣчаемъ *прямаго* намека на этотъ актъ.

болѣе благопріятнаго времени для ихъ вразумленія. Если по отношенію къ аномеямъ онъ предпочиталъ не спѣшить съ обличеніями, а сперва „уловить ихъ“ своею общею проповѣдію, т. е. хотѣлъ привлечь ихъ къ слушанію его обыкновенныхъ проповѣдей, обращенныхъ къ православнымъ; то такой образъ дѣйствій казался еще умѣстнѣе по отношенію къ павлинистамъ, хотя несогласникамъ, но православнымъ. И дѣйствительно, павлинисты приходили слушать проповѣди Златоуста. По всей вѣроятности, въ видахъ ближайшаго воздѣйствія на нихъ сказано было Златоустомъ похвальное слово св. Евстаѳію. Павлинисты, называвшіе себя также евстаѳіанами, питали особенное уваженіе къ памяти его, какъ подвижника и страдальца за православіе отъ аріанъ, и самое епископство своей церкви или церковной партіи ставили въ связь съ епископствомъ Евстаѳія. Похвальнымъ словомъ св. Евстаѳію Златоустъ давалъ видѣть, что и самъ онъ и святитель Флавіанъ и вся вообще паства его также чтутъ Евстаѳія, какъ бывшаго общаго пастыря антіохійской церкви, стоятъ въ томъ же ученіи православія, за которое подвизался и страдалъ Евстаѳій, что согласіе въ мысли объ Евстаѳіи и его ученіи само собою должно располагать къ единенію съ общею церковію, съ паствою Флавіана, тѣхъ, которые именуютъ себя евстаѳіанами. Давая это понять и чувствовать, Златоустъ однакоже воздерживается и здѣсь отъ какихъ-либо упрековъ несогласникамъ, даже отъ намековъ на нихъ. Въ одной изъ бесѣдъ (именно 8-й) на посланіе къ Римлянамъ, начатыхъ, какъ полагаютъ, въ 391 г., Златоустъ, въ нравственно-наставительной части бесѣды, счелъ уже благовременнымъ выступить съ сильными обличеніями духа вражды, немирья, распрей между христіанами единой и той же церкви, собирающимися въ однихъ и тѣхъ-же храмахъ, имѣющихъ одного и того же пастыря... „О томъ-то я и плачу особенно, что, при стольких побужденіяхъ къ единодушію, мы возстаемъ другъ на друга... У насъ осталось одно пустое имя братства; вижу это и не могу придумать, какъ достойно

оплакать такое печальное зрѣлище. Устыдитесь, устыдитесь сей трапезы, съ которой всѣ пріобщаемся, устыдитесь этой жертвы, на ней предложенной,—Христа, за насъ закланнаго... Вразумимся, возлюбленные, будемъ убѣгать зависти, потушимъ злобу, воздадимъ другъ другу взаимною любовію"... Эти обличенія, какъ основательно полагаютъ нѣкоторые изъ патрологовъ, направлены были ближайшимъ образомъ именно противъ распрей, происходящихъ отъ павлинистовъ. А выраженіями *объ одномъ* пастырѣ, однихъ и тѣхъ же храмахъ, которые, наравнѣ съ другими, посѣщали и павлинисты, давалось понять, что въ Антіохіи одинъ истинно законный пастырь, что онъ такимъ есть или долженъ быть и для павлинистовъ, не смотря на существованіе у нихъ своего епископа, о незаконности котораго опять умалчиваетъ проповѣдникъ по духу кротости. Но до конца молчать и терпѣть двуепископство было невозможно. Оно давало поводъ къ разнымъ безпорядкамъ. Бывало даже такъ, нѣкоторые изъ общей паствы Флавіана переходили къ партіи павлинистовъ. Это особенно тѣ, которые подпадали какой-либо эпитиміи въ своей церкви и думали освободиться отъ нея, переходя къ церкви или церковной партіи павлинистовъ. Все это причиняло соблазнъ, такъ что Златоустъ не радовался даже и тому, что павлинисты приходятъ слушать его проповѣди, продолжая между тѣмъ держаться въ отдѣленіи отъ церкви. Наконецъ, въ 393 г. послѣдовала смерть Евагрія, втораго отдѣльнаго епископа павлинистовъ. Необходимо предположить, что Флавіанъ и Златоустъ теперь или еще прежде приняли усиленныя мѣры къ тому, чтобы отдѣльное епископство у павлинистовъ болѣе не продолжалось, что и это достигнуто особенно переходомъ на сторону Флавіана, какъ общаго архіепископа, тѣхъ подгородныхъ епископовъ, которые предъ тѣмъ держались партіи евстаѳіанъ или павлинистовъ. Послѣдніе такимъ образомъ лишились возможности имѣть у себя рукоположеніе епископское и поставить для себя особаго епископа. Если болѣе благоразумные павлинисты на-

клонилась теперь къ объединенію съ общею церковію; то другіе изъ болѣе упрямыхъ или задорныхъ стали гнѣвно говорить о пресвитерѣ—проповѣдникѣ, какъ главномъ виновникѣ такого положенія дѣла, упрекая его въ любоначаліи. Между тѣмъ сами они страдали этимъ недугомъ, а то и корыстью, не желая послѣ Евагрія выпускать изъ рукъ епископской каѳедры. Естественно, что въ этомъ незаконномъ удержаніи или обладаніи каѳедрою наиболѣе повинны были павлинистскіе пресвитеры, въ разсчетѣ или надеждѣ достичь на ней и епископства. Словомъ, волненіе было велико. При такихъ-то, такъ сказать, критическихъ обстоятельствахъ, Златоустъ, говорившій въ данную пору свои бесѣды на посланіе къ Ефесеямъ, воспользовался подходящимъ мѣстомъ изъ посланія, составлявшимъ тему стоявшей на очереди XI бесѣды его на это посланіе, чтобы обратиться съ пламеннымъ увѣщаніемъ къ единенію въ церкви. Это слѣд. мѣсто: *едино тѣло, единъ духъ, якоже и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего. Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе: единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ. Единому же комуждо насъ дадеся благодать по мѣрѣ дарованія Христова* (IV, 4—7). „Апостолъ Павелъ, поучаетъ онъ, требуетъ отъ насъ такой любви, которая связывала бы насъ между собою, дѣлая неразлучными другъ отъ друга, и—такого совершеннаго единенія, какъ-бы мы были членами одного тѣла: ибо только такая любовь производитъ великое добро. Словами *единое* тѣло онъ требуетъ, чтобы мы сострадали другъ другу, не желали благъ ближняго своего и участвовали въ радостяхъ одинъ другаго... Потомъ весьма кстати прибавилъ: *и единъ духъ*, научая, чтобы при единомъ тѣлѣ было у насъ и единомысліе, такъ какъ можетъ быть едино тѣло, но не одинъ духъ: когда, напримѣръ, кто-нибудь будетъ другомъ еретиковъ. Или словами, *единъ духъ*—онъ хотѣлъ побудить насъ къ взаимному согласію, какъ бы такъ говоря: такъ какъ вы получили Единаго Духа и пили отъ одного источника; то между вами не должно быть раздоровъ“.

Разъяснивъ дальнѣйшія слова текста объ основаніяхъ и побужденіяхъ къ единенію вѣрующихъ и о различіи въ родѣ и мѣрѣ дарованій благодатныхъ, служащемъ къ укрѣпленію этого единенія и къ созиданію единаго тѣла церкви, Златоустъ продолжаетъ: „все это я имѣлъ въ виду сказать противъ тѣхъ, которые безъ разбора пристаютъ къ людямъ, отдѣляющимся отъ Церкви. Если эти послѣдніе содержатъ противные намъ догматы, то потому самому не должно имѣть съ ними общенія: если же они мыслятъ одинаково съ нами, то еще должно убѣгать ихъ. Почему такъ? Потому, что это и есть духъ любоначалія [1]). Не знаете развѣ, что случилось съ Кореемъ, Даѳаномъ и Авирономъ? Но одни ли они потерпѣли? Не вмѣстѣ ли съ ними погибли и ихъ сообщники? „Что говоришь ты? У нихъ таже самая вѣра, и они также православны" [2]). Если такъ, отчего же они не съ нами? Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе. Если ихнее хорошо, то наше худо; а если наше хорошо, то худо ихнее. *Не бываемъ*, говоритъ, *младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія.* Скажи мнѣ: уже ли вы считаете достаточнымъ то, что ихъ называютъ православными, тогда какъ у нихъ оскудѣла и погибла благодать рукоположенія [3])? Чтоже пользы во всемъ прочемъ, если у нихъ не соблюдена сія послѣдняя? Надобно одинаково стоять какъ за вѣру, такъ и за благодать священства. Ибо, если всякому позволено, по древней пословицѣ, наполнять свои руки (πληροῦν τὰς χεῖρας αὐτοῦ), если всякому позволено быть священникомъ, то пусть приступятъ всѣ, и напрасно

---

[1]) Вѣроятно, здѣсь разумѣется любоначаліе представительныхъ лицъ изъ партіи павлинистовъ, особенно священниковъ этой партіи, не хотѣвшихъ повиноваться архіепископу Флавіану, домагавшихся владѣть каѳедрою въ Антіохіи послѣ Евагрія.

[2]) Проповѣдникъ представляетъ возраженіе слушателя. Подобный оборотъ рѣчи, довольно обычный у Златоуста, встрѣчается затѣмъ и нѣсколько далѣе.

[3]) Выраженіе объ оскудѣніи благодати священства у павлинистовъ указываетъ на то, что бесѣда говорена была по смерти епископа ихъ Евагрія, не имѣвшаго преемника, поставить котораго не удалось павлинистамъ, конечно, потому что не могли они найти епископовъ, могшихъ рукоположить его.

устроенъ этотъ жертвенникъ, напрасно—ликъ священниковъ: ниспровергнемъ и уничтожимъ все это. „Этого, говорятъ, не должно быть". Но не вы ли дѣлаете это и сами же говорите: такъ не должно быть? Что еще говоришь ты,—не должно быть, когда такъ на самомъ дѣлѣ? Я говорю это и свидѣтельствую, имѣя въ виду не свою выгоду, но ваше спасеніе. А если бы кто смотрѣлъ (доселѣ) на это дѣло безразлично, то желательно бы, чтобы онъ увидѣлъ (его важность). И пусть никому изъ людей нѣтъ до всего этого дѣла: но для насъ ово есть. *Азъ насадихъ*, говоритъ Апостолъ, *Аполлосъ напои*, *Богъ же возрасти*. Какъ перенесемъ мы насмѣшки язычниковъ? Если они укоряютъ насъ за ереси, то чего не говорятъ они по поводу расколовъ? Если, говорятъ, одни у нихъ догматы, одни таинства; то ради чего у нихъ одинъ предстоятель церкви нападаетъ на другую церковь? Смотрите, говорятъ, у христіанъ все достойно порицанія. У нихъ и любоначаліе, у нихъ и обманъ. Отнимите у нихъ народъ, пресѣките болѣзнь, то есть, развращеніе народа,—и они останутся ничѣмъ [1]). Хотите ли, я скажу вамъ, чтó говорятъ они о нашемъ городѣ? Какъ они укоряютъ насъ въ легкомысліи? У нихъ, говорятъ, всякому, кто только пожелаетъ, можно найти людей безъ твердыхъ правилъ, и никогда у нихъ въ такихъ людяхъ не было недостатка. Какое посмѣяніе! Какой стыдъ!" Но вотъ и еще—достойное посмѣяніе и служащее къ нашему стыду. Если у насъ кто-либо будетъ изобличенъ въ самыхъ постыдныхъ дѣлахъ, и на него захотятъ наложить какую-нибудь епитимію; то всѣ весьма безпокоятся и боятся, какъ бы,—говорятъ,—онъ не отдѣлился отъ насъ и не присталъ къ другимъ. Пусть отдѣляется хоть тысячу разъ и пусть пристаетъ къ нимъ: я говорю не о согрѣшившихъ

---

[1]) *Языческіе риторы и философы, поражаясь необычайною силою*, съ какою распространялось христіанство, привлекали къ себѣ народъ и, злобствуя на это, уподобляли христіанство эпидемической болѣзни, неотразимо охватывающей народъ, что называли также и неотразимымъ развращеніемъ народа.

только, но хотя бы кто былъ и вовсе безгрѣшенъ,—если хочетъ отложиться, пусть отложится. Ибо хотя я печалюсь и страдаю, огорчаюсь и мучусь внутренно, лишаясь въ такомъ какъ бы собственнаго члена: но огорчаюсь не такъ, чтобы опасеніе всего этого могло принудить меня сдѣлать что-нибудь не должное. Мы не обладаемъ, возлюбленные, вашею вѣрою и не властительски повелѣваемъ вамъ это! Мы поставлены поучать васъ словомъ, а не для начальства и самовластнаго распоряженія надъ вами: наше дѣло совѣтовать вамъ и увѣщавать васъ. Совѣтникъ говоритъ, что̀ ему должно, но не принуждаетъ слушателя, предоставляя ему полную свободу—принять или не принять совѣтъ. Онъ будетъ виновенъ только въ томъ, если не скажетъ того, что̀ ему поручено. Потому то и мы говоримъ все это, обо всемъ этомъ напоминаемъ, чтобы вамъ уже нельзя было сказать въ тотъ (послѣдній) день: никто намъ этого не говорилъ, никто не объяснялъ; мы этого не знали и вовсе не считали грѣхомъ. Итакъ я говорю и свидѣтельствую, что производить раздѣленіе въ церкви не меньшее зло, какъ и впадать въ ереси. Скажи мнѣ: если бы подданный какого-либо царя, не переходя къ другому царю и не передаваясь во власть другаго, взялъ въ свои руки порфиру своего царя и, спустивши ее всю отъ пряжки, разорвалъ на нѣсколько частей,—меньше ли бы онъ былъ наказанъ, чѣмъ тотъ, кто предался другому царю? Но что, еслибы послѣ этого онъ, схвативъ за горло своего царя, закололъ его и разрубилъ на части его тѣло: къ какому бы наказанію должно подвергнуть его, чтобы наказать достойно? Если такъ, то какой геенны заслуживаетъ тотъ, кто закалаетъ Самого Христа и разсѣкаетъ Его на члены?... Разскажите же вы, *жены, какія находитесь здѣсь*, разскажите этотъ примѣръ всѣмъ: такъ какъ этотъ порокъ *большею частію замѣчается въ женщинахъ*,—и возбудите въ нихъ страхъ. Если же кто думаетъ огорчить насъ и мстить намъ такимъ образомъ, то такой пусть знаетъ, что напрасно дѣлаетъ это. Если тебѣ хочется мстить намъ, то я покажу тебѣ способъ, какъ ты можешь

мстить *безъ вреда для себя, или лучше,* не безъ вреда, а съ меньшимъ, по крайней мѣрѣ, вредомъ:—ударь меня по лицу, оплюй публично, нанеси мнѣ раны. Ты содрогаешься, слыша это? Когда я говорю: ударь меня, то ты содрогаешься—и между тѣмъ ты терзаешь своего Господа безъ содроганія? разрываешь Его члены и не трепещешь? Церковь есть отеческій домъ, едино у ней тѣло и единъ духъ. Но если ты хочешь мстить мнѣ, то противъ меня и возставай. Зачѣмъ же, вмѣсто меня, мстишь Христу?.. И еще скажу,—и не шутя, но какъ думаю и чувствую. Именно я желалъ бы, чтобы всякій изъ тѣхъ, кои вмѣстѣ съ вами питаютъ къ намъ непріязнь и ради этого вредятъ самимъ себѣ, удаляясь отъ насъ къ другимъ, нанесъ мнѣ ударъ въ самое лицо и, обнаживъ меня, сталъ бичевать меня безъ жалости, справедливо ли бы или несправедливо я былъ обвиненъ, и лучше на мнѣ выместилъ свой гнѣвъ, чѣмъ рѣшался на то, на что рѣшается теперь. Если бы это случилось, то не было бы въ томъ никакой важности, потому что пострадалъ *бы въ этомъ случаѣ ничтожный* человѣкъ. Съ другой стороны, потерпѣвъ отъ васъ обиду и безчестіе, я помолился бы за васъ Богу и Онъ простилъ бы вамъ ваши грѣхи: не потому, что я имѣю такое дерзновеніе, но потому, что когда человѣкъ, которому сдѣлана обида, молится за обидѣвшаго, то получаетъ великое дерзновеніе... Если же бы я самъ не могъ этого сдѣлать, то поискалъ бы другихъ святыхъ мужей и упросилъ бы ихъ помолиться... А теперь кого просить намъ, когда мы оскорбили Бога? Посмотри, какое у нихъ (производящихъ расколы) неравенство. Ибо изъ тѣхъ, которые такъ поступаютъ по отношенію къ церкви, одни вовсе никогда не приходятъ сюда, или же—однажды въ годъ и то безъ порядка и какъ случится, другіе приходятъ чаще, но также безпорядочно, для пустыхъ разговоровъ и разглагольствія ни о чемъ. Иные представляются усердными: это тѣ, которые производятъ такія бѣдствія въ церкви. Итакъ, если вы ради этого обнаруживаете такое усердіе, то лучше бы вамъ быть въ числѣ нерадивыхъ; а

еще гораздо лучше, если бы тѣ не были нерадивы, а вы не были такими. Я говорю не о васъ, находящихся здѣсь, но о тѣхъ отступникахъ. Такое дѣло—есть какъ бы прелюбодѣяніе. Если же тебѣ не хочется слышать этого объ нихъ, то (не слушай и того, что они говорятъ) объ насъ: такъ какъ здѣсь что-нибудь изъ двухъ должно быть противузаконное [1]). Если же вы насъ подозрѣваете въ этомъ, то мы готовы уступить свою власть, кому вы хотите: только пусть будетъ церковь едина. Если же мы поставлены законно, то убѣдите низложить тѣхъ, которые противузаконно заняли каѳедру [2]). Говорю это, не приказывая вамъ, но предохраняя и предостерегая... Скажите, чего вы хотите, укажите справедливую причину, по которой вы отступаете: и я буду отвѣчать вамъ. Но вы не говорите ничего. Посему я прошу васъ и самимъ твердо основаться здѣсь и отложившихся привести, чтобы намъ воспослать единодушную благодарность Богу, которому слава во вѣки. Аминь.

Сильное слово Златоуста возымѣло свое дѣйствіе. Домогательство павлинистовъ удержать въ своей власти от-

[1]) Отношеніе епископа къ своей паствѣ представляемо было подъ образомъ духовнаго обрученія или брака. Поэтому, присвоеніе себѣ епископомъ власти въ церкви, уже имѣющей своего законнаго епископа, приравнивалось грѣху прелюбодѣянія. Видно, павлинисты приписывали такой грѣхъ сторонникамъ Флавіана, а эти павлинистамъ. И, конечно, сторона Флавіана и Златоуста была здѣсь правою, ибо Флавіанъ былъ законнымъ преемникомъ Мелетія, бывшаго законнымъ епископомъ Антіохіи прежде, чѣмъ противная партія поставила для себя особаго епископа Павлина, преемникъ котораго Евагрій поставленъ также при существованіи законнаго епископа Флавіана. Впрочемъ, проповѣдникъ неохотно пользуется упомянутымъ выраженіемъ для упрека павлинистамъ и хочетъ только, чтобы они не выражались такъ о сторонѣ Флавіана.

[2]) Это выраженіе о павлинистахъ, что они „противузаконно заняли каѳедру", въ связи съ прежнимъ выраженіемъ, что „у нихъ оскудѣла и погибла благодать рукоположенія", опять указываетъ на то, что бесѣда произнесена въ то время, когда, по смерти Евагрія, павлинисты и особенно ихъ священники, не имѣя у себя епископовъ, которые могли бы рукоположить преемника его, незаконно владѣли опустѣлою каѳедрою его, съ притязаніемъ самовольно замѣстить ее, на этотъ разъ не удавшимся.

дѣльную епископскую каѳедру въ Антіохіи и продолжить для себя по смерти Евагрія отдѣльное епископство не осуществилось. Необходимо полагать, что одни изъ павлинистовъ, тронутые словами Златоуста, сами отказались отъ своей особности и подчинились власти одного епископа Флавіана, другіе принуждены были къ тому же убѣжденіями слушателей Златоуста. Такимъ образомъ существованіе отдѣльной каѳедры или двуепископства въ Антіохіи прекратилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ былъ прекратиться и соблазнительный расколъ между православными одной и той же церкви [1]).

Бесѣду св. Іоанна Златоуста противъ антіохійскихъ раскольниковъ полезно было бы чаще, съ добрымъ вниманіемъ и размышленіемъ, читать и нашимъ раскольникамъ, держащимся Бѣлокриницкой іерархіи. На судѣ великаго святителя грѣхъ ихъ и ихнихъ лжеепископовъ, безъ сомнѣнія, оказался бы еще гораздо тяжелѣе грѣха бывшихъ антіохійскихъ раскольниковъ!

Надъ всѣмъ разнообразіемъ предметовъ, такъ или иначе опредѣлявшихъ содержаніе проповѣдническаго слова Св. Іоанна Златоуста, господствуетъ одна область проповѣдническаго учительства его: это нравственное ученіе вѣры христіанской. Великій проповѣдникъ, болѣе всѣхъ

---

[1]) Объ антіохійскомъ расколѣ довольно обстоятельно, но не во всемъ согласно, разсказываютъ церковные историки: Ѳеодоритъ (Кн. V, гл. 3 и 23), Созоменъ (кн. VI, гл. 21 и кн. VII, гл. 15) и Сократъ (кн. III, гл. 6, кн. IV, гл. 1; кн. V гл. 5 и 15; кн. VI, гл. 3). Не входя въ разборъ тѣхъ различій въ ихъ разсказахъ, которые не имѣютъ существеннаго значенія для характеристики проповѣди Златоуста по этому предмету, укажемъ только на ошибку Сократа, утверждающаго, будто и самъ Іоаннъ нѣкоторое время чуждался общенія съ мелетіанами и будто онъ даже рукоположеніе во пресвитера принялъ отъ Евагрія, а не Флавіана. Затѣмъ, слѣдуетъ еще присовокупить, что, впрочемъ, небольшая группа упорныхъ евстаѳіанъ или павлинистовъ, по всей вѣроятности, подъ внушеніемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ пресвитеровъ, еще держалась нѣкоторое время, такъ что окончательное присоединеніе всѣхъ евстаѳіанъ—павлинистовъ къ общей церкви послѣдовало уже съ вступленіемъ въ 413 г. на каѳедру втораго Флавіанова преемника Александра.

древнихъ учителей церкви оставившій намъ своихъ бесѣдъ и словъ, болѣе всѣхъ ихъ излагалъ и изъяснялъ въ своихъ бесѣдахъ и словахъ нравственное ученіе христіанской вѣры. Таково общее представленіе о содержаніи проповѣдническаго слова его, установившееся съ давнихъ временъ. Область нравственнаго ученія Златоуста, можно сказать, необъемлюща. Патрологи и гомилетики стараются однакоже отмѣтить нѣкоторыя особенности, такъ сказать, болѣе излюбленные и выразительнѣе представленные предметы нравственнаго ученія Златоуста, опредѣлявшіеся частью самимъ существомъ ихъ, личнымъ настроеніемъ проповѣдника, частью тѣми явленіями въ современномъ ему христіанскомъ обществѣ, которыя вызывали проповѣдника на разъясненіе слушателямъ тѣхъ или другихъ требованій христіанской добродѣтели, соединяемое съ врачеваніемъ выдающихся недостатковъ и пороковъ современнаго общества. Издавна извѣстны опыты выбора и собранія мыслей Златоуста по предметамъ нравственнаго ученія, опыты, дающіе достаточно ясное представленіе о необыкновенномъ обиліи и разнообразіи предметовъ нравственнаго ученія Златоуста, но не цѣлостное изображеніе всего содержанія его [1]). Съ своей стороны, при объемѣ и характерѣ настоящаго очерка проповѣдническаго служенія Златоуста въ санѣ пресвитерскомъ, мы не можемъ взять на себя ни той ни другой задачи, но сочтемъ достаточнымъ, если успѣемъ представить въ болѣе или менѣе цѣлостномъ видѣ содержаніе того, что составляетъ средоточный и основной предметъ нравственнаго ученія его: это *ученіе о любви къ Богу и ближнему* [2]).

---

[1]) Объ этихъ опытахъ у преосв. Филарета въ „Историческомъ ученіи объ отцахъ церкви". Т. II. стр. 311 Спб. 1859 г. Изъ позднѣйшихъ русскихъ изданій въ этомъ родѣ укажемъ на переведенное съ латинскаго: „Духъ или мысли св. Іоанна Златоустаго, или сокращенное нравственное ученіе его". Т. 1 и 2. Москва. 1781 г. Новѣйшій опытъ представляетъ собою полезное назидательное изданіе: Собраніе поученій, избранныхъ изъ твореній Св. Отца нашего Іоанна Златоуста Стефаномъ Дерябинымъ. Изданіе второе. Т. I и II. М. 1887 г.

[2]) Образцы этого ученія Златоуста собираемъ здѣсь изъ тѣхъ бесѣдъ и словъ его, которыя произнесены въ Антіохіи и указаны нами въ своемъ мѣстѣ, гдѣ впрочемъ слѣдуетъ присоединить и бесѣды на псалмы. Только въ немногихъ случаяхъ приводимъ образцы и изъ бесѣдъ, сказанныхъ имъ въ Константинополѣ, въ санѣ епископа.

„Тайна слова Златоуста,—говоритъ нашъ патрологъ—архипастырь,—любовь. Онъ по преимуществу проповѣдникъ любви. Любовью дышали всѣ его поступки, любовью дышало и каждое слово его... Началомъ и концемъ, корнемъ и верхомъ, полнотою и содержаніемъ добродѣтели Златоустъ считалъ любовь къ Богу, соединенную съ любовью къ ближнему".

Основывая ученіе о любви къ Богу на общей мысли вѣры о Богѣ, какъ существѣ совершеннѣйшемъ, какъ благѣ высочайшемъ, красотѣ несравнимой, превосходящей всякое слово и всякое разумѣніе, и потому вседовлѣющемъ и вожделѣнномъ предметѣ нашей любви, возвышающей насъ до блаженнаго общенія съ Богомъ, Златоустъ особенно обиленъ и выразителенъ въ изображеніи Бога, какъ Бога любви и благости, явившаго и являющаго намъ неисчислимые дары и благодѣянія своей любви и благости—въ дѣлахъ творенія и промышленія, въ дарахъ природы и благодати, во всемъ человѣколюбивомъ домостроительствѣ Его о нашемъ спасеніи, сосредоточенномъ на искупленіи грѣшнаго человѣчества чрезъ Единороднаго Сына Своего и соединенномъ съ обѣтованіями любящимъ Его неизреченныхъ благъ въ будущей жизни. Въ бесѣдѣ на 41 псаломъ Златоустъ говоритъ: какое Слово можетъ изобразить ту любовь, какую показалъ Онъ намъ? Удивляясь ей, Іоаннъ говорилъ: „*тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть*" (Іоан. 3, 16). Если ты хочешь слышать собственныя слова Его и узнать Его любовь, то послушай, что говоритъ Онъ чрезъ Пророка: „*еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чреза своего; аще и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе* (Ис. 49, 15)". И какъ псалмопѣвецъ говоритъ: „*имже образомъ желаетъ елень на источники водныя: сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже* (Пс. 41, 2)"; такъ и Христосъ говорилъ: „*якоже собираетъ кокошъ птенцы своя подъ крилѣ, тако восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте*" (Мѳ. 23, 37). И еще говоритъ Пророкъ: „*якоже щедритъ отецъ сыны, тако ущедри Господь боящихся Его*"; и еще: „*яко по высотѣ небесный отъ земли утвердилъ есть Господь милость свою на боя-*

щихся Его“ (Пс. 102, 13. 11). И какъ пророкъ ищетъ подобія для выраженія своей любви, такъ и Богъ употребляетъ нѣкоторыя подобія, чтобы выразить намъ любовь, какую Онъ показываетъ въ устроеніи нашего спасенія. Пророкъ приводитъ въ примѣръ жаждущую лань и изсохшую землю; а Богъ—любовь птицъ къ своимъ птенцамъ, попечительность отцовъ, высоту неба отъ земли и сердоболіе матерей, не потому, чтобы Онъ любилъ насъ только такъ, какъ мать дитя, но потому, что, кромѣ этихъ образцовъ, подобій и примѣровъ, у насъ нѣтъ другихъ большихъ выраженій любви. А что Онъ любитъ насъ не только такъ, какъ нѣжная мать дѣтей, выслушай слова Его: „*аще и забудетъ жена исчадій своихъ, но Азъ не забуду тебе*“. Этими словами Онъ выразилъ, что любовь Его къ намъ пламеннѣе всякой другой любви. Представляй же все это вмѣстѣ самъ въ себѣ, и ты возбудишь въ себѣ горячую любовь, возжешь свѣтлый пламень. Любовь къ людямъ обыкновенно ничѣмъ такъ не воспламеняется въ насъ, какъ воспоминаніемъ о благодѣяніяхъ, которыя мы получили отъ нихъ. Посему будемъ также поступать и въ отношеніи къ Богу. Представимъ себѣ, сколько Онъ сдѣлалъ для насъ:—самое небо, землю, море, воздухъ, земныя растенія, различныя цвѣты, животныхъ, пресмыкающихся, обитающихъ въ морѣ, въ воздухѣ, звѣзды небесныя, солнце, луну, вообще все видимое, молніи, порядокъ временъ, преемство дня и ночи, перемѣны временъ года. Онъ вдохнулъ въ насъ душу, одарилъ насъ разумомъ, почтилъ величайшею властью; посылалъ ангеловъ, посылалъ пророковъ, наконецъ Сына Своего Единороднаго. И затѣмъ Онъ продолжаетъ призывать тебя ко спасенію и Самъ чрезъ Единороднаго Сына, и Павелъ не перестаетъ убѣждать и говорить: „*яко Богу молящу нами, молимъ по Христѣ, примиритися съ Богомъ*“ (2 Кор. 5, 20). Не ограничился Богъ и этимъ, но взявъ начатокъ отъ твоего естества, посадилъ Его „превыше всякаго начальства, и власти, и силы, и всякаго имени, именуемаго не точію въ вѣцѣ семъ, но и во грядущемъ“ (Еф. 1, 21). По истинѣ, теперь благовременно сказать: „кто возглаголетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы Его“? (Пс. 105, 2). И еще: *что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми*? (Пс. 105, 3). Ибо что можетъ сравниться съ та-

кою честью, когда начатокъ нашего естества, который столько оскорблялъ Бога и столько былъ униженъ, сѣдитъ на такой высотѣ и обладаетъ такою честью? И не только общія благодѣянія исчисляй въ умѣ своемъ, но и тѣ, которыя касаются собственно тебя; напримѣръ, какъ ты нѣкогда подвергался клеветѣ и избавился отъ обвиненія, какъ нѣкогда въ бурную и темную ночь ты попалъ въ руки разбойниковъ и избѣжалъ ихъ умысловъ, какъ ты нѣкогда былъ вознагражденъ послѣ понесеннаго тобою убытка, какъ подвергся тяжкой болѣзни и получилъ облегченіе. Исчисляй всѣ благодѣянія Божіи, оказанныя тебѣ въ теченіе всей твоей жизни, и, конечно, ты найдешь ихъ много не только въ цѣлой жизни, но и въ одномъ днѣ. И если бы Богъ захотѣлъ представить намъ всѣ благодѣянія, которыя мы, не сознавая и не разумѣя, получаемъ отъ Него каждый день, то мы не могли бы перечислить ихъ. Размышляя о всемъ этомъ, равно и о грѣхахъ своихъ, которые мы совершаемъ волею или по невѣдѣнію,—ибо и то немалое благодѣяніе, что Богъ не каждый день наказываетъ насъ за наши согрѣшенія,—мы можемъ питать въ себѣ любовь къ Богу. Подлинно, когда ты подумаешь, сколько каждый день ты грѣшишь, сколько каждый день получаешь благодѣяній, какимъ пользуешься долготерпѣніемъ, какою снисходительностью, когда подумаешь, что если бы Богъ каждый день наказывалъ, ты не прожилъ бы и краткаго времени, по словамъ Пророка: *аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ* (Пс. 129, 3); то воздашь Ему благодарность и не будешь роптать ни на что, случающееся съ тобою; напротивъ, увидишь, что если бы ты терпѣлъ безчисленное множество золъ, и тогда еще не понесъ бы достойнаго наказанія. При такомъ расположеніи духа ты воспламенишь въ себѣ великую любовь и будешь въ состояніи говорить вмѣстѣ съ Пророкомъ: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя: сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже.*

Въ 34 бесѣдѣ на книгу Бытія, разсуждая о любви къ Богу за дарованныя и обѣтованныя намъ блага, Златоустъ поучаетъ: „Тотъ, Кто изъ любви къ намъ предалъ Сына

Своего, уже ли не даруетъ намъ и всего прочаго, какъ и Павелъ сказалъ: *иже Сына своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть его, како не и съ нимъ вся намъ дарствуетъ?* (Рим. 8, 32). Если Сына своего предалъ за насъ грѣшныхъ, если удостоилъ насъ дара крещенія, если даровалъ намъ оставленіе прежнихъ грѣховъ, если открылъ путь покаянія, если для нашего спасенія совершилъ безчисленное множество другихъ дѣлъ: то явно, что подастъ и уготованныя намъ въ будущемъ блага. По своей благости предуготовивъ эти блага прежде, нежели мы явились въ міръ, ужели Онъ не дастъ намъ и насладиться ими? А что Онъ заранѣе предуготовалъ эти блага для насъ, послушай, что̀ Онъ самъ скажетъ къ стоящимъ одесную: *„пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе, прежде сложенія міра* (Мѳ. 25, 24). Видишь безмѣрную благость, по которой Онъ явилъ такую любовь къ нашему роду, что еще прежде созданія міра уготовалъ намъ наслажденіе царствіемъ? Не будемъ же, прошу, непризнательны, не сдѣлаемъ себя недостойными столь многихъ даровъ, но возлюбимъ, какъ подобаетъ, Господа нашего и не станемъ дѣлать ничего такого, что могло бы прекратить Его къ намъ благоволеніе. Развѣ мы предначинали это? Онъ, предупредивъ насъ, явилъ великую и неизреченную любовь къ намъ. Не странно ли же не любить и намъ, сколько можемъ, Того, Кто такъ возлюбилъ насъ? Онъ изъ любви къ намъ все претерпѣлъ съ радостью: пришедши изъ самыхъ, такъ сказать, нѣдръ Отеческихъ, благоволилъ принять зракъ раба, испытать всѣ человѣческія нужды, претерпѣть озлобленія и безчестіе отъ іудеевъ, наконецъ, пріялъ крестъ и поносную смерть, дабы посредствомъ вѣры въ Него избавить насъ, пресмыкавшихся по землѣ и обремененныхъ безчисленнымъ множествомъ тяжкихъ грѣховъ. Помышляя обо всемъ этомъ, блаженный Павелъ, пламенно любившій Христа, обтекшій, какъ бы на крыльяхъ, всю вселенную, старавшійся въ тѣлѣ явить совершенства безтѣлесныхъ существъ, восклицалъ такъ: *любы Христова обдержитъ насъ* (2 Кор. 5, 14). Смотри, какая горячая любовь! Любы, говоритъ, Христова обдержитъ насъ, то есть возбуждаетъ, нудитъ, увлекаетъ. Потомъ, желая по-

яснить слова свои, онъ говоритъ: *суждшихъ сіе, яко аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша*"; и "*за всѣхъ умре, да живущіи не къ тому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему* (15). Видишь ли, какъ справедливо сказалъ онъ, что обдержитъ насъ любовь Христова? Ибо, если, говоритъ, Христосъ умеръ за всѣхъ насъ, то умеръ для того, чтобы мы живущіе не для себя уже жили, но для Него, умершаго за насъ и воскресшаго. Примемъ же апостольское увѣщаніе и будемъ жить не для себя, но для умершаго за насъ и воскресшаго. Но какъ, скажете, можемъ мы жить не для себя? Послушай опять сего же блаженнаго Павла, который говоритъ: "*живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ*" (Гал. 2, 20). Смотри, какъ онъ, ходя по землѣ и будучи обложенъ плотію, жилъ такъ, какъ будто бы обиталъ на небѣ и обращался съ безтѣлесными силами. Поэтому-то въ другомъ мѣстѣ онъ сказалъ: *а иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Въ томъ-то и состоитъ жизнь не для себя, а для умершаго за васъ и воскресшаго, когда мы какъ бы мертвы бываемъ въ отношеніи къ настоящей жизни и не привязываемся ни къ чему видимому. Для того и Господь нашъ претерпѣлъ распятіе, чтобы мы эту жизнь промѣняли на вѣчную; или лучше сказать, чрезъ эту пріобрѣли себѣ ту. Вѣдь настоящая жизнь, если мы бываемъ бдительны и внимательны, ведетъ насъ къ наслажденію вѣчною жизнію. И мы, если захотимъ хотя нѣсколько воспрянуть и отверзть око ума, можемъ всегда питать мысль о тамошнемъ упокоеніи, и такимъ образомъ проходить и оставлять безъ вниманія видимое, и устремлять помыслъ къ будущему и вѣчнопребывающему, какъ и блаженный Павелъ, въ наше наставленіе, говоритъ: *а еже нынѣ живу во плоти, вѣрою живу Сына Божія, возлюбившаго мене и предавшаго себе по мнѣ* (Гал. 5, 20). Итакъ можемъ ли мы показать соразмѣрную любовь къ Тому, Кто явилъ столь богатую любовь къ намъ? Если мы рѣшимся положить и самую жизнь свою за Его законъ и для соблюденія данныхъ отъ Него заповѣдей: и тогда не возможемъ достигнуть той мѣры любви, какую Онъ явилъ въ отношеніи къ

нашему роду. Онъ, будучи Богомъ, потерпѣлъ все это за людей, и, будучи Господомъ,—за рабовъ, и не просто за рабовъ, но еще за неблагодарныхъ, обнаружившихъ великую и упорную вражду. Притомъ, Онъ самъ предварилъ оказать толикое благодѣяніе недостойнымъ и виновнымъ въ безчисленныхъ грѣхахъ. А мы, что ни успѣемъ сдѣлать, ничего не совершимъ великаго, при всѣхъ усиліяхъ возблагодарить предупредившаго насъ толиками благодѣяніями. Наши дѣла, если только они послѣдуютъ, составляютъ уже нѣкую уплату за долгъ; а то, что Онъ дѣлаетъ для насъ, есть даръ и и благодѣяніе, и великая милость. Размышляя обо всемъ этомъ, возлюбимъ Христа, какъ возлюбилъ Его Павелъ, и, не заботясь о настоящемъ, любовь къ Нему укоренимъ навсегда въ душѣ нашей. Тогда мы станемъ посмѣваться всему въ настоящей жизни и на землѣ будемъ жить, какъ на небѣ, ни счастіемъ здѣшнимъ не разслабѣваясь, ни скорбями не смущаясь; но, минуя все, будемъ спѣшить отсюда къ возлюбленному Господу нашему; не будемъ роптать и на медленность, но съ блаженнымъ Павломъ станемъ говорить и мы: *еже нынѣ живемъ во плоти, вѣрою живемъ Сына Божія, возлюбившаго насъ и предавшаго себе по насъ.* Такимъ образомъ и настоящую жизнь проведемъ безпечально и удостоимся наслаждаться будущими благами.

Уже на этихъ и многихъ подобныхъ имъ рѣчахъ Златоуста о любви къ Богу ясно видится, какъ разумѣетъ онъ любовь къ Богу. „Эту божественную любовь, замѣчаетъ патрологъ—архипастырь, представлялъ онъ въ особомъ видѣ: она равнодушна ко всему, гдѣ нѣтъ Бога, ко всѣмъ радостямъ, ко всѣмъ скорбямъ, ко всѣмъ обольщеніямъ грѣха". Но вотъ слова самого Златоуста изъ 28 бесѣды на книгу Бытія: „кто воспламеняется любовью къ Богу, тотъ уже не хочетъ болѣе смотрѣть на предметы, подлежащіе зрѣнію тѣлесному, но, имѣя у себя другія очи, очи вѣры, постоянно устремляетъ умъ свой къ небеснымъ предметамъ, ихъ созерцаетъ, и, ходя по землѣ, дѣлаетъ все такъ, какъ бы жилъ на небѣ, не встрѣчая ни въ чемъ человѣческомъ препятствія къ подвигамъ добродѣтели. Такой человѣкъ не

смотритъ уже ни на пріятности жизни, ни на противныя и тяжкія обстоятельства, но, проходя мимо всего этого, поспѣшаетъ въ свое отечество. Ибо для человѣка съ такимъ настроеніемъ ничего не значитъ и то самое, что кажется страшнымъ въ настоящей жизни: онъ не боится ни меча, ни пропасти, ни зубовъ звѣрей, ни пытокъ, ни рукъ палачей, ни другой какой-либо непріятности житейской: нѣтъ, пусть положатъ предъ нимъ горячія уголья, онъ пойдетъ по нимъ какъ бы по лугу и саду; пусть угрожаютъ ему другимъ какимъ-либо родомъ мученій, онъ не цѣпенѣетъ при видѣ ихъ и не уклоняется, потому что его душею овладѣло желаніе благъ будущихъ, и онъ, какъ бы находясь внѣ тѣла, становится выше страданій и, будучи подкрѣпляемъ вышнею благодатью, даже не чувствуетъ тѣлесныхъ мученій. Посему, прошу, чтобы намъ быть въ состояніи легко выносить труды добродѣтели, покажемъ великую любовь къ Богу и, къ Нему устремивъ наши мысли, не будемъ никакимъ предметомъ настоящей жизни останавливаться на этомъ поприщѣ, но помышляя о непрерывномъ наслажденіи будущими благами, станемъ благодушно переносить всѣ скорби настоящей жизни". Въ другой бесѣдѣ (на 4 псаломъ) Златоустъ наставляетъ: „будемъ любить Бога *больше всего. Не будемъ любить эти житейскія блага, чтобы* любовь къ Богу оставалась въ насъ чистою и не ослабѣвала отъ раздѣленія. Это богатство (любовь къ Богу) можетъ доставить намъ всякое другое богатство, всякое сокровище, всякую почесть, всякую славу, всякую знаменитость. Будемъ же хранить его, и мы не станемъ нуждаться ни въ чемъ другомъ. Любящіе Бога, какъ должно, могутъ-ли когда-нибудь быть чувствительными къ человѣческимъ радостямъ или горестямъ? Нѣтъ, преданные этой любви даже не станутъ смотрѣть на блескъ настоящей жизни, но будутъ посмѣваться всякому благоденствію, презирать и всякое бѣдствіе, привязавшись любовію къ Богу, не видя ничего другого, кромѣ Его одного, представляя Его вездѣ и считая себя блаженнѣе всѣхъ. Хотя бы они были въ бѣдности, хотя бы въ безчестіи, хотя бы въ узахъ, хотя бы

въ скорбяхъ, хотя бы въ крайнихъ бѣдствіяхъ, они будутъ считать себя счастливѣе самихъ царей, находя нѣкоторое дивное услажденіе среди всѣхъ своихъ страданій въ томъ, что они терпятъ ихъ для своего Возлюбленнаго. Посему и Павелъ, находясь среди ежедневныхъ смертныхъ опасностей, въ темницахъ, въ кораблекрушеніяхъ, въ пустыняхъ, подвергаясь бичеваніямъ и другимъ безчисленнымъ наказаніямъ, радовался и веселился, ликовалъ и хвалился, и то говорилъ: *не точію упованіемъ славы Божія, но и въ скорбѣхъ хвалимся* (Рим. 5, 3), то опять: радуюся въ страданіяхъ моихъ, яко исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ въ плоти моей (Кол. 1, 24); и притомъ называлъ это благодатнымъ даромъ, исповѣдуя и выражаясь такъ: *яко намъ даровася, еже о Христѣ, не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по Немъ страдати* (Филип. 1, 29). Постараемся и мы имѣть такое же расположеніе духа и будемъ съ радостью переносить всѣ постигающія насъ бѣдствія. А мы будемъ въ состояніи переносить ихъ, если возлюбимъ Бога, какъ любилъ Пророкъ. Любовь его можно видѣть изъ словъ Его: *имже образомъ*, говоритъ онъ, *желаетъ елень на источники водныя: сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже. Возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому: когда пріиду и явлюсь лицу Божію* (Пс. 41, 2. 3)? Не сказалъ: полюбила душа моя Бога живаго, но чтобы выразить свое расположеніе, назвалъ любовь жаждою, показывая намъ качества своей любви, и пламенность ея и постоянство. Ибо какъ жаждущіе чувствуютъ жажду не одинъ день и не два, и не три дня, но во всю свою жизнь, потому что природа побуждаетъ ихъ къ тому; такъ точно и этотъ блаженный мужъ и всѣ святые не одинъ только день были въ чувствѣ сокрушенія, какъ многіе изъ людей, и не два или три дня,—такое сокрушеніе нисколько неудивительно, а постоянно и каждый день продолжали благоговѣйно любить и усиливали свою любовь. Выражая это, онъ и говоритъ: *возжада душа моя къ Богу крѣпкому живому*. Здѣсь онъ хочетъ и объяснить причину своей любви, и тебѣ показать, какъ должно любить Бога. Это онъ показалъ въ слѣдующихъ словахъ: *возжада душа*

моя къ Богу, присовокупивъ: *живому*. Онъ какъ бы такъ взываетъ и убѣждаетъ всѣхъ, привязанныхъ къ вещамъ житейскимъ: для чего вы безумно обольщáетесь тѣлами?—для чего любите плоть?—для чего жаждете славы?—для чего гоняетеся за удовольствіями? Ничто изъ всего этого не остается всегда и не живетъ постоянно, но все утекаетъ и проходитъ, все ничтожнѣе тѣни, обманчивѣе сновидѣній, увядаетъ скорѣе весеннихъ цвѣтовъ; одно оставляетъ насъ вмѣстѣ съ настоящею жизнью, а другое погибаетъ еще раньше. Обладаніе этими вещами не надежно, наслажденіе непрочно, превращенія быстры. Но въ Богѣ нѣтъ ничего подобнаго; Онъ живетъ и пребываетъ вѣчно, не подвергаясь никакому ни измѣненію, ни превращенію. Посему, оставивъ временное и скоротечное, возлюбимъ вѣчнаго и Присносущнаго. Кто любитъ Его, тотъ не постыдится никогда, не потерпитъ и не лишится любимаго".

Повсюду присущая Златоусту мысль о безпредѣльной любви и благости Божіей, влекущей и обязующей и насъ къ любви къ Богу, даетъ, такъ сказать, особенное направленіе или своеобразное выраженіе всѣмъ наставленіямъ и мыслямъ его по предметамъ нравственнаго ученія. Пояснимъ это на двухъ—трехъ примѣрахъ. Такъ, молитва, по Златоусту, есть „союзъ любви съ Богомъ"; есть бесѣда съ Богомъ, какъ говоритъ пророкъ: „*да усладится Богу бесѣда моя*" (Пс. 103, 34). По своему человѣколюбію, Богъ самъ приближается къ намъ въ нашей молитвѣ: *Богъ приближаяйся есмь, глаголетъ Господь, а не Богъ издалече* (Іер. 22, 23). „Богъ всегда близь есть. Скажи: *помилуй мя*, и Богъ тотчасъ дѣлается присущимъ. Еще *глаголющу ти*, говоритъ пророкъ, *речетъ: се пріидохъ* (Ис. 58, 9). О слово, исполненное благости! Онъ не ожидаетъ окончанія молитвы; еще прежде, нежели окончишь молитву, ты уже получаешь даръ"... „Богъ можетъ подать намъ и прежде прошенія нашего, но Онъ потому ожидаетъ нашего прошенія, чтобы имѣть случай праведно удостоить насъ Своего промышленія". Упованіе молитвы утверждается на той величайшей любви Отца Небеснаго къ намъ, чадамъ Его, о которой Самъ Онъ говоритъ:

аще вы зли умѣете даянія блага даяти чадомъ, то кольми паче Отецъ, иже съ небесе дастъ Духа Святаго, просящимъ у Него (Лук. 18, 13), и о которой говоритъ св. апостолъ Павелъ: *иже бо Сына Своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его, како и не вся намъ съ нимъ дарствуетъ*" (Римл. 8, 32). Сообразно съ своею мыслью о молитвѣ, какъ союзѣ любви съ Богомъ, и съ цѣлью воспитать съ христіанской любовію къ Богу любовь къ молитвѣ, Златоустъ любитъ повторять наставленіе, что Богъ благоволитъ къ нашей молитвѣ особенно тогда, когда просимъ Его сами, а не чрезъ другихъ. „Богъ обыкновенно склоняется не столько тогда, когда другіе умоляютъ Его за насъ, сколько тогда, какъ мы сами молимся, хотя бы мы обременены были множествомъ золъ. Ибо если между людьми, когда мы сильно оскорбимъ кого-нибудь, а затѣмъ не чрезъ другихъ, но сами утромъ и въ полдень, и вечеромъ будемъ являться къ оскорбленнымъ нами, неотступностью и постояннымъ присутствіемъ въ глазахъ ихъ легко можемъ прекратить ихъ вражду, то тѣмъ болѣе это можетъ быть въ отношеніи къ Богу. Не столько мы умоляемъ Бога, прося чрезъ другихъ, сколько сами собою. Такъ какъ Онъ желаетъ преданности отъ насъ и дѣлаетъ все для того, чтобы мы довѣряли Ему; то когда видитъ, что мы дѣлаемъ это сами отъ себя, тогда особенно внимаетъ намъ. Такъ Онъ поступилъ и съ хананейскою женою: когда Петръ и Іаковъ ходатайствовали за нее, то Онъ не удовлетворилъ прошенію; а когда она сама продолжала просить, то Онъ скоро даровалъ ей просимое. Богъ тогда особенно и исполняетъ наши прошенія, когда мы не прибѣгаемъ къ другимъ; подобно тому, какъ искренній другъ тогда особенно упрекаетъ насъ въ недовѣрчивости къ его дружбѣ, когда просимъ его чрезъ другихъ. Такъ поступаемъ и мы съ просящими насъ; тогда особенно бываемъ къ нимъ благосклонны, когда они сами обращаются къ намъ, а не чрезъ другихъ [1]). Утверждая

[1]) Приведенныя здѣсь приводимыя и далѣе изреченія и мысли Златоуста о молитвѣ часто повторяются у него, какъ можно видѣть въ статьяхъ о молитвѣ, помѣщенныхъ (въ числѣ 14) въ упомянутомъ „Собраніи поученій Св. Іоанна Златоуста", составленномъ г. Дерябинымъ, гдѣ цитованы и тѣ бесѣды Златоуста, изъ которыхъ они извлечены. Само собою понятно, что когда св. отецъ часто и настоятельно повторяетъ, что Богъ тогда особенно благово-

упованіе молитвы, Златоустъ часто останавливается на слышимыхъ или предполагаемыхъ сѣтованіяхъ, что Богъ не благоволитъ выслушивать наши прошенія или не исполняетъ ихъ. Это можетъ зависѣть отъ того, что мы молимся недостаточно усердно, даже небрежно. „Когда я говорю кому-нибудь: проси Бога, молись Ему, прибѣгай къ Нему съ молитвою, то мнѣ отвѣчаютъ: я просилъ однажды, дважды, трижды, девять, двадцать разъ и еще не получилъ. Не переставай просить, пока не получишь; конецъ молитвы—полученіе просимаго. Тогда перестань, когда получишь, или лучше и тогда не переставай, но и тогда пребывай въ молитвѣ. Если ты не получилъ, то молись, чтобы получить; если же ты получилъ, то благодари за то, что получилъ. Многіе приходятъ въ церковь, произносятъ тысячи стиховъ молитвы, и выходятъ, не зная, что говорили они; уста ихъ движутся, а слухъ не слышитъ. Ты самъ не слышишь своей молитвы; какъ же хочешь, чтобы Богъ услышалъ твою молитву? Ты говоришь: я преклонялъ колѣна: но умъ твой блуждалъ внѣ; уста произносили молитву, а умъ исчислялъ доходы, договоры, условія, поля, владѣнія, общества друзей. Посему молю васъ творить усердную молитву такъ, чтобы не только языкъ произносилъ слова, но и душа вмѣстѣ съ словами восходила къ Богу. Ибо, если языкъ и произноситъ слова, а душа скитается внѣ, помышляя о домашнихъ дѣлахъ, мечтая о томъ, что бываетъ на торжищѣ: то намъ не будетъ никакой пользы, а, можетъ быть, будетъ еще и большее осужденіе. Если мы, пришедши и къ человѣку, показываемъ такое къ нему *вниманіе*, что часто не видимъ даже людей, стоящихъ по близости, но сосредоточиваемъ мысль свою, и видимъ того только, къ кому *пришли:* тѣмъ болѣе должны мы такъ поступать въ отношеніи къ Богу, всегда и непрестанно пребывая въ молитвахъ. Поэтому и Павелъ писалъ: *молящеся на всякое время, молитеся и духомъ*

литъ нашимъ молитвамъ, когда мы просимъ Его сами собою, а не чрезъ другихъ, то это не значитъ, что св. отецъ умаляетъ значеніе молитвы общецерковной, молитвы за другихъ и молитвы святыхъ за насъ. Есть у него наставленія и объ этихъ видахъ молитвы. Но здѣсь мы ограничиваемся указаніемъ на тѣ черты общаго ученія св. отца о молитвѣ, *которыми видимѣе* обозначается связь его съ ученіемъ св. отца о любви къ Богу.

(Еф. 6, 18)[1]), то-есть, не языкомъ только и съ постояннымъ бдѣніемъ, но и самою душею: „*духомъ*“. Ваши прошенія, говоритъ, да будутъ духовны; да бодрствуетъ вашъ умъ, ваша душа да внимаетъ словамъ. Просите того, что прилично просить отъ Бога, чтобы получить вамъ и просимое. И при этомъ ведите себя внимательно, трезвясь и бодрствуя душею, не выказывая небрежности, не носясь умомъ туда и сюда; но *свое спасеніе со страхомъ и трепетомъ содѣлывайте*; ибо сказано: „*блаженъ иже боится всѣхъ за благоговѣніе*“ (Притч. 18, 14). Единственнымъ дѣломъ съ нашей стороны да будетъ постоянно пребывать въ молитвѣ и не роптать на нескорое исполненіе нашихъ прошеній, но показывать великое терпѣніе. Богъ медлитъ исполнить наши прошенія не потому, чтобы отвергалъ ихъ, но потому, что хочетъ научить насъ усердію и постоянно привлекать насъ къ Себѣ. Такъ и чадолюбивый отецъ, будучи и часто упрашиваемъ сыномъ, не исполняетъ просьбы его не потому, чтобы не хотѣлъ дать, но чтобы чрезъ это побудить сына къ усерднѣйшему прошенію. Зная это, не будемъ никогда отчаяваться, и не перестанемъ приступать къ Богу и возносить къ Нему усердныя молитвы. „Не услышанъ ты? говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Имѣй терпѣніе, чтобы ты былъ услышанъ. Ибо, хотя Богъ иногда и медлитъ подаяніемъ, но дѣлаетъ это не по ненависти и отвращенію, а желая медленностью подаянія болѣе удержать тебя при Себѣ, какъ поступаютъ и чадолюбивые отцы; и они медленностью подаянія мудро стараются долѣе удержать при себѣ нерадивѣйшихъ дѣтей. Не нужно тебѣ ни посредниковъ предъ Богомъ, ни долгаго странствованія, ни угожденія другихъ; но хотя бы ты былъ одинокимъ и беззащитнымъ, ты самъ собою умоляя Бога, конечно, получишь просимое“. Отсюда—ученіе Златоуста о неотступности молитвы, поясняемое примѣромъ хананеянки, которая, не сразу получивъ просимое, не отступала, не переставала вопить: помилуй мя, — и была услы-

[1]) Здѣсь слова апостола приводятся въ нѣсколько свободной разстановкѣ, какъ то нерѣдко бываетъ у Златоуста, который приводитъ слова Писанія по памяти и, удерживая существо мысли въ нихъ, приспособляетъ разстановку отдѣльныхъ выраженій текста къ строю своей рѣчи.

шана. „Если Господь, говоритъ Златоустъ, повидимому медлилъ, то поступилъ такъ не для того, чтобы эта жена ждала, но чтобы она получила большій вѣнецъ и продолженіемъ просьбы болѣе приблизилась къ Нему. Будемъ же и мы съ усердіемъ обращаться къ Богу: научимся, какъ совершать такое обращеніе. Хочешь ли знать, какъ важна молитва? Это не мое слово; я самъ, по своему сужденію, не осмѣлился бы высказать этого; выслушай изъ Писанія, какъ молитва дѣлала то, что не дѣлала дружба. „*Кто отъ васъ*“, говоритъ Господь, *имать друга, и идетъ и речетъ ему: друже, даждь ми три хлѣбы: и той отвѣщавъ речетъ: двери затворены суть, дѣти на ложи суть: не твори ми труды. Глаголю же вамъ: аще и не дастъ ему, зане другъ ему есть, но за безъочство (по неотступности) его дастъ ему, елика требуетъ* (Лук. 11, 5—8). Видишь ли, какъ въ томъ, въ чемъ не успѣла дружба, успѣла неотступная просьба? Такъ какъ просившій былъ другъ, то, дабы ты не подумалъ, что онъ по этой причинѣ успѣлъ, сказано: „аще и не дастъ ему, зане другъ ему есть, но за безъочство его дастъ ему“. Если и дружба, говоритъ, не сдѣлаетъ этого, то неотступная просьба сдѣлаетъ то, въ чемъ не успѣла дружба. Съ кѣмъ это было? Съ мытаремъ. Не былъ онъ другомъ Божіимъ, но сдѣлался другомъ. И такъ, если бы даже ты былъ врагомъ, то чрезъ неотступную просьбу сдѣлаешься другомъ. Посмотри и на хананеянку, и послушай, что Господь сказалъ ей: „*нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и повреши псомъ*“ (Мѳ. 15, 26). Почему же Онъ сдѣлалъ, если это не добро? По неотступной просьбѣ жена достигла этого добра, дабы ты зналъ, что чего мы не достойны, того дѣлаемся достойными чрезъ неотступную просьбу. Я сказалъ это для того, чтобы ты не говорилъ: я грѣшникъ, я не имѣю дерзновенія, у меня нѣтъ молитвы. Кто не думаетъ, что онъ имѣетъ дерзновеніе, тотъ имѣетъ дерзновеніе; но кто думаетъ, что имѣетъ дерзновеніе, тотъ потерялъ дерзновеніе, какъ фарисей; а кто считаетъ себя отверженнымъ и презрѣннымъ, тотъ особенно и будетъ услышанъ, какъ мытарь. Посмотри, сколько ты имѣешь примѣровъ. Хананеянку, мытаря, разбойника на крестѣ, упо-

мянутаго въ притчѣ друга, просившаго трехъ хлѣбовъ и получившаго не столько за дружбу, сколько за неотступную просьбу. Если бы каждый изъ нихъ сказалъ: я грѣшникъ, я стыжусь, и потому я не долженъ приступать, то не имѣлъ бы никакого успѣха. Но такъ какъ каждый изъ нихъ взиралъ не на множество грѣховъ своихъ, но на богатство Божія человѣколюбія, то, получивъ дерзновеніе, осмѣлился и, бывъ грѣшникомъ, просилъ не по достоинству своему, и каждый успѣлъ въ томъ, чего желалъ. Будемъ же помнить все это и соблюдать: будемъ молиться непрестанно, бодрственно, съ дерзновеніемъ, съ благими надеждами, съ великимъ усердіемъ. Съ какою ревностью другіе молятся о вредѣ врагамъ, съ такою ревностью мы будемъ молиться и за враговъ, и за своихъ братій, и непремѣнно получимъ все полезное; потому что человѣколюбивъ Подающій, и не столько мы желаемъ получить, сколько Онъ желаетъ подать! Но если мы и не получаемъ по нашему прошенію, то и тогда должны благодарить Бога, Который лучше знаетъ, что намъ нужно и полезно"... „Получимъ ли просимое, или не получимъ, будемъ прилежны къ молитвѣ и благодарить не только тогда, когда получаемъ, но и когда не получаемъ: потому что и неполученіе, когда бываетъ по волѣ Божіей, не менѣе благотворно, какъ и полученіе. Ибо мы и не знаемъ, что намъ полезно, въ той мѣрѣ, въ какой Онъ это знаетъ. Слѣдовательно, получимъ ли, или не получимъ, мы должны благодарить. И что удивляешься, когда говорю, что мы не знаемъ, что полезно для насъ? И Павелъ, мужъ столь великій и высокій, удостоившійся такихъ неизреченныхъ откровеній, не зналъ, что онъ просилъ неполезнаго ему. Видя себя окруженнымъ бѣдствіями и непрестанными искушеніями, онъ молился объ избавленіи отъ нихъ, и не однажды, не дважды, но многократно; ибо говоритъ: *три краты Господа молилъ.* Такъ, три краты, то есть многократно онъ молилъ и не получилъ. Посмотримъ же, какъ онъ это перенесъ. Возропталъ ли, впалъ ли въ уныніе; отчаялся ли? Нѣтъ; но что онъ говоритъ? „*И рече ми Господь: довлѣетъ ти благодать Моя, сила бо Моя въ немощи совершается*" (2 Кор. 12, 8. 9). Богъ не

только не освободилъ его отъ постигшихъ его бѣдъ, но и попустилъ ему оставаться въ нихъ. Но откуда извѣстно, что онъ не роптал на это? Слушай, что самъ Павелъ говоритъ, когда узналъ, что такъ угодно Богу: „*Сладцѣ убо похвалюся въ немощехъ моихъ*; не только, говоритъ, не ищу уже освободиться отъ этихъ бѣдъ, но еще съ великимъ удовольствіемъ хвалюсь ими. Видишь, какая благопризнательная душа,— какая любовь къ Богу! Послушай, что еще говоритъ онъ: „*о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы*“ (Рим. 8, 26); то—есть, мы, какъ люди, не можемъ знать все обстоятельно. Итакъ должно все представить Создателю естества нашего и принимать съ веселіемъ и великою радостью все, что ни опредѣлитъ Онъ, и смотрѣть не на то, чѣмъ кажутся намъ происшествія, а на то, что такъ угодно Богу. Ибо Онъ, лучше насъ зная, что намъ полезно, знаетъ и то, какъ устроить наше спасеніе“. Часто въ своихъ наставленіяхъ о молитвѣ Златоустъ объсняетъ и то, о чемъ мы должны молиться, указуя предметъ молитвы прежде всего и паче всего въ благахъ духовныхъ, по духу молитвы, которой самъ Господь научилъ насъ (См. наприм. бесѣду 43 на еванг. св. Іоанна Богослова).

Самымъ благопріятнымъ мѣстомъ для молитвы есть Церковь, какъ домъ Божій, къ частому посѣщенію котораго должна привлекать насъ любовь къ Богу и молитвенному общенію съ нимъ. Пророкъ говоритъ: „*изволихъ приметатися* въ дому Бога моего паче, неже жити ми *въ селеніихъ грѣшничихъ*“ (Пс. 83, 11). Не сказалъ: изволихъ жить въ дому Бога моего, ни: обитать, ни: войти, но: изволихъ приметаться. Я радъ, говоритъ, быть и въ числѣ послѣднихъ; доволенъ буду и тѣмъ, если удостоюсь войти въ преддверіе; почту за величайшій даръ, если меня поставятъ между послѣдними въ домѣ Бога моего.—Общаго всѣхъ Господа любовь усвояетъ себѣ,—такова уже любовь.—*Въ дому Бога моего*: любящій желаетъ видѣть не только самого любимаго, и не только домъ его, но и преддверіе, и не только преддверіе дома, но и самую улицу и переулокъ; и если увидитъ хоть одежду или обувь друга, думаетъ, что предъ нимъ самъ другъ его. Таковы

были пророки: такъ какъ они не видѣли безтѣлеснаго Бога, то взирали на храмъ, и въ немъ представляли себѣ присущимъ самого Бога: *изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніихъ грѣшничихъ*. Всякое мѣсто, всякій домъ,—будетъ ли то судилище, или сенатъ, или частный домъ,—въ сравненіи съ домомъ Божіимъ, есть селеніе грѣшниковъ. Ибо, хоть и тамъ бываютъ молитвы и моленія, но неизбѣжно бываютъ раздоры, и ссоры, и брани, и совѣщанія о житейскихъ дѣлахъ; а этотъ домъ (Божій) чистъ отъ всего этого. Вотъ почему тѣ мѣста — селенія грѣшниковъ, а это — домъ Божій. И какъ пристань, защищенная отъ вѣтровъ и волнъ, даетъ полную безопасность входящимъ въ нее судамъ: такъ и домъ Божій, какъ бы исторгая входящихъ въ него изъ бури мірскихъ дѣлъ, даетъ имъ стоять спокойно и безопасно, и слушать слово Божіе. Это мѣсто есть школа добродѣтели, училище любомудрія. Приди, не только во время собранія, когда бываетъ чтеніе Писанія, поученіе и соборъ честныхъ отцевъ; нѣтъ, во всякое и другое время приди только въ преддверіе, и — тотчасъ отложишь житейскія заботы. Войди въ преддверіе и какъ бы вѣтерокъ какой-нибудь духовный повѣетъ на твою душу. Эта тишина внушаетъ страхъ и учитъ любомудрію; возбуждаетъ умъ, и не даетъ помнить о настоящемъ, переноситъ тебя съ земли на небо. Если же такъ полезно быть здѣсь и безъ собранія, то какую пользу получаютъ здѣсь присутствующіе, и какую потерю несутъ отсутствующіе тогда, когда пророки возглашаютъ, когда апостолы благовѣствуютъ, когда Христосъ стоитъ посреди, когда Отецъ одобряетъ происходящее здѣсь, когда Духъ Святый сообщаетъ свою радость"?... Но молитва должна быть присуща намъ и внѣ церкви; мы должны творить молитвы въ нашихъ домахъ, каковы утреннія и вечернія молитвы, предъ трапезою и послѣ трапезы и на всѣхъ поприщахъ нашей жизни и дѣятельности. Она должна быть непрестанною, т. е. постояннымъ расположеніемъ нашимъ, выражаясь если не устами и словами, то душевными чувствованіями и помышленіями. „Всякое мѣсто и всякое время удобно для насъ къ молитвѣ". Ибо

послушай того же учителя вселенной, что онъ говоритъ: „*на всякомъ мѣстѣ воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія* (1 Тим. 2, 8). Если сердце твое свободно отъ нечистыхъ страстей,—то, гдѣ бы ты ни былъ,—на торжищѣ-ли, дома ли, на пути ли, въ судѣ, на морѣ, въ гостинницѣ, или въ мастерской, вездѣ можешь помолиться Богу и получить просимое. Если и нельзя прійти въ церковь, такъ можно и призванному въ судъ помолиться, стоя тамъ предъ дверьми: потому что для этого не столько нужно слово, сколько мысль, не столько простертіе рукъ, сколько настроеніе души, не столько извѣстное положеніе тѣла: сколько расположеніе духа. И Анна (матерь Самуила) была услышана не потому, чтобы испускала громкій и сильный голосъ, но потому, что крѣпко вопіяла внутренно, сердцемъ. Гласъ ея не слышашеся, говоритъ Писаніе (1 Цар. 1, 13); но Богъ услышалъ ее. Это часто дѣлали и многіе другіе, тогда какъ начальникъ внутри судилища кричалъ, угрожалъ, раздражался, они, стоя предъ дверьми, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ и произнесши умомъ краткую молитву, входили въ судилище, и измѣняли судію, укрощали его и изъ свирѣпаго дѣлали кроткимъ: и ни мѣсто, ни время, ни молчаніе не было для нихъ препятствіемъ къ такой молитвѣ [1]). Такъ и ты сдѣлай: воздыхай горько, вспомни о грѣхахъ своихъ, воззри на небо, скажи умомъ: *помилуй мя, Боже*, и кончена молитва твоя. Кто сказалъ: *помилуй*, тотъ сдѣлалъ исповѣдь, и созналъ грѣхи свои, потому что желать помилованія свойственно согрѣшившимъ. Кто сказалъ: помилуй мя, тотъ получилъ отпущеніе грѣховъ; потому что помилованный не наказывается. Кто сказалъ: помилуй мя, тотъ получилъ царствіе небесное, потому что Богъ кого помилуетъ, того не только освобождаетъ отъ наказанія, но и удостоиваетъ будущихъ благъ. Не станемъ же говорить въ свое оправданіе, что домъ молитвы не близко; благодать Духа насъ самихъ сдѣлала и храмами Божіими; если только мы бдительны, то можемъ молиться всегда весьма легко. Наше

---

[1]) Здѣсь разумѣются христіанскіе исповѣдники и мученики во время гоненій.

богослуженіе не таково, каково было прежнее у Іудеевъ, имѣвшее много *чувственнаго и требовавшее множества* обрядовъ. Тамъ молящемуся надлежало и взойти въ храмъ, и купить горлицу, принести дрова и огонь, и взять ножъ, и стать предъ жертвенникомъ, и исполнить множество другихъ постановленій. Теперь же не нужно ничего такого; но гдѣ бы ты ни былъ, вездѣ съ тобою и жертвенникъ, и жертва. Гдѣ бы ты ни былъ, вездѣ можешь поставить жертвенникъ, покажи только добрую волю, и не помѣшаетъ тебѣ мѣсто, не воспрепятствуетъ и время; нѣтъ, хотя и не преклонишь колѣнъ, не станешь ударять себя въ грудь, и не прострешь руки къ небу, а только покажешь горячую душу, то сдѣлаешь все нужное для молитвы. Можно и женѣ, сидя за прялкою или занимаясь тканьемъ, воззрѣть умомъ на небо и призвать Бога пламенно; можно и мужу, на торжищѣ и на пути, совершать усердныя молитвы; другому, и сидя въ мастерской, при занятіи своимъ дѣломъ, можно вознести свою душу къ Господу; можно слугѣ, и покупая на рынкѣ, и во время служенія въ домѣ, и занимаясь на кухнѣ, совершать искреннюю и усердную молитву. Богъ не гнушается мѣстомъ; Онъ требуетъ только одного пламеннаго сердца и цѣломудренной души. А чтобы увѣриться тебѣ, *что для молитвы требуется не извѣстное положеніе* тѣла, мѣсто или время, но бодрственная мысль, послушай, какъ Павелъ, лежа въ темницѣ, распростертый, а не стоя прямо, помолившись съ усердіемъ, потрясъ темницу и поколебалъ ея основанія, устрашилъ темничнаго стража и затѣмъ привелъ его къ святому крещенію. Опять: Езекія, не стоя прямо, и не преклонивъ колѣна, но лежа на постелѣ, по причинѣ болѣзни, и обратившись къ стѣнѣ, когда пламенною душею призвалъ Бога, тогда и отмѣнилъ произнесенный уже приговоръ, привлекъ къ себѣ великое благоволеніе Божіе и получилъ прежнее здоровье. И это случалось не только со святыми и великими мужами, но и съ великими грѣшниками. Такъ, разбойникъ, не стоя въ домѣ молитвы, ни преклонивъ колѣна, но распростертый на крестѣ немногими словами пріобрѣлъ царствіе небесное. Одинъ въ тишинѣ и во рвѣ, другой во рвѣ и со звѣря-

ми, иной даже во чревѣ китовомъ, призвавъ Бога, прекращалъ всѣ бѣдствія и привлекалъ къ себѣ вышнее благоволеніе. Говорю это чтобы убѣдить васъ чаще приходить въ церковь, и дома молиться въ тишинѣ, въ свободное время, и преклоняя колѣна и воздѣвая руки. Если же въ какое-либо время, или въ какомъ-либо мѣстѣ будете находиться среди множества другихъ людей, и тогда не оставляйте молитвы, но такимъ же образомъ, какъ я сказалъ, молитесь и призывайте Бога, въ надеждѣ получить не меньшую пользу и отъ такой молитвы. Если мы такъ настроимъ себя, то и настоящую жизнь проведемъ въ спокойствіи, и получимъ царствіе небесное".

Изъ многочисленныхъ наставленій Златоуста о домашней молитвѣ, припомнимъ только наставленіе его о ночной молитвѣ, указывающее на то, что самъ онъ любилъ подвиги ночной молитвы. Въ бесѣдѣ 26-й на книгу Дѣяній Апостольскихъ онъ говоритъ: „не для того дана ночь, чтобы мы всю проводили ее во снѣ и бездѣйствіи. Свидѣтели тому ремесленники, погонщики муловъ, торговцы, Церковь Божія, востающая среди ночи. Востань и ты, посмотри на хоръ звѣздъ, на глубокую тишину, на великое безмолвіе, и удивляйся дѣламъ Господа твоего. Тогда душа твоя бываетъ чище, легче и бодрѣе, бываетъ особенно способна воспарять и возвышаться; самый мракъ и совершенное безмолвіе много располагаютъ къ умиленію. Если взглянешь на небо, испещренное звѣздами, какъ безчисленнымъ множествомъ глазъ, то получишь совершенное удовольствіе, помысливъ тотчасъ о Создателѣ. Если представишь, что тѣ, которые въ теченіе дня шумятъ, смѣются, играютъ проводятъ время на зрѣлищахъ, обижаютъ, лихоимствуютъ, досаждаютъ, дѣлаютъ безчисленное множество золъ, теперь нисколько не отличаются отъ мертвыхъ, то познаешь все ничтожество человѣческаго самолюбія. Сонъ пришелъ и показалъ природу, какъ она есть; онъ есть образъ смерти, онъ есть образъ кончины. Если взглянешь на улицу, не услышишь ни одного голоса; если посмотришь въ домѣ, увидишь всѣхъ лежащими какъ бы во гробѣ. Все это мо-

жетъ возбудить душу и привести на мысль кончину міра. Говорю это мужамъ и женамъ. Преклони колѣна, воздыхай, моли Господа твоего быть милостивымъ къ тебѣ; Онъ особенно преклоняется на милость ночными молитвами, когда ты время отдохновенія дѣлаешь временемъ плача. Вспомни о царѣ, какъ Онъ говоритъ: *утрудихся воздыханіемъ моимъ, измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7). Какія бы ты ни имѣлъ удовольствія, не будешь имѣть болѣе его; какъ бы ты ни былъ богатъ, не будешь богатѣе Давида. Но онъ же въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *полунощи востахъ исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоея* (Пс. 118, 62). Тогда не безпокоитъ тщеславіе; ибо какъ это возможно, когда всѣ спятъ и не видятъ? Тогда не нападаетъ лѣность и безпечность, ибо какъ это возможно, когда столь многое возбуждаетъ душу? Послѣ такихъ бдѣній бываютъ и сонъ пріятный и видѣнія чудныя. Это дѣлай и ты, мужъ, а не одна только жена. Пусть домъ сдѣлается церковью, составленною изъ мужей и женъ. Не считай препятствіемъ этому то, что ты мужъ только одинъ и что жена только одна. *Идѣже бо еста два*, говоритъ Христосъ, *собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. 18, 20). А гдѣ присутствуетъ Христосъ, тамъ великое множество; гдѣ Христосъ, тамъ необходимо бываютъ и Ангелы и Архангелы и прочія силы. Если у тебя есть дѣти, то подними и дѣтей, и пусть во время ночи весь домъ сдѣлается церковью; если же они малолѣтни и не могутъ переносить бодрствованія, то пусть совершатъ или выслушаютъ по крайней мѣрѣ одну молитву или двѣ, и успокоятся; только ты встань, только ты себѣ обрати это въ навыкъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе жилища, въ которомъ совершаются такія молитвы". Наконецъ, у Златоуста весьма часты и выразительны описанія благотворнаго, воспитательнаго, укрѣпляющаго, освящающаго и возвышающаго дѣйствія молитвы на душу. Не приводя такихъ описаній, отмѣтимъ только, что сущность ихъ сказывается въ такъ частыхъ у него образныхъ наименованіяхъ молитвы: называя ее союзомъ любви съ Богомъ, бесѣдою съ Богомъ, онъ любитъ придавать ей такія

названія, какъ великое оружіе, великая защита, великое сокровище, великая пристань, безопасное убѣжище, спасительное врачество, отрѣшеніе отъ земнаго, восхожденіе къ небу и т. п.

Мыслью о любви и благости Божіей проникнуто ученіе Златоуста *о покаяніи*, о которомъ также, какъ о молитвѣ, онъ часто проповѣдывалъ, внося наставленія о покаяніи въ свои бесѣды по разнымъ другимъ предметамъ, посвящая этимъ наставленіямъ и нарочитыя бесѣды [1]). Покаяніе, по Златоусту, *должно* быть въ насъ плодомъ не только страха праведнаго суда и наказанія за наши грѣхи, но и сокрушенія любви предъ Богомъ, Который явилъ и являетъ намъ столько даровъ своей благости, долготерпитъ намъ, милосердуетъ о насъ и въ покаяніи открылъ намъ путь къ спасенію и Который не умедлитъ принять наше покаяніе, лобызаетъ самое намѣреніе наше покаяться и исправиться и посылаетъ свою благодатную помощь къ тому. Извѣстны часто повторяемыя выраженія любвеобильнаго проповѣдника о покаяніи, какъ подвигѣ нетрудномъ, облегченномъ безпредѣльнымъ милосердіемъ Божіимъ: „человѣколюбивъ Господь; Онъ Самъ сказалъ: *не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися отъ пути своего и живу быти ему* (Іезек. 33, 11). Отъ тебя хочетъ Онъ небольшаго труда, а Самъ даетъ великое; отъ тебя ожидаетъ повода, чтобы дать тебѣ сокровище спасенія. Предложи ему слезы, а Онъ даруетъ тебѣ прощеніе грѣховъ. Ты представь хоть малый предлогъ, чтобы имѣть благовидное оправданіе; ибо въ дѣлѣ спасенія одно зависитъ отъ Него, а другое отъ насъ. Если мы представимъ, что̀ зависитъ отъ насъ, то и Онъ даруетъ, что̀ зависитъ отъ Него (о Покаяніи бесѣда 3)“. Еще: „Онъ далъ тебѣ не одинъ только путь покаянія, и не два и не три, но многіе и различные, чтобы чрезъ это множество сдѣлать для тебя легкимъ восхожденіе на Небо (тамъ же)... Ты грѣшникъ? Приди въ церковь, чтобы исповѣдать грѣхи твои. Ты грѣшникъ: не отчаивайся, но при-

[1]) Извѣстны девять такихъ бесѣдъ, помѣщенныхъ во второмъ томѣ Монфоконова изданія твореній Св. Златоуста. Шесть изъ этихъ бесѣдъ признаются произнесенными въ Антіохіи. Въ русскомъ переводѣ онѣ помѣщены во 2 томѣ „Бесѣдъ Св. Златоуста къ Антіохійскому народу“, перев. при С.-Петербургской духовной Академіи. Изд. 2. Спб. 1850 г.

веси покаяніе. Ты согрѣшилъ? Прійди въ церковь, скажи Богу: я согрѣшилъ. Ничего другого я отъ тебя не требую, кромѣ этого одного. Божественное Писаніе говоритъ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26): скажи грѣхъ, чтобы разрѣшить грѣхъ; скажи: я согрѣшилъ, и загладишь грѣхъ (Бесѣда о покаяніи 2). Сколько разъ ни согрѣшишь, покайся въ грѣхѣ, не отчаявайся; согрѣшишь въ другой разъ, покайся, чтобы по нерадѣнію совсѣмъ не потерять надежды на обѣщанныя блага. Ты въ глубокой старости,—и согрѣшилъ?—войди въ церковь, покайся; здѣсь врачебница, а не судилище, здѣсь не истязуютъ, но даютъ прощеніе. Скажи Богу грѣхъ твой: *Тебѣ Единому согрѣшихъ и лукавое предъ Тобою сотворихъ*,—и отпустится тебѣ грѣхъ твой (бесѣда 3)". Понятно, что всѣ эти и подобныя выраженія о видимой легкости направлены къ возбужденію вѣры въ безпредѣльное милосердіе Божіе, подъ благодатнымъ наитіемъ котораго начавшій каяться возымѣетъ *искреннее* чувство сокрушенія и желаніе исправиться. Въ 36 бесѣдѣ на Дѣянія Апостольскія, убѣждая грѣшника съ дерзновеніемъ просить у Бога прощенія грѣховъ, Златоустъ выражается: „Но что, скажешь, если я оскорбилъ Его? Перестань оскорблять, со слезами приступи къ Нему, и Онъ скоро помилуетъ тебя за прежнія дѣла. Скажи только, что оскорбилъ Его, скажи *отъ души, изъ глубины сердца*, и во всемъ получишь прощеніе. Не столько ты желаешь, чтобы прощены были тебѣ грѣхи, сколько Онъ желаетъ простить грѣхи твои... Итакъ *предваримъ лице Его во исповѣданіи* (Пс. 94, 2), потому что Онъ благъ и милосердъ. Если ты не будешь призывать Его во истинѣ и не станешь взывать отъ сердца: прости мнѣ, а только устами; то что Онъ сдѣлаетъ? Что же значитъ призывать его во истинѣ? Съ добрымъ расположеніемъ, съ усердіемъ, отъ чистаго сердца... Итакъ всякій, кто бы ни былъ, не говори только: я грѣшникъ, но и сокрушайся. Если ты сокрушаешься, то прилагаешь стараніе (исправиться)". Всего лучше смыслъ ученія Златоуста о покаяніи, по связи его съ мыслію о безпредѣльномъ человѣколюбіи Божіемъ, выясняется въ знаменитомъ словѣ

его на день Пасхи, гдѣ Божественный и любвеобильный Владыка призываетъ на свою вечерю всѣхъ первыхъ и послѣднихъ, постившихся и не постившихся, грѣшныхъ и праведныхъ, и пріемлетъ ихъ потому, что предложеніе (желаніе исправиться) пріемлетъ и намѣреніе лобызаетъ. Златоустъ не забываетъ говорить о страшномъ судѣ Правды Божіей и о вѣчныхъ наказаніяхъ нераскаяннымъ грѣшникамъ, и даже часто говоритъ объ этомъ, особенно въ обличеніе тѣхъ, которые считали это несогласнымъ съ благостью Божіей. Говоря о страшномъ днѣ пришествія Господня и страшномъ судѣ, Златоустъ выражается: „страшно, весьма страшно и ужасно это судилище, хотя Богъ и благъ, хотя Онъ и милостивъ. Онъ называется *Богомъ щедротъ и Богомъ утѣхи* (2 Кор. 1, 3); Онъ благъ такъ, какъ никто другой, снисходителенъ, щедръ и многомилостивъ; Онъ *не хощетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти Ему* (Iез. 33, 11). Почему же этотъ день будетъ исполненъ такого ужаса? Огненная рѣка потечетъ предъ лицемъ Его, книги дѣяній нашихъ отверзутся, самый день будетъ подобенъ горящей пещи. Ангелы будутъ носиться вокругъ и разложено будетъ множество костровъ. Какъ же скажешь, Богъ человѣколюбивъ, какъ милостивъ, какъ благъ? Такъ, при всемъ этомъ Онъ человѣколюбивъ, и здѣсь-то особенно открывается величіе Его человѣколюбія. Ибо для того Онъ и внушаетъ намъ такой страхъ, чтобы хотя такимъ образомъ мы пробудились и стали стремиться къ царствію небесному.—Для того Онъ все сказалъ и изъяснилъ намъ, и не только изъяснилъ, но показалъ и посредствомъ дѣлъ. Хотя и одни слова Его достовѣрны; но, дабы кто не сталъ подозрѣвать въ словахъ Его преувеличенія, или одной угрозы, онъ присовокупляетъ удостовѣреніе и посредствомъ дѣлъ. Какимъ образомъ? Ниспосылая наказанія на людей и частныя и общія. Дабы ты убѣдился самыми дѣлами, для того Онъ то наказывалъ фараона, то наводилъ водный потопъ и всеобщее погубленіе, то посылалъ истребительный огонь; и нынѣ мы видимъ, какъ многіе порочные наказываются и предаются мученіямъ. Все это—подобія геены“. Вообще же

свои рѣчи о судѣ и наказаніи за грѣхи онъ, такъ сказать, растворяетъ напоминаніями о той же благости Божіей, чтобы отъ страха суда и наказанія направлять слушателя къ благоговѣйной любви къ Богу и упованію на Его милосердіе, и этимъ, еще болѣе, чѣмъ страхомъ, обратить грѣшника на путь сокрушенія и самоисправленія; ибо самое сокрушеніе и болѣзнованіе наше о нашихъ грѣхахъ должно возбуждаться не столько страхомъ наказанія, сколько сожалѣніемъ о томъ, что мы грѣхами прогнѣвили всеблагаго Господа. „Кто разумно судитъ, тотъ болѣе опасается прогнѣвить Бога, чѣмъ страшится всякой геены (Бесѣда объ Аннѣ 2-ая)". Мыслью о безпредѣльномъ милосердіи Божіемъ проповѣдникъ хочетъ поддержать надежду прощенія и спасенія даже въ томъ, кто всю жизнь провелъ въ грѣхахъ. „Можно-ли, скажемъ, чрезъ покаяніе получить спасеніе, если я всю жизнь провелъ въ грѣхахъ? Совершенно можно. Откуда это видно? Отъ самаго человѣколюбія Господа. Развѣ отъ твоего покаянія беру я такую надежду? Или твое покаяніе можетъ очистить такое множество грѣховъ? По истинѣ, если бы было одно твое покаяніе, то ты справедливо боялся бы; но къ покаянію присоединяется милосердіе Божіе, а оно безпредѣльно. Злость твоя измѣрима, какъ бы ни была она велика, она злость человѣческая; а Божіе милосердіе безмѣрно; уповай, что оно побѣдитъ твою злость. Помысли,— если ты ввергаешь каплю въ море, то можетъ-ли она стоять или быть видима? Что капля въ сравненіи съ моремъ, то злоба человѣческая въ сравненіи съ человѣколюбіемъ Божіимъ, да и это еще неполное сравненіе. Ибо море, хотя и велико, имѣетъ предѣлы; а человѣколюбіе Божіе безпредѣльно. Это я говорю не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать васъ лѣнивѣйшими, а чтобы возбудить большее прилежаніе къ покаянію (Бесѣда о покаяніи 8-ая).

Съ ученіемъ о любви къ Богу неразлучно у Златоуста ученіе *о любви къ ближнимъ*. Болѣе общее изображеніе любви къ ближнимъ, какъ необходимо связанной съ любовію къ Богу, и какъ *матери всѣхъ добродѣтелей*, можемъ видѣть въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ 23-й бесѣды Златоуста на посла-

ніе къ Римлянамъ: „матерь всѣхъ благъ и совершительница всякой добродѣтели—любовь. Апостолъ говоритъ, что она есть долгъ нашъ, не временный, каковы—подать или пошлина, но всегдашній. *Ни единому*, говоритъ, *ничимже должни бывайте, точію еже любити другъ друга* (Римл. 13, 8). Онъ хочетъ, чтобы долгъ сей никогда не былъ выплаченъ, и хотя всегда уплачиваемъ, но не вполнѣ, а такъ, чтобы намъ все еще оставаться въ долгу, потому что это такого рода долгъ, что непрестанно уплачивается, но никогда не выплачивается. Сказавъ же, какъ должно любить, онъ открываетъ и выгоды любви, „любяй бо, говоритъ, друга, законъ исполни". Ты обязанъ любить брата по духовному съ нимъ родству, и не по одному родству, но потому еще, что мы члены другъ для друга. Если нѣтъ въ насъ любви, то весь составъ тѣла расторгнутъ. Итакъ, люби брата. Ибо если любя его пріобрѣтаешь пользу, потому что исполняешь чрезъ то весь законъ; то ты обязанъ любить его, какъ облагодѣтельствованный имъ. *Еже бо: не прелюбы сотвориши, не убіеши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши, и аще кая ина заповѣдь, въ семъ словеси совершается, во еже возлюбиши искренняго твоего, якоже самъ себе.* Апостолъ не сказалъ: дополняется, но: совершается; то есть въ этой заповѣди сокращенно вмѣщается весь составъ заповѣдей. Ибо начало и конецъ добродѣтели есть любовь. Она и есть корень и необходимое условіе, она и вершина добродѣтели. А если любовь есть начало и полнота, то что можетъ ей равняться? Впрочемъ, Апостолъ требуетъ не просто любви, а любви въ высшей степени; ибо не просто сказалъ: *возлюбиши искренняго твоего*, но присовокупилъ: *якоже самъ себе.* И Христосъ сказалъ, что въ любви содержатся законъ и пророчества (Мѳ. 22, 40), и, указавъ два вида любви, смотри, какое высокое мѣсто далъ любви къ ближнему. Сказавъ: *Возлюбиши Господа Бога твоего, сія есть первая заповѣдь*, когда сталъ продолжать: *вторая же*, не ограничился тѣмъ, но присовокупилъ: *подобна ей, возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе.* Что можетъ сравниться съ такимъ человѣколюбіемъ, съ такою снисходительностью? Хотя безконечно разстояніе между

Богомъ и нами, однакожъ Богъ взаимную любовь нашу другъ къ другу поставляетъ близь любви къ Нему Самому, и одну называетъ подобною другой. Почему для той и другой любви положилъ почти равную мѣру, и о любви къ Богу сказалъ: *всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею*; а о любви къ ближнему: *яко самъ себе.* А Павелъ говоритъ, что если нѣтъ любви къ ближнему, то немного пользы и отъ любви къ Богу. Когда любимъ кого, то говоримъ объ немъ: кто его любитъ, тотъ и меня любитъ. Это же самое выразилъ и Христосъ, сказавъ законоучителю: *подобна ей*, и Петру: *если любишь Меня, паси овцы Моя* (Іоанн. 21, 46). Любы искреннему зла не творитъ, продолжаетъ говорить Апостолъ; *исполненіе убо закона любы есть* (Рим. 13, 10). Видишь-ли, что любовь имѣетъ то и другое совершенство: какъ воздержаніе отъ зла,—ибо сказано, что любы зла не творитъ; такъ и дѣланіе добра,—ибо сказано, что она есть исполненіе закона? Любовь не только преподаетъ намъ сокращенное ученіе о томъ, что можно дѣлать, но и облегчаетъ исполненіе нравственныхъ законовъ. Итакъ будемъ любить другъ друга, чтобы такимъ образомъ изъявить любовь къ любящему насъ Богу. У людей такъ бываетъ, что когда ты полюбишь кого, то другой, любящій его, вооружается противъ тебя. А Богъ, напротивъ, требуетъ, чтобы ты вмѣстѣ съ Нимъ любилъ подобныхъ себѣ, и ненавидитъ того, кто не раздѣляетъ съ Нимъ любви Его. Любовь человѣческая исполнена зависти и ревности; а любовь Божія свободна отъ всѣхъ страстей. Посему Богъ желаетъ, чтобы кто раздѣлялъ съ Нимъ любовь. Люби вмѣстѣ со Мною, говоритъ Онъ; тогда и Я еще больше буду любить тебя. Вотъ слова безпредѣльно любящаго! Если ты, говоритъ, любишь любимыхъ Мною, то изъ этого Я вижу, что и Меня ты любишь искренно".

Вотъ еще общее ученіе о любви, выясняющее значеніе ея, какъ общаго Богоустановленнаго закона союзной жизни людей и обществъ человѣческихъ, утвержденнаго паче всего въ царствѣ благодати чрезъ возлюбленнаго Сына Божія. „Всякое благое дѣло есть плодъ любви. Посему много и говорится

о ней. Такъ Христосъ говоритъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35); и Павелъ взываетъ: *ни единому же ничимже должни бывайте, точію еже любити другъ друга* (Рим. 13, 8). Не сказалъ просто о любви, но повелѣваетъ быть какъ бы должниками въ любви другъ къ другу. Какъ въ отношеніи къ тѣлу мы должны постоянно доставлять ему пищу, и постоянно доставляемъ: — ибо этотъ долгъ простирается на всю нашу жизнь; — такъ онъ учитъ поступать и въ отношеніи къ любви, или, лучше сказать, еще больше, потому что она приводитъ къ жизни вѣчной и постоянно остается съ тѣми, которые имѣютъ ее. Ибо *пребываютъ*, говоритъ Апостолъ, *три сія: вѣра, надежда и любы: больши же сихъ любы* (1 Кор. 13, 13). Впрочемъ, не только словами, но и самымъ опытомъ мы научаемся этой добродѣтели; и во первыхъ, способомъ нашего рожденія. Богъ, создавъ одного человѣка, повелѣлъ, чтобы отъ него произошли всѣ, дабы всѣ считали другъ друга какъ бы однимъ человѣкомъ и старались жить въ любви другъ къ другу. Затѣмъ посредствомъ взаимныхъ отношеній Онъ премудро устроилъ необходимость для насъ взаимной любви; а какъ, — послушай. Наполнивъ вселенную множествомъ благъ, онъ даровалъ каждой странѣ особенные, ей свойственные, роды плодовъ, дабы мы, вынуждаемые необходимостью, путешествуя другъ къ другу, сообщая другимъ излишнее, и получая отъ нихъ недостающее намъ, любили однородныхъ съ нами. Тоже Онъ сдѣлалъ и съ каждымъ человѣкомъ. Онъ не далъ всѣмъ знать все, но одному сообщилъ способность къ врачебной наукѣ, другому — къ строительной, иному къ иной, дабы, нуждаясь другъ въ другѣ, мы любили другъ друга. Также и въ предметахъ духовныхъ можно видѣть то же самое, какъ говоритъ Павелъ: *овому бо дается слово премудрости, иному же слово разума, иному же пророчество, иному же дарованія исцѣленій, иному же роди языковъ, другому же сказанія языковъ* (1 Кор. 12, 8—10). Но нѣтъ ничего выше любви; посему онъ и поставилъ ее выше всего, сказавъ: *аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звѣнящи или кимвалъ*

звящаяй: и аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничто же есмь (1 Кор. 13, 1. 2). И на этомъ онъ не остановился, но возвѣстилъ, что и самая смерть за благочестіе не принесетъ никакой пользы, если не будетъ любви. Не безъ причины онъ сказалъ это о любви; онъ зналъ, хорошо зналъ, какъ исполнитель заповѣдей Божіихъ, что когда твердо вкоренится любовь, тогда произрастаютъ плоды всякихъ благъ. Ибо заповѣди: не прелюбы сотвори, не убій, не укради, не лжесвидѣтельствуй, и всякая другая заповѣдь, заключаются въ этой одной, какъ главной: возлюбиши ближняго, яко самъ себе (Исх. 20, 13; Лев. 18). Впрочемъ, для чего распространяться о маломъ, умалчивая о великомъ? Изъ любви сошелъ къ намъ возлюбленный Сынъ Божій, сталъ обращаться и жить вмѣстѣ съ людьми, дабы, разсѣявъ многобожное заблужденіе и возвѣстивъ истинное Богопознаніе, научить людей любви другъ къ другу, какъ свидѣтельствуетъ Іоаннъ, когда говоритъ: *тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16). Ею пламенѣя, Павелъ произнесъ небесныя слова: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія; скорбь-ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или бѣда, или мечъ?* (Рим. 8, 35). Презрѣвъ это, какъ ничтожное, Онъ присовокупилъ къ этому еще большее: *яко ни смерть*, говоритъ онъ, *ни животъ, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ* (ст. 35—39). Посему ничто не могло отлучить этого блаженнаго, горѣвшаго любовью, ни небо, ни земля, ни море, ни царство небесное, ни адскія муки; все презиралъ онъ ради Христа. Если же мы посмотримъ и на другихъ святыхъ, то увидимъ, что всѣ они угодили Богу любовью. Любовь представляетъ тебѣ ближняго, какъ тебя самого, и научаетъ тебя радоваться его благополучію, какъ твоему собственному, и чувствовать его несчастія, какъ твои собственныя. Любовь соединяетъ многихъ въ одно тѣло и дѣлаетъ души ихъ жилищами Святаго Духа; ибо не въ

раздѣленныхъ другъ отъ друга, но въ соединенныхъ по душѣ можетъ обитать Духъ мира. Любовь дѣлаетъ общими для всѣхъ блага каждаго, какъ говоритъ книга Дѣяній: *народу же вѣровавшему бѣ сердце и душа едина: и ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща: даяшеся же коемуждо, его же аще кто требоваше* (Дѣя. 4, 32. 35). Есть ли какая стѣна, столь твердая, столь укрѣпленная совокупностью огромныхъ камней и столь недоступная для нападенія враговъ, какъ общество любящихъ другъ друга и связанныхъ между собою единодушіемъ? Оно отражаетъ самыя козни діавола; и весьма справедливо. Возставая противъ него вмѣстѣ другъ съ другомъ, и не становясь вмѣстѣ съ нимъ другъ противъ друга, такіе люди бываютъ непобѣдимы никакими ухищреніями его и воздвигаютъ блистательные трофеи любви. И какъ струны лиры, хотя многочисленныя, но настроенныя согласно, издаютъ пріятнѣйшій звукъ; такъ и связанные единодушіемъ производятъ пріятнѣйшіе звуки любви. Посему Павелъ и совѣтуетъ мыслить и говорить согласно, и считать другихъ превосходнѣйшими себя, чтобы тщеславіемъ не уничтожить любви, но, уступая почести другимъ, жить въ единодушіи. И еще онъ говоритъ: *любовью работайте другъ другу: ибо весь законъ во единомъ словеси исполняется, во еже: возлюбиши ближняго твоего, якоже себе* (Гал. 5, 13, 14). Любящій желаетъ не подчинять только, но и подчиняться, и болѣе радуется, подчиняясь, нежели начальствуя. Любящій желаетъ лучше благодѣтельствовать, нежели получать благодѣянія; потому что лучше желаетъ имѣть друга должникомъ своимъ, нежели быть должнымъ ему. Любящій желаетъ благодѣтельствовать возлюбленному, но не хочетъ, чтобы видны были его благодѣянія; желаетъ быть первымъ въ благодѣяніяхъ, но не хочетъ, чтобы онъ казался первымъ въ благодѣяніяхъ. Можетъ быть, нѣкоторые не понимаютъ сказаннаго; посему я поясню это примѣромъ. Человѣколюбивый Господь предопредѣлилъ дать Сына Своего за насъ; но чтобы не казалось, что это даръ Его, но что Онъ отдаетъ долгъ, Онъ повелѣлъ Аврааму принести въ жертву сына своего, дабы

когда Самъ будетъ дѣлать то же, Онъ явился не подающимъ даръ, но отдающимъ долгъ по чрезмѣрному богатству Его благости. Нѣтъ блага, которое не происходило бы отъ любви. Будемъ же укрѣплять любовь другъ къ другу; ибо исполненіе закона любы есть (Рим. 13, 10). Не нужно намъ ни трудовъ, ни подвиговъ, если мы любимъ другъ друга; это—путь, который самъ собою ведетъ къ добродѣтели. Какъ на большой дорогѣ, кто найдетъ ея начало, тотъ идетъ по ней, не нуждаясь въ проводникѣ; такъ и въ любви, улови только ея начало, и тогда она поведетъ и направитъ тебя". Говоря о любви, какъ о совершеннѣйшей добродѣтели, какъ о превосходнѣйшемъ дарѣ, Златоустъ любитъ особенно останавливаться на ученіи о ней св. Павла въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ (гл. 12. ст. 31, гл. 13, ст. 1—8. 13). Здѣсь онъ находитъ неистощимый источникъ мыслей для объясненія прекрасныхъ свойствъ и многоразличныхъ плодовъ любви.

Общимъ ученіемъ о любви Божіей къ намъ и о нашей любви къ Богу и ближнимъ Златоустъ освѣщаетъ и всѣ частныя наставленія о любви, какъ то: о любви супружеской, семейной, родственной, любви къ служителямъ Божіимъ, къ начальникамъ и подчиненнымъ и т. д., наконецъ о любви не только къ праведнымъ, но и грѣшникамъ, любви ко врагамъ и иновѣрцамъ. „Кто любитъ Бога, тотъ бываетъ расположенъ ко всѣмъ, какъ къ своимъ братьямъ; вѣрныхъ онъ любитъ, какъ своихъ родныхъ братьевъ, а еретиковъ, язычниковъ и Іудеевъ жалѣетъ, какъ своихъ братьевъ по природѣ, только какъ недобрыхъ и безполезныхъ, сокрушается, плачетъ о нихъ.. Мы можемъ уподобиться Богу тѣмъ, если будемъ любить всѣхъ, даже враговъ, а не тѣмъ, если будемъ совершать знаменія; ибо и Богу мы удивляемся, хотя и тогда, когда Онъ творитъ чудеса, но гораздо болѣе тогда, когда Онъ оказываетъ человѣколюбіе и милосердіе". Могущество любви, по Златоусту, неотразимо; оно можетъ осилить и претворить самое грубое и жестокое сердце. „Любовь есть великая наставница, она можетъ выводить людей изъ заблужденія, преобразовать сердце, руководствовать къ любомудрію и изъ камней дѣлать людей. Если хочешь испытать ея силу, при-

веди ко мнѣ дикаго, который боится всякаго шума, пугается тѣни, человѣка вспыльчиваго, свирѣпаго, похожаго болѣе на звѣря, чѣмъ на человѣка, сладострастнаго, распутнаго, словомъ—чловѣка со всѣми пороками; отдай его въ руки любви, введи въ ея училище, и скоро увидишь, что дикій и несмѣлый сдѣлается человѣкомъ мужественнымъ, великодушнымъ, отважнымъ на все". Съ ученіемъ о любви связуются частныя наставленія Златоуста о мирѣ, согласіи и единомысліи по поводу извѣстныхъ уже намъ распрей и раздѣленій среди антіохійскихъ христіанъ. Слѣдующій образецъ этихъ наставленій замѣчателенъ по проникающей ихъ общей мысли о любви, какъ законѣ и лучшемъ украшеніи общежитія между людьми. Въ 78 бесѣдѣ на Евангеліе отъ Іоанна Златоустъ учитъ: „подлинно ничто не можетъ сравниться съ единомысліемъ и согласіемъ; при этомъ и одинъ бываетъ равенъ многимъ. Если, напримѣръ, будутъ единодушны два или десять, то одинъ уже не одинъ, но каждый изъ нихъ бываетъ въ десять разъ больше, и ты въ десяти найдешь одного, и въ одномъ—десять. Если у нихъ есть врагъ,—онъ уже нападаетъ не на одного, и бываетъ побѣжденъ такъ, какъ если бы нападалъ на десятерыхъ, потому что подвергается пораженію не одного только, но десятерыхъ. Если одинъ обѣднѣлъ,—онъ не въ бѣдности, потому что имѣетъ достатокъ въ большей части, то есть въ девяти, и обѣднѣвшая часть, меньшая, прикрывается большею, имѣющею достатокъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ двадцать рукъ и двадцать глазъ и столько же ногъ. Не своими только глазами онъ смотритъ, но и глазами другихъ; не своими только ногами ходитъ, но и ногами другихъ; не своими только руками работаетъ, но и руками другихъ. Онъ имѣетъ и десять душъ; ибо не только самъ о себѣ, но и другіе о немъ заботятся. Если бы ихъ было и сто,—опять будетъ тоже самое, и сила еще увеличится. Видишь ли необыкновенную силу любви, какъ она дѣлаетъ одного непобѣдимымъ и многочисленнымъ? При ней и одинъ можетъ быть во многихъ мѣстахъ;—одинъ и тотъ же и въ Персіи, и въ Римѣ. Чего не можетъ сдѣлать природа, то можетъ любовь. Одною

частью онъ будетъ здѣсь, а другою тамъ или, лучше, онъ весь—здѣсь, и весь—тамъ. А если онъ имѣетъ тысячу друзей или двѣ тысячи, то подумай, насколько еще увеличится его сила. Видишь ли, какое умноженіе производитъ любовь? Чудно, въ самомъ дѣлѣ, то, что изъ одного она дѣлаетъ тысячу! Для чего же мы не пріобрѣтаемъ этой силы и не утверждаемъ себя въ безопасности? Любовь лучше власти и всякаго богатства; она—основаніе благодушія. Доколѣ однимъ или двумя мы будемъ ограничивать любовь? Возьми себѣ урокъ и изъ противнаго. Пусть кто-нибудь не имѣетъ ни одного друга (что служитъ знакомъ крайняго неразумія, потому что только глупый скажетъ: нѣтъ у меня друга); какова будетъ жизнь его? Хотя бы онъ былъ чрезвычайно богатъ, хотя бы (жилъ) въ довольствѣ и роскоши, хотя бы пріобрѣлъ безчисленныя блага,—онъ бываетъ одинокъ и безпомощенъ. Между друзьями же не такъ; но хотя бы они были и бѣдны,—они бываютъ богаче богатыхъ. Чего кто-нибудь не посмѣетъ сказать самъ за себя, то скажетъ за него другъ; чего не можетъ доставить самъ себѣ, того достигнетъ чрезъ другаго и даже гораздо болѣе того. Такимъ образомъ дружба будетъ для насъ основаніемъ всякаго удовольствія и всякой безопасности. Будемъ же пріобрѣтать этотъ товаръ,—бѣдный, чтобы имѣть утѣшеніе въ бѣдности, богатый, чтобы въ безопасности владѣть богатствомъ, начальникъ, чтобы безопасно начальствовать, подчиненный, чтобы имѣть благосклонныхъ начальниковъ. Это—поводъ къ снисходительности, это—основаніе кротости. Вѣдь и между звѣрьми тѣ особенно жестоки и неукротимы, которые не живутъ стадами. Потому то мы и живемъ въ городахъ и имѣемъ площади чтобы обращаться другъ съ другомъ. Это и Павелъ повелѣлъ, говоря: *не оставляюще собранія сего* (Евр. 10, 25); ибо нѣтъ ничего хуже одиночества, необщительности и недоступности. Что же, скажешь, монахи и тѣ, которые заняли вершины горъ? И они не безъ друзей. Они удалились отъ шума городскаго, но имѣютъ многихъ товарищей, единодушныхъ съ ними и искренно привязанныхъ другъ къ другу. Для того они и удалились отъ міра, чтобы достигнуть

этого. Такъ какъ преніе о дѣлахъ производитъ многія распри, то они, удалясь отъ міра, съ великимъ усердіемъ упражняются въ любви. Что же, скажешь, если кто будетъ одинъ? Ужели и онъ имѣетъ безчисленныхъ друзей? Я желалъ бы, конечно, видѣть, если возможно, чтобы (отшельники) *и жили вмѣстѣ*; но и теперь да будетъ несомнѣнна (ихъ) дружба. Вѣдь не мѣсто дѣлаетъ друзьями. И у нихъ есть много почитателей; но ихъ не почитали бы, еслибы не любили. Да и они, съ своей стороны, молятся о всей вселенной, а это служитъ величайшимъ доказательствомъ дружества. Потому то и въ таинствахъ мы лобзаемъ другъ друга, чтобы намъ—многимъ быть единымъ, и о непосвященныхъ совершаемъ общія молитвы, молимся о больныхъ, о плодахъ вселенной, о землѣ и морѣ. Видишь ли всю силу любви въ молитвахъ, въ таинствахъ, въ увѣщаніяхъ? Она—причина всѣхъ благъ“.

Но особенно плодовитъ и, такъ сказать, настойчивъ Златоустъ въ ученіи о томъ особенномъ проявленіи любви, какимъ есть милостыня и состраданіе къ бѣднымъ и страждущимъ, милосердіе о заблуждающихъ и согрѣшающихъ. Есть у Златоуста и нарочитыя слова о милостынѣ; но увѣщанія къ ней встрѣчаются едва ли не въ большей части его словъ и бесѣдъ, составляя, такъ сказать, излюбленный припѣвъ оратора въ похвалу этой, какъ выражается онъ, „царицѣ добродѣтелей“. Однако же, по самому обилію наставленій и увѣщаній Златоуста о милостыни и милосердіи, излагающихъ и разъясняющихъ ученіе Слова Божія, въ особенности Евангелія и Апостольскихъ писаній объ этомъ предметѣ, мы воздерживаемся отъ выписки цѣлаго ряда этихъ наставленій и ограничимся представленіемъ здѣсь тѣхъ мѣстъ изъ его бесѣдъ, гдѣ особенно наглядно описываются современныя ему картины нищеты съ сильными обличеніями безучастнымъ зрителямъ ихъ и съ пламенными увѣщаніями къ состраданію, показывающими всю глубину и нѣжность сострадательнаго сердца проповѣдника. Такъ, напримѣръ, пятая бесѣда его на книгу Бытія заключается слѣдующимъ увѣщаніемъ: „*пріидите*, говоритъ Христосъ, *благосло-*

венніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо, и дасте Ми ясти: возжадахся и напоисте Мя: страненъ бѣхъ и введосте Мене: нагъ и одѣясте Мя, въ темницѣ и пріидосте ко Мнѣ (Мат. 25, 34—36). Услышимъ ли и мы этотъ блаженный гласъ? Не очень смѣю я утверждать это, потому что между нами великое презрѣніе къ нищимъ. Вотъ теперь время поста, такое наставленіе и поученіе о спасительныхъ догматахъ, непрестанныя молитвы, ежедневныя собранія; а какая польза отъ такой попечительности? Никакой. Мы выходимъ отсюда, видя ряды нищихъ, стоящихъ строемъ по ту и другую сторону, и проходимъ безъ жалости, какъ будто предъ нами столбы, а не человѣческія тѣла. И такъ спѣшимъ мы домой, какъ будто видимъ бездушныя статуи, а не живыхъ людей. Голодъ, скажете, побуждаетъ спѣшить? Но голодъ то пусть и заставитъ остановиться: вѣдь сытые желудки, по пословицѣ, не знаютъ голоднаго, а голодные по собственной нуждѣ знаютъ и чужую; а, впрочемъ, невозможно и такъ вполнѣ понять ее. Ты бѣжишь къ готовому столу, и не можешь потерпѣть и немного: а бѣдный стоитъ до самаго вечера, стараясь и усиливаясь собрать насущный хлѣбъ; и видя, что день уже окончился, а денегъ еще не собрано столько, сколько нужно на насущный хлѣбъ, горюетъ и разжигается, и вынуждается дѣлать то, что выше силъ его. Вотъ почему (нищіе) вечеромъ налегаютъ на насъ сильнѣе, —клянутся, божатся, плачутъ, рыдаютъ, протягиваютъ руки и поневолѣ дѣлаютъ безъ стыда весьма многое другое. Они боятся, чтобы, какъ всѣ уйдутъ домой, не блуждать имъ въ городѣ, какъ въ пустынѣ. Какъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе днемъ, ухватившись за доску, стараются до вечера пристать въ пристань, чтобы, съ наступленіемъ ночи, внѣ пристани не потерпѣть еще бóльшаго кораблекрушенія: такъ и бѣдные, боясь голода, какъ кораблекрушенія, спѣшатъ до вечера собрать денегъ столько, сколько нужно имъ на хлѣбъ, чтобы, какъ всѣ уйдутъ домой, не остаться имъ внѣ пристани. А пристань для нихъ—руки помогающихъ... А мы не трогаемся ихъ несчастіями, ни на рынкѣ, ни воз-

вратившись домой. Напротивъ, и тогда, какъ приготовленъ для насъ столъ, нерѣдко полный безчисленныхъ благъ (если только благами должно называть то, что мы съѣдаемъ въ осужденіе своего безчеловѣчія), и тогда, говорю, какъ приготовленъ намъ столъ, мы, слыша, что они внизу ходятъ по улицамъ, громко кричатъ на перекресткахъ, горюютъ въ глубочайшемъ мракѣ, въ совершенной пустотѣ, не трогаемся и этимъ. Да и насытившись, и идучи ко сну, и въ это время слыша опять, что они внизу громко стонутъ, проходимъ мимо, какъ будто слышимъ лай собаки, а не человѣческій голосъ. И не обращаемъ вниманія ни на время, что такъ поздно—ночью, когда всѣ уже спятъ, нищій одинъ горюетъ; ни на маловажность просьбы,—что онъ ничего болѣе не проситъ у насъ, какъ хлѣба, или нѣсколько денегъ; ни на великость несчастія,—что онъ борется съ непрерывнымъ голодомъ; ни на скромность просителя,—что онъ, при такой нуждѣ, не смѣетъ подойти къ дверямъ и стать близко, но проситъ внизу, на большомъ разстояніи. И если онъ получитъ, то возсылаетъ безчисленныя молитвы; а если не получитъ, то и тогда не произноситъ жесткаго слова, не бранитъ и не ругаетъ. Напротивъ, какъ иной, ведомый палачемъ на жесточайшую казнь, хоть проситъ и умоляетъ всѣхъ проходящихъ, не получаетъ, однакожъ, никакой помощи, и безчеловѣчно ведется на казнь: такъ и этотъ (нищій), влекомый къ ночи и тяжкой безсонницѣ голодомъ, какъ палачемъ, хоть протягиваетъ руки, и сильнымъ крикомъ упрашиваетъ сидящихъ на верху въ домахъ, но не получаетъ никакой милостыни, и отсылается безжалостно и съ великою суровостью. Но все это насъ не трогаетъ, и, послѣ такого безчеловѣчія, мы осмѣливаемся простирать руки къ небу, просить Бога о милости, и молить о прощеніи нашихъ грѣховъ; и не боимся, чтобы, послѣ такой молитвы, послѣ такой жестокости и безчеловѣчія, не упала на насъ молнія! Какъ мы, скажи мнѣ, идемъ ко сну и на покой, и не боимся, чтобы этотъ самый нищій не явился намъ во снѣ, нечистый, грязный, одѣтый въ рубище,, и не сталъ горевать, плакать и

обвинять насъ въ жестокости? А многіе, часто слыхалъ я, говорятъ, что они послѣ того, какъ днемъ отказались помочь бѣднымъ, ночью видѣли себя связанными веревками, и влекомыми рукою нищихъ, битыми, терпящими множество непріятностей. Но это вѣдь сонъ, привидѣніе, временное наказаніе: а мы не боимся, скажи мнѣ, какъ бы намъ этого нищаго, который горюетъ и вопитъ, не увидѣть въ лонѣ Авраамовомъ, какъ нѣкогда богачъ тотъ (увидѣлъ) Лазаря (Лук 16, 23)? То, что слѣдуетъ за симъ, оставляю вашей совѣсти,—т. е. тѣ жестокія и нестерпимыя наказанія, какъ (богачъ) попросилъ воды, какъ не получилъ и капли, какъ горѣлъ языкъ его, какъ онъ, и послѣ усильной просьбы, не получилъ никакой милости, и какъ мучился безконечно. Но не дай Богъ намъ узнать это на опытѣ, а лучше, услышавъ угрозу на словахъ, избѣгнуть ея на дѣлѣ, и, сдѣлавшись достойными любви Авраама, придти въ одно съ нимъ мѣсто, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, честь, слава, держава, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь".

Изъ нарочитыхъ бесѣдъ Златоуста о милостыни особенно характеристична обширная бесѣда его, сказанная безъ приготовленія, по особенному случаю, когда, идя въ церковь въ зимнее время, онъ увидѣлъ на площади бѣдныхъ и нищихъ, лежавшихъ безъ призрѣнія, какъ то и значится въ подписаніи этой бесѣды; „съ ходатайствомъ праведнымъ, полезнымъ и приличнымъ вамъ предсталъ я сегодня предъ вами: уполномочили на него меня—не другой кто, а живущіе въ нашемъ городѣ бѣдные, не словами, не голосами или мнѣніемъ общественнаго совѣта, но жалкимъ и самымъ горестнымъ видомъ своимъ. Проходя чрезъ площадь и по улицамъ, и поспѣшая въ ваше собраніе, и видя много лежащихъ среди дороги людей, изъ которыхъ одни безъ рукъ, другіе безъ глазъ, иные покрыты струпами и ранами, и выставляли на видъ тѣ особенно члены, которые нужно было бы закрывать по причинѣ находящагося на

нихъ гноя,—я почелъ крайне безчеловѣчнымъ—не сказать объ нихъ любви вашей, особенно, когда, сверхъ сказаннаго, побуждаетъ насъ къ этому и самое время. Правда, и во всякое время необходимо говорить о милостынѣ, потому что мы сами имѣемъ великую нужду въ милости создавшаго насъ Господа; но особенно (это необходимо) въ настоящее время, когда такая большая стужа. Лѣтомъ бѣдные получаютъ великое облегченіе отъ самаго времени года: тогда они безопасно могутъ ходить и нагіе, потому что солнечные лучи служатъ имъ вмѣсто одежды; могутъ сидѣть просто на мостовой и спокойно проводить ночи подъ открытымъ небомъ; не имѣютъ такой нужды ни въ обуви, ни въ винѣ, ни въ большемъ количествѣ пищи; но довольствуются водою изъ источниковъ, насыщаются одни самыми дешевыми овощами, другіе небольшимъ количествомъ сухихъ сѣмянъ, такъ какъ самое время года предлагаетъ имъ готовую трапезу. А не менѣе этого—есть тогда для нихъ и другое облегченіе—удобство заниматься работами: въ ихъ-то особенно содѣйствіи нуждаются и строющіе домы, и воздѣлывающіе землю, и плавающіе по морямъ. Ибо, что для богатыхъ поля, домы и другіе источники доходовъ, то для бѣдныхъ—ихъ собственное тѣло, и весь доходъ ихъ отъ собственныхъ рукъ, а больше ни откуда. Такимъ образомъ лѣтомъ они получаютъ нѣкоторое облегченіе, но въ зимнее время противъ нихъ со всѣхъ сторонъ великая война и двойная осада потому, что внутри голодъ съѣдаетъ ихъ утробы, извнѣ стужа сжимаетъ и дѣлаетъ окоченѣлымъ тѣло ихъ. Поэтому (зимою) они нуждаются и въ большемъ количествѣ пищи, и въ крѣпчайшей одеждѣ и кровлѣ, и постели и обуви и во многомъ другомъ; а что всего хуже,—не имѣютъ возможности заниматься и работами, потому что не позволяетъ время года. Итакъ, когда у нихъ и наибольшая нужда въ необходимомъ, а сверхъ того, нѣтъ и работы, потому что никто ихъ, несчастныхъ, не нанимаетъ и не приглашаетъ въ услуженіе: вотъ мы, въ замѣнъ нанимающихъ, употребимъ въ дѣло руки милосердыхъ, взявши

въ сотрудники себѣ въ этомъ дѣлѣ Павла, истиннаго покровителя и попечителя бѣдныхъ". Далѣе, движимый теченіемъ живой бесѣды, проповѣдникъ много распространяется въ изъясненіи словъ и дѣйствій Апостола Павла (Галат. 2, 9, 10; 1 Кор. 16, 12), касающихся попеченія о нищихъ, особенно же установленнаго ап. Павломъ въ Галатійской и Коринѳской церквахъ способа собиранія или откладыванія каждымъ во едину отъ субботъ, т. е. въ день воскресный, своей доли милостыни на бѣдныхъ, совѣтуетъ послѣдовать такому примѣру, чтобы и въ Антіохійской церкви была всегда своя сокровищница для бѣдныхъ. Къ этому присоединяетъ весьма характеристическое наставленіе (повторяемое и въ другихъ бесѣдахъ) по тому поводу, что нѣкоторые обусловливаютъ или ограничиваютъ свою милостыню изслѣдованіемъ, насколько тѣ или другіе бѣдные заслуживаютъ милостыни. „Многіе часто входятъ въ строгія изслѣдованія о нуждающихся, разспрашиваютъ объ ихъ отечествѣ, образѣ жизни, нравахъ, занятіяхъ, и о здоровьѣ тѣлесномъ, дѣлаютъ имъ упреки и требуютъ отъ нихъ множества объясненій касательно ихъ здоровья. Оттого-то многіе (изъ бѣдныхъ) представляются изувѣченными по тѣлу, чтобы видомъ этого несчастія преклонить нашу жестокость и безчеловѣчіе. Лѣтомъ попрекать имъ за это, хоть и жестоко, но не такъ еще: но зимою и во время стужи быть столь безжалостнымъ и безчеловѣчнымъ судіею и не оказывать имъ никакого снисхожденія за то, что ничего не дѣлаютъ, не есть ли верхъ жестокости? Для чего же, скажешь, Павелъ давалъ Ѳессалоникійцамъ такой законъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Солун. 3, 10)? Для того, чтобы и ты, услышавъ это, обращалъ слова Павла не къ бѣдному только, но и къ себѣ самому. Ибо заповѣди Павла относятся не къ бѣднымъ только, но и къ намъ. Скажу нѣчто такое и непріятное: знаю, что разсердитесь, но, не смотря на это, скажу: потому что и говорю не для того, чтобы оскорбить васъ, но чтобы исправить. Мы попрекаемъ бѣдныхъ праздностью, которая часто заслужи-

ваетъ и извиненія, а сами часто дѣлаемъ такія дѣла, которыя хуже всякой праздности. Но я, скажетъ иной, владѣю отцовскимъ наслѣдствомъ. Неужели же, скажи мнѣ, бѣдный долженъ погибнуть за то, что онъ бѣденъ и отъ бѣдныхъ (родителей), и не имѣлъ богатыхъ предковъ? Но поэтому-то особенно онъ и заслуживаетъ милосердія и сострадапія со стороны богатыхъ. Ты, проводя цѣлый день въ театрѣ, или въ собраніяхъ и въ разговорахъ безполезныхъ, или даже вредныхъ, не думаешь. что дѣлаешь худо и ничѣмъ не занимаешься: а этого несчастнаго и жалкаго бѣдняка, который цѣлый день проводитъ въ прошеніи (милостыни), въ слезахъ и въ тысячѣ бѣдъ, осуждаешь и влечешь въ судилище и требуешь отъ него отчета? Гдѣ же тутъ, скажи мнѣ, человѣческая совѣстливость? Итакъ, когда будемъ говорить: что-же скажемъ Павлу? говори такъ не бѣднымъ только, но и себѣ самому. А съ другой стороны, читай не только его угрозу, но и снисхожденіе; ибо (Апостолъ) сказавъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ*, присовокупилъ: *вы же, братіе, не стужайте доброе творяще* (ст. 13). Но какой еще у нихъ [1]) благовидный предлогъ? Это, говорятъ, бѣглецы, пришельцы, негодяи; покинувъ свою родину, они стекаются въ нашъ городъ. Такъ, на это ли ты, скажи мнѣ, досадуешь и обрываешь вѣнокъ нашего города, что всѣ считаютъ его общею пристанью, и чужой городъ предпочитаютъ своему родному? Но надлежало бы радоваться и восхищаться тѣмъ, что всѣ прибѣгаютъ къ вашимъ рукамъ, какъ на общій рынокъ, и считаютъ этотъ городъ общею матерію. Не помрачайте же славы и не умаляйте чести, которою онъ пользуется издревле, отъ временъ отеческихъ. Ибо нѣкогда, какъ угрожалъ голодъ всей землѣ, жители сего города отправили съ Варнавою и Савломъ немало денегъ жителямъ Іерусалима,—тѣмъ самымъ, о которыхъ и мы говорили въ этой бесѣдѣ. Какое же можемъ имѣть оправданіе или изви-

---

[1]) т. е. у тѣхъ, которые отказываютъ нищимъ въ милостынѣ.

неніе, если наши предки питали на свой счетъ жившихъ вдали отъ нихъ, и сами ходили къ нимъ, а мы отгоняемъ и тѣхъ, кои изъ другихъ мѣстъ прибѣгаютъ къ намъ, и дѣлаемъ объ нихъ строгія разысканія, зная притомъ, что сами мы виновны во множествѣ грѣховъ? Если бы Богъ сталъ такъ же строго изслѣдовать наши дѣла, какъ мы— бѣдныхъ; мы не получили бы никакого прощенія, никакой милости. *Имже бо судомъ судите*, говоритъ Писаніе, *судятъ вамъ* (Матѳ. 7, 2). Будь же человѣколюбивъ и снисходителенъ къ брату твоему, прости ему прегрѣшенія, сколь ни много ихъ, и будь милосердъ, дабы и самъ ты удостоился тогоже. Для чего самъ себѣ причиняешь безпокойства? Для чего дѣлаешь разысканія? Если бы Богъ повелѣлъ развѣдывать образъ жизни (бѣдныхъ), требовать отъ нихъ объясневій и тщательно изслѣдовать нравы ихъ; тогда многіе не стали-ли бы роптать? не сказали-ли бы: что это такое? Богъ предписалъ намъ дѣло трудное; мы не можемъ изслѣдовать образъ жизни другихъ и знать, какіе такой-то сдѣлалъ грѣхи? Не сказали-ли бы многіе много и еще такого? а теперь, когда Онъ освободилъ насъ отъ всякаго такого разысканія и обѣщалъ полную награду (за подаяніе милостыни), будутъ-ли получающіе ее злые, или добрые люди, мы сами на себя навлекаемъ безпокойства“!

„Откуда же, скажете, видно, что мы получимъ награду за подаяніе милостыни какъ добрымъ, такъ и не такимъ? Изъ словъ самого Господа: *молитеся*, говоритъ Онъ, *за творящихъ вамъ напасть и изгоняющія вы, яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ: яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѳ. 5, 44. 45). Какъ Господь твой, не смотря на то, что премногіе оскорбляютъ Его нечестивыми словами, блудодѣйствуютъ, крадутъ, разбойничаютъ, раскапываютъ могилы и дѣлаютъ множество зла, не прекращаетъ своихъ ко всѣмъ благодѣяній, но, по своему человѣколюбію, всѣмъ посылаетъ солнечные лучи, дожди и плоды земные: такъ поступай и ты, и, когда будетъ время для милости и человѣколюбія, об-

легчай бѣдность, прекращай голодъ, избавляй отъ скорби, и ничего больше не разыскивай. Ибо если мы станемъ изслѣдовать образъ жизни (нуждающихся), то не окажемъ милости ни одному человѣку, но изъ-за такой неумѣстной пытливости останемся безплодными, никому не подадимъ помощи, и будемъ трудиться безъ всякой пользы и напрасно. Посему прошу васъ, оставивъ эту неумѣстную пытливость, подавайте всѣмъ нуждающимся, и дѣлайте это съ великою щедростью, чтобы и намъ самимъ удостоиться въ тотъ день (будущаго суда) великой милости и снисхожденія отъ Бога, которое и да получимъ всѣ мы по благодати и человѣколюбія Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ съ Святымъ Духомъ, слава, держава и честь нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь".

Вообще съ наставленіями о милостынѣ и милосердіи граничатъ весьма частыя у Златоуста изображенія себялюбивыхъ, сластолюбивыхъ, гордыхъ и безсердечныхъ богачей, съ строгими обличеніями, увѣщаніями и угрозами въ сей и будущей жизни, и сердобольныя описанія жизни и участи людей обездоленныхъ, бѣдныхъ и страдальцевъ, съ похвалами, утѣшеніями и ублаженіями ихъ. Таковъ въ особенности духъ его превосходныхъ семи *бесѣдъ о Лазарѣ*, говоренныхъ въ Антіохіи, съ января 387 г., но не непрерывно и не подрядъ, а въ промежуткахъ между другими бесѣдами.

Неустанный и сердобольный ходатай за нищихъ и обездоленныхъ, Златоустъ является также особенно участливымъ и ко всѣмъ людямъ низшихъ, бѣднѣйшихъ классовъ, людямъ, проводящимъ тяжелую трудовую жизнь. Тяжелая трудовая жизнь бѣдныхъ людей способна была какъ въ нихъ, такъ и въ другихъ, порождать неразумное сѣтованіе на Промыслъ Божій, допускающій неравенство состояній между людьми, изъ которыхъ одни бѣдны и вѣчные труженики, другіе богаты и могутъ жить въ довольствѣ безъ труда. Златоустъ доказываетъ, что истинныя блага, необходимыя для жизни, дарованы Богомъ въ равной мѣрѣ и бѣд-

нымъ и богатымъ, какъ воздухъ, свѣтъ солнечный, вода, сонъ и вкусъ къ пищѣ, зрѣніе и проч., что бѣдные въ пользованіи необходимыми для жизни дарами природы имѣютъ даже преимущества предъ богатыми, которые отъ пресыщенія впадаютъ въ болѣзни, утрачиваютъ чувство услажденія естественными дарами жизни и природы. Далѣе онъ показываетъ, что трудящаяся бѣдность должна возбуждать у насъ уваженіе, ибо она—учительница и хранительница порядка общественной жизни: если бы не было трудящихся бѣдныхъ, а только богатые, то среди людей воцарилась бы праздность, все разстроилось бы и погибло. Наконецъ, съ особенной силой и часто доказываетъ онъ, что различіе въ состояніи людей, представляемое богатыми и бѣдными, допущено для того, чтобы люди учились добродѣтели любви, бѣдные напоминали собою богатымъ о долгѣ помощи и благотворенія ближнимъ, а богатые въ своемъ богатствѣ сознали себя распорядителями дара Божія для бѣдныхъ, какимъ есть богатство, составляющее не ихъ собственность, а даръ Божій [1]).

Церковная проповѣдь о милостынѣ въ устахъ такого проповѣдника, какъ Златоустъ, пріобрѣтала тѣмъ большую силу, что онъ могъ сослаться на примѣръ благотворительности въ лицѣ самой учащей и правящей церкви въ главѣ съ ея святителемъ Флавіаномъ. Во второй бесѣдѣ на книгу Бытія, по объясненіи начальныхъ словъ ея о сотвореніи неба и земли, переходя по обычаю къ нравственнымъ наставленіямъ и сказавъ о нашемъ долгѣ прославлять Бога Творца, что Богъ прославляется не только правыми догматами, но и добродѣтельною жизнью (Матѳ. 5, 16), проповѣдникъ присоединяетъ свой любимый припѣвъ о милостынѣ: „хотѣлъ я присовокупить еще слово о милостынѣ, но, кажется мнѣ, излишне учить васъ словомъ, тогда какъ мо-

[1]) Эти мысли, часто проповѣдуемыя Златоустомъ, особенно живо и обильно раскрыты въ 5-й бесѣдѣ объ Аннѣ. См. бесѣды его, изд. при С.-Петербургской дух. Академіи. 1850 г. стр. 95—102.

жетъ учить васъ дѣлами сидящій теперь здѣсь, общій нашъ отецъ и учитель. Онъ какъ будто для того собственно и получилъ отъ предковъ *отцовскій домъ*, чтобы отдать его на услуженіе *странникамъ*; навсегда уступилъ его *гонимымъ отвсюду за истину*, и принимаетъ ихъ и оказываетъ имъ всякія услуги, такъ что не знаю, его ли, или странниковъ (собственностью) называть домъ его, а лучше сказать, не потому ли и считать (домъ его) его домомъ, что онъ есть (домъ) странниковъ? И точно: имущество наше тогда особенно бываетъ нашимъ, когда мы постоянно издерживаемъ его не на самихъ себя, а на бѣдныхъ". А вотъ еще наставленіе о милостынѣ въ 66-ой бесѣдѣ на евангеліе отъ Матѳея, занесенное въ рядъ нравственныхъ приложеній къ объясненію евангельскаго разсказа о двухъ слѣпцахъ [1]), исцѣленныхъ Спасителемъ (Матѳ. 20, 29—30),—наставленіе, замѣчательное по ссылкѣ на примѣръ церковной благотворительности. „Признаюсь, мнѣ уже стыдно говорить о милостынѣ, такъ часто говоря о ней и не видя плодовъ проповѣди. Правда, хотя и больше вижу плодовъ противъ прежняго, но не столько, сколько бы желалъ. Ибо вижу, что вы сѣете, только не щедрою рукою; посему я опасаюсь, чтобы вы скудно не пожали. А что мы сѣемъ скудно, для сего изслѣдуемъ, если угодно, кого больше въ городѣ,—бѣдныхъ или богатыхъ; и много ли такихъ, которые ни бѣдны, ни богаты, но занимаютъ средину между ними? Я полагаю, что десятая часть богатыхъ и десятая бѣдныхъ, вовсе ничего не имѣющихъ, а прочіе посредственнаго состоянія Итакъ раздѣлимъ число всѣхъ жителей города на число бѣдняковъ, и вы увидите, какой будетъ стыдъ! Весьма богатыхъ мало, но достаточныхъ много; бѣдныхъ же гораздо меньше въ

---

[1]) Подчеркнутыя нами выраженія могутъ означать, что Флавіанъ въ доставшемся ему по наслѣдству домѣ создалъ постоянное учрежденіе въ видѣ пріюта для бѣдныхъ и странниковъ. Подъ гонимыми за истину можно разумѣть тѣхъ, которые, переходя въ христіанство изъ іудеевъ и язычниковъ или въ православіе отъ еретическихъ сектъ, подпадали гоненію со стороны прежнихъ единовѣрцевъ.

сравненіи съ сими. Между тѣмъ при такомъ числѣ богатыхъ, которые могли бы питать алчущихъ, многіе спятъ голодные, впрочемъ, не потому, чтобы достаточные люди не имѣли удобствъ удовлетворить нуждамъ ихъ, но потому, что жестоки и безчеловѣчны. Ибо еслибы богатые и слѣдующіе послѣ нихъ раздѣлили между собою нуждающихся въ хлѣбѣ и одеждѣ, то едвали бы на пятьдесятъ или на сто человѣкъ достался одинъ бѣдный. Но не смотря на столь великое количество людей, которые въ состояніи помогать, видимъ каждодневно плачущихъ. Чтобы видѣть безчеловѣчіе богатыхъ, стоитъ тебѣ только обратить вниманіе на то, сколь многимъ вдовицамъ и дѣвамъ доставляетъ нужное содержаніе Церковь, которая получаетъ доходу не болѣе, какъ сколько получаетъ одинъ самый богатый, и одинъ не такъ богатый. Ибо число содержимыхъ Церковью простирается до *трехъ тысячъ*. Кромѣ сихъ она содержитъ заключенныхъ въ темницѣ, находящихся въ гостинницѣ какъ болящихъ, такъ и здоровыхъ, чужестранцевъ, калѣкъ, сидящихъ при храмѣ для пищи и одежды, и другихъ просто приходящихъ каждодневно, и между тѣмъ она не оскудѣваетъ. Итакъ еслибы только десять человѣкъ столько же на нихъ издерживали доходу, то ни одного не было бы нищаго".

На этомъ мы остановимся въ изложеніи преобладающихъ предметовъ нравственнаго ученія Златоуста и въ заключеніе попытаемся представить общую характеристику свойствъ и пріемовъ его проповѣди за время пресвитерства его въ Антіохіи.

Поставленный на пресвитерство съ главною цѣлью подвизаться въ церковной проповѣди, Іоаннъ исполнялъ этотъ подвигъ съ пламенною любовью, ревностью и неутомимостью. Обыкновенно онъ проповѣдывалъ *не менѣе разу въ недѣлю*, т. е. *въ каждое воскресеніе*, когда бывали церковныя собранія народа въ храмѣ. „Однажды въ недѣлю мы собираемся сюда", говоритъ слушателямъ въ первой бесѣдѣ объ Аннѣ. „Вы, выражается онъ въ 3 бесѣдѣ о покаяніи, ни въ одно воскресенье не покидаете насъ, но, оставляя все, приходите въ церковь". Но часто онъ проповѣдывалъ *по два, три и четыре раза въ недѣлю, а иногда и каждый день*, когда на это вызывали дни памяти святыхъ, случаи изъ

жизни христіанскаго общества въ Антіохіи, особенно же ежедневныя собранія церковныя въ дни великаго поста. Бывали дни, когда онъ проповѣдывалъ *дважды въ день: утромъ на литургіи и вечеромъ за вечернимъ богослуженіемъ* [1]). Только болѣзни, временами постигавшія его, вынуждали его прерывать трудъ проповѣди, для отдыха и поправленія физическихъ силъ. За то, послѣ такихъ случаевъ, иногда даже не совсѣмъ оправившись отъ болѣзни, онъ съ усиленнымъ рвеніемъ возобновлялъ свой подвигъ. Весьма характерны и назидательны обращенія его къ слушателямъ въ первыхъ бесѣдахъ послѣ болѣзни. Такъ, въ бесѣдѣ на пятую недѣлю по Пасхѣ 387 г., сказанной послѣ ряда праздничныхъ дней и памятей святыхъ, когда Златоустъ болѣзнію удерживаемъ былъ дома, онъ, вспомнивъ предъ слушателями о торжествахъ этихъ дней, на которыхъ они были, а онъ не былъ, выражается: „и однако, хотя мы и не были съ вами, но мы участвовали въ вашей радости, хотя не присутствовали въ собраніяхъ, но были сообщниками вашего веселія. Ибо такова сила любви, что она и не присутствующихъ возбуждаетъ имѣть общую радость съ присутствующими, давая осязательно чувствовать, что у нихъ общія блага. Поэтому, и пребывая дома, я сорадовался вамъ, и нынѣ, *еще не совершенно облегченный* отъ моей болѣзни, я всталъ и поспѣшилъ къ вамъ, чтобы видѣть вожделѣнныя очи ваши и быть участникомъ настоящаго торжества и день его почитаю великимъ праздникомъ ради присутствія здѣсь братіи, украшающей нашъ городъ и своимъ усердіемъ чествующей нашу церковь, бра-

---

[1]) Въ вступительной бесѣдѣ на посланіе къ Римлянамъ онъ говоритъ: „часто слушаю я чтеніе посланій блаженнаго Павла, каждую недѣлю дважды (въ субботу и воскресенье), а большею частію, если совершается память св. мучениковъ, *три* и *четыре* раза“. За чтеніемъ же всегда или почти всегда слѣдовала и проповѣдь. Во 2 й бесѣдѣ на книгу Бытія онъ говоритъ: „мы смѣло выходимъ на поприще слова *каждый день*“. Въ 4 изъ бесѣдъ о покаяніи, говоренныхъ въ великій постъ, выражается: „вотъ мы уже *четвертый* день насемъ это стадо (т. е. проповѣдуемъ) на пастбищѣ покаянія и до *сегодня не располагаемся вотать*, потому что видимъ еще много пищи, много наслажденія, много пользы“. Подобныхъ свидѣтельствъ въ бесѣдахъ Златоуста много. Сюда же относятся частыя выраженія его: *вчера* мы говорили о томъ-то. О проповѣданіи утромъ и вечеромъ того же дня см. упоминанія въ бесѣдѣ 16 о статуяхъ, въ бесѣдѣ противъ возражающихъ, почему діаволъ не истребленъ (Изд. С.П. дух. академіи 1850 г. т. II, стр. 237) и др.

тіи иноязычной, но соединенной съ нами вѣрою“ [1]). Въ томъ же году и, какъ видно, довольно скоро послѣ упомянутой бесѣды, Златоустъ опять заболѣлъ и долженъ былъ наложить на себя молчаніе и оставаться дома. Оправившись отъ болѣзни, онъ возвращается къ своему подвигу и начинаетъ такъ: „какъ будто возвратился я къ вамъ изъ дальняго пути,—такъ чувствую себя сегодня. Для любящихъ, когда имъ нельзя быть вмѣстѣ съ любимыми, нѣтъ никакой пользы отъ близости. Потому и мы, оставаясь дома, чувствовали себя ничѣмъ не лучше странниковъ, такъ какъ не могли въ прошедшее время бесѣдовать съ вами. Но—простите: это молчаніе было не отъ лѣности, а отъ болѣзни. Теперь вы радуетесь тому, что мы освободились отъ болѣзни; а я радуюсь, что снова наслаждаюсь вашею любовію. Для меня, и тогда, какъ я былъ боленъ, тягостнѣе самой болѣзни было то, что я не могъ участвовать въ этомъ любезномъ собраніи; и теперь, какъ оправился отъ болѣзни, вожделеннѣе самаго здоровья то, что имѣю возможность наслаждаться вашею любовію. Не такъ горячка жжетъ, обыкновенно, тѣла одержимыхъ ею, какъ наши души—разлука съ любимыми; и какъ тѣ ищутъ чашъ и стакановъ и холодной воды, такъ эти—лицъ любимыхъ: это хорошо знаютъ привыкшіе любить. Такъ вотъ, когда освободились мы отъ болѣзни, насытимся опять другъ другомъ, если только можно когда-нибудь насытиться; потому что любовь не знаетъ насыщенія, но постоянно наслаждаясь любимыми, болѣе и болѣе воспламеняется. Зная это, питомецъ любви, Павелъ, сказалъ: *„ни единому же ничимже должни бывайте, точію еже любите другъ друга“* (Рим. 13, 8). Въ одномъ изъ послѣдующихъ годовъ Златоустъ такъ заболѣлъ, что долженъ былъ удалиться изъ города въ село для возстановленія силъ на свѣжемъ воздухѣ и пробылъ въ этой отлучкѣ довольно долго. Наконецъ, онъ сталъ получать письма то съ похвалами его подвигу въ проповѣди, то съ упреками за удлинненіе отдыха. Тронутый этимъ, онъ не дожидается полнаго выздоровленія,

[1]) Подъ иноязычною братіею разумѣются здѣсь сирійцы—поселяне и ихъ священники, приходившіе въ Антіохію на богомолье въ пятую недѣлю по Пасхѣ, о чемъ упомянемъ еще ниже.

нсоиѣшно возвращается, открываетъ рядъ словъ о покаяніи и первое изъ нихъ начинаетъ такъ: „помнили-ль вы о насъ, когда мы въ теченіе этого времени были въ разлукѣ съ вами? Я такъ никогда не могъ забыть васъ, но, и оставивъ городъ, не оставилъ памяти о васъ. Какъ любящіе красивыя тѣла, куда бы ни пошли, вездѣ носятъ съ собою любимый образъ: такъ и мы, возлюбивъ красоту вашей души, всегда носимъ съ собою прекрасный образъ вашего духа. И какъ живописцы, смѣшивая различныя краски, дѣлаютъ изображенія тѣлъ: такъ и мы, вашу ревность къ собраніямъ, усердіе въ слушанію, благосклонность къ проповѣднику, и всѣ другія добрыя дѣла смѣшавъ, какъ бы различныя краски добродѣтели, начертали образъ вашей души, и, поставивъ его предъ очами ума, отъ созерцанія его получали немалое утѣшеніе въ разлукѣ съ вами. И этимъ мы занимались постоянно, и когда сидѣли дома и вставали, и когда ходили и отдыхали, и когда входили и выходили, всегда представляли себѣ вашу любовь. И этимъ созерцаніемъ услаждались мы не только днемъ, но и ночью; съ нами тогда было тоже, что сказалъ Соломонъ: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣс. Пѣс. 5, 2); потребность сна смыкала наши вѣжди, но сила любви вашей пробуждала отъ сна очи души моей; и часто казалось мнѣ, будто я во снѣ бесѣдую съ вами. И въ самомъ дѣлѣ, душа, обыкновенно, ночью представляетъ то, о чемъ размышляетъ днемъ; это же было тогда и съ нами: и не видя васъ плотскими глазами, я видѣлъ васъ очами любви, и не бывши съ вами тѣломъ, былъ съ вами душою, а уши мои постоянно оглашались вашимъ воплемъ. Поэтому хотя болѣзнь тѣлесная и побуждала меня оставаться тамъ (въ селѣ) долѣе и пользоваться цѣлительнымъ для плотскаго здоровья воздухомъ, но сила любви вашей не позволяла этого, напротивъ, вопіяла и не переставала докучать дотолѣ, пока не заставила меня встать еще раньше надлежащаго времени, и ваше сообщество поставить наравнѣ и съ здоровьемъ и съ наслажденіемъ и со всѣмъ, что только есть добраго. И мы, склонившись на ея убѣжденія, лучше захотѣли возвратиться съ остатками болѣзни, чѣмъ, стараясь о совершенномъ исцѣле-

віи отъ немощи тѣлесной, долѣе опечаливать любовь вашу. Вѣдь и живя тамъ, я слышалъ ваши упреки,—частыя письма доносили ихъ до насъ; и упрекающимъ я внималъ не менѣе, чѣмъ хвалящимъ, потому что упреки тѣ были выраженіемъ души, умѣющей любить. Вотъ почему я всталъ и поспѣшно пришелъ". Замѣчательно, что слова Златоуста, говоренныя послѣ перерыва отъ болѣзни и даже при остаткахъ болѣзни, принадлежатъ къ обширнѣйшимъ. Молчавшая предъ тѣмъ душа проповѣдника изливается неудержимымъ потокомъ бесѣды, окрыляемой любовью.

Любовь Златоуста *къ проповѣди*, ревность его объ исполненіи этого подвига была *любовью къ слушателямъ*, ревновавшею объ ихъ просвѣщеніи, исправленіи, духовномъ преуспѣяніи и спасеніи. Въ этомъ свойствѣ его проповѣди—тайна ея внутренней силы и убѣдительности. Привычныя обращенія къ слушателямъ—*ваша любовь*, *возлюбленные*, *возлюбленный* не были въ устахъ его простыми оборотами рѣчи, а живыми отголосками любящей души. Это дается чувствовать непосредственно при чтеніи его проповѣдей. Сейчасъ приведенные отрывки изъ его проповѣдей послѣ болѣзни живо отражаютъ это свойство проповѣди Златоуста. Подобныхъ отъ сердца идущихъ обращеній множество въ его бесѣдахъ и словахъ, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ любви и ревности и въ цѣломъ содержаніи своемъ. Но приведемъ еще одинъ или два отрывка. Во вступительной изъ своихъ бесѣдъ на *книгу Бытія*, говоренной при наступленіи великаго поста, онъ выражается: „радуюсь и веселюсь, видя, что сегодня Церковь Божія украшается множествомъ чадъ своихъ и вы всѣ стеклись съ великою радостью. Ибо, когда посмотрю на свѣтлыя лица ваши, то нахожу въ нихъ самое сильное доказательство вашего душевнаго удовольствія, какъ и премудрый сказалъ: *сердцу веселящуся, лице цвѣтетъ* (Притч. 15, 13). Поэтому и я всталъ сегодня съ большимъ сердіемъ, чтобы участвовать съ вами въ этой духовной радости и вмѣстѣ быть для васъ провозвѣстникомъ наступленія святой четыредесятницы, какъ врачества душъ нашихъ. Ибо общій всѣхъ насъ Господь, какъ чадолюбивый отецъ, желая очистить насъ отъ грѣховъ, сдѣланныхъ нами

въ какое бы то ни было время, даровалъ намъ врачество въ святомъ постѣ. Итакъ никто не скорби, никто не являйся печальнымъ, но пусть всѣ ликуютъ, радуются и прославляютъ Попечителя душъ нашихъ, открывшаго намъ этотъ прекрасный путь (ко спасенію) и съ великимъ удовольствіемъ принимаютъ его наступленіе". Вторую затѣмъ бесѣду онъ начинаетъ такъ: „великой радости исполняюсь сегодня, видя ваши любезныя лица. И подлинно, не столько радуются и веселятся чадолюбивые родители, когда дѣти окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и доставляютъ имъ великое удовольствіе своимъ благообразіемъ и своею услужливостью, сколько я нынѣ веселюсь и радуюсь, видя, что этотъ духовный соборъ вашъ стекся сюда съ такимъ благочиніемъ и съ живымъ желаніемъ слушать слово Божіе, и что вы, презрѣвъ плотскую пищу, спѣшите къ духовному пиршеству и самымъ дѣломъ оправдываете слова Господни: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но и о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Мат. 4, 4). Вотъ же и мы поступимъ подобно земледѣльцамъ: какъ они, когда видятъ, что земля уже очищена и освобождена отъ вредныхъ растеній, бросаютъ сѣмена въ великомъ изобиліи; такъ и мы, когда у насъ эта духовная нива, по благодати Божіей, очистилась отъ возмутительныхъ страстей, когда прекратились увеселенія и ни у кого нѣтъ смятенія и бури въ помыслахъ, но великая тишина и спокойствіе въ душахъ, возлетѣвшихъ и воспарившихъ къ самому, такъ сказать, небу и созерцающихъ предметы духовные прежде плотскихъ, побесѣдуемъ нѣсколько съ вашей любовью и отважимся сегодня на размышленія болѣе тонкія, предложивъ вамъ ученіе изъ Божественнаго Писанія". Восьмую бесѣду по случаю низверженія статуй онъ предваряетъ такимъ обращеніемъ: „и недавно къ вамъ, и теперь къ вамъ говорю: о, если бы и всегда быть съ вами! А впрочемъ, я и всегда съ вами, если и не тѣломъ, то силою любви: потому-что для меня и нѣтъ другой жизни, кромѣ васъ и заботы о вашемъ спасеніи. Земледѣлецъ только и заботится, что о сѣменахъ и посѣвахъ, и кормчій—о волнахъ и пристаняхъ: такъ и проповѣдникъ—о слушателяхъ и ихъ успѣхѣ, какъ и а

теперь. Потому и ношу всѣхъ васъ въ умѣ моемъ, не только здѣсь, но и дома. Хотя число народа и велико, а мѣра моего сердца мала, за то любовь обширна, и не тѣсно вмѣщается въ насъ“ (2 Кор. 6, 12); а что далѣе, того уже не скажу, потому-что и мы не тѣсно помѣщаемся у васъ. Откуда это видно?—Многіе сказали мнѣ о себѣ: „мы исполнили приказанное, постановили другъ другу законы, опредѣлили взысканія клянущимся, наложили наказаніе на преступающихъ законъ,—наказаніе, приличное вамъ, что доказываетъ весьма великую любовь [1]). И не стыжусь я развѣдывать объ этомъ, потому что эта любознательность происходитъ не отъ пытливости, но отъ заботливости. Не безчестіе для врача освѣдомляться о болящемъ: и намъ не порокъ всегда разузнавать о вашемъ спасеніи; ибо узнавъ такимъ образомъ, что вами исполнено, и что осталось несдѣланнымъ, мы съ должнымъ разумѣніемъ приложимъ и остальныя лекарства. Итакъ, по развѣданіи, мы узнали это, и поблагодарили Бога, что не на камнѣ посѣяли мы, не въ тернія бросили сѣмена, и не потребовалось намъ продолжительнаго времени и большой отсрочки, чтобы пожать ниву. Вотъ почему всегда имѣю васъ въ умѣ моемъ; вотъ почему не чувствую труда отъ учительства: меня облегчаетъ польза слушанія! Этой награды достаточно, чтобы ободрить насъ, и окрылить, и сдѣлать отважными, и убѣдить къ перенесенію всякаго за васъ труда“.

На приведенныхъ отрывкахъ живо отражается и другое качество его, какъ проповѣдника: это *духъ отеческой кротости.* Вспомнимъ, съ какимъ смиреніемъ и кротостью онъ выступилъ на свое проповѣдническое служеніе въ первомъ словѣ, сказанномъ по рукоположеніи его во пресвитера. Духъ этого смиренія и кротости не оставлялъ его потомъ, когда слово его проявлялось уже съ большею властностью. Часто онъ говоритъ о своей предлагаемой слушателямъ трапезѣ духов-

---

[1]) Златоустъ указываетъ здѣсь на плоды своихъ увѣщаній противъ обычая клятвъ, съ которымъ боролся онъ въ Антіохіи.

ной, т. е. проповѣди, какъ бѣдной и скудной, проситъ снисхожденія и терпѣнія; наставляя и обличая, онъ чаще всего говоритъ въ тонѣ просьбы, мольбы, утѣшаетъ, ободряетъ, готовый, какъ выражается, плакать о заблуждающихъ, порочныхъ, неисправляющихся. Онъ не рѣдко благодаритъ слушателей за упреки и замѣчанія. Увѣщевая и врачуя грѣховно падающихъ, онъ себя ставитъ въ рядъ ихъ. Въ 23 бесѣдѣ на первое посланіе къ Коринѳянамъ онъ взываетъ: „востанемъ, возлюбленные, возстанемъ хотя нынѣ, и будемъ стоять твердо. Доколѣ мы будемъ лежать? Доколѣ будемъ упиваться и предаваться житейскимъ пожеланіямъ? И нынѣ благовременно сказать: „*кому возглаголю и засвидѣтельствую*“ (Іер. 6, 10)? Такъ всѣ сдѣлались глухи къ ученію о добродѣтели, и потому исполнились множества пороковъ! Если бы можно было обнажить души, то какъ между воинами послѣ пораженія видны то мертвые, то раненные, такое мы увидѣли бы зрѣлище и въ церкви. Посему увѣщеваю и прошу, подадимъ другъ другу руки и возстанемъ; ибо и я изъ числа раненныхъ и требующихъ врача“. Онъ снисходитъ къ сѣтованіямъ слушателей, благодаритъ за упреки ему; готовъ сносить и оскорбленія, не нарушая мира съ слушателями. Въ бесѣдѣ 32 на Евангеліе отъ Матѳея онъ выражается: „хотя бы шестьсотъ разъ ты бранилъ меня,—отъ чистаго сердца, чистымъ помысломъ говорю тебѣ: *миръ*, и не могу сказать худого, ибо любовь Отца во мнѣ. Хотя иногда порицаю тебя, но по заботливости о тебѣ же. Когда ты втайнѣ язвишь меня и не принимаешь меня въ дѣлѣ Господнемъ: то я боюсь, не умножишь-ли ты скорби моей не тѣмъ, что ты бранилъ меня, что выгналъ меня, но тѣмъ, что отвергъ миръ и навлекъ на себя тяжкое наказаніе... Тѣмъ болѣе буду любить васъ, чѣмъ болѣе любя, менѣе любимъ буду. Ибо многое соединяетъ насъ: одна трапеза предложена у насъ, одинъ у насъ Отецъ“. Образомъ кротости для себя и другихъ онъ поставлялъ кротость Христову. Въ бесѣдѣ 60 на Евангеліе отъ Іоанна онъ учитъ: „будемъ подражать Христу. Ему говорили: бѣснуешися, а Онъ молчалъ и все переносилъ съ кротостью, чтобъ насъ научить

кротости и всякому долготерпѣнію. Его называли бѣсноватымъ и неистовымъ люди, получившіе отъ Него безчисленныя благодѣянія, и называли не однажды и не дважды, а много разъ: однакожъ Онъ не только не мстилъ, но и не переставалъ имъ благодѣтельствовать. И что я говорю благодѣтельствовать? За нихъ Онъ и душу положилъ и на крестѣ ходатайствовалъ за нихъ предъ Отцемъ. Будемъ же и мы подражать и Ему. Вѣдь быть ученикомъ Христовымъ и значитъ быть кроткимъ и незлобивымъ". Есть въ проповѣдническомъ словѣ его сильныя и грозныя обличенія, но и они растворены любовью и кротостью. Духъ любви и кротости въ проповѣдническомъ словѣ Златоуста придаетъ его слову особенную *силу убѣдительности*, коренящуюся въ глубочайшемъ сердечномъ убѣжденіи и проникновеніи его самого тѣми истинами вѣры и нравственности, какія онъ проповѣдуетъ, и освящаемую благодатнымъ помазаніемъ свыше, которое, такъ сказать, ощущалъ на себѣ проповѣдникъ. Глубоко искренни тѣ часто повторяемыя въ его проповѣдяхъ выраженія, что онъ надѣется не на свои силы, а на благодать Божію, ибо онъ излагаетъ ученіе не свое, а ученіе Божіе, ученіе Христа, Павла, Іоанна и проч. Въ проповѣдяхъ Златоуста нѣтъ молитвъ, какія не рѣдко встрѣчаются у нашихъ проповѣдниковъ; но *духъ молитвенный* часто слышится въ его проповѣдяхъ, сказывающійся въ неизмѣнно заканчивающихъ каждое слово его воззваніяхъ, подобныхъ слѣдующему: „дай намъ Богъ, по молитвамъ предстоятелей и святыхъ, исправивъ эти и другіе недостатки, получить царствіе небесное, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу и Св. Духу слава, честь и поклоненіе нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ". Впрочемъ, такія свойства проповѣдническаго слова Златоуста, какъ любовь, кротость, сила убѣдительности, освященная благодатнымъ помазаніемъ, — такія свойства подлежатъ болѣе непосредственному ощущенію при чтеніи его словъ, чѣмъ логическому анализу, опредѣленію.

Отчетливѣе опредѣляются *пріемы* его проповѣдническаго слова, какъ плода его дарованія, таланта и духовнаго

искусства, выработавнаго непрерывнымъ упражненіемъ, навыкомъ въ проповѣдничествѣ. Укажемъ на выдающіеся изъ этихъ пріемовъ.

Понятно, что при необычайномъ обиліи и учащенности проповѣдей, слѣдовавшихъ нерѣдко день за день, а то по дважды въ день, притомъ обширныхъ, Іоаннъ не могъ *писать* ихъ напередъ цѣликомъ; записывали ихъ другіе изъ церковныхъ писцовъ и слушателей. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ развился характеръ его проповѣди, какъ *живой бесѣды, движущейся свободно, творчески, въ моментъ самаго проповѣдыванія.* Конечно, Златоустъ напередъ обдумывалъ предметъ проповѣди и часто предначѣчалъ даже цѣлый рядъ проповѣдей по одному и тому же предмету. „Когда кто хочетъ съ корнемъ исторгнуть страсть, укоренившуюся и долго жившую въ душѣ, тогда для этого исправленія недостаточно однодневнаго или двухдневнаго увѣщанія, но надобно часто и въ продолженіе многихъ дней бесѣдовать объ этомъ предметѣ, если только хотимъ проповѣдывать не изъ честолюбія и для удовольствія, а для блага и пользы. Поэтому, что мы сдѣлали въ отношеніи къ клятвамъ, побесѣдовавъ съ вами объ одномъ и томъ же предметѣ въ теченіе многихъ дней сряду, то же сдѣлаемъ и въ отношеніи къ гнѣву, предложимъ объ немъ, по мѣрѣ силъ нашихъ, продолжительное увѣщаніе. И это, мнѣ кажется, самый лучшій способъ наставленія—не переставать внушать что бы то ни было, дотолѣ, пока не увидишь, что внушеніе перешло въ дѣло. Кто говоритъ сегодня о милостынѣ, завтра о молитвѣ, послѣзавтра о кротости, потомъ еще о смиренномудріи: тотъ не доведетъ своихъ слушателей ни до одной изъ этихъ добродѣтелей, потому что онъ постоянно перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому и отъ этого опять къ иному. Напротивъ, кто хочетъ, чтобы слушатели исполняли на дѣлѣ слова его: тотъ дотолѣ не долженъ прекращать свое увѣщаніе и совѣты объ одномъ и томъ же предметѣ и переходить къ другому какому-нибудь, пока не увидитъ, что прежнее увѣщаніе хорошо укоренилось въ нихъ“. И дѣйствительно, проповѣди Златоуста въ значительномъ количествѣ пред-

ставляютъ, такъ сказать, особыя серіи, сосредоточенныя на общемъ предметѣ, трактуемомъ въ теченіе ряда бесѣдъ и словъ. Таковы, кромѣ истолковательныхъ бесѣдъ на ту или другую книгу Писанія, бесѣды его по случаю низверженія статуй, бесѣды объ Аннѣ, Давидѣ и Саулѣ, о Лазарѣ, о покаяніи, о клятвахъ, о перемѣнѣ именъ и другія. Но далеко не всѣ эти бесѣды слѣдуютъ въ непрерывномъ ряду, а часто прерываются бесѣдами о другихъ предметахъ, вызываемыми наличными требованіями и случаями изъ живой дѣйствительности, отвѣтивъ на которыя, проповѣдникъ возвращается къ прерванному ряду бесѣдъ. Съ другой стороны, въ одной и той же бесѣдѣ часто видится большое разнообразіе предметовъ, особенно въ нравственныхъ приспособленіяхъ, которое даетъ чувствовать живую производительность творческой мысли проповѣдника, въ теченіе самой бесѣды, возбуждаемую притокомъ новыхъ воспоминаній, образовъ, мыслей, впечатлѣніями отъ предстоящей среды слушателей, располагающими проповѣдника то удлиннять, то сокращать слово, переходить отъ одного предмета къ другому, иногда надолго оставлять начатую тему для вноснаго и восполнительнаго наставленія, послѣ котораго онъ опять возвращается къ темѣ. Нерѣдки въ бесѣдахъ Златоуста такія оговорки: „мы какъ бы какой сильной волною увлечены“; „не знаю, какъ мы перенесены сюда стремительностью слова и оставили порядокъ“; или: „не знаю, какъ это я, предположивъ себѣ ничего подобнаго не говорить, такъ увлекся этимъ поученіемъ. Простите мнѣ это многословіе. Я боюсь и очень боюсь, чтобы не ослабло въ васъ усердіе теперешнее. Но усердіе можетъ облегчить для васъ всякое дѣло. Время однакоже приступить къ предположенному нынѣ чтенію“. Или: „мы забыли о начатомъ, возвращаемся къ нему“. Характеръ проповѣди, какъ живой бесѣды, усматривается и въ самыхъ подписаніяхъ многихъ бесѣдъ Златоуста, значащихся въ изданіяхъ ихъ. Напр. первая бесѣда объ Аннѣ подписывается: „о томъ, что и во время Пятидесятницы и всегда надобно помнить о постѣ, и что не только самый постъ, но и память объ немъ приноситъ пользу; о промы-

слѣ Божіемъ и о томъ, что не малую часть его составляетъ, между прочимъ, естественная любовь родителей къ дѣтямъ; что не только отцы, но и матери обязаны воспитывать дѣтей, и наконецъ объ Аннѣ". Вторая бесѣда подписывается: „о вѣрѣ Анны, о ея любомудріи и кротости; о чести, подобающей священникамъ, и о томъ, что должно молиться и прежде и послѣ принятія пищи". Наконецъ, есть бесѣды Златоуста, бывшія въ полномъ смыслѣ экспромптами, внушенными, такъ сказать, впечатлѣніями и потребностями даннаго момента. Такова напр. уже упомянутая нами обширнѣйшая и превосходнѣйшая бесѣда его о милостынѣ и милосердіи, сказанная по тому случаю, когда, идя зимою въ церковь, онъ увидѣлъ на площади нищихъ и калѣкъ, оставленныхъ безъ призрѣнія.

Характеръ проповѣди Златоуста, какъ живой бесѣды, въ которой онъ хочетъ держаться въ постоянномъ непосредственномъ общеніи съ слушателями, вызывая ихъ вниманіе возбуждая отзывчивость въ ихъ сердцахъ и мысляхъ на голосъ своей души и мысли, раскрывающейся въ проповѣдническомъ словѣ, — этотъ характеръ сказывается въ настолько извѣстныхъ *оборотахъ и пріемахъ его рѣчи.* Очень часто онъ напоминаетъ слушателямъ и приглашаетъ ихъ припомнить то, что говорилъ въ прошлый разъ, самъ, кратко повторяетъ сказанное прежде. Вотъ напр. одно изъ множества подобныхъ обращеній къ слушателямъ, находящееся въ 7 бесѣдѣ о покаяніи: „знаете ли, откуда у васъ началось недавно слово и гдѣ кончилось, или съ какого предмета (начались и) на какомъ остановились слова прежней бесѣды? Вы, думаю, забыли, гдѣ у насъ остановилось слово; а я знаю и не виню васъ въ этомъ, и не осуждаю. Ибо каждый изъ васъ имѣетъ жену, печется о дѣтяхъ и заботится о дѣлахъ домашнихъ; одни заняты службою въ войскѣ, другіе—ремесленники, словомъ, каждый изъ васъ озабоченъ различными нуждами. А мы въ этомъ обращаемся, этимъ занимаемся и въ этомъ проводимъ свое время. Стало быть, васъ нельзя порицать за это, но должно хвалить за ревность,—за то, что вы ни въ одно воскресенье не покидаете

насъ, но оставляя все, приходите въ церковь. Это то и составляетъ величайшее украшеніе нашего города,—не шумъ его и предмѣстія, не позлащенные домы и столовыя комнаты, но жители ревностные и добрые. И добрую породу дерева мы узнаемъ не по листьямъ, но по плодамъ. Тѣмъ-то мы и отличаемся предъ безсловесными животными, что имѣемъ (даръ) слова, изъясняемся словомъ и любимъ слово. Человѣкъ, не любящій слова, гораздо глупѣе скотовъ: онъ не знаетъ, для чего онъ почтенъ (даромъ слова), и откуда получилъ такую честь. И хорошо сказалъ Пророкъ: *человѣкъ, въ чести сый, не разумѣ, приложися къ скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. 48, 13). Ты—человѣкъ, одаренный словомъ, и не любишь слова? Скажи же, какое будешь имѣть извиненіе? Потому вы родственнѣе мнѣ всѣхъ, что, какъ на крыльяхъ, слетаетесь къ (слушанію) слова о добродѣтели, и поставляете все ниже божественныхъ словъ. Такъ вотъ и мы возьмемся за предметъ и продолжимъ бесѣду о томъ, о чемъ говорили недавно: я долженъ вамъ, и охотно плачу долгъ, потому что это приноситъ мнѣ не бѣдность, но доставляетъ богатство. Въ дѣлахъ мірскихъ должники бѣгаютъ отъ заимодавцевъ, чтобы не отдать (долга): а я гонюсь (за вами), чтобы отдать, и весьма справедливо. Ибо въ мірскихъ дѣлахъ отдача производитъ бѣдность, а въ словѣ отдача раждаетъ богатство. Напримѣръ, я долженъ кому-нибудь деньгами; если возвращу ихъ, онѣ не могутъ быть и у него, и у меня; нѣтъ, отъ меня онѣ ушли, а къ нему пришли. Но если заплачу слово, оно и при мнѣ находится, и вы всѣ его имѣете. Если задержу слово и не сообщу (его), тогда я бѣденъ, а когда заплачу, тогда становлюсь богаче. Если не заплачу слова, тогда я одинъ богатъ; а если заплачу, то получаю плодъ вмѣстѣ со всѣми вами. Такъ отдадимъ долгъ. Что же это за долгъ? Недавно разсуждали мы о покаяніи и сказали" и прч. Припомнимъ еще о переполняющихъ бесѣды Златоуста обращеніяхъ къ слушателю, въ видѣ призывовъ къ вниманію, къ терпѣнію, къ слушанію, въ видѣ весьма и весьма частыхъ вопросовъ, вызывающихъ на размышленія и отвѣты, въ видѣ отвѣ-

товъ на предполагаемыя и слышанныя возраженія, недоумѣнія и т. п. Это столько извѣстныя обращенія его: „попрошу вашу любовь, много говорилъ я вашей любви, скажи мнѣ, возлюбленный? что ты говоришь, возлюбленный? Не говорите мнѣ. Слышали ли вы? Понимаете ли вы? Видите-ли человѣколюбіе Божіе? Будьте внимательны: раждается немаловажный вопросъ; вижу ваше смущеніе; хочу утѣшить васъ; слышу ваши рукоплесканія; что мнѣ въ вашихъ рукоплесканіяхъ? Потерпите еще, хотите—скажу вамъ о путяхъ покаянія? Знаете, для чего я сказалъ это? Вы, можетъ быть, думаете, что слово у насъ совсѣмъ кончено; а мнѣ видится на немъ еще много плода. Не утомитесь же, прошу, пока не соберемъ весь плодъ". Эти и подобныя, почти непрерывныя, обращенія къ слушателямъ—не одни простые пріемы риторическіе. Они выражаютъ собою, что проповѣдникъ ни на минуту не забываетъ слушателей, не отдѣляется отъ нихъ, не даетъ имъ отдѣлиться отъ него, притупиться чувству живой бесѣды, живого собесѣдованія съ слушателями.

Въ связи съ этою чертою проповѣдническаго слова Златоуста видится въ немъ другая отличительная черта—*простота*, а *съ нею и ясность*. Требованія ея опредѣлялись для проповѣдника представленіемъ его о простотѣ и ясности самого священнаго писанія, какъ источника вѣроученія и нравоученія. Припомнимъ еще разъ слѣдующее, такъ сказать, классическое разсужденіе его по этому предмету: „благодать Св. Духа, говоритъ онъ, потому устроила такъ, чтобы священныя книги были написаны мытарями, рыбарями, скинотворцами, пастухами, людьми простыми и неучеными,—дабы для всѣхъ понятно было читаемое, дабы и ремесленникъ и слуга и вдова и самый малосмысленный человѣкъ пріобрѣтали какую-нибудь пользу отъ слушанія. Ибо не для суетной славы, а для спасенія слушающихъ писали тѣ, коихъ Богъ удостоилъ благодати Св. Духа... Въ самомъ дѣлѣ, кому непонятно все, что написано въ Евангеліи? Кто, слыша: блаженны кроткіе, милостивые, чистые сердцемъ и другое сему подобное, будетъ имѣть нужду въ учителѣ, чтобы уразумѣть это? А знаменія, чудеса, повѣ-

ствованія не каждому ли ясны и понятны"? Такъ представляя простоту и ясность Писанія, Златоустъ и самъ разсуждалъ и говорилъ просто и ясно. Если же вдавался „въ умствованія", то для того, чтобы привесть слушателя къ вѣрѣ, въ простотѣ сердца, тому, что̀ ясно и просто возвѣщаетъ намъ Писаніе. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ такихъ умствованій: *„въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.* Слово это кратко и просто, но и одно оно можетъ разрушить всѣ твердыни противниковъ. Смотри же. Приходитъ Манихей, и говоритъ: вещество не сотворено. Скажи ему: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, и тотчасъ низложишь всю гордость его. Но онъ, скажешь, не вѣритъ слову Писанія? Такъ поэтому отринь его и устранись, какъ отъ безумнаго. Кто не вѣритъ слову Божію, но обвиняетъ истину во лжи; тотъ не ясное-ли выставляетъ доказательство своего безумія,—невѣріе? Но какъ, скажешь, могло что-либо произойти изъ ничего? А ты скажи мнѣ, какъ могло что-либо произойти изъ чего-нибудь? Вѣдь, что земля сотворена изъ ничего, этому я вѣрю, а ты въ томъ сомнѣваешься: но что человѣкъ созданъ изъ земли, въ этомъ мы оба согласны. Такъ объясни то, что оба мы признаемъ и что болѣе легко,—какъ плоть сотворена изъ земли? Изъ земли вѣдь бываетъ грязь, глина, горшокъ и черепица, а чтобы изъ земли была плоть, этого никто не увидитъ никогда. Какъ же произошла плоть? Какъ образовались кости, какъ нервы, какъ жилы, какъ артеріи, какъ плева, жиръ, мясо, кожа, ногти, волосы и такое разнообразіе различныхъ существъ изъ одной матеріи—земли? Но ты не можешь объяснить этого. Такъ не странно ли, не зная болѣе яснаго и легкаго, изслѣдовать и стараться изъяснить болѣе трудное и сокровенное? Хочешь, поведу тебя и къ другому, еще болѣе легкому, къ тому, что̀ бываетъ каждодневно? Но и въ этомъ не дашь мнѣ отчета. Мы каждый день вкушаемъ хлѣбъ. Какъ же, объясни мнѣ, этотъ самый хлѣбъ превращается у насъ въ кровь, въ слизь, въ желчь и въ прочія влаги? Хлѣбъ вѣдь густъ и твердъ, а кровь мягка и текуча, тотъ бѣлъ или имѣетъ цвѣтъ пшеницы, а эта (кровь) красна

и черна. Если разсмотришь различія и другихъ качествъ, найдешь большую разность между хлѣбомъ и кровію. Какъ же это бываетъ, скажи мнѣ, дай отчетъ. Но ты не можешь. И, не будучи въ состояніи изъяснить ежедневное измѣненіе пищи, ты требуешь отъ меня отчета въ твореніи Божіемъ? Не крайне ли это безразсудно?—Если Богъ подобенъ намъ, требуй изъясненія дѣлъ (Его). Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ (нельзя требовать), потому что и о многихъ произведеніяхъ человѣческаго искусства мы не можемъ сказать, какъ онѣ бываютъ, напримѣръ: какъ изъ металлической земли бываетъ золото, какъ песокъ превращается въ чистое стекло. Можно указать множество и другихъ вещей, которыя дѣлаются человѣческимъ искусствомъ, но какъ, мы не знаемъ. Но пусть такъ, если Богъ подобенъ намъ, требуй отчета: если же Онъ безконечно отстоитъ отъ насъ и несравненно превышаетъ насъ, то не крайне ли безумно будетъ, признавая и премудрость и силу Его безпредѣльною, божественною и непостижимою, требовать отъ Него отчета въ каждомъ дѣлѣ, какъ бы въ человѣческомъ какомъ искусствѣ? Но оставимъ умствованія, и станемъ опять на несокрушимый камень: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.* Стой на этомъ основаніи, чтобы кто не свелъ тебя въ смуту человѣческихъ умствованій: *помышленія смертныхъ боязлива и погрѣшительна умышленія наша* (Прем. 9, 14). Не оставляй же твердаго, и не ввѣряй спасенія души своей слабому и ненадежному, но пребывай, *въ нихже наученъ еси, и яже ввѣрена суть тебѣ* (2 Тим. 3, 14), и говори: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*". Если предметъ требовалъ войти въ болѣе тонкія разсужденія, то эти разсужденія проповѣдникъ спѣшитъ закончить чѣмъ-либо простымъ, яснымъ для назиданія. Такъ, послѣ довольно тонкихъ разсужденій о древѣ познанія добра и зла, о познаніи зла человѣкомъ, проповѣдникъ говоритъ: „умъ вашъ уже утомился, занимаясь довольно тонкими мыслями: поэтому хорошо дать ему отдыхъ, и предложить болѣе простыя и свѣтлыя мысли. Итакъ обратимся къ спасительному древу креста. Это древо уничтожило всѣ несчастія, какія ввело то древо; а вѣрнѣе сказать, несчастія ввело не то древо,

но человѣкъ,—онъ произвелъ всѣ бѣдствія, которыя послѣ совершенно уничтожилъ Христосъ, даровавъ гораздо большія оныхъ блага. Поэтому самому Павелъ говоритъ: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. 5, 20), то есть, даръ больше грѣха. Поэтому онъ опять говоритъ: *не якоже прегрѣшеніе, тако и даръ* (ст. 15); не столько согрѣшилъ человѣкъ, сколько даровалъ Богъ; не такъ велика потеря, какъ велика прибыль, не такъ велико кораблекрушеніе, какъ велико пріобрѣтеніе; благъ болѣе, нежели сколько золъ, и—справедливо. Бѣдствія ввелъ рабъ, и ихъ было меньше; а блага даровалъ Господь, потому и было ихъ больше. Поэтому (Апостолъ) говоритъ: *не яко же прегрѣшеніе, тако и даръ.* Потомъ представляетъ и самую разность: *судъ (τὸ κρίμα) бо изъ единаго во осужденіе, даръ же отъ многихъ прегрѣшеній во оправданіе* (ст. 16). Слова эти нѣсколько не ясны: такъ надобно присовокупить объясненіе. Судъ значитъ наказаніе, мука, смерть. Изъ единаго, то есть за одинъ грѣхъ; потому что одинъ грѣхъ ввелъ такое зло, а даръ уничтожилъ не только этотъ одинъ грѣхъ, но и много другихъ". Къ цѣлямъ возможнаго упрощенія и уясненія излагаемыхъ истинъ, мыслей и наставленій направлена и столько любимая Златоустомъ форма вопросовъ и отвѣтовъ, по которымъ онъ хочетъ возвести слушателя до отчетливаго воспріатія и уразумѣнія возвѣщаемой истины. Наконецъ, всякую излишнюю пытливость ума онъ стремится остановить призывомъ къ смиренію предъ тѣмъ, что̀ для насъ непостижимо, утверждая, что для нашего назиданія довольно и того малаго, что̀ дано намъ знать. Эта мысль господствуетъ въ упомянутыхъ уже словахъ его о непостижимомъ противъ аномеевъ. Но онъ очень часто любитъ повторять ее и въ другихъ бесѣдахъ. Такъ, любомудрствуя о Промыслѣ Божіемъ, онъ даетъ совѣтъ: „если какого-либо происшествія не объяснитъ умъ нашъ, не станемъ поэтому думать, будто нѣтъ Промысла о дѣлахъ нашихъ, но, постигнувъ отчасти Промыслъ Божій, непостижимое предоставимъ Его неизслѣдимой премудрости. Ибо, если простому человѣку невозможно понять и человѣческаго искусства; тѣмъ

более уму человѣческому нельзя постигнуть безпредѣльнаго Промысла Божія: *яко не испытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его* (Римл. 11, 13). Впрочемъ, такъ какъ и изъ малаго получили мы ясное и вѣрное познаніе обо всемъ, то станемъ благодарить Господа за всѣ событія". Вообще свойства простоты и ясности проповѣдничества, гармонирующія съ свойствами собственной мысли Златоуста, всегда ясной и опредѣленной, бывшія плодомъ не столько навыка, сколько природнаго дара (ибо они являются у него съ первыхъ же опытовъ его проповѣдническаго слова), обусловливались также значеніемъ его проповѣдническаго учительства какъ именно и въ полномъ смыслѣ *всенароднаго*, проявлявшагося въ большихъ церковныхъ собраніяхъ изъ людей всѣхъ званій и состояній и всѣхъ степеней развитія до самыхъ низшихъ классовъ включительно. Потому то слова и бесѣды Златоуста, болѣе чѣмъ всякаго другого изъ древнихъ церковныхъ учителей, понятны и вразумительны для простыхъ людей всѣхъ временъ. Надлежитъ думать, что Антіохійскіе, какъ потомъ Константинопольскіе, греки чувствовали въ проповѣдническомъ словѣ Златоуста изящество ораторской рѣчи, которое еще прежде превозноситъ и славнѣйшій риторъ того времени Ливаній. Но мы не можемъ достаточно ощущать это качество. Потому, не останавливаясь на немъ, ограничимся указаніемъ только на нѣкоторые особые пріемы проповѣдническаго слова его, придающіе особенную силу и выразительность его проповѣди, его назиданіямъ и урокамъ человѣческой и христіанской нравственности.

Еще Фотій находилъ въ проповѣдническомъ словѣ Златоуста, какъ характеристическую черту, *обиліе примѣровъ*, выставляемыхъ къ назиданію. Дѣйствительно, едва ли у кого изъ древнихъ проповѣдниковъ встрѣтимъ проявленіе этого пріема въ такой широтѣ и, такъ сказать, обычности, какъ у Златоуста. Видимо, онъ убѣжденъ былъ, что живые примѣры и образы способны выяснять мысли, назидать сердце болѣе разсужденій и доказательствъ. Образы и примѣры беретъ онъ прежде всего изъ Библіи. Надъ всѣми образами и примѣрами царствуетъ въ его словѣ образъ Бога, образы

и примѣры Его всемогущества, промышленія, человѣколюбія, милосердія, долготерпѣнія, гнѣва и помилованія и проч.; образъ Христа въ Его снисхожденіи на землю для спасенія грѣшнаго міра, въ его ученіи, дѣлахъ милосердія, въ чудесахъ, благотвореніяхъ, страданіяхъ и смерти. Затѣмъ весьма и весьма часто въ своихъ бесѣдахъ и словахъ предноситъ онъ слушателямъ примѣры святыхъ и грѣшныхъ, подвиговъ вѣры и добродѣтели, паденія и возстанія—изъ исторіи ветхаго и новаго завѣта. Онъ живописуетъ эти примѣры не только въ истолковательныхъ бесѣдахъ на книги св. писанія, но въ цѣлыхъ серіяхъ другихъ бесѣдъ и словъ, каковы его слова о перемѣнѣ именъ, объ Аннѣ, о Давидѣ и Самуилѣ, не оставляетъ безъ оживленія примѣрами почти ни одной своей бесѣды, ни одного своего слова. На нѣкоторыхъ лицахъ изъ сонма святыхъ ветхаго и новаго завѣта онъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ, съ особенной любовью истощается, такъ сказать, въ анализѣ и описаніи характеристическихъ чертъ ихъ жизни, чтобы этимъ разъяснить и описать черты и свойства возвѣщаемой христіанской добродѣтели, а отсюда сдѣлать многочисленныя приспособленія къ требованіямъ нравственной жизни поучаемыхъ. Сколько разъ выставляетъ онъ въ своихъ бесѣдахъ примѣръ Авраама, живописуя разныя черты его вѣры, преданности волѣ Божіей и самой жизни семейной. Приведемъ примѣръ на послѣднее. Златоустъ весьма часто въ своихъ бесѣдахъ говоритъ о семейной жизни, отношеніяхъ супруговъ, родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ и проч. Въ 26-й бесѣдѣ на первое посланіе къ Коринѳянамъ поучая супруговъ взаимному согласію, снисхожденію, послушанію, онъ говоритъ: „смотри: Авраамъ взялъ съ собою племянника, и жена не укоряла его за это. Онъ велѣлъ ей идти въ дальній путь, и она не воспротивилась этому, но повиновалась. Потомъ послѣ многочисленныхъ бѣдствій, усилій и трудовъ, сдѣлавшись господиномъ всего, онъ уступилъ первенство Лоту, и Сарра не только не огорчилась этимъ, но даже не открыла устъ и не сказала ничего такого, что многія жены говорятъ нынѣ, когда видятъ, что

мужья ихъ при подобныхъ раздѣлахъ получаютъ менѣе другихъ, особенно низшихъ себя, порицаютъ ихъ, называютъ и глупыми, и несмысленными, и робкими, и безпечными, и лѣнивыми. Она же не сказала и не подумала ничего такого, но осталась довольна всѣмъ, что онъ сдѣлалъ. И еще болѣе: когда Лота постигла великая опасность послѣ того, какъ онъ самъ сдѣлалъ выборъ и предоставилъ дядѣ худшую часть, и когда праотецъ, услышавъ объ этомъ, вооружилъ всѣхъ своихъ домочадцевъ и съ ними одними пошелъ противъ цѣлаго персидскаго войска, она не удерживала его и не сказала, напримѣръ, такъ: куда идешь ты, ввергая самъ себя въ пропасть, подвергаясь такимъ опасностямъ, готовясь пролить кровь за человѣка, который обидѣлъ тебя и похитилъ твою собственность? Если ты не думаешь о себѣ, то пожалѣй меня, оставившую домъ, отечество, друзей и родныхъ, и послѣдовавшую за тобою въ такой путь; не подвергай меня вдовству и соединеннымъ съ нимъ бѣдствіямъ. Ничего такого она не сказала и не подумала, но все перенесла молча. Затѣмъ, оставаясь неплодною, она не скорбитъ и не плачетъ, подобно другимъ такимъ женамъ но проливаетъ слезы,—онъ, впрочемъ, не предъ женою, а предъ Богомъ. И замѣть, какъ оба они соблюдаютъ должное: онъ не презираетъ Сарры за ея неплодство и не укоряетъ ее, и она съ своей стороны старается найти для него нѣкоторое утѣшеніе въ безчадіи посредствомъ рабыни. Тогда не запрещалось это, какъ запрещается нынѣ: нынѣ же не позволительно ни женамъ дѣлать такое угожденіе мужьямъ, ни мужьямъ, съ вѣдома-ли или безъ вѣдома женъ, вступать въ такія связи, хотя бы они въ тысячу разъ болѣе чувствовали безчадіе: ибо иначе имъ будетъ сказано: *червъ ихъ не умираетъ и огонь не угасаетъ* (Марк. 9. 44); нынѣ это не дозволяется, а тогда не запрещалось. Посему, когда жена предложила это, онъ и поступилъ такъ не изъ угожденія ей. А посмотри, скажешь, какъ онъ потомъ, по ея же требованію, изгналъ служанку. Но этимъ я и хочу доказать, что какъ онъ во всемъ слушался ея, такъ и она его". Бесѣды объ Аннѣ, матери Самуила, при довольно разнообразномъ

содержаніи ихъ, представляютъ также образецъ всесторонняго анализа чертъ этихъ св. лицъ, направленнаго къ выясненію и семейныхъ добродѣтелей, въ частности требованія добраго воспитанія дѣтей, поясняемыхъ при этомъ съ отрицательной стороны на примѣрѣ первосвященника Иліи и его сыновей. Въ одной изъ бесѣдъ о Давидѣ и Саулѣ представляя въ лицѣ Давида примѣръ терпѣнія и кротости, онъ такъ описываетъ значеніе примѣра, какъ назиданія. „Живописцы, когда хотятъ написать портретъ, сходный (съ подлинникомъ), сидятъ обыкновенно день, два и три предъ тѣми, съ кого хотятъ писать, чтобы при помощи продолжительнаго наблюденія сдѣлать изображеніе безошибочно вѣрнымъ. А какъ и намъ предлежитъ теперь живописать не изображеніе тѣлеснаго вида, но красоту души и благообразіе духа: то и хотимъ мы, чтобы сегодня сидѣлъ съ вами Давидъ, дабы всѣ вы, смотря на него, изобразили, каждый на своей душѣ, прекрасный видъ праведника, его кротость и тихость, и великодушіе, и всякую другую добродѣтель. Ибо если изображенія тѣла доставляютъ зрителямъ удовольствіе, тѣмъ болѣе изображенія души. Тѣхъ нельзя видѣть вездѣ, но нужно для этого оставаться постоянно на одномъ мѣстѣ: а этотъ (образъ души) безпрепятственно можно переносить, куда тебѣ будетъ угодно. Положивъ его въ сокровищницѣ души, ты постоянно, гдѣ ни будешь, можешь смотрѣть на него и получать отъ него великую пользу. И какъ больные глазами, держа тряпки и лоскутья отъ одеждъ зеленаго цвѣта, и постоянно смотря на нихъ, получаютъ отъ этого цвѣта нѣкоторое облегченіе болѣзни: такъ и ты, если будешь имѣть предъ глазами своими образъ Давида и непрестанно смотрѣть на него, то, хотя бы гнѣвъ и тысячу разъ возмущалъ и помрачалъ око ума, однакожъ, взирая на этотъ образъ добродѣтели, получишь совершенное здоровье и чистое любомудріе“. Беря примѣры лицъ и событій изъ Ветхаго Завѣта, проповѣдникъ естественно останавливается на прообразовательномъ значеніи ихъ. Вотъ напр. объясненіе прообразовательнаго значенія Ноева ковчега. Въ 7 бесѣдѣ о Лазарѣ, припомнивъ разсказъ Библіи объ остановкѣ Ноева ковчега, Златоустъ говоритъ: „но тайны заключались въ

повѣтствуемомъ; прошедшее было прообразомъ будущаго. Именно: ковчегъ—Церковь, Ной—Христосъ, голубь—Духъ Святый, масличная вѣтвь—человѣколюбіе Божіе. Кроткое животное послано было и покинуло ковчегъ. Но то образъ, а это истина. Смотри же на преизбыточество истины. Какъ ковчегъ бывшихъ внутри его спасъ посреди моря, такъ и Церковь спасаетъ всѣхъ блуждающихъ: но ковчегъ только спасъ, Церковь дѣлаетъ нѣчто больше. Примѣрно скажу: ковчегъ принялъ въ себя безсловесныхъ,—и спасъ ихъ безсловесными; Церковь приняла неразумныхъ человѣковъ, и не только спасаетъ ихъ, но и перемѣняетъ. Принялъ ковчегъ ворона, а выпускаетъ голубя; Церковь принимаетъ волка, а выпускаетъ его овцой. Ибо, когда войдетъ сюда человѣкъ—хищникъ, корыстолюбецъ, и послушаетъ ученія Слова Божія; то онъ перемѣняетъ образъ мыслей и изъ волка дѣлается овцой: такъ какъ волкъ хватаетъ и чужое, а овца уступаетъ и свою шерсть". Еще съ большею любовью пользуется Златоустъ для цѣлей назиданія примѣрами изъ евангельской и апостольской исторіи. И здѣсь есть у него, такъ сказать, излюбленные примѣры. Сколько разъ онъ останавливается на примѣрѣ паденія и возстанія ап. Петра для разнообразныхъ примѣненій и назиданій! Вотъ одинъ изъ многихъ образцовъ, направленный къ доказательству силы раскаянія и всепрощающей любви Божіей. „Петръ не трижды ли отрекся? Не съ клятвою ли, въ третій разъ? Не отъ того-ли что испугался словъ какой - нибудь ничтожной служанки? Что-же? Много ли годовъ нужно было ему для покаянія? Никакъ; но въ одну и ту же ночь онъ и палъ и возсталъ, получилъ и рану и лекарство, и заболѣлъ и выздоровѣлъ. Какъ и какимъ образомъ? Тѣмъ, что онъ плакалъ, и рыдалъ, или лучше тѣмъ, что плакалъ не просто, но съ великою горячностью, и отъ сердца; потому и Евангелистъ не сказалъ, что онъ только плакалъ, но *плакася горько* (Матѳ. 26, 75). А какова сила слезъ тѣхъ, этого, говоритъ, никакое слово не можетъ изобразить; только послѣдствія ясно показываютъ. Преступно было то паденіе (Петра), потому что они одинъ грѣхъ не можетъ сравняться съ отреченіемъ отъ

Христа): однакожъ и послѣ столь великаго грѣха, (Христосъ) снова возвелъ его въ прежнее достоинство и поручилъ ему управленіе вселенскою церковью, и, что̀ всего важнѣе, представилъ его имѣющимъ больше любви къ Господу, нежели всѣ апостолы; ибо сказалъ: Петръ, *любиши ли меня паче сихъ* (Іоан. 21, 15)? А съ такою любовью ничто не можетъ сравняться въ качествѣ добродѣтели". Особенно часто любитъ онъ останавливаться на личности св. ап. Павла, конечно, потому, что къ этому даютъ многочисленные поводы *Дѣянія и Посланія апостольскія* и нѣкоторыя особенныя характеристическія черты великаго апостола. „Люблю останавливаться на этимъ мужѣ и созерцать красоту его добродѣтели. Не столько радуетъ мои очи взошедшее и испускающее свѣтлые лучи солнце, сколько освѣщаетъ мою душу Павелъ. Солнце озаряетъ глаза, а Павелъ какъ бы на крыльяхъ возноситъ насъ къ самымъ сводамъ небесъ, и возводитъ душу выше солнца и луны. Такова сила добродѣтели: человѣка она дѣлаетъ ангеломъ, и душу какъ бы на крыльяхъ возноситъ къ небу. Этой добродѣтели учитъ насъ Павелъ: постараемся содѣлаться ревнителями его добродѣтели". Изъ убѣжденія Златоуста въ силѣ и дѣйственности назиданія и убѣжденія примѣрами объясняется то, что онъ болѣе другихъ проповѣдниковъ его времени подвизался въ томъ особенномъ видѣ проповѣди, какой представляютъ собою похвальныя слова святымъ и мученикамъ. Объ этихъ словахъ уже сдѣланы были общія замѣчанія въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь присовокупимъ, что восхваляя мучениковъ, ораторъ не ограничивается тѣмъ, что живописуетъ черты ихъ вѣры и любви, проявленныхъ въ исповѣданіи Христа и обличеніи нечестія, страданія ихъ, силу терпѣнія, знаменія благодатной помощи имъ и т. п., онъ старается представить выхваляемаго какъ бы присутствующимъ предъ нимъ и слушателями, ставитъ, такъ сказать, живой образъ, который участвуетъ въ торжествѣ церковнаго собранія, видитъ всѣхъ здѣсь присутствующихъ, назидаетъ, утѣшаетъ ихъ. Но надъ всѣми единичными примѣрами изъ исторіи церкви временъ св. Апостоловъ, исповѣдниковъ и мучени-

ковъ господствуетъ у Златоуста весьма и весьма часто, при всякомъ подходящемъ случаѣ, выставляемый общій, на вѣки утвержденный примѣръ или точнѣе историческій фактъ торжества христіанской вѣры, проповѣданной небольшимъ числомъ апостоловъ изъ людей простыхъ и неученыхъ, исповѣданной мучениками,—надъ языческими властями, обществами, народами, надъ жрецами и мудрецами, суевѣріями и развращенными нравами. Въ этомъ примѣрѣ или фактѣ онъ указываетъ лучшее свидѣтельство какъ божественности христіанской вѣры, ея благодатной силы, такъ и истинности ея вѣроученія, величія ея нравоученія.

Наконецъ, церковный проповѣдникъ не стѣсняется приводить примѣры и изъ исторіи языческой, исторіи классическаго міра. Обычнѣе всего примѣры древнихъ мудрецовъ и философовъ приводятся, конечно, для показанія бѣдности и суеты ихъ ученія, въ сравненіи съ ученіемъ апостоловъ, и безсилія даже лучшихъ изъ нихъ разсѣять суевѣрія многобожія. Но иногда берутся изъ ихъ жизни черты для назиданія. Сейчасъ было упомянуто, что Златоустъ часто говорилъ о жизни семейной, супружеской: при этомъ, между прочимъ сильно заступался за женъ, обидимыхъ мужьями, сильно порицалъ тѣхъ, которые грубо и жестоко обращаются съ ними или прогоняютъ ихъ. Такъ какъ возраженіемъ противъ этого могло быть то, что иногда жены вызываютъ на такое обращеніе своею сварливостью или другими недостатками, то онъ (въ 26 бесѣдѣ на 1-е посланіе къ Коринѳянамъ) приводитъ въ назиданіе примѣръ Сократа. „Разсказываютъ, что одинъ изъ внѣшнихъ философовъ (Сократъ), имѣя жену злую, болтливую и склонную къ пьянству, на вопросъ, для чего онъ терпитъ ее, отвѣчалъ, что она служитъ для него домашнимъ училищемъ и упражненіемъ любомудрія; ибо, продолжалъ онъ, упражняясь ежедневно съ нею, я дѣлаюсь болѣе кроткимъ и съ другими. Вы пришли въ восторгъ? А мнѣ весьма прискорбно, что язычники превосходятъ любомудріемъ насъ, которымъ заповѣдано подражать ангеламъ, или лучше, заповѣдано подражать въ кротости самому Богу. Сказанный философъ по

этой причинѣ не изгонялъ своей злой жены; а нѣкоторые говорятъ, что по этой причинѣ онъ и женился на ней. Но такъ какъ многіе изъ людей не столь благоразумны, то я совѣтую напередъ всячески стараться о томъ, чтобы избирать жену благонравную и исполненную всякой добродѣтели: если же случится сдѣлать ошибку и ввести въ домъ свой невѣсту недобрую и даже негодную, тогда подражать этому философу, всѣми мѣрами исправлять ее и считать это дѣло важнѣе всего". Обильно пользуясь примѣрами изъ исторіи, Златоустъ нерѣдко беретъ примѣры и образцы добродѣтелей изъ той или другой среды современнаго ему христіанскаго общества. Такъ напр. онъ любитъ указывать на современныхъ ему подвижниковъ и подвижницъ и, живописуя высоту ихъ подвиговъ, старается этимъ расположить слушателей ревновать по крайней мѣрѣ о той степени добродѣтели, какая имъ доступна. Замѣчательно слѣдующее изображеніе его (въ 12 бесѣдѣ на посл. къ Ефесеямъ) современныхъ дѣвственницъ: „дѣвы, еще не достигшія двадцатилѣтняго возраста, проводившія все время въ своихъ покояхъ, воспитанныя въ нѣгѣ, почивавшія на мягкомъ ложѣ, пропитанныя благовоніями и дорогими мастями, нѣжныя по природѣ и еще болѣе сдѣлавшіяся изнѣженными отъ этихъ усердныхъ объ нихъ попеченій, не знавшія въ продолженіе цѣлаго дня другаго занятія, какъ только—украшать свою наружность, носить на себѣ золотые уборы и предаваться сластолюбію, не дѣлавшія ничего даже сами для себя, но имѣвшія у себя множество приставленныхъ къ нимъ прислужницъ, носившія на себѣ одежды еще болѣе нѣжныя, чѣмъ самое ихъ тѣло, употреблявшія тонкія и мягкія покрывала, постоянно наслаждавшіяся запахомъ розъ и подобныхъ благовоній,—эти дѣвы, бывъ внезапно объяты огнемъ Христовымъ, оставили всю эту роскошь и пышность и, забывши о своей изнѣженности, о своемъ возрастѣ, разстались со всѣми этими удовольствіями и, подобно храбрымъ борцамъ, вступили на поприще подвиговъ. И, повидимому, я хочу сказать нѣчто невѣроятное, однакожъ это истинно. Именно я слышалъ, будто эти столь нѣжныя дѣвы достигли такой строгости въ жизни, что

надѣвали на свои нагія тѣла самыя грубыя власяницы, что ноги ихъ оставались босыми, и онѣ имѣли своимъ ложемъ тростниковые прутья; преимущественно же большую часть ночи онѣ проводили безъ сна и уже не думали больше ни о благовонныхъ мастяхъ, ни о чемъ либо другомъ изъ прежнихъ прихотей и даже оставляли въ небреженіи свою голову, обыкновенно составляющую особенный предметъ ихъ попеченій, такъ что волоса заплетали просто и какъ-нибудь, лишь бы не нарушить благопристойности. Трапеза у нихъ бываетъ только вечеромъ, трапеза, на которой нѣтъ ни травъ, ни хлѣба, а только семидалъ, бобы, горохъ, елей и смоквы. Постоянно онѣ заняты прядевіемъ шерсти и имѣютъ еще занятія, гораздо труднѣйшія, чѣмъ какія имѣютъ дома у нихъ служанки. Именно: онѣ взяли на себя трудъ лѣчить тѣла больныхъ сестеръ, носить ихъ одры, умывать имъ ноги. Многія изъ нихъ занимаются и приготовленіемъ пищи. Такую имѣетъ силу огонь Христовъ! Такъ благое произволеніе превышаетъ самую природу! Однакожъ ничего такого я не требую отъ васъ, потому что вы хотите, чтобы жены опередили васъ въ подвигахъ добродѣтели". Вотъ примѣръ въ другомъ родѣ—примѣръ сельскихъ поселянъ и ихъ священниковъ, какъ примѣръ христіанской простоты и трудолюбія, представленный въ одной изъ характеристическихъ бесѣдъ его. Эта бесѣда сказана была въ 387 г. въ пятую недѣлю по Пасхѣ или недѣлю предъ Вознесеніемъ, называвшуюся κυριακὴ τῆς σωζομένης. Былъ обычай, что въ эту недѣлю приходили въ Антіохію изъ окрестностей поселяне сирійцы съ своими сельскими священниками, получавшими здѣсь и наставленія. Златоустъ, прервавшій свои бесѣды по случаю болѣзни, поспѣшилъ на дѣло проповѣди и часть ея посвящаетъ рѣчи о пришельцахъ. „Празднествомъ, говоритъ онъ, почитаю этотъ день по причинѣ собранія здѣсь всей братіи, украшающей нашъ городъ и чествующей церковь своимъ усердіемъ, братіи *иноязычной*, но соединенной съ нами вѣрою, народа мирнаго, ведущаго жизнь цѣломудренную и достойную всякаго почтенія. У этихъ людей нѣтъ этихъ (т. е. городскихъ) сла-

дострастныхъ зрѣлищъ, ни конскихъ ристаній, ни женщинъ развратныхъ, ни какой-либо молвы житейской: вездѣ у нихъ витаетъ смиренномудріе, а причиною сему то, что они ведутъ жизнь трудолюбивую и училищемъ добродѣтели и смиренномудрія имѣютъ воздѣлываніе земли, занятіе, самимъ Богомъ возвѣщенное человѣку прежде всякихъ художествъ еще до грѣхопаденія Адамова. Какъ пріятно видѣть здѣсь, что всякій изъ нихъ запрягаетъ воловъ въ яремъ, проводитъ плугомъ глубокія борозды, а потомъ восходитъ на почтенное учительное мѣсто, назидаетъ усердствующихъ ему своихъ домочадцевъ, въ одну пору истребляетъ на поляхъ терніе и волчцы, въ другую искореняетъ зарождающіяся въ душахъ своей семьи плевелы несогласій и другихъ беззаконій. Своего чернаго труда они не стыдятся, какъ стыдятся въ городѣ; стыдятся они праздности, зная, что она учительница всякому злу. Они лучшіе учители,—не видомъ и одеждою, но дѣломъ и словомъ". Сравнивая этихъ простыхъ сельчанъ съ мудрецами—философами, Златоустъ ставитъ первыхъ далеко выше послѣднихъ, показывая, что, при своей простотѣ мысли и вѣры, простые сельчане знаютъ гораздо больше, мыслятъ гораздо лучше о Богѣ, о душѣ, о безсмертіи, объ истинной добродѣтели и прч. Въ этомъ любомудріи ихъ видятся ему тѣже знаменія могущества Христа, которыя проявились въ рыбаряхъ и мрежедѣлателяхъ, ставшихъ апостолами и просвѣтившихъ вселенную. „Не будемъ же пренебрегать этими простецами, учитъ въ заключеніе проповѣдникъ, которые притомъ показали намъ сердечную любовь своимъ посѣщеніемъ. Отпустимъ ихъ съ любовью и усерднымъ вниманіемъ, напутствовавъ ихъ наставленіями".

Не менѣе замѣчателенъ и характеристиченъ въ Златоустѣ другой *повсюду господствующій* въ его словахъ и бесѣдахъ пріемъ изъясненія, назиданія и убѣжденія:—это *пріемъ сравненій* въ многоразличныхъ примѣненіяхъ его. Едва ли найдемъ одну изъ его проповѣдей, въ которой онъ обошелся бы безъ сравненій. Пріемъ состоитъ въ томъ, что явленіями изъ видимой природы, жизни человѣческой, обыден-

ныхъ житейскихъ отношеній онъ хочетъ уяснить требованія и явленія духовной жизни и дѣятельности, отъ образовъ видимой природы и быта человѣческаго возвесть въ міръ духовныхъ и вѣчныхъ отношеній, причемъ сравненія тѣхъ и другихъ явленій и отношеній дѣлаются то по ихъ сходству, то по ихъ противоположности. Благодаря этому пріему въ бесѣдахъ и словахъ Златоуста бытъ современнаго ему общества и среды отражается такъ живо, какъ въ притчахъ Спасителя бытъ современной Галилеи и всей Палестины. Представимъ образцы его сравненій и уподобленій. Изъ многочисленныхъ сравненій для поясненія мысли о премудрости Творца, о бытіи и благости Промысла приведемъ слѣдующія простѣйшія и краткія. „Чѣмъ болѣе низкимъ представляется тебѣ вещество (тѣла), тѣмъ болѣе удивляйся величію искусства (Божія). И ваятелю удивляюсь я не столько тогда, когда онъ дѣлаетъ прекрасную статую изъ золота, сколько тогда, какъ онъ изъ распадающейся глины, силою искусства, можетъ образовать удивительную и невообразимую красоту художественнаго произведенія: тамъ и вещество нѣсколько помогаетъ художнику, а здѣсь проявляется чистое искусство. Если хочешь знать, какова премудрость Создавшаго насъ, подумай, что дѣлается изъ глины: что же другое, кромѣ кирпича или черепицы? И однако великій художникъ—Богъ изъ этого вещества, изъ котораго дѣлается только кирпичъ и черепица, могъ устроить глазъ, столько прекрасный, что удивляются ему всѣ смотрящіе, и сообщить ему такую силу, что онъ простирается взоромъ на столь великую высоту воздуха, и при помощи небольшаго зрачка обнимаетъ столь великія тѣла и горы и лѣса и холмы и моря и небо“ (8 бесѣда о статуяхъ). Еще: „если корабль, и съ малымъ числомъ корабельщиковъ и пловцовъ, не переплыветъ благополучно и одной стадіи безъ управляющей имъ руки: тѣмъ болѣе столь великій міръ, заключающій въ себѣ такое множество тѣлъ, составленныхъ изъ разныхъ стихій, не просуществовалъ бы столько времени, если бы не было Промысла, управляющаго имъ, и эту вселенную постоянно поддерживающаго и сохраняющаго“. А

вотъ рядъ сравненій для оправданія благости Божіей, являемой въ самыхъ наказаніяхъ. „Наказанія Самъ Онъ насылаетъ на насъ, являя въ нихъ важнѣйшій видъ своего Промысла. И врачъ не только тогда достоинъ хвалы, когда выводитъ больнаго въ сады и на луга, или бани и купальни, или когда предлагаетъ ему роскошный столъ, но и когда заставляетъ его оставаться безъ пищи, мучитъ голодомъ и томитъ жаждою, когда приковываетъ къ постелѣ и домъ дѣлаетъ темницею, лишаетъ (больнаго) самаго свѣта и закрываетъ комнату со всѣхъ сторонъ завѣсами; когда подвергаетъ его и сѣченію и жженію, и предписываетъ горькія лекарства; и тогда онъ тотъ же врачъ. Такъ не странно-ли: того, кто причиняетъ столько непріятностей, называть врачемъ, а Бога, если Онъ сдѣлаетъ одну такую непріятность, напр. наведетъ или голодъ, или смерть, хулить и не признавать Промыслителемъ вселенной? А Онъ-то одинъ и есть истинный врачъ душъ и тѣлесъ. Такъ, часто Онъ, принявъ въ свое попеченіе нашу природу, которая скачетъ отъ полноты счастья, а между тѣмъ одержима грѣховною горячкою, избавляетъ ее отъ болѣзней бѣдностью, голодомъ, смертью и другими бѣдствіями и иными, какими Самъ знаетъ, врачествами. Но, скажешь, одни бѣдные чувствуютъ голодъ. Такъ Онъ наказываетъ не однимъ голодомъ, но и другими безчисленными бѣдствіями. Бѣднаго Онъ часто вразумляетъ голодомъ, а богатаго и въ изобиліи живущаго— опасностями, болѣзнями и преждевременными смертями; потому что Онъ изобрѣтателенъ и имѣетъ различныя врачевства для нашего спасенія. Такъ поступаютъ и судьи: они не только оказываютъ почести жителямъ городовъ, не только награждаютъ ихъ вѣнцами, не только даютъ имъ дары, но часто и наказываютъ ихъ. Поэтому у нихъ и мечъ изощренъ и изготовлены ямы и колеса и палки и палачи и другіе безчисленные виды наказаній. Но что у судей палачъ, то у Бога голодъ, который, подобно палачу, наказываетъ насъ и отводитъ отъ зла. Тоже можно видѣть и у земледѣльцевъ: они не только закрываютъ корень винограда, не только огораживаютъ его, но и отрѣзываютъ и от-

сѣкаютъ у него множество вѣтвей. Поэтому у нихъ есть не только заступъ, но и серпы, годные къ сѣченію. Однакожъ мы не осуждаемъ и ихъ, напротивъ, еще хвалимъ ихъ, особенно тогда, когда видимъ, что они отсѣкаютъ множество безполезныхъ вѣтвей, чтобы, отнявъ излишнія, лучше сохранить остальныя. И такъ не странно ли: отца и врача, и судію, и земледѣльца такъ одобрять, и ни отца, который выгоняетъ сына изъ дома, ни врача, который изнуряетъ больнаго, ни судью, который наказываетъ, ни земледѣльца, который отсѣкаетъ вѣтви, не порицать и не обвинять, а Бога, если когда Онъ захочетъ насъ, какъ бы страждущихъ головною болью, излечить отъ великаго опьяненія въ нечестіи, порицать и осыпать безчисленными укоризнами? Какое безуміе не давать Господу и того права къ защищенію себя, какое даемъ мы подобнымъ намъ рабамъ"!

Для жизни человѣческой съ ея суетами, тревогами, неправдами, искушеніями, подвигами борьбы и т. д. подобн. у Златоуста сравненія—неистощимы. Вотъ напр. сравненіе *жизни человѣческой съ моремъ,* представляемое въ видѣ назиданія при изъясненіи словъ псалма: *обаче всуе мятется всякъ человѣкъ живый*? (Пс. 38, 67). „Посмотри, возлюбленный, не морю ли подобны дѣла человѣческія? не такъ ли, какъ во время бури морской, носимся мы во всѣ стороны?.. Этотъ у того отнялъ помѣстье; такой то у такого то сманилъ слугу, одинъ судится съ сосѣдомъ за воду; другой тягается за воздухъ. Одни ссорятся за межи: другіе жалуются другъ на друга изъ-за постройки домовъ. Одинъ старается получить то, чего не далъ; другой оправдывается въ неотдачѣ того, что получилъ. Одинъ сокрушается отъ бѣдности, другой тревожится отъ богатства. Бѣдняка презираютъ, богачу завидуютъ. Начальника подозрѣваютъ, властелина ненавидятъ; лихоимство царствуетъ, ложь въ почетѣ, взаимная любовь другъ ко другу исчезла, правда оставила землю, дружба простирается не дальше трапезы. Изъ-за денегъ жизнь стала безжизненна; за деньги мы продали стихіи; мосты по дорогамъ содержатъ мытари; земля раздѣлена на участки; вода также нашла себѣ владѣльцевъ. Богачи таютъ отъ

заботъ; ростовщики сохнутъ отъ многой думы; сребролюбцы ниспровергаютъ законы въ судилищахъ; купцы борятся съ затрудненіями; клеветники торгуютъ обманомъ. *Обаче всуе мятется всякъ человѣкъ живый*". Въ бесѣдѣ третьей о Лазарѣ, отвѣчая на то возраженіе, что чтеніе Св. Писанія есть дѣло болѣе тѣхъ, которые отказались отъ міра, каковы монахи и пустынники, а не тѣхъ, которые постоянно заняты житейскими дѣлами, проповѣдникъ сравниваетъ мірскую жизнь съ *боевымъ строемъ*, при которомъ-то и нужна помощь во всеоружіи Писанія: „монахи не столько имѣютъ нужды въ помощи Божественнаго Писанія, сколько обращающіеся среди множества дѣлъ. Ибо монахи, удалившись отъ торжища и смятеній торжища, и водрузивъ купци въ пустынѣ, и не имѣя ни съ кѣмъ никакого общенія, но любомудрствуя безпрепятственно въ этой мирной тишинѣ, какъ бы сидя въ пристани, наслаждаются великою безопасностью: а мы, которые волнуемся какъ бы среди моря и имѣемъ случаи къ безчисленнымъ грѣхамъ, во всякое время нуждаемся въ постоянномъ и непрерывномъ утѣшеніи отъ Писанія. Тѣ сидятъ вдали отъ брани, почему и немного получаютъ ранъ: а ты постоянно находишься въ боевомъ строѣ и получаешь непрерывные удары; поэтому и большія потребны тебѣ врачевства. Ибо и жена раздражаетъ тебя, и сынъ огорчаетъ, и слуга вводитъ въ гнѣвъ, и врагъ навѣтуетъ, и другъ завидуетъ, и сосѣдъ вредитъ, и сослуживецъ подставляетъ ногу, нерѣдко и судья угрожаетъ, и бѣдность опечаливаетъ, и небрежность домочадцевъ заставляетъ плакать, и счастье надмѣваетъ, и несчастіе повергаетъ въ уныніе; и со всѣхъ сторонъ окружаютъ насъ многіе случаи и поводы то къ гнѣву, то къ заботамъ, то къ печали и унынію, то къ тщеславію и гордости, и отвсюду несутся безчисленныя стрѣлы. Посему во всякое время нужно намъ всеоружіе Писанія: *Познавай*, говоритъ, *яко посредѣ сѣтей минуеши и по забраломъ града ходиши* (Сир. 9, 18)". Употребленное и ап. Павломъ сравненіе жизненнаго подвига для достиженія вѣнца или почета съ подвигомъ текущихъ на позорищѣ (1 Кор. 9, 24), т. е. на конскихъ бѣгахъ или ристалищахъ, бывшихъ

еще въ обычаѣ у грековъ и римлянъ временъ Златоуста, въ частности и въ Антіохіи,—это сравненіе часто повторяется у Златоуста въ различныхъ приспособленіяхъ. Въ бесѣдѣ 23 на 1-ое посланіе къ Коринѳянамъ, приведя слова апостола: *не вѣсте ли, яко текущіи въ позорищѣ вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почесть?*—Златоустъ продолжаетъ: „говоритъ это апостолъ не въ томъ смыслѣ, будто и изъ васъ всѣхъ можетъ спастись только одинъ,—да не будетъ,—но что мы должны прилагать великое тщаніе. Ибо какъ тамъ изъ многихъ, выходящихъ на поприще, увѣнчиваются немногіе, а только одинъ достигаетъ этого, и потому не довольно только выйти на подвигъ, намастить себя и бороться: такъ и здѣсь не довольно только увѣровать и подвизаться какъ нибудь, но если мы не будемъ подвизаться такъ, чтобы показать себя безукоризненными до конца и достигнуть награды, то не получимъ никакой пользы". Въ вступительной бесѣдѣ на посланіе къ Филиписеямъ онъ выражается: „бѣгущій, если, пробѣжавъ десять оборотовъ, отсталъ на послѣднемъ, все потерялъ: такъ и мы, если, начавъ добрыя дѣла, впослѣдствіи ослабѣемъ, то все погубимъ, все испортимъ".

Много у него сравненій для объясненія, съ цѣлями назиданія, *душевныхъ свойствъ, дѣйствій, страстей*. Такъ напр. требуемое *отношеніе души къ тѣлу* поясняется слѣдующимъ сравненіемъ: „колесница и правящій ею тоже, что наше тѣло и душа. Если душа омрачена, то и тѣло погрязаетъ въ нечистотѣ. Доколѣ правящій колесницею стоитъ твердо, дотолѣ и колесница бѣжитъ хорошо; но когда онъ теряетъ силы и не можетъ править возжами, тогда и самая колесница является въ самомъ худомъ положеніи. Такъ бываетъ и съ человѣкомъ. Доколѣ душа трезва и бодра, дотолѣ и само тѣло пребываетъ въ чистотѣ; а когда душа омрачена, тогда и само тѣло погрязаетъ въ нечистотѣ и сладострастіи". Грѣховное желаніе сравнивается съ тѣмъ состояніемъ, когда люди съ отяжелѣвшею отъ опьяненія головою бродятъ безъ цѣли и безъ разбора: „случится ли предъ ними яма, или стремнина, или что другое, они падаютъ туда отъ неосмотрительности: такъ и стремящіеся ко

грѣху, какъ бы опьянѣвъ отъ желанія совершить грѣхъ, не знаютъ, что дѣлаютъ, не видятъ ничего—ни настоящаго, ни будущаго". *Гнѣвъ* сравнивается съ облакомъ, затемняющимъ зрѣніе: „сгущеніе облаковъ не даетъ открываться красотѣ неба, и тогда, хотя бы зрѣніе у насъ было самое острое, мы не можемъ усмотрѣть горней свѣтлости. Когда же теплота лучей (солнечныхъ), проникши сквозь облака и расторгши ихъ, покажетъ солнце: тогда выказываетъ она снова и красоту неба. Такъ бываетъ и съ нами въ минуты гнѣва: вражда, какъ густое облако, ставши у насъ передъ глазами и ушами, дѣлаетъ то, что иными кажутся намъ и голоса и лица. Но когда кто, по любомудрію, отложитъ вражду и разсѣетъ облако скорби, то и видѣть, и слышать все будетъ безпристрастно". Сравненіе для людей съ *злою дерзостью*: „не надобно, возлюбленные, входить въ состязанія съ злыми людьми: но научимся, если только это не повредитъ нашей добродѣтели, давать мѣсто ихъ злымъ навѣтамъ. Такимъ образомъ укрощается всякая дерзость. Какъ стрѣлы, попадая во что-нибудь упругое, твердое и противодѣйствующее, съ большею силою отскакиваютъ назадъ—на пустившихъ ихъ; когда же стремительность ихъ пусканія не встрѣчаетъ противодѣйствія, то скоро теряетъ силу и прекращается: такъ бываетъ и съ дерзкими людьми. Когда мы идемъ наперекоръ имъ, они еще болѣе свирѣпѣютъ; когда же уступаемъ имъ и отстаемъ отъ нихъ, тѣмъ легко укрощаемъ ихъ неистовство". Сравненіе для объясненія *различія между истиннымъ величіемъ и напускнымъ или надменностью.* „Какъ въ тѣлѣ иное—полнота и дородность, а иное—опухлость; ибо хотя въ томъ и другомъ случаѣ тѣло бываетъ тучнымъ, но одно происходитъ отъ болѣзни, другое отъ здоровья; такъ и здѣсь: иное—надменность; это тоже, что опухлость; а иное—величіе; это полнота. Или еще: положимъ, что одинъ высокъ ростомъ, а другой хотя и малъ, но взявши ходули становится высокимъ; кого изъ нихъ, скажи мнѣ, назовемъ мы высокимъ и великимъ? Не того ли, кто высокъ по природѣ? Конечно; ибо у послѣдняго высота не своя, но ставши на

ходули, онъ дѣлается изъ низкаго высокимъ. Таковы многіе изъ людей, превозносящіеся богатствомъ и славою, которые не составляютъ величія. Высокъ тотъ, кто ни въ чемъ подобномъ не имѣетъ нужды, презираетъ все (земное) и имѣетъ величіе въ самомъ себѣ. Будемъ же смиренными, дабы намъ сдѣлаться высокими; ибо *смиряяйся*, говоритъ Господь, *вознесется* (Матѳ. 23, 12). Не таковъ человѣкъ надменный; напротивъ, онъ презрѣннѣе всѣхъ и пузырь надувается, но пуста полнота его; оттого такихъ людей и называемъ надутыми. Смиренномудрый и при величіи своемъ не думаетъ о себѣ много, зная свое смиреніе, а низкій и при малости своей думаетъ о себѣ много (1-я бесѣда на 1 посл. къ Коринѳ.)". Вотъ еще пріемъ сравненія, чрезъ возведеніе мысли отъ золотаго свода въ домѣ къ своду неба. „Не пріятно ли, скажешь, строить великолѣпные домы, имѣть множество рабовъ и, покоясь на ложѣ, смотрѣть на золотой сводъ? Но это излишне и безполезно. Есть другія зданія, гораздо великолѣпнѣе и лучше этихъ. Ими нужно увеселять свои взоры,—и никто тому не воспрепятствуетъ. Хочешь-ли видѣть прекраснѣйшій сводъ? Когда настанетъ вечеръ, смотри на небо, усѣянное звѣздами. Но это, скажешь, не мой сводъ? Напротивъ, этотъ даже болѣе твой, чѣмъ тотъ. Онъ для тебя и созданъ и принадлежитъ тебѣ наравнѣ съ твоими братьями. А тотъ не твой, но твоихъ наслѣдниковъ, послѣ твоей смерти. Притомъ, этотъ (сводъ небесный) можетъ принесть величайшую пользу, потому что своею красотою возводитъ къ Создателю; а тотъ причинитъ тебѣ величайшій вредъ, сдѣлавшись въ день суда твоимъ грознымъ обвинителемъ, потому что онъ былъ облеченъ золотомъ, когда Христосъ не имѣлъ и необходимой одежды". Сравненіе *скупящагося на деньги для милостыни*: „если бы кто предложилъ тебѣ на судъ дѣла какого-нибудь человѣка и сказалъ бы, что онъ, подвергаясь смертнымъ опасностямъ и будучи въ состояніи небольшимъ количествомъ денегъ освободить себя отъ погибели, рѣшился лучше умереть, нежели потерять сколько-нибудь своего имущества, то ты, конечно, призналъ бы его недостойнымъ никакой милости или

прощенія. Такъ суди и о себѣ самомъ; ибо и мы дѣлаемъ тоже, пренебрегаемъ своимъ спасеніемъ, а дорожимъ деньгами. Какъ же ты можешь испросить милость у Бога, когда не щадишь самъ себя и предпочитаешь деньги душѣ"?

Изъ многихъ сравненій для *совѣсти* особенно замѣчательно, по назидательности, сравненіе ея со свиткомъ для записыванія расходовъ. „Есть у себя свитокъ, въ которомъ ежедневно вносишь расходы свои; равнымъ образомъ, пусть совѣсть будетъ у тебя свиткомъ, въ которомъ записывай ежедневно грѣхи свои. Когда ты ляжешь на постель свою и никто уже не мѣшаетъ тебѣ, то, прежде нежели придетъ къ тебѣ сонъ, положи предъ собою свитокъ—совѣсть свою и вспомни грѣхи свои, совершенные словомъ или дѣломъ, или помышленіемъ, ибо это внушаетъ намъ пророкъ, говоря: *гнѣвайтеся и не согрѣшайте, яже глаголете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитеся* (Пс. 4, 5). Днемъ ты не имѣлъ времени, ты занятъ былъ или тяжбою или исполненіемъ порученнаго тебѣ дѣла; тебя развлекали бесѣда съ друзьями, домашнія нужды, попеченіе о дѣтяхъ, забота о женѣ и множество другихъ дѣлъ. Но когда придешь къ ложу твоему, чтобы дать покой членамъ твоимъ, и никто уже тебя не безпокоитъ, никто не докучаетъ тебѣ, тогда скажи душѣ своей: разсмотримъ, душа моя, что мы сдѣлали добраго или худаго въ этотъ день! И если что-нибудь доброе ты сдѣлалъ, то возблагодари Бога; если же—худое, то удержись отъ сего впредь, и, воспоминая грѣхи свои, пролей слезы; ты можешь, не подымаясь съ ложа, отирать ихъ".

Изящно выражено сравненіе или сопоставленіе *народныхъ пѣсней съ псалмопѣніемъ*: „для чего требуется псалмопѣніе? Богъ, видя, что многіе изъ людей нерадивы, тяготятся чтеніемъ священныхъ Писаній и неохотно принимаютъ на себя этотъ трудъ, и желая сдѣлать этотъ трудъ вожделѣннымъ и уничтожить чувство утомленія, соединилъ съ пророчествами мелодію, чтобы всѣ, услаждаясь стройностью напѣва, съ великимъ усердіемъ возносили ему священныя пѣснопѣнія. Ибо ничто, ничто такъ не возвышаетъ и не окрыляетъ душу, не отрѣшаетъ ее отъ земли, не избавляетъ

отъ узъ тѣла, не располагаетъ любомудрствовать и презирать все житейское, какъ согласное пѣніе и стройно составленная Божественная пѣснь. Природа наша такъ услаждается пѣснями и стройными напѣвами и имѣетъ такую къ нимъ склонность, что и грудныя дѣти, когда плачутъ и бываютъ неспокойны, усыпляются ими. Кормилицы, нося ихъ на рукахъ и ходя взадъ и впередъ, напѣваютъ имъ какія-нибудь дѣтскія пѣсни и тѣмъ погружаютъ въ сонъ глаза ихъ. Часто и путешественники, въ жаркій полдень погоняя подъяремныхъ животныхъ, продолжаютъ путь съ пѣніемъ, и этими пѣснями облегчаютъ тягость путешествія. И не только путешественники, но и земледѣльцы, выжимая виноградный сокъ, собирая или очищая виноградъ, или дѣлая что-нибудь другое, часто также поютъ. И мореплаватели, работая веслами, дѣлаютъ тоже. Даже и женщины, когда прядутъ и спутавшуюся пряжу расправляютъ гребнемъ, иногда каждая порознь, а иногда всѣ вмѣстѣ поютъ какую-нибудь пѣсню. Всѣ же, и женщины и путешественники и земледѣльцы и мореплаватели дѣлаютъ это для того, чтобы пѣніемъ облегчить трудность работы, такъ какъ душа при стройной пѣсни легче можетъ переносить и скуку и трудъ. Поэтому, такъ какъ душа наша имѣетъ склонность къ этому роду наслажденія, дабы злые духи введеніемъ развратныхъ пѣсней не испортили всего, Богъ для огражденія отъ нихъ установилъ псалмы, отъ которыхъ бываетъ и удовольствіе и вмѣстѣ польза. Отъ мірскихъ пѣсней можетъ произойти вредъ, погибель и много другихъ золъ, ибо все это, что есть въ нихъ дурнаго и безнравственнаго, проникая въ душу, разслабляетъ ее и развращаетъ. Напротивъ, духовныя пѣсни доставляютъ великую пользу, великое назиданіе, великое освященіе, и служатъ руководствомъ ко всякому любомудрію; потому что и слова ихъ очищаютъ душу, и Духъ Святый скоро нисходитъ въ душу, поющую эти пѣсни. А что дѣйствительно поющіе ихъ съ разумѣніемъ призываютъ на себя благодать Духа, о томъ, послушай, какъ говоритъ Павелъ: *не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ, но исполняйтеся Духомъ;* далѣе указываетъ и способъ

исполненія Духомъ; *воспѣвающе*, говоритъ, *и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви* (Ефес. 5, 18, 19). Что значитъ въ сердцахъ вашихъ? т. е. съ разумѣніемъ, не такъ, чтобы уста произносили слова, а душа вездѣ блуждала по внѣшнимъ предметамъ, но чтобы душа внимала тому, что произноситъ языкъ".

Сравненіе *для поста* съ обличеніемъ объяденія и пьянства: „совѣтую не губите напередъ, объяденіемъ и пьянствомъ, ожидаемой отъ поста пользы. И люди съ разстроеннымъ желудкомъ, когда предъ тѣмъ, какъ надобно имъ принять горькое лекарство, наполнятъ себя излишнею пищею, и потомъ примутъ лекарство, то—горечь эту вытерпятъ, а пользы не получатъ, потому что они затруднили дѣйствіе лекарства на испорченныя мокроты. Поэтому врачи и совѣтуютъ имъ ложиться спать не ужинавши, чтобы вся сила лекарствъ тотчасъ же обратилась на излишнія мокроты, причиняющія болѣзнь. Такъ бываетъ и съ постомъ. Если ты сегодня предашься великому пьянству, а завтра примешь врачевство поста, этимъ сдѣлаешь, что оно будетъ для тебя безполезно и безплодно, и ты, хоть понесешь трудъ, но не соберешь плодовъ поста, потому что онъ всю свою силу употребитъ противъ вреда, только что причиненнаго пьянствомъ. Если же ты приготовишь для него легкое тѣло и примешь лѣкарство съ трезвой мыслью, то можешь очистить много прежнихъ грѣховъ. Итакъ не будемъ—и вступая въ постъ—упиваться, и послѣ поста опять предаваться пьянству, дабы не случилось того же, что бываетъ, когда кто ударяетъ ногою больное тѣло, только что оправляющееся отъ болѣзни, и этимъ снова повергаетъ его въ болѣе тяжкую болѣзнь. Эго бываетъ и съ нашею душею, когда мы въ обоихъ случаяхъ—и въ началѣ и въ концѣ поста, омрачаемъ облакомъ пьянства трезвость, полученную нами отъ воздержанія. Какъ готовящіеся сражаться съ дикими звѣрями сперва ограждаютъ главные члены свои многими оружіями и щитами, и затѣмъ уже вступаютъ въ борьбу съ звѣрями: такъ и теперь есть много людей, которые, готовясь сражаться съ постомъ, какъ бы съ дикимъ звѣремъ, ограждаютъ

себя объяденіемъ, и до крайности обременивъ и омрачивъ себя, весьма неразумно встрѣчаютъ тихое и кроткое лице поста. И если спрошу тебя, для чего сегодня идешь въ баню, — ты скажешь: чтобы съ чистымъ тѣломъ встрѣтить постъ. А если спрошу, отъ чего упиваешься, — ты опять скажешь: отъ того, чтобы вступить въ постъ. Но не странно ли этотъ прекраснѣйшій праздникъ встрѣчать съ чистымъ тѣломъ, а съ душею нечистою и опьянѣвшею?" Сравненіе *поста съ весною и весеннею работою*: „пріятна мореходцамъ весна, пріятна и земледѣльцамъ: но не такъ пріятна и мореходцамъ и земледѣльцамъ весна, какъ пріятно желающимъ любомудрствовать время поста, — эта духовная весна душъ, истинное умиреніе помысловъ. Земледѣльцамъ пріятна весна потому, что они видятъ, что земля тогда украшается цвѣтами и вездѣ разстилается по ней, какъ пестрая одежда, зелень травъ. Мореходцамъ пріятна весна потому, что они могутъ безопасно плыть по хребтамъ морскимъ, — волны утихли, дельфины смирно играютъ и часто прыгаютъ на самые бока корабля. А намъ пріятна весна поста потому, что она умиряетъ у насъ волненіе—не воды, но безумныхъ пожеланій, и возлагаетъ на насъ вѣнецъ—не изъ цвѣтовъ, но изъ даровъ духовныхъ: *вѣнецъ благодатей*, сказано, *пріимеши на твоемъ версѣ* (главѣ, — Притч. 1, 9). Не такъ появленіе ласточки прогоняетъ зиму, какъ появленіе поста изгоняетъ изъ нашей души зиму страстей. Уже нѣтъ брани у души съ плотью, и раба не возстаетъ на госпожу, но вся эта война тѣла кончилась. Итакъ, когда у насъ великій миръ и тишина великая, вотъ и мы повлечемъ ладью ученія, и будемъ изъ пристани въ пристань переводить кроткій слухъ вашъ. Вотъ отважимся на утонченнѣйшія размышленія, и будемъ любомудрствовать о небѣ и землѣ, и морѣ, и прочемъ составѣ природы: ибо объ этомъ читано было вамъ сегодня".

Сравненіе *церковнаго собранія съ волнующимся моремъ и нивою*: „какъ пріятны для насъ волны этого духовнаго моря, — пріятнѣе и волнъ морскихъ! Ибо тѣ воздвигаются возмущеніемъ вѣтровъ, а эти желаніемъ слышать (поученіе);

тѣ, воздымаясь, приводятъ кормчаго въ великій страхъ, а эти, появляясь, влагаютъ въ говорящаго великое дерзновеніе. Тѣ суть знакъ ярящагося моря, а эти признакъ души радостной; тѣ, ударяясь о камни, производятъ глухой шумъ, а эти, приражаясь къ слову ученія, издаютъ пріятный звукъ. Равнымъ образомъ и дуновеніе легкаго вѣтра, когда падаетъ на нивы и то́ приклоняетъ къ землѣ, то́ поднимаетъ вверхъ головки колосьевъ,—представляетъ на сушѣ подобіе морскихъ волнъ. Но и тѣхъ нивъ пріятнѣе эта нива: потому что не дуновеніе вѣтерка, а благодать Св. Духа возбудила и согрѣла души ваши". Въ связи съ такими сравненіями находятся многочисленныя сравненія для церковной проповѣди, проповѣдника и слушателей. Одно изъ обыкновеннѣйшихъ здѣсь—сравненіе съ трапезою, напр.: „теперь же предложимъ вамъ нашу трапезу, конечно, ничтожную, скудную и весьма бѣдную, съ прекрасною однакожъ приправою,—вашимъ усердіемъ къ слушанію. Трапезу дѣлаетъ самою пріятною не одна дороговизна кушаньевъ, но и алчба званныхъ: такимъ образомъ и великолѣпная трапеза является скудною, когда гости приходятъ безъ голода; и бѣдная кажется богатою, когда садятся за нее голодные. Поэтому и другой нѣкто, зная, что о дороговизвѣ трапезы судятъ не по качеству кушаньевъ, но по расположенію гостей, говоритъ вотъ какъ: *душа, въ сытости сущи, сотамъ ругается; души же нищетнѣй и горькая сладка являются* (Притч. 27. 7), не потому, чтобы перемѣнялось самое свойство предлагаемыхъ яствъ, но потому, что расположеніе гостей отнимаетъ у нихъ вкусъ. Если же горькое, отъ голода званныхъ, кажется сладкимъ, тѣмъ болѣе скудное кажется богатымъ. Потому то и мы, хоть и крайне бѣдные, подражаемъ богатымъ учредителямъ пировъ, приглашая васъ, въ каждое собраніе, къ нашей трапезѣ. А это дѣлаемъ мы, не на свое полагаясь богатство, но бывъ увѣрены въ избыткѣ вашего вниманія". Сравненіе *съ игрою на арѣ*: „не поскучайте продолжительностью предначинаемой рѣчи: нѣкоей чудной пѣсни хочу научить васъ, взявъ не мертвую лиру въ руки, но вмѣсто струнъ, на-

тянувъ словеса *Писанія и заповѣди Божіи*. И какъ арфисты, взявъ пальцы учениковъ, тихонько прикладываютъ ихъ къ струнамъ, и пріучая ударять съ искусствомъ, выучиваютъ ихъ изъ мертвыхъ тоновъ и струнъ извлекать звукъ, нѣжнѣе и пріятнѣе всякаго голоса: такъ сдѣлаемъ и мы. Взявши, вмѣсто пальцевъ, умъ вашъ, и прикладывая его къ заповѣдямъ Божіимъ, попросимъ любовь вашу касаться ихъ съ умѣньемъ, чтобы этимъ увеселеніемъ восторгнуть вамъ не собраніе людей, но ликъ Ангеловъ. Не довольно того, чтобы только прослѣдить Божественныя слова; нѣтъ, требуется еще доказательство отъ дѣлъ. Какъ на арфѣ, конечно, ударяетъ по струнамъ игрокъ искусный, ударяетъ и неискусный, но одинъ наводитъ на слушателя скуку, другой увеселяетъ и восхищаетъ его; пальцы одинаковы и струны однѣ, да не одно искусство; такъ и въ отношеніи къ Божественному писанію,—многіе, конечно, узнаютъ Божіи слова, но не всѣ получаютъ пользу, не всѣ приносять плодъ; причина та, что они не углубляются въ сказанное, и безъ искусства касаются арфы. Ибо, что въ игрѣ на арфѣ искусство, то въ отношеніи къ Божіимъ законамъ доказательство отъ дѣлъ". Сравненіе *съ бродячими дѣтьми тѣхъ, которые не приходятъ въ церковныя собранія и на проповѣдь*: „что сказать намъ о тѣхъ, которые не только не слушаютъ, но и не хотятъ войти въ это святилище,—о тѣхъ, которые блуждаютъ внѣ этого священнаго стада, находятся вдали отъ этого матерняго дома, на распутіяхъ и переулкахъ, какъ безпорядочныя и лѣнивыя дѣти? И эти, оставляя отцовскій домъ, бродятъ кое-гдѣ внѣ, и цѣлые дни проводятъ въ дѣтскихъ играхъ; отъ этого такія дѣти часто теряютъ и свободу, и жизнь. Ибо попадаются въ руки похитителей и воровъ, и часто, въ наказаніе за вольность, подвергаются смерти: потому что тѣ, взявши ихъ, и снявъ (съ нихъ) золотыя украшенія, или утопляютъ ихъ въ волнахъ рѣчныхъ, или, если захотятъ поступить съ ними нѣсколько человѣколюбивѣе, отводятъ ихъ въ чужую землю и лишаютъ свободы. Это-же бываетъ и съ этими. И они, какъ уклонятся отъ отчаго дома и пребыванія здѣсь, попадаются въ уста еретиковъ и

ня языки враговъ истины; а эти, схвативъ ихъ, какъ похитители, и отнявъ у нихъ златое украшеніе вѣры, тотчасъ убиваютъ ихъ, не бросая въ рѣку, но погружая въ мутные догматы злочестія". Сравненіе для тѣхъ, которые, *возвращаясь изъ церкви домой, приносять въ душѣ воспринятыя добрыя мысли и чувства*: „со многими бываетъ, что уходя съ луга, они берутъ розу, или фіалку, или какой-либо другой цвѣтокъ, и несутъ въ рукахъ; другіе, выходя домой изъ сада, уносятъ съ собою древесныя вѣтви съ плодами: иные, опять, съ богатыхъ обѣдовъ приносятъ своимъ роднымъ остатки отъ стола. Такъ и ты, уходя отсюда, отнеси наставленіе къ женѣ, дѣтямъ и всѣмъ роднымъ. Это наставленіе полезнѣе и луга, и сада, и стола; эти розы никогда не увядаютъ, эти плоды никогда не высыхаютъ, эти яства никогда не портятся. Отъ тѣхъ временное удовольствіе, а отъ этихъ всегдашняя польза, не только послѣ исполненія, но и при самомъ исполненіи совѣта".

Принадлежности храма и черты храмоваго богослуженія также нерѣдко берутся Златоустомъ для назидательныхъ сравненій и приспособленій. Было тогда въ обычаѣ, что у входа въ церковь въ притворѣ стояли *сосуды съ водою*, гдѣ входящіе умывали руки, особенно когда готовились *принять св. причащеніе*, дававшееся тогда въ руки всѣмъ, какъ теперь священникамъ. На этихъ *сосудахъ и умовеніе рукъ* Златоустъ часто строитъ свои назидательныя сравненія. Въ бесѣдѣ 3-й о покаяніи онъ выражается: „какъ предъ дверьми церковными стоятъ сосуды, наполненные водою, чтобы ты мылъ руки; такъ внѣ церкви сидятъ и бѣдные, чтобы ты омывалъ руки души. Омылъ ты чувственныя руки водою? Омой руки души милостынею". Въ бесѣдѣ 73-й на Евангеліе отъ Іоанна онъ поучаетъ: „Вѣдь мы же умываемъ руки, когда входимъ въ церковь: зачѣмъ же не омываемъ сердце? Развѣ руки издаютъ голосъ? Душа произноситъ слова; на нее взираетъ Богъ; и когда она не чиста, ни къ чему не служитъ чистота тѣлесная. Въ самомъ дѣлѣ, что пользы, если ты наружныя руки умываешь, а внутреннія оставляешь въ нечистотѣ? Вотъ то-то и худо, и

оттого все идетъ у насъ превратно, что мы, крайне заботясь о маломъ, пренебрегаемъ великимъ. Молиться съ неумытыми руками—дѣло безразличное; а молиться съ нечистою душою, это—величайшее изъ всѣхъ золъ. Послушай, что сказано іудеямъ, которые обращали особенное вниманіе на наружную нечистоту: „*омый отъ лукавства сердце твое: доколѣ будутъ въ тебѣ помышленія бѣдъ твоихъ*“ (Іер. 4, 14). Омоемъ же себя и мы, но не грязью, а водою чистою,—милостынею, а не лихоимствомъ“. Вотъ еще наставленіе, построенное на приспособленіи къ тогдашнему обычаю при чтеніи Библіи. Въ бесѣдѣ 53-й на Евангеліе отъ Іоанна онъ говоритъ: „Вѣдь мы тотчасъ же поправляемъ на себѣ одежду и умываемъ руки, какъ только хотимъ взять Библію. Видишь ли, какое благоговѣніе еще прежде чтенія? Если же мы со вниманіемъ и читать будемъ, то пріобрѣтемъ великую пользу. Въ самомъ дѣлѣ, если бы (это чтеніе) не приводило душу въ благоговѣніе, мы не стали бы умывать рукъ; сверхъ того, жена, если она непокрыта, тотчасъ надѣваетъ покрывало, представляя этимъ свидѣтельство своего внутренняго благоговѣнія; а мужъ, если голова его покрыта—обнажаетъ ее. Видишь-ли, какъ внѣшній видъ бываетъ провозвѣстникомъ внутренняго благоговѣнія? Потомъ и сѣвши слушать, человѣкъ часто вздыхаетъ и осуждаетъ свою настоящую жизнь. Итакъ, будемъ внимать Писаніямъ, возлюбленные! И если не другое что, то, по крайней мѣрѣ, Евангеліе да будетъ для насъ предметомъ особеннаго вниманія, да будетъ всегда въ нашихъ рукахъ“. Въ церкви были *лампады*. Однажды, когда, во время проповѣди Златоуста, слуга церковный сталъ зажигать лампады, слушатели обратили взоры отъ проповѣдника на зажигающаго лампады и загладѣлись на него. Златоустъ, кротко обличивъ эту разсѣянность, воспользоаался предметомъ для назидательнаго сравненія. „Мы говоримъ вамъ о Писаніи, а вы, отведши глаза отъ насъ, устремили ихъ на лампады и на возжигающаго лампады. Какая это небрежность—оставивъ насъ, смотрѣть на этого человѣка! И я возжигаю огонь отъ Писанія, и на языкѣ нашемъ горитъ свѣтильникъ ученія.

этотъ свѣтъ важнѣе и лучше того свѣта: мы зажигаемъ не свѣтильню, увлаженную масломъ, какъ этотъ (человѣкъ), но воспламеняемъ любовію къ слушанію (поученія) души, увлажаемыя благочестіемъ. Бесѣдовалъ нѣкогда и Павелъ въ одной *горницѣ* (Дѣян. 20, 7—9). Только никто не думай, будто я равняю себя съ Павломъ; я не дошелъ до такого безумія: но (это сказалъ я), чтобы вы знали, какое должно показывать усердіе къ слушанію. Такъ, Павелъ бесѣдовалъ въ горницѣ, и наступилъ вечеръ, какъ и теперь, и въ горницѣ (зажжены) были лампады. Потомъ Евтихъ упалъ съ окна, и это паденіе не разстроило собранія, смерть (юноши) не подняла сидѣвшихъ тутъ; нѣтъ, они были такъ прикованы къ слушанію слова Божія, что и не почувствовали этого паденія. А вы, не видя ничего новаго и необычайнаго, кромѣ человѣка, который дѣлаетъ обычное дѣло, на него устремили взоры свои. Какъ же можно это извинить? Итакъ никто изъ васъ, возлюбленные, не считай сего обличенія тяжкимъ: мы обличаемъ не по ненависти, но по желанію вамъ добра (Бесѣда 4-я на книгу Бытія)".—*Разныя выраженія литургійныхъ молитвъ* приспособляются Златоустомъ для многоразличныхъ наставленій. Таковы напр. молитвы объ оглашенныхъ, которыя выпишемъ здѣсь (изъ бесѣды 2-й на II посланіе къ Коринѳянамъ), впрочемъ, безъ приспособленныхъ къ нимъ объясненій и наставленій, а только для напоминанія о видѣ этихъ молитвъ во время Златоуста въ Антіохійской церкви. „Дьяконъ говоритъ: станемъ добрѣ, объ оглашенныхъ усердно помолимся: да всемилостивый и всещедрый Богъ услышитъ моленіе ихъ; да отверзетъ уши сердецъ ихъ и утвердитъ вѣру свою въ сердцахъ ихъ; да откроетъ имъ Евангеліе правды; да дастъ имъ умъ божественный, помыслъ цѣломудренный и добродѣтельное жительство,—всегда Божіе мыслити, Божіе мудрствовати и объ угожденіи Ему пещися, въ законѣ Его день и ночь пребывати. Еще прилежнѣе помолимся о нихъ, да избавитъ ихъ отъ всякаго злого и несовмѣстнаго дѣла, отъ всякаго грѣха дьявольскаго, отъ всякаго нападенія противника; да сподобитъ ихъ во время благопотребно *бани паки бытія* и оставленія

грѣховъ; да благословитъ входы и исходы ихъ, все житіе ихъ, домы ихъ и живущихъ въ нихъ; да умножитъ чада ихъ, благословитъ и, приведя въ мѣру возраста, умудритъ ихъ; да направитъ все предлагаемое на пользу имъ. Ангела мирна просите, оглашенніи; настоящаго дня мирна и вся дни жизни вашея просите; христіанскія вашея кончины, а наипаче всего добраго и полезнаго. Сами себѣ живому Богу и Христу Его предадите". Въ бесѣдѣ 18-ой на II посланіе къ Корине. литургійныя моленія, возглашенія и обряды берутся въ приспособленіе къ наставленіямъ о значеніи церкви, какъ единаго тѣла, обнимающаго собою и священнослужителей и народъ. „Велика сила собора, или церквей. Посмотри, какую силу имѣлъ соборъ. Молитва церкви освободила Петра отъ узъ, отверзла уста Павлу. Приговоръ собораваженъ; онъ возводитъ на духовныя степени приступающихъ къ нимъ. Посему-то готовящійся рукополагать другихъ испрашиваетъ при семъ молитвъ собора,—и онъ подаетъ свой голосъ и возглашаетъ извѣстное освященнымъ; ибо не все можно открывать неосвященнымъ. Но есть случаи, въ которыхъ священникъ не отличается отъ подначальнаго, напр., когда должно причащаться страшныхъ Таинъ. Ибо всѣ одинаково удостоиваемся ихъ; не такъ, какъ въ ветхомъ завѣтѣ,—иное вкушалъ священникъ, иное народъ; тамъ не позволено было народу пріобщаться того, чего пріобщился священникъ. Нынѣ не такъ, но всѣмъ предлагается единое тѣло и единая чаша. И въ молитвахъ, какъ всякій можетъ видѣть, много содѣйствуетъ народъ. Ибо и о бѣсноватыхъ и о кающихся совершаются общія молитвы священникомъ и народомъ и всѣ читаютъ одну молитву, молитву—исполненную чувствомъ милосердія. Равнымъ образомъ, когда изгоняемъ изъ священной ограды недостойныхъ участвовать въ святой трапезѣ, нужна бываетъ другая молитва,—и мы всѣ вмѣстѣ повергаемся на землю, и всѣ вмѣстѣ встаемъ. Когда опять наступаетъ время преподанія и взаимнаго принятія мира: всѣ равно другъ друга лобзаемъ. При самомъ также совершеніи страшныхъ Таинъ священникъ молится за народъ, а народъ молится за священника. Ибо это, а не

иное что, значатъ слова: *со духомъ твоимъ.* И молитвы благодаренія также суть общія. Ибо не одинъ священникъ приноситъ благодареніе, но и весь народъ. Ибо, получивъ сперва отвѣтъ отъ народа и потомъ согласіе, что достойно и праведно совершаемое, начинаетъ священникъ благодареніе. И что удивительно, если вмѣстѣ съ священникомъ взываетъ и народъ, когда онъ возноситъ оныя священныя пѣсни совокупно съ самими херувимами и горними силами? Все же это сказано мною для того, чтобы каждый и изъ подначальныхъ трезвился, чтобы мы знали, что всѣ мы— едино тѣло и столько же различаемся одинъ отъ другаго, сколько членъ отъ члена; и чтобы мы не все возлагали на однихъ священниковъ, но и сами пеклись о всей церкви, какъ о тѣлѣ, всѣмъ намъ общемъ..... Здѣсь (въ церкви) не имѣютъ мѣста ни высокомѣріе начальствующихъ, ни раболѣпство подчиненныхъ; но есть власть духовная, которая почитаетъ для себя пріобрѣтеніемъ принимать бо́льшие труды изъ заботливости о васъ и не искать большихъ почестей. Ибо въ церкви должно жить, какъ въ одно́мъ домѣ; какъ составляющіе одно тѣло, здѣсь всѣ должны быть расположены другъ къ другу. Ибо и крещеніе одно, и трапеза одна, и источникъ одинъ, одно твореніе и отецъ одинъ". Наконецъ, святѣйшее *таинство евхаристіи* настраиваетъ Златоуста къ обильнѣйшему подбору образовъ и сравненій въ объясненіе значенія сего таинства. Такъ напр. въ бесѣдѣ 46-ой на Евангеліе отъ Іоанна онъ поучаетъ: „страшны поистинѣ таинства церкви, страшенъ поистинѣ жертвенникъ. Изъ рая выходилъ источникъ, изливавшій чувственныя рѣки; отъ этой же трапезы происходитъ источникъ, изводящій рѣки духовныя. При этомъ источникѣ насаждены не ивы безплодныя, но дерева, достигающія до самаго неба и приносящія плодъ всегда спѣлый и никогда не увядающій. Если кто томится отъ зноя,—пусть идетъ къ этому источнику и прохладитъ свой жаръ: ибо этотъ источникъ уничтожаетъ засуху и освѣжаетъ все попаленное,—попаленное не солнцемъ, а раскаленными стрѣлами (дьявола). Его начало свыше, и истокъ его тамъ же, и оттуда онъ напаяется. У этого источника много

потоковъ, которые изводитъ Утѣшитель, а посредникомъ при этомъ бываетъ Сынъ, не заступомъ пролагая имъ дорогу, но отверзая въ насъ расположеніе (къ принятію ихъ). Этотъ источникъ—не источникъ свѣта, но изливающій лучи истины. Къ нему стекаются и горнія силы, чтобы созерцать красоту его потоковъ: потому что они яснѣе видятъ и силу предлежащихъ даровъ и неприступное сіяніе ихъ. Еслибъ возможно было, чтобы кто-нибудь вложилъ свою руку или языкъ въ расплавленное золото,—они тотчасъ озолотились бы. Точно такое же и еще гораздо большее дѣйствіе производятъ и здѣсь на душу предлежащія тайны. Сильнѣе огня кипитъ и стремится рѣка сія, но не сожигаетъ, а только очищаетъ все, чего касается. Эта кровь древле была прообразована на жертвенникахъ, въ закланіяхъ, опредѣленныхъ закономъ. Она—цѣна вселенной; ею Христосъ купилъ церковь; ею Онъ всю ее украсилъ. Какъ тотъ, кто покупаетъ слугъ, даетъ за нихъ золото, и потомъ, желая ихъ украсить, украшаетъ золотомъ: такъ и Христосъ и купилъ насъ кровію и украсилъ кровію. Пріобщающіеся этой крови стоятъ вмѣстѣ съ ангелами, архангелами и прочими горними силами, облеченные въ царскую одежду Христову и имѣя духовное оружіе. Но этимъ я еще не сказалъ ничего великаго: они бываютъ облечены въ самого Царя".

Къ свойствамъ и пріемамъ проповѣдническаго слова Златоуста принадлежатъ *обличенія, частыя и сильныя у него*. Эта сторона проповѣдническаго слова его также представляетъ нѣкоторыя характеристическія черты по предметамъ, на которые обращены его обличенія и по пріемамъ самыхъ обличеній. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательны особенно живость и выразительность описанія подпадающихъ обличеніямъ явленій въ жизни современнаго общества, библейская прямота въ выставленіи предъ слушателями ихъ недостатковъ и пороковъ, дурныхъ нравовъ и обычаевъ, пророческая строгость рѣчи о нихъ, умѣряемая впрочемъ выраженіями любви, кротости, сожалѣнія. Для примѣра представимъ нѣсколько образцовъ обличеній въ словахъ и бесѣдахъ Златоуста.

Обличенія на страсть къ зрѣлищамъ. Антіохійскіе греки были весьма пристрастны къ зрѣлищамъ, каковы: конскія ристалища, бои силачей, пляски мужчинъ и женщинъ, соединяющіяся съ пѣснями и. т. под. Златоустъ, нѣкогда въ молодости и самъ увлекавшійся театромъ, хорошо зналъ, что тамъ бывало. Теперь негодованіе его противъ зрѣлищъ возбуждалось особенно тѣмъ, что это были остатки *языческихъ* зрѣлищъ, да и устроялись они, какъ видно, преимущественно язычниками, еще многочисленными въ Антіохіи, да и вообще въ тогдашней имперіи; что эти зрѣлища отвлекали народъ отъ церковныхъ собраній, тѣмъ болѣе, что устроялись иногда въ дни христіанскихъ праздниковъ и постовъ, что наконецъ зрѣлища эти представляли много соблазна, особенно для молодежи. Обличенія на страсть къ зрѣлищамъ начинаются съ первыхъ годовъ его проповѣдничества. Въ поясненіе этого ограничимся указаніемъ на одну (14) изъ его бесѣдъ о статуяхъ [1]), говоренныхъ постомъ 387 г., въ которой самъ онъ даетъ знать, что уже много разъ говорилъ о зрѣлищахъ. „Сколько потратили мы словъ, увѣщевая многихъ изъ безпечныхъ и уговаривая оставить зрѣлища и происходящія отъ нихъ непотребства? и они не оставляли, но постоянно до сего дня сходились на беззаконныя позорища плясуновъ, и дьявольское сборище поставили противъ собранія Церкви Божіей, и на здѣшнія псалмопѣнія раздавались тамошніе крики, несшіеся съ великою силою. Но вотъ нынѣ, когда мы молчимъ и ничего не говоримъ объ этомъ, они сами закрыли мѣсто пляски, и конское ристалище сдѣлалось пусто. Передъ этимъ, многіе изъ нашихъ уходили къ нимъ, а нынѣ всѣ оттуда устремились въ церковь и воспѣваютъ нашего Бога. Видишь, какая польза произошла отъ страха“. Страхъ этотъ—страхъ казней, грозившихъ городу за низверженіе царскихъ статуй. Но и этотъ страхъ только на время унялъ у Антіохійцевъ страсть къ зрѣлищамъ, которая опять возродилась и вообще не унималась. Понятно, что это огорчала проповѣдника и онъ

[1]) Сокращеннымъ выраженіемъ „бесѣды о статуяхъ“ обыкновенно замѣняется выраженіе: бесѣды по случаю низверженія царскихъ статуй.

продолжаетъ обличенія. Въ 4-й бесѣдѣ объ Аннѣ, сѣтуя на то, что хотя церковныя собранія бываютъ разъ въ недѣлю, но многіе опускаютъ ихъ, ссылаясь на недостатокъ времени, проповѣдникъ показываетъ, что подобныя ссылки и извиненія несправедливы. „Обличитъ представляющихъ такія извиненія послѣзавтрашній день, когда весь городъ переселится въ циркъ, когда и домы и площади опустѣютъ изъ-за преступнаго зрѣлища. Здѣсь, видите, и главная часть храма не наполнена (народомъ), а тамъ занимаютъ не только циркъ, но и горницы, и самыя комнаты, и кровли, и верхи домовъ, и множество другихъ возвышенныхъ мѣстъ. Ни бѣдность, ни недосугъ, ни слабость тѣлесная, ни боль въ ногахъ, и ничто подобное не удерживаетъ необузданной этой страсти. Старики бѣгутъ туда быстрѣе цвѣтущихъ юношей, и стыдятъ свои сѣдины, опозориваютъ возрастъ, подвергаютъ осмѣянію самую старость. Какъ придутъ они сюда, то, какъ бы чувствуя тошноту, жалуются на безпокойство и тяготятся слушаніемъ слова Божія, ссылаясь на тѣсноту, жаръ и тому подобное: а тамъ, и стоя на солнцѣ съ открытою головою, и не смотря на то, что ихъ попираютъ ногами, толкаютъ, наносятъ имъ сильные удары и другія безчисленныя непріятности, они бываютъ веселы, какъ бы на лугу! Оттого-то у насъ города и развратились, что худы наставники юношества. Ибо какъ можешь ты образумить безпорядочнаго и развратнаго юношу, когда самъ въ старости поступаешь такъ легкомысленно; когда самъ, послѣ столь долгаго времени, не насытился еще этимъ отвратительнѣйшимъ зрѣлищемъ? Какъ можешь привести въ порядокъ сына, какъ наказывать провинившагося раба, какъ вразумить другаго, небрегущаго о своихъ обязанностяхъ, когда самъ ты въ глубокой старости ведешь себя такъ неблагопристойно?“ Въ 6-ой бесѣдѣ о покаяніи онъ изобличаетъ посѣщающихъ зрѣлища во время поста: „вотъ и трудъ поста, и никакой награды за постъ, когда ходимъ на зрѣлища беззаконія. Не къ вамъ (мое) слово: знаю, что вы чисты отъ вины, но опечаленные имѣютъ обычай изливать гнѣвъ на присутствующихъ, когда нѣтъ при нихъ виновниковъ (*ихъ печали*). Какая выгода

постящимся ходить на зрѣлища беззаконія, посѣщать общее училище безстыдства, публичную школу невоздержанія, возсѣдать на сѣдалищѣ пагубы? Ибо не погрѣшитъ тотъ, кто сцену, это пагубнѣйшее мѣсто, полное всякаго рода болѣзней, эту вавилонскую печь, назоветъ и сѣдалищемъ пагубы и школою распутства и училищемъ невоздержанія и всѣмъ, что ни есть постыднѣйшаго. Дѣйствительно, діаволъ, ввергнувъ городъ въ театръ, какъ бы въ какую печь, затѣмъ поджигаетъ снизу, подкладывая не хворостъ, какъ нѣкогда иноплеменникъ тотъ, не нефть, не паклю, не смолу, а, что гораздо хуже этого, любодѣйные взгляды, срамныя слова, развратныя стихотворенія и самыя негодныя пѣсни. Ту печь разожгли руки иноплеменническія, а эту разжигаютъ помыслы, неразумнѣйшіе иноплеменниковъ. Эта печь хуже той, потому что и огонь (здѣсь) пагубнѣе: онъ не тѣла сожигаетъ, но разрушаетъ благосостояніе души; а еще хуже то, что горящіе (въ этомъ огнѣ) даже и не чувствуютъ этого; ибо, если бы чувствовали, то не производили бы громкаго смѣха при видѣ того, что происходитъ. А это-то и хуже всего, когда больной не знаетъ даже и того, что онъ боленъ, и горя жалкимъ и бѣдственнымъ образомъ, не чувствуетъ воспаленій. Какая польза въ постѣ, когда тѣло ты лишаешь дозволенной закономъ пищи, а душѣ даешь пищу противозаконную? когда цѣлые дни просиживаешь тамъ (въ театрѣ), смотря на посрамленіе и униженіе общей (человѣческой) природы, на женъ-блудницъ, на лицедѣевъ, которые, собирая все, что есть худаго въ каждомъ домѣ, представляютъ зрѣлища любодѣянія? Да, тамъ можно видѣть и блудодѣянія и прелюбодѣянія, можно слышать и богохульныя рѣчи, такъ что болѣзнь проникаетъ въ душу и чрезъ глаза и чрезъ слухъ; (тамъ лицедѣи) представляютъ чужія несчастія, отъ чего дано имъ и позорное имя лицедѣевъ. Итакъ, какая прибыль отъ поста, когда душа питается всѣмъ этимъ? Какими глазами посмотришь ты на жену послѣ тѣхъ зрѣлищъ? какъ взглянешь на сына, какъ на слугу, какъ на друга? Надобно или быть безстыднымъ, разсказывая о томъ, что бываетъ тамъ, или молчать, краснѣя отъ стыда. Но отсюда уходишь не такимъ; нѣтъ, ты можешь смѣло пересказывать дома все, что здѣсь говорится,—вѣщанія пророческія, ученія апостольскія, законы Господни,—можешь предлагать всю

трапезу добродѣтели; а такимъ повѣствованіемъ жену ты сдѣлаешь болѣе цѣломудренною, сына болѣе разумнымъ, слугу болѣе преданнымъ, друга болѣе искреннимъ, да и самаго врага заставишь прекратить вражду. Видишь, какъ эти наставленія во всемъ спасительны, а тѣ представленія совершенно непотребны. Но какъ страсть къ зрѣлищамъ не унималась, то обличенія усиливались. Вотъ образецъ обличенія въ 3 бесѣдѣ о Давидѣ и Саулѣ. Многіе, думаю, изъ тѣхъ, которые недавно оставили насъ и ушли на зрѣлища беззаконія, сегодня находятся здѣсь. И хотѣлъ бы я знать ихъ вѣрно, дабы изгнать изъ священнаго притвора, не съ тѣмъ, чтобы они навсегда остались внѣ его, но чтобы исправились, и потомъ вошли сюда снова. Такъ часто и отцы выгоняютъ дурныхъ дѣтей изъ дому и удаляютъ отъ стола, не съ тѣмъ, чтобы они навсегда лишились этихъ (дома и стола отцовскаго), но чтобы, сдѣлавшись лучшими отъ этого вразумленія, возвратились подъ родительскій кровъ съ подобающею честью. Такъ дѣлаютъ и пастухи: отдѣляютъ овецъ, покрытыхъ коростою, отъ здоровыхъ, чтобы онѣ, освободившись отъ злокачественной болѣзни, безопасно могли возвратиться къ здоровымъ, и чтобы (напротивъ) больныя не сообщили всему стаду той же болѣзни. Для этого же и намъ хотѣлось бы знать тѣхъ; но если и не можемъ мы распознать ихъ чувственными глазами, то слово, конечно, узнаетъ ихъ и, коснувшись ихъ совѣсти, легко убѣдитъ ихъ добровольно выдти (изъ церкви), внушая имъ, что внутри (ея) находится только тотъ, кто имѣетъ расположеніе духа, достойное пребыванія здѣсь; а тотъ, напротивъ, кто приходитъ въ это священное собраніе съ развращенными нравами, хоть и входитъ сюда тѣломъ, изверженъ (отсюда) и удаленъ гораздо больше, нежели стоящіе за дверьми и еще не могущіе быть причастниками священной трапезы. Тѣ, изверженные и остающіеся внѣ (церкви), по заповѣди Божіей, еще имѣютъ благія надежды; потому что, если захотятъ исправиться отъ грѣховъ, за которые изгнаны изъ церкви, могутъ съ чистою совѣстью опять войти. Но осквернившіе себя и, не смотря на запрещеніе входить сюда, пока не очистятся отъ скверны

грѣховной, безстыдно приходящіе (въ церковь) усиливаютъ свою болѣзнь и растравляютъ рану. Преступно не столько дѣланіе грѣха, сколько безстыдство послѣ грѣха и неповиновеніе священникамъ, которые налагаютъ подобныя запрещенія. Но что за важный грѣхъ, скажешь, сдѣлали эти люди, чтобы за него изгнать ихъ изъ этой священной ограды? А какой другой еще надобенъ тебѣ грѣхъ, больше грѣха этихъ людей, когда они, сдѣлавъ себя совершенными прелюбодѣями, безстыдно, какъ бѣшеные псы, устремляются къ этой священной трапезѣ? И если хочешь ты узнать и самый способъ прелюбодѣянія, то скажу тебѣ слово, не мое, но самого того, кто будетъ судить всю нашу жизнь. *Всякъ*, говоритъ Онъ, *иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. 5, 28). Если случайно встрѣтившаяся на площади и одѣтая, какъ попало, женщина своимъ видомъ можетъ иногда уловить человѣка, который изъ любопытства посмотритъ на нее: то какъ могутъ сказать о себѣ, что смотрѣли не съ похотствованіемъ тѣ, которые входятъ туда (въ театры) не просто и не случайно, но для этого именно и съ такимъ рвеніемъ, что небрегутъ и о церкви, проводятъ цѣлые дни, пригвоздившись глазами къ безчестнымъ тѣмъ женщинамъ, (проводятъ тамъ), гдѣ развратныя рѣчи, блудныя пѣсни, любострастный голосъ, подкрашенныя брови, нарумяненныя щеки, наряды, подобранные съ особеннымъ искусствомъ, поступь, исполненная очарованья, и множество приготовлено другихъ приманокъ для обольщенія и увлеченія зрителей;—гдѣ и душа зрителя въ безпечности и великой разсѣянности, гдѣ и самое мѣсто возбуждаетъ къ любострастью; гдѣ мелодія предшествующихъ и послѣдующихъ пѣсней, выигрываемыхъ на трубахъ, свирѣляхъ и другихъ подобныхъ инструментахъ, очаровываетъ и разслабляетъ силу ума, подготовляетъ души находящихся тамъ къ обольщеніямъ блудницы и дѣлаетъ ихъ легкоуловимыми. Если похоть часто, какъ какой-нибудь хитрый разбойникъ, тайно входитъ (въ человѣка) и здѣсь, гдѣ псалмы, и молитвы, и слышаніе божественныхъ словъ, и страхъ Божій, и великое благоговѣніе: то какъ могутъ быть выше этой злой похоти

тѣ, которые сидатъ въ театрѣ, и ничего здраваго не видятъ и не слышатъ, напротивъ, (и внутри) исполнены гнусности и разврата, и (отвнѣ) терпятъ пораженіе чрезъ всѣ (чувства), и чрезъ слухъ, и чрезъ зрѣніе? Если же они этого не могутъ: то какъ могутъ когда-либо освободиться отъ вины прелюбодѣянія? А несвободные отъ вины прелюбодѣянія какъ могутъ они, безъ покаянія, вступить въ этотъ священный притворъ и участвовать въ этомъ прекрасномъ собраніи? Поэтому увѣщаваю и прошу ихъ напередъ очиститься исповѣдью, и покаяніемъ, и всѣми другими способами, отъ грѣха, сдѣланнаго ими на зрѣлищѣ, и тогда уже слушать божественныя слова". Въ виду упорства страсти къ зрѣлищамъ обличенія Златоуста принимали иногда грозный тонъ. Въ 1 бесѣдѣ на Евангеліе отъ Іоанна, возбуждая вниманіе слушателей къ небесному благовѣстнику, Евангеліе котораго предпринялъ объяснять, Златоустъ начинаетъ описаніемъ того вниманія, какое оказываетъ народъ къ прибывшему вновь лицедѣю, музыканту и проч. Зрители подвиговъ тѣлесной борьбы, какъ скоро узнаютъ, что пришелъ откуда-нибудь мужественный и уже увѣнчаный борецъ, всѣ стекаются, чтобы видѣть его ратоборство, искусство, силу. Тогда видишь, какъ на зрѣлищѣ, наполненномъ безчисленнымъ множествомъ народа, всѣ направляютъ чувственные и мысленные взоры, чтобы ничего тутъ не оставить безъ вниманія. Если потомъ прибудетъ какой-нибудь замѣчательный музыкантъ, то опять тѣже самые люди наполняютъ зрѣлище, и, оставивъ все, что̀ было у нихъ въ рукахъ, иногда даже нужное какое-нибудь и настоятельное дѣло, сидятъ на возвышеніи, и съ большимъ вниманіемъ слушаютъ пѣніе и музыку, испытывая ихъ благозвучіе. Такъ обыкновенно дѣлаетъ простой народъ. А свѣдущіе въ словесныхъ наукахъ тоже самое дѣлаютъ въ отношеніи къ софистамъ. Ибо и у этихъ есть свои зрѣлища и слушатели, рукоплесканія и приговоры, и строгія испытанія рѣчей. Итакъ если зрители бойцовъ, зрители и вмѣстѣ слушатели риторовъ и музыкантовъ сидятъ на зрѣлищѣ съ такимъ вниманіемъ: то сколько усердія и вниманія по справедливости должны вы оказывать, когда не пѣвецъ какой-нибудь

и не софистъ выходитъ на подвигъ, но когда вѣщаетъ мужъ съ небесъ, и издаетъ гласъ сильнѣе грома?" Превосходно изобразивъ черты св. благовѣстника и его ученія, проповѣдникъ, переходя къ назиданіямъ, приглашаетъ слушателей посѣщать церковныя собранія, чтобы внимать предстоящему ученію, а при этомъ предостерегаетъ и изобличаетъ тѣхъ, которые, послушавъ въ церкви, идутъ затѣмъ слушать въ театръ. Ты стоялъ здѣсь, слушая Іоанна и чрезъ него внимая ученію Духа, и послѣ этого идешь слушать блудныхъ женщинъ, произносящихъ рѣчи постыдныя, а еще постыднѣйшія дѣла представляющихъ на зрѣлищѣ, также изнѣженныхъ юношей, которые взаимно другъ друга бьютъ и бьются. Какъ же ты можешь вполнѣ очиститься, оскверняемый такою грязью? Но для чего изображать по частямъ весь срамъ, какой тамъ бываетъ? Все тамъ—смѣхъ, все—стыдъ; тамъ ругательство, насмѣшки, выходки; все развратъ, все пагуба. Вотъ я напередъ объ этомъ говорю и объявляю всѣмъ вамъ. Никто изъ наслаждающихся здѣшнею трапезою да не растлѣваетъ души своей тѣми пагубными зрѣлищами. Къ намъ пришелъ посланникъ съ неба, посланный отъ самого Бога для того, чтобы сказать намъ о нѣкоторыхъ необходимыхъ предметахъ. А вы, оставивъ слушать то, что онъ хочетъ намъ передать и для чего уполномоченъ къ намъ, сидите, слушая лицедѣевъ. Какихъ достойно это молвій, какихъ громовъ!".

Повидимому Златоусту не удалось осилить въ Антіохійцахъ страсть къ зрѣлищамъ, ибо обличенія на нее слышатся во все время проповѣдничества его въ Антіохіи. Такъ напр. въ первой изъ бесѣдъ о перемѣнѣ именъ, произнесенныхъ, какъ вообще полагаютъ, уже въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ его антіохійскаго пресвитерства (395 или 396-й), проповѣдникъ выражается съ горечью: „можно-ли стерпѣть? Собраніе у насъ каждый день становится меньше. Городъ полонъ людей, а церковь пуста; площадь, театры и портикъ полны, а домъ Божій пустъ. А лучше, если сказать правду, городъ пустъ, а церковь полна людей. Людьми называть должно не тѣхъ, которые на площади, а васъ, которые въ церкви, не тѣхъ безпечныхъ, а васъ усердныхъ; не тѣхъ,

которые пристрастились къ житейскому, и васъ, которые житейскому предпочитаете духовное".

Предметомъ обличеній были также *остатки языческихъ игрищъ*, каковы напр. сатурналіи, соединяющіяся съ пьянымъ разгуломъ. Начиная свои бесѣды о Лазарѣ на другой день послѣ январскихъ календъ, совпадавшихъ съ языческимъ праздникомъ сатурналій, Златоустъ выражается: „вчерашній день, бывшій сатанинскимъ праздникомъ, вы сдѣлали праздникомъ духовнымъ, принявъ слова наши съ великою благосклонностью, и большую часть дня проведши здѣсь, упившись упоеніемъ, исполненнымъ трезвости, и ликовавши вмѣстѣ съ Павломъ. Такимъ образомъ вы получили двойную пользу, потому что и уклонились отъ безчинной пляски пьяныхъ, и совершили скаканія духовныя, сопровождаемыя великимъ благочиніемъ: вы пили изъ чаши,—не изъ той, изъ которой льется цѣльное вино, но изъ той, которая исполнена духовнаго ученія, вы сдѣлались трубою и киѳарою для Святаго Духа, и между тѣмъ, какъ другіе ликовали діаволу, вы, чрезъ пребываніе здѣсь устроивъ себя органами и сосудами духовными, дали Духу ударить въ ваши души и вдохнуть благодать свою въ ваши сердца: оттого вы и издали стройную пѣснь, услаждающую не только людей, но и горнія Силы. Такъ вотъ, и сегодня вооружимъ языкъ противъ пьянства и низложимъ нетрезвую и распутную жизнь: обличимъ провождающихъ ее, не для того, чтобы ихъ стыдить, но чтобы избавить отъ стыда; не для того, чтобы ихъ обезчестить, но чтобы исправить; не для того, чтобы выставить ихъ на-показъ, но чтобы отвесть отъ гнуснаго празднованія и вырвать изъ рукъ діавола, потому-что кто проводитъ дни въ пьянствѣ, весельи и объяденіи, тотъ подпалъ жестокой власти діавола. И о если бы произошла какая-нибудь польза отъ нашихъ словъ"!

Затѣмъ видно, что и во время Златоуста *дни христіанскихъ праздниковъ бывали для многихъ днями пресыщенія и пьянства*, и это тѣмъ болѣе огорчало проповѣдника, что пьянство слѣдовало послѣ причащенія св. Таинъ, къ которому въ то время приступали часто, а многіе даже въ каждый воскрес-

ный день. Въ бесѣдѣ 27 на 1-ое посланіе къ Коринѳянамъ, по объясненіи словъ апостола (гл. II, 17 и др.), гдѣ обличаются безчинія у Коринѳянъ на вечеряхъ любви и собраніяхъ для преломленія хлѣба, Златоустъ говоритъ, что нѣчто подобное дѣлается и у насъ. „Когда же, скажешь, это дѣлается? Всегда, особенно же въ праздники, когда особенно слѣдовало бы не дѣлать этого. Тогда-то, послѣ причащенія тотчасъ и начинается пьянство и пренебреженіе бѣдныхъ; тогда-то, послѣ принятія крови Господней, когда тебѣ слѣдовало бы соблюдать постъ и воздержаніе, ты и предаешься пьянству и безчинію. Скушавъ за обѣдомъ что-нибудь пріятное, ты остерегаешься, чтобы другимъ дурнымъ кушаньемъ не испортить прежняго; а принявъ Духа, предаешься сатанинскимъ удовольствіямъ. Вспомни, что́ дѣлали апостолы, причастившись священной вечери; не къ молитвамъ ли и пѣснопѣніямъ обратились они, не къ священному ли бдѣнію, не къ ученію ли продолжительному и исполненному великаго любомудрія? Ибо великія и дивныя тайны Господь преподалъ и объяснилъ имъ тогда, когда Іуда пошелъ призвать будущихъ его распинателей. Также и три тысячи вѣрующихъ, сподобившись причащенія, не пребывали ли постоянно въ молитвахъ и ученіи, а не въ пьянствѣ и безчиніи? А ты, если прежде причащенія и постишься, чтобы сколько-нибудь оказаться достойнымъ причащенія, то послѣ причащенія, когда надлежало бы усилить воздержаніе, погубляешь все. Но не одно и то же поститься прежде или послѣ; должно быть воздержнымъ и въ то и въ другое время, но особенно послѣ принятія Жениха; прежде для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ принятія, а послѣ—для того, чтобы не оказаться недостойнымъ полученныхъ даровъ. Неужели же, скажешь, должно поститься послѣ причащенія? Я не говорю этого и не принуждаю; хорошо дѣлать и такъ; но я не требую этого, а увѣщеваю не предаваться безмѣрному пресыщенію". „Праздникъ не для того, чтобы намъ безчинствовать и умножать грѣхи свои, но чтобы очистить и тѣ, какіе есть у насъ. Знаю, что говорю это напрасно, но не перестану говорить. Если вы не всѣ послушаетесь, то не всѣ же и не послу-

шаетесь; а если всѣ не послушаетесь, то мнѣ будетъ тѣмъ большая награда, а вамъ тѣмъ большее осужденіе. Дабы съ вами не случилось этого, я не перестану говорить; частымъ повтореніемъ, можетъ быть, и трону васъ. Итакъ увѣщеваю васъ: дабы причащеніе не послужило къ вашему осужденію, напитаемъ Христа, напоимъ и одѣнемъ: это достойно такой трапезы. Ты слышалъ священныя пѣсни, видѣлъ бракъ духовный, насладился царской трапезы, исполнился Святаго Духа, пріобщился къ лику Серафимовъ, сдѣлался сообщникомъ горнихъ силъ? Не нарушай же такой радости, не теряй такого сокровища, не предавайся пьянству — этому источнику скорби, утѣшенію діавола, виновнику безчисленныхъ золъ; ибо отъ него и сонъ, подобный смерти, и головокруженіе и болѣзни, забвеніе и изнеможеніе. Ты, конечно, не рѣшился бы въ пьяномъ видѣ встрѣтиться даже съ другомъ; какъ же осмѣливаешься, скажи мнѣ, предаваться пьянству, имѣя въ себѣ Христа? Но ты любишь удовольствія? Поэтому-то ты и перестань предаваться пьянству. И я желаю тебѣ удовольствія, но удовольствія истиннаго и никогда не увядающаго. Какое же это удовольствіе истинное и всегда цвѣтущее? Призови къ обѣду своему Христа, раздѣли съ нимъ свои или лучше Его же блага: вотъ въ чемъ заключается безконечное и всегда цвѣтущее удовольствіе!"

Изъ обличеній болѣе общаго характера или широкаго объема замѣчательно слѣдующее, находящееся въ 61-ой бесѣдѣ на Евангеліе отъ Матеея. „Не оскорбляйтесь, если я обращу свое слово противъ грѣшниковъ. Ибо я буду обвинять не васъ только, но и самого себя. Итакъ, съ кого бы мнѣ начать, по вашему желанію? Съ рабовъ или съ свободныхъ? Съ воиновъ или простолюдиновъ? Съ начальниковъ или подчиненныхъ? Съ женъ или мужей? Съ старцевъ или юношей? Съ какого возраста? Съ какого рода? Съ какого чина? Съ какого званія? Угодно ли вамъ, чтобы я началъ свое слово съ воиновъ? И что же? не грѣшатъ ли они каждодневно, оскорбляя, понося другихъ и всячески стараясь сдѣлать ихъ несчастными? Будучи подобны волкамъ, они

никогда не чужды злодѣяній. Да и можетъ ли море быть безъ волнъ? Какая страсть не возмущаетъ ихъ? Какая болѣзнь не обдержитъ ихъ души? По отношенію къ равнымъ они водятся ненавистью, завистью и тщеславіемъ; по отношенію къ подчиненнымъ-корыстолюбіемъ; по отношенію къ тяжущимся и прибѣгающимъ къ нимъ, какъ къ пристави— коварствомъ и клятвопреступленіемъ. Сколько производятъ они хищеній? Сколько у нихъ обмановъ? Какихъ нѣтъ между ними клеветъ и непозволенныхъ торговъ? Сколько между ними рабољѣпныхъ ласкательствъ? Теперь противопоставимъ каждому пороку законъ Христовъ. „*Рекій брату своему—уроде, повиненъ есть геенню огненный* (Мат. V, 22). *Воззрѣвый на жену, ко еже вождельти ей, уже любодьйствова съ нею* (28). *Аще кто не смиритъ себе, яко отроча, не внидетъ въ Царствіе Небесное*“ (XVIII, 4). Воины же надмѣваются предъ подчиненными и ввѣренными ихъ власти, которые трепещутъ предъ ними и страшатся ихъ, такъ какъ они жестокостью своею превышаютъ звѣрей. Ничего не дѣлаютъ ради Христа, а все для чрева, для корыстолюбія и тщеславія. И можно ли исчислить въ словѣ всѣ беззаконные ихъ поступки? Кто въ состояніи описать ихъ насмѣшки, неумѣренный смѣхъ, неприличные разговоры, постыдныя слова? А о корыстолюбіи и говорить нечего. Какъ монахи, живущіе въ горахъ, не знаютъ, что такое корыстолюбіе: такъ и воины, только по противоположнымъ причинамъ. Первые не знаютъ сей страсти потому, что слишкомъ далеки отъ этой болѣзни; а последніе не чувствуютъ того, сколь великое зло оная страсть, по той причинѣ, что чрезмѣрно упиваются ею. Эта страсть до того искоренила добрыя въ нихъ расположенія, и такъ преобладаетъ надъ сими неистовыми людьми, что они не почитаютъ ее тяжкимъ преступленіемъ. Но не угодно ли вамъ, оставивши воиновъ, посмотрѣть на другихъ, болѣе кроткихъ? Обратимся напримѣръ къ художникамъ и ремесленникамъ. Кажется, эти люди преимущественно предъ другими снискиваютъ пропитаніе справедливыми трудами и собственнымъ потомъ: но и они, при всѣхъ трудахъ своихъ, подвергаются многимъ порокамъ, когда бываютъ невнима-

тельны къ себѣ самимъ. Ибо къ справедливымъ трудамъ часто присовокупляютъ несправедливую продажу и куплю; изъ корыстолюбія лгутъ, клянутся и нарушаютъ клятву. Они заботятся только о настоящей жизни, прикованы къ землѣ; все дѣлаютъ изъ корыстныхъ видовъ, и желая умножить свое имѣніе, не пекутся о подаяніи помощи нуждающимся. Кто можетъ изобразить ихъ злословія, употребляемыя въ семъ случаѣ обиды, барыши, проценты, договоры, коварно заключаемыя безчестныя торговыя связи? Впрочемъ если вамъ угодно, то и отъ сихъ перейдемъ къ другимъ, болѣе повидимому справедливымъ. Кто же это?—Это тѣ, которые пріобрѣли помѣстья и собираютъ богатство отъ плодовъ земли. Но можно ли найти кого несправедливѣе ихъ? Если посмотрите, какъ они поступаютъ съ бѣдными, несчастными земледѣльцами, то увидите, что свирѣпость ихъ превышаетъ жестокосердіе варваровъ. Тогда какъ земледѣльцы истаеваютъ голодомъ, изнуряютъ себя трудами въ продолженіе всей жизни, они непрестанно налагаютъ на нихъ новые тяжкіе оброки, опредѣляютъ ихъ къ самымъ труднымъ работамъ и употребляютъ ихъ вмѣсто ословъ и лошаковъ, и даже вмѣсто камней. Не давая имъ ни малѣйшаго отдыха, и во время плодородія и во время безплодія равно угнетаютъ ихъ, и никакой пощады имъ не оказываютъ. Есть ли кто-нибудь несчастнѣе оныхъ бѣдняковъ, которые, трудясь всю зиму, проводя ночи на холодѣ подъ дождемъ, безъ сна, и за все сіе не получая никакой платы, но еще задолжавши принуждены бываютъ убѣгать отъ своихъ господъ, не столько спасаясь и боясь голода и домашняго разстройства, сколько мученій, насилія, истязаній, тюрмы и неизбѣжныхъ работъ—отъ управителей? Что сказать о торгахъ, чрезъ нихъ производимыхъ, и о неправедныхъ прибыткахъ, отсюда получаемыхъ? Господа, ихъ притѣсняющіе, наполняя свои точила и подточилія отъ трудовъ и пота ихъ, не позволяютъ симъ бѣднякамъ брать въ свои домы ни малѣйшей части; но весь плодъ отъ винограда вливая въ свои неправедные сосуды, бросаютъ имъ за сіе самую малую плату. Они выдумываютъ новые роды процентовъ, непо-

зволенные законами даже у язычниковъ, составляютъ самые безчестные долговые акты, въ которыхъ требуютъ не сотой части, но половины всего имѣнія отъ должника, и хотя бы сей имѣлъ жену, воспитывалъ дѣтей, хотя бы былъ человѣкъ бѣдный и собственными трудами собиралъ свое гумно и точило,—они объ этомъ не размышляютъ. Посему умѣстно здѣсь привесть слова Пророка: *ужаснися небо и убойся земля.* До какого неистовства дошелъ родъ человѣческій! Говоря обо всемъ этомъ, я не охуждаю искуствъ, земледѣлія, воинскаго званія, помѣстьевъ, но насъ самихъ. Ибо и Корнилій былъ сотникомъ; а Апостолъ Павелъ, будучи скинотворцемъ, послѣ проповѣди занимался симъ ремесломъ; и Давидъ былъ царемъ; и Іовъ былъ господиномъ большаго имѣнія и получалъ великіе доходы: но все сіе никому изъ нихъ не послужило препятствіемъ къ добродѣтели". Изложенныя здѣсь обличительныя описанія весьма характерны по изображенію въ нихъ бытовыхъ отношеній въ современномъ обществѣ.

Своеобразно по своей прямотѣ и смѣлости въ пріемѣ обличеніе на недостатокъ той христіанской любви, которая требуетъ терпѣнія къ оскорбленіямъ отъ ближняго, снисхожденія къ недостаткамъ его, участія къ его несчастіямъ. „Мы не только братья другъ другу, но и члены, и одно тѣло. Если мы цѣнимъ имя брата,—тѣмъ болѣе (должны цѣнить) имя члена. Не слыхалъ ли ты мірской пословицы, которая говоритъ, что въ друзьяхъ надобно терпѣть и недостатки? Не слышалъ ли, что и Павелъ говоритъ: *другъ друга тяготы носите* (Гал. 6, 2)? Не видишь ли любовниковъ? Между вами я не могу найти другаго примѣра, а потому принужденъ обратить рѣчь на этотъ предметъ. Тоже, впрочемъ, дѣлаетъ и Павелъ, говоря такъ: *къ симъ, плоти нашей отцы имѣхомъ наказатели, и срамляхомся* (Евр. 12, 9), особенно же прилично сказать здѣсь то, что онъ пишетъ Римлянамъ: *якоже*, говоритъ, *представисте уды ваша рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе: тако представите уды ваша рабы правдѣ* (ст. 6, 19). Посему и мы смѣло будемъ держаться этого примѣра. Итакъ, не видишь ли любовниковъ? Сколько

они переносятъ бѣдствій, пылая страстью къ блуднымъ женщинамъ! Ихъ бьютъ по щекамъ, колотятъ, надъ ними смѣются; они терпятъ блудницу развратную, которая отвращается отъ нихъ и наноситъ имъ тысячу оскорбленій. И при всемъ томъ, если хотя однажды они увидятъ что-нибудь пріятное и ласковое, все имъ кажется благополучнымъ, все прежнее исчезаетъ и все переносится легко, будетъ ли то бѣдность, или болѣзнь, или другое что подобное. Жизнь свою они считаютъ бѣдственною или блаженною, смотря по тому, какъ расположена къ нимъ ихъ любовница. Не знаютъ они ни человѣческой славы, ни безчестія; но, хотя бы кто и оскорбилъ ихъ,—отъ великаго удовольствія и за ея благосклонность они все переносятъ легко. А она сама хотя бы ругала ихъ, хотя бы плевала имъ въ лицо,—они терпятъ это и думаютъ, что въ нихъ бросаютъ розами. И что удивительнаго, если они такъ расположены къ ней! Они домъ ея считаютъ великолѣпнѣе всѣхъ домовъ, хотя бы онъ былъ глиняный, хотя бы клонился къ паденію. И что я говорю о стѣнахъ? Они воодушевляются даже при видѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они бываютъ вечеромъ. Но здѣсь дайте мнѣ, наконецъ, сказать апостольское слово. Какъ онъ сказалъ: *якоже представисте уды ваша рабы нечистотѣ, тако представите уды ваша* (рабы) *правдѣ*; такъ точно и я говорю: какъ возлюбили вы этихъ (женщинъ), такъ любите другъ друга, и ничто не будетъ казаться вамъ тяжкимъ. И что я говорю: другъ друга? Такъ будемъ любить Бога. Вы ужаснулись, услышавъ, что я требую такой же мѣры любви къ Богу, какую показываютъ иные къ орудіямъ своихъ страстей? А я ужасаюсь, что мы не показываемъ и такой любви. Если хотите, разсмотримъ это подробнѣе, хотя говорить объ этомъ и очень тяжело. Любовница не обѣщаетъ любовнику ничего добраго, но—безчестіе, стыдъ и поношеніе. Знакомство съ блудною женщиною именно это и производитъ,—дѣлаетъ человѣка смѣшнымъ, позорнымъ, безчестнымъ. Богъ же обѣщаетъ намъ небо и небесныя блага; Онъ сдѣлалъ насъ сынами своими, братіями Единороднаго; Онъ и въ сей жизни предоставилъ тебѣ безчисленныя блага, и по смерти обѣ-

щаетъ даровать воскресеніе и столько благъ, сколько и представить невозможно; Онъ дѣлаетъ насъ достойными чести и уваженія. И опять, та заставляетъ расточать все имѣніе въ пропасть и пагубу; а Богъ повелѣваетъ сѣять для неба, воздаетъ сторицею и даруетъ вѣчную жизнь. Та поступаетъ съ любовникомъ, какъ съ невольникомъ, распоряжаясь хуже всякаго тирана; а Богъ говоритъ: *не ктому васъ глаголю рабы, но други.* Видите ли, какъ много золъ—тамъ, и сколько благъ—здѣсь? И чтоже послѣ этого? Для любовницы многіе проводятъ ночи безъ сна и, что бы она ни приказала, все исполняютъ съ усердіемъ,—оставляютъ и домъ, и отца, и мать, и друзей, и богатство, и почести, и все свое имѣніе подвергаютъ разстройству и запустѣнію. Для Бога же или, лучше, для себя самихъ мы не хотимъ истратить и третьей части нашего имущества. Видя алчущаго, мы отвращаемъ отъ него взоръ; проходимъ мимо нагаго и не удостоиваемъ его даже слова. А любовники, если увидятъ даже служанку любовницы, женщину грубую, останавливаются съ нею среди площади и, какъ бы красуясь и величаясь тѣмъ, разговариваютъ съ нею, разливаясь въ длинныхъ рѣчахъ. Для любовницы за ничто считаютъ жизнь, начальниковъ, царство (какъ это извѣстно тѣмъ, которые испытали эту болѣзнь) и бываютъ болѣе благодарны ей за ея приказанія, чѣмъ другимъ за услуги. Не справедливо ли послѣ сего быть гееннѣ? Не справедливы ли безчисленныя наказанія? Отрезвимся же и предоставимъ на служеніе Богу хотя столько же, хотя половинную часть того, что иные отдаютъ блудницамъ, хотя даже третью долю. Можетъ быть вы опять ужаснетесь? Да, и я ужасаюсь. Но я хотѣлъ бы, чтобы вы ужасались не словъ только, но и самаго дѣла. А между тѣмъ, здѣсь сердце у насъ сжимается; а лишь выйдемъ,—все бросаемъ. Что же изъ того пользы? Тамъ, если надобно тратить деньги, никто не жалуется на бѣдность; но часто, плѣнившись, и занимаютъ и даютъ; здѣсь же, если мы вспомнимъ о милостынѣ, намъ представляютъ дѣтей и и женъ и домъ и начальство и тысячи извиненій. Но тамъ, скажешь, много удовольствія! Объ этомъ-то я и плачу, и

рыдаю. Но что, если я покажу, что здѣсь больше удовольствія? Тамъ отнимаютъ не мало удовольствія стыдъ, поношеніе, трата денегъ, наконецъ—ссоры и вражда: а здѣсь нѣтъ ничего такого. Да и что, скажи мнѣ, можетъ сравниться съ этимъ удовольствіемъ—жить въ ожиданіи неба и небеснаго царства, свѣтлости святыхъ и нескончаемой жизни? Но это, скажешь, въ ожиданіи, а то—въ дѣйствительности. Въ какой дѣйствительности? Хочешь ли, я скажу, что и здѣсь въ дѣйствительности? Подумай, какою ты наслаждаешься свободою: живя добродѣтельно, ты никого не боишься и не страшишься,—ни врага, ни навѣтника, ни клеветника, ни соперника, ни соискателя въ любви, ни завистника, ни бѣдности, ни болѣзни, ни другаго чего-нибудь человѣческаго. Тамъ, напротивъ, хотя бы и весьма многое сбывалось по желанію, хотя бы и богатство стекалось, какъ изъ источниковъ,—ссора съ соперниками въ любви, навѣты и козни сдѣлаютъ самою несчастною жизнь того, кто связывается съ ними. Изъ угожденія той презрѣнной, развратной и сластолюбивой женщинѣ, дѣйствительно, неизбѣжно возникаютъ ссоры; а это хуже тысячи смертей и несноснѣе всякаго наказанія. Но здѣсь нѣтъ ничего такого. *Плодъ же духовный*, говоритъ (Апостолъ), *любы*, *радость*, *миръ* (Гал. 5, 22). Нѣтъ здѣсь ни ссоръ, ни безвременной траты денегъ, ни поношенія послѣ траты. Хотя бы ты далъ оволъ, хотя бы (кусокъ) хлѣба, хотя бы чашу холодной воды,—за все будетъ тебѣ великая благодарность и ничто не заставитъ тебя огорчаться и печалиться, но все послужитъ къ тому, чтобы сдѣлать тебя славнымъ и избавить отъ всякаго стыда. Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, какое извиненіе, когда, оставляя это, предаемся противному и добровольно ввергаемъ самихъ себя въ печь, огнемъ горящую? Посему умоляю страдающихъ такою болѣзнію—вновь собрать силы, возвратиться къ здоровью и не позволять себѣ впасть въ отчаяніе. Блудный сынъ потерпѣлъ бѣдствія еще болѣе жестокія, но такъ какъ возвратился въ отеческій домъ, то сталъ въ прежней чести и явился славнѣе того, кто всегда поступалъ хорошо. Поревнуемъ ему и мы, и, возвратившись къ Отцу, избавимъ себя, хотя

поздно, отъ этого плѣна и перейдемъ къ свободѣ, чтобы сподобиться и царства небеснаго, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ слава Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ, Аминь“.

Интересенъ по характеристикѣ нравовъ времени Златоуста слѣд. образецъ обличенія его на грубость и жестокость въ обращеніи мужей съ женами, соединенное съ увѣщаніемъ къ обхожденію кроткому. Проповѣдникъ начинаетъ мудрымъ совѣтомъ, чтобы жена и мужъ не выжидали—первая отъ мужа, а мужъ отъ жены проявленій доброты, а сами сперва выказывали ее: „ты, жена, не ожидай доброты отъ мужа, чтобы послѣ того показать и свою; въ этомъ не будетъ ничего важнаго; и ты, мужъ, не ожидай благонравія отъ жены, чтобы *послѣ* того и самому быть любомудрымъ; это уже не будетъ подвигомъ; но каждый, какъ я сказалъ, пусть первый исполняетъ свои обязанности. Ибо, если и постороннимъ, ударяющимъ по одной ланитѣ, должно обращать другую, *то тѣмъ болѣе должно сносить жестокость мужа*. Говорю это не для того, чтобы мужъ билъ жену; нѣтъ; это крайнее униженіе не для той, которую бьютъ, а для того, кто бьетъ; *но если по какимъ-нибудь обстоятельствамъ ты, жена, сочеталась съ такимъ мужемъ, то не предавайся скорби, представляя ожидающую тебя за это награду и добрую славу еще въ настоящей жизни. И вамъ, мужья, скажу: никакой проступокъ не долженъ вынуждать васъ бить свою жену. Что я говорю—жену?* Благородному мужу не позволительно бить *даже* служанку и налагать на нее руки. Если же весьма безчестно для мужа бить служанку, то тѣмъ безчестнѣе налагать руку на свободную. Это внушаютъ и *внѣшніе (языческіе) законодатели, которые не принуждаютъ жену жить вмѣстѣ съ біющимъ ее мужемъ, какъ съ недостойнымъ ея сожительства*. Подлинно, крайне беззаконно—сообщницу жизни, издавна раздѣляющую твои нужды, позорить, какъ рабыню. Такой мужъ, если только можно назвать его мужемъ, а не звѣремъ, по моему мнѣнію, равенъ отцеубійцѣ и матереубійцѣ. Ибо, если намъ заповѣдано оставлять для жены отца и мать, не въ оскорбленіе имъ, но во исполненіе закона Божія, и для самыхъ родителей

это столь вожделѣнно, что они, будучи оставляемы, радуются и совершаютъ брачное соединеніе дѣтей съ великимъ усердіемъ, то не крайнее ли безуміе оскорблять ту, для которой Богъ повелѣлъ оставлять родителей? И безуміе ли только? А безчестіе? Кто, скажи мнѣ, можетъ перенести его? Какое слово можетъ выразить его, когда крики и вопли разносятся по улицамъ, когда сосѣди и прохожіе стекаются къ дому совершающаго столь гнусное дѣло, какъ будто какой-нибудь звѣрь сокрушаетъ все, находящееся внутри? Лучше, если бы земля поглотила такого безумца, нежели послѣ того ему опять показаться на торжищѣ. Жена, скажешь ты, поступаетъ дерзко? Но вспомни, что она жена, слабый сосудъ, а ты—мужъ. Ты для того и поставленъ надъ нею начальникомъ и главою, чтобы сносить слабость подчиненной. Старайся сдѣлать свое правленіе славнымъ; а славнымъ оно будетъ тогда, когда ты не будешь безчестить подчиненной. Какъ царь является самъ тѣмъ болѣе достойнымъ почтенія, чѣмъ болѣе возвышаетъ честь подвластнаго себѣ начальника, а когда унижаетъ и безчеститъ его достоинство, тогда не мало уменьшаетъ и собственную славу; такъ и ты, безчестя подвластную тебѣ начальницу, не мало унижаешь честь и своей власти. Итакъ, представляя все это, будь благоразуменъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминай и о томъ вечерѣ, въ который отецъ, призвавъ тебя, отдалъ тебѣ дочь свою, какъ бы нѣкоторый законъ на сохраненіе, и, отлучивъ ее отъ всего, отъ матери, отъ себя самого и отъ дома, вручилъ все попеченіе о ней твоей десницѣ. Подумай, что послѣ Бога ты онъ нея получилъ дѣтей, сдѣлался отцемъ, и потому будь кротокъ въ отношеніи къ ней. Не видишь ли, какъ земледѣльцы удобряютъ всѣми способами землю, принявшую сѣмена, хотя бы она имѣла тысячи недостатковъ, хотя была бы напр. не плодоносна, произращала дурныя травы, подвергалась наводненіямъ по свойству мѣстоположенія? Такъ же поступай и ты: тогда ты же первый насладишься и плодами и спокойствіемъ. Жена есть пристань и важнѣйшее врачество отъ душевнаго разстройства. Если эту пристань ты будешь со-

блюдать свободною отъ вѣтровъ и волненія, то найдешь въ ней великое спокойствіе, возвратившись съ торжища; а если будешь возмущать и волновать ее, то уготовляешь самъ себѣ опаснѣйшее кораблекрушеніе. Итакъ пусть не будетъ этого, а да будетъ противное тому. Если случится въ домѣ что-нибудь прискорбное по ея винѣ, то утѣшай ее, а не увеличивай скорби. Хотя бы ты лишился всего имущества, это не будетъ прискорбнѣе непріязни съ сожительницею; какую бы ты ни представилъ вину, ничто не будетъ несноснѣе раздора съ женою. Посему пусть любовь къ ней будетъ для тебя драгоцѣннѣе всего. Если должно носить тяготы другъ друга, то тѣмъ болѣе сносить недостатки жены. Если она бѣдна, не укоряй ея; если—неразумна, не осуждай ея, а лучше постарайся научить ее; ибо она—членъ твой; вы одна плоть. Но, скажешь, она болтлива, склонна къ пьянству, гнѣвлива? Въ такомъ случаѣ должно не гнѣваться, а скорбѣть, молиться Богу, увѣщевать, вразумлять ее, и дѣлать все, чтобы истребить страсть ея. Если же будешь бить и мучить ее, то не исцѣлишь ея болѣзни; грубость исправляется кротостію, а не взаимною грубостію. Вмѣстѣ съ тѣмъ не забудь и о наградѣ отъ Бога. Ибо, если ты, имѣя возможность отвергнуть ее, не сдѣлаешь этого по страху Божію, но станешь сносить недостатки ея, изъ уваженія къ закону, возбранившему отвергать жену, то сколь ни велика была бы болѣзнь ея, ты получишь неизреченную награду, и еще прежде награды получишь великую пользу, сдѣлавъ ее болѣе благопокорною, и себя пріучивъ къ большей въ отношеніи къ ней кротости"[4].

Не останавливаясь на разныхъ другихъ предметахъ, подпавшихъ обличеніямъ Златоуста, представимъ образецъ обличенія его по двумъ предметамъ, имѣвшимъ ближайшее отношеніе къ его служенію, какъ церковнаго проповѣдника. Въ своемъ мѣстѣ мы упомянули, что Златоустъ совѣтывалъ слушателямъ, чтобы они напередъ дома прочитывали тѣ мѣста изъ библіи, на которыя толкованіе предстояло имъ слушать въ церкви. Это увѣщаніе въ одиннадцатой бесѣдѣ на евангеліе св. Іоанна сопровождается слѣд. обличеніемъ:

„а теперь, такъ какъ многіе изъ приходящихъ сюда слушать по необходимости должны вникать въ одно и тоже время во все—и въ самыя изреченія (Евангелія), и въ наши на нихъ объясненія, то, хотя бы мы употребили на это цѣлый годъ, не получатъ они большой пользы. Ибо возможно ли это, когда они мимоходомъ и только здѣсь, на краткое время, занимаются поученіями? А если кто будетъ ссылаться на дѣла и заботы, на недосугъ во множествѣ занятій общественныхъ и частныхъ, то, вопервыхъ, это-то самое и служитъ къ немалому ихъ осужденію, что они заняты такимъ множествомъ дѣлъ и такъ совершенно связаны житейскими попеченіями, что не имѣютъ даже немного свободнаго времени для занятій болѣе, чѣмъ всякія другія, необходимыхъ. Во вторыхъ—это только отговоръ и предлогъ, и въ семъ обличаютъ ихъ и пріятельскія сходбища, и препровожденіе времени на зрѣлищахъ и стеченіе на конныя состязанія, на которыхъ часто проводятъ цѣлые дни, и однако никто въ такихъ случаяхъ не жалуется на множество дѣлъ. И такъ въ дѣлахъ маловажныхъ вы никогда не отзываетесь никакими предлогами и можете найти много свободнаго времени; а когда надобно внимать Слову Божію, то это кажется вамъ столь излишнимъ и незначительнымъ дѣломъ, что будто бы не стоитъ употреблять на это и малаго свободнаго времени. Достойны ли такъ думающіе люди даже дышать, или видѣть это солнце? Есть у такихъ нерадивыхъ людей и другой предлогъ, еще неосновательнѣйшій, будто бы они не пріобрѣли и не имѣютъ книгъ св. Писанія. Но въ отношеніи къ богатымъ смѣшно было бы распространяться намъ о такомъ предлогѣ; а бѣдныхъ, которые, я думаю, по большей части пользуются имъ, желалъ бы я спросить, не всѣ ли орудія ремесла, какимъ каждый изъ нихъ занимается, есть у нихъ, сколько нужно, и въ исправности, хотя бы угнетала ихъ крайняя бѣдность? Какъ же нелѣпо,—тамъ не отговариваться бѣдностію, но употреблять всѣ усилія, чтобы ни въ чемъ не нуждаться; а гдѣ можно пріобрѣсти столь великую пользу, здѣсь жаловаться на недосугъ и убожество? Впрочемъ, хотя бы дѣйствительно нѣкоторые были такъ

бѣдны, все же изъ непрерывно здѣсь бывающаго чтенія могли бы узнать сколько-нибудь содержаніе божественныхъ Писаній. Если же это кажется вамъ невозможнымъ, то не безъ причины такъ кажется. Ибо многіе не съ большимъ усердіемъ приходятъ слушать чтеніе Писаній, но, исполнивъ это только какъ долгъ урочнаго времени, тотчасъ возвращаются домой; а если нѣкоторые и остаются, то бываютъ нисколько не лучше удалившихся, присутствуя здѣсь съ нами только тѣломъ".

Въ 36 бесѣдѣ на тоже Евангеліе обличеніе становится еще шире. Кто изъ васъ, скажите мнѣ, находясь дома, беретъ въ руки христіанскую книгу, вникаетъ въ ея содержаніе и испытуетъ Писаніе? Никто не можетъ этого сказать о себѣ. Шашки и игральныя кости можно найти у весьма многихъ, а книги (св. Писанія) ни у кого, или у немногихъ, да и тѣ занимаются ими не болѣе такихъ, которые вовсе ихъ не имѣютъ, связывая и навсегда отлагая ихъ въ шкафы, и вся забота у нихъ только о тонкости кожи (на которой писаны книги), о красотѣ письма, а не о чтеніи. Да и пріобрѣтаютъ книги не для пользы, а для того, чтобы высказать этимъ свое богатство и похвастать. До такой крайности доходитъ тщеславіе! Я не слышу, чтобы кто-нибудь похвалился тѣмъ, что знаетъ содержащееся въ книгахъ (св. Писанія), а слышу, какъ хвалятся тѣмъ, что книги ихъ написаны золотыми буквами. Скажи мнѣ, какая отъ этого польза? Не для того дано намъ свящ. Писаніе, чтобы мы имѣли его только въ книгахъ; но чтобы начертывали его въ сердцахъ нашихъ. Заключать заповѣди только въ письменахъ,—такого рода стяжаніе ихъ свойственно только іудейскому тщеславію: а намъ и въ началѣ данъ законъ не такъ, но—*на плотяныхъ скрижаляхъ сердца* (2 Кор. 3, 3). Говоря это, я не препятствую пріобрѣтать книги (св. Писанія): напротивъ, хвалю это и даже прошу объ этомъ, желаю только, чтобы изъ книгъ слова̀ и мысли переходили въ нашу душу, и она, усвояя разумъ письменъ, такимъ образомъ очищалась. Если діаволъ не дерзаетъ проникнуть въ тотъ домъ, гдѣ есть Евангеліе; тѣмъ болѣе души, усвоившей себѣ мысли Писа-

нія. не коснется и не нападетъ ни бѣсъ, ни грѣхъ. Итакъ освяти твою душу, освяти и тѣло, имѣя всегда св. Писанія и на устахъ и въ сердцѣ. Ибо если срамословіе оскверняетъ насъ и вызываетъ бѣсовъ, то очевидно, что духовное чтеніе освящаетъ и привлекаетъ благодать Духа. Писанія суть божественныя пѣснопѣнія. Станемъ же воспѣвать ихъ въ себѣ и изъ нихъ приготовимъ врачевство противъ недуговъ душевныхъ. Если бы мы знали важность читаемаго, то и слушали бы съ большею ревностью. Это я всегда говорю и не перестану говорить". Еще сильнѣе огорчали Златоуста проявленія неблагочинія во время церковныхъ собраній. Въ 36 бесѣдѣ на 1-ое посланіе къ Коринѳянамъ проповѣдникъ говоритъ. „въ древности всѣ сходились и пѣли вмѣстѣ: это мы дѣлаемъ и нынѣ; но тогда во всѣхъ *бѣ сердце и душа едина* (Дѣян. 4, 32), а нынѣ даже въ одной душѣ не видно такого согласія, но вездѣ великая брань. И нынѣ предстоятель церкви желаетъ мира всѣмъ, какбы пришедши въ домъ отеческій, но тогда какъ имя мира повторяется часто, самаго дѣла нѣтъ нигдѣ. Тогда и домы были церквами, а нынѣ и церковь стала домомъ, или даже хуже всякаго дома. Въ домѣ можно видѣть великое благочиніе, госпожа дома сидитъ на сѣдалищѣ со всѣмъ благоприличіемъ, служанки прядутъ въ молчаніи и каждый изъ домашнихъ имѣетъ въ рукахъ ввѣренное ему. А здѣсь великій шумъ, великій безпорядокъ; собраніе наше ничѣмъ не отличается отъ гостинницы; здѣсь такой же шумъ, какъ въ банахъ, какъ на торжищахъ, гдѣ всѣ кричатъ и производятъ шумъ. И это бываетъ только здѣсь; а въ другихъ мѣстахъ не позволяется сказать въ церкви даже слова близъ стоящему, хотя бы кто встрѣтилъ давно невидѣннаго друга, но дѣлается это внѣ, и весьма справедливо. Церковь не цирульня, не лавка съ благовоніями, не мастерская, подобная находящимся на торжищѣ, но мѣсто ангеловъ, мѣсто архангеловъ, царство Божіе, самое небо. Если бы кто-нибудь отверзъ небо и ввелъ тебя въ него, то ты не осмѣлился бы разговаривать, хотя бы увидѣлъ отца, хотя бы брата; такъ точно и здѣсь не должно говорить ни о чемъ

другомъ, кромѣ предметовъ духовныхъ, ибо и здѣсь небо. Если не вѣришь, то посмотри на эту трапезу, вспомни, для кого и для чего она поставлена, помысли, кто приходитъ сюда, и страшись даже прежде того времени. Кто увидитъ только сѣдалище царя, тотъ отрезвляется въ душѣ своей, ожидая выхода царя; такъ точно и ты, еще прежде страшнаго времени, страшись и бодрствуй, и еще прежде, нежели увидишь поднятыя завѣсы и предшествующій сонмъ ангеловъ, возносись къ самому небу. Но этого не знаетъ непосвященный; посему для него необходимо сказать нѣчто другое. Мы не затруднимся сказать и ему то, что можетъ возбудить и возвысить его. И ты, не знающій этого, когда услышишь слова пророка: *сія глаголетъ Господь*, отрѣшись отъ земли, вознесись на самое небо и помысли. Кто чрезъ него вѣщаетъ тебѣ. Между тѣмъ нынѣ, когда смѣхотворствуетъ блудница, собраніе жителей сидитъ, соблюдая для рѣчей ихъ совершенное безмолвіе, тогда какъ никто не заставляетъ молчать, не бываетъ ни разговора, ни крика, ни малѣйшаго шума; а когда Богъ съ небесъ вѣщаетъ о та-такихъ страшныхъ тайнахъ, тогда мы бываемъ безстыднѣе псовъ, не оказывая Богу такого же вниманія, какое оказываемъ блуднымъ женщинамъ. Вы ужасаетесь, слыша это? Лучше ужасайтесь дѣлать это. Тѣмъ, которые пренебрегали бѣдныхъ и одни вкушали пищу, Павелъ сказалъ: *еда домовъ не имате воеже ясти и пити; или о церкви Божіей нерадите, и срамляете неимущыя* (1 Кор. 11, 22)? Позвольте и мнѣ сказать тѣмъ, которые здѣсь шумятъ и разговариваютъ: развѣ вы не имѣете домовъ для пустословія? Или нерадите о церкви Божіей и развращаете желающихъ сохранять цѣломудріе и спокойствіе? Но, скажете, намъ весело и пріятно разговаривать съ знакомыми. Я не запрещаю этого; но пусть это будетъ дома, на торжищѣ, въ баняхъ; церковь же есть мѣсто не разговоровъ, а ученія. Между тѣмъ нынѣ она нисколько не отличается отъ торжища, и, можетъ быть, если не оскорбительно сказать, даже отъ театра; такъ нецѣломудренно и подобно тамошнимъ блудницамъ украшаются собирающіяся здѣсь жены. Посему онѣ

и сюда привлекают многихъ невоздержныхъ. Кто искушаетъ, или хочетъ соблазнить женщину, тотъ, кажется, не считаетъ никакого мѣста удобнѣе церкви. Если нужно что-нибудь купить и продать, то церковь считается для этого удобнѣе рынка: ибо здѣсь объ этомъ бываетъ больше разговоровъ, нежели въ самыхъ лавкахъ. Кто хочетъ злословить или слушать злословіе, тотъ найдетъ и этого здѣсь болѣе, нежели внѣ, на торжищѣ. Хочешь ли слышать о дѣлахъ гражданскихъ, или о домашнихъ, или о военныхъ?—не ходи въ судилище, не сиди въ лечебницѣ; есть и здѣсь, есть люди, которые подробнѣе всѣхъ разсказываютъ обо всемъ этомъ; здѣсь—скорѣе мѣсто всего другаго, нежели церковь. Не слишкомъ ли рѣзко я коснулся васъ? Не думаю; ибо если вы не перестаете дѣлать одно и тоже, то какъ мнѣ думать, что слова мои коснулись васъ? Посему необходимо опять коснуться того же. Можно ли стерпѣть? Можно ли снести? Мы каждый день стараемся и усиливаемся, чтобы вы отходили отсюда, научившись чему-нибудь полезному; но никто изъ васъ не отходитъ съ какою-нибудь пользою, а даже со вредомъ. Подлинно, вы собираетесь и себѣ на осужденіе, не имѣя никакого оправданія въ грѣхѣ своемъ, и болѣе благоговѣйныхъ изгоняете, отвсюду безпокоя ихъ своимъ пустословіемъ. Но что говоговорятъ многіе? Не слышу, говорятъ, что читается, не понимаю, что говорится. Потому, что ты разговариваешь, потому, что ты разговариваешь, потому, что шумишь, потому, что не приходишь съ душею, исполненною благоговѣнія. Не понимаю, говоришь ты, что́ читается? Потому самому и слѣдуетъ быть внимательнымъ. Если неясное не пробуждаетъ души твоей, то тѣмъ болѣе ты не обратилъ бы вниманія, если бы читаемое было ясно. Для того и не все ясно, чтобы ты не предавался безпечности, и не все не ясно, чтобы ты не приходилъ въ отчаяніе. Евнухъ, хотя былъ и варваръ, не говорилъ ничего такого, но даже среди множества дѣлъ и бывши на пути, держалъ въ рукахъ книгу и читалъ; а ты, среди множества учителей, и тогда, какъ другіе читаютъ тебѣ, представляешь мнѣ оправданія и отговорки. Ты не понимаешь того, что́ гово-

рится? Молись же, чтобы тебѣ понять; или лучше сказать, невозможно, чтобы ты не понималъ всего; потому что многое само по себѣ понятно и ясно; или лучше, хотя бы ты не понималъ всего, и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ тебѣ молчать, чтобы не изгнать слушающихъ внимательно, и чтобы Богъ, видя твое молчаніе и благоговѣніе, сдѣлалъ неясное для тебя яснымъ. Но ты не можешь молчать? Выйди же вонъ, дабы не причинять вреда другимъ. Въ церкви всегда долженъ быть слышимъ одинъ голосъ, такъ какъ она есть одно тѣло. Потому и чтецъ читаетъ одинъ; и самъ, имѣющій епископство, ожидаетъ, сидя въ молчаніи; и пѣвецъ поетъ одинъ; и когда всѣ возглашаютъ, то голосъ ихъ произносится какъ бы изъ однихъ устъ; и бесѣдующій бесѣдуетъ одинъ. Когда же многіе разговариваютъ о многомъ и различномъ, то для чего мы напрасно и утруждаемъ васъ? Ибо если бы вы не думали, что мы напрасно утруждаемъ васъ, то вы не стали бы въ то время, какъ мы говоримъ о такихъ предметахъ, разговаривать о предметахъ совершенно непристойныхъ“.

Есть у Златоуста довольно и другихъ подобныхъ обличеній слушателямъ, ближе затрогивающихъ и отношенія къ нему послѣднихъ. Но мы встрѣтимся съ ними при излагаемой вслѣдъ за тѣмъ общей характеристикѣ отношеній слушателей къ Іоанну, какъ проповѣднику.

Начать съ того, что великій проповѣдникъ имѣлъ утѣшеніе видѣть глубокое вниманіе и усердіе къ нему слушателей. Сильно поощрены были ими первые подвиги его на поприщѣ проповѣдничества. Начало второй изъ его бесѣдъ на книгу Бытія заключаетъ образные намеки на многолюдство слушателей, тѣснившихся къ его каѳедрѣ: „Помните ли вопросы, недавно предложенные вамъ? Да, вы подняли насъ до такой смѣлости и отваги, что мы уже отважились и на вопросы. Впрочемъ, это дѣло не смѣлости и не отваги. Не на свою понадѣявшись силу, но во всемъ ввѣрившись молитвамъ предстоятелей и вашимъ, мы вышли на это поприще. А молитва церкви такъ сильна, что, если бы мы были безгласнѣе даже камней, она сдѣлаетъ языкъ нашъ легче вся-

каго пера. Какъ зефиръ, подувши на корабельные паруса, уноситъ судно впередъ быстрѣе стрѣлы: такъ и молитва Церкви, упавъ на языкъ говорящаго, увлекаетъ слова впередъ сильнѣе зефира. Потому и мы смѣло выходимъ (на поприще слова) каждый день. Если на мірскихъ бояхъ иной, имѣя только десять, или двѣнадцать друзей въ такой толпѣ народа, бодро сходитъ на мѣсто борьбы: тѣмъ болѣе мы сдѣлаемъ это смѣло, когда у насъ не десять и не двадцать только (друзей), но все собраніе состоитъ изъ братьевъ и отцовъ. Притомъ, на мірскихъ бояхъ борецъ не великую получитъ выгоду отъ зрителя, развѣ только ту, что этотъ закричитъ и похвалитъ дѣла его, и поспоритъ съ противниками, сидя вверху: а сойти на мѣсто борьбы, подать руку (борцу), и потянуть за ногу противника,—это зрителямъ не позволено. Распорядители этихъ боевъ, воткнувши острые колья, и обведши кругомъ веревки, удерживаютъ стремительность зрителей. И чему дивиться, что зрителю не позволяется сойти, когда они (распорядители) даже учителя (борцовъ) сажаютъ внѣ, подлѣ арены и велятъ подавать борющимся помощь наставленіемъ издали, а близко подходить не позволяютъ? Но здѣсь не такъ: напротивъ, можно и учителю, и зрителю сойти къ намъ, стать вблизи расположеніемъ (сердечнымъ), и придать намъ силы молитвами. Такъ вступимъ же въ борьбу подобно тѣмъ самымъ борцамъ. Они когда, перевязавши себя поперегъ, силою перевязей отбросятся, по тѣснотѣ мѣста къ стоящему около (арены) народу; то, развязавъ перевязи, опять возвращаются на мѣсто борьбы; возвратившись же, не прямо опять схватываются, но тогда, когда поставятъ себя въ томъ размѣрѣ перевязей, въ которомъ и разошлись. Такъ и мы, поелику тѣснота мѣста принудила насъ прервать слово, теперь, возвратившись на мѣсто борьбы, снимемъ перевязи съ того, что сегодня прочитано намъ". Затѣмъ весьма часты у него обращенія къ нимъ, подобныя слѣдующему вступленію въ одну изъ бесѣдъ, говоренныхъ въ 388 году: „Я думалъ, что отъ непрерывнаго собесѣдованія вы почувствуете отвращеніе къ нашимъ словамъ: но, вижу, выходитъ противное: не отвращеніе раж-

дается въ васъ отъ непрерывности бесѣдъ, но увеличивается желаніе; не пресыщеніе чувствуете вы, но удовольствіе; выходитъ тоже, что и на мірскихъ пиршествахъ бываетъ съ любителями вина. Они чѣмъ болѣе пьютъ вина, тѣмъ большую возжигаютъ въ себѣ жажду: и въ васъ, чѣмъ болѣе мы предлагаемъ ученія, тѣмъ большую возжигаемъ охоту, тѣмъ болѣе увеличиваемъ желаніе, усиливаемъ желаніе, усиливаемъ любовь. Поэтому я, хоть и сознаю въ себѣ крайнюю бѣдность, не перестаю подражать щедрымъ угощателямъ, предлагать вамъ непрерывную трапезу и ставить полную чашу ученія; ибо вижу, что вы, и выпивъ ее всю, уходите отсюда съ новою жаждою. Это обнаруживалось и во всякое время, но особенно (оказалось) въ прошлое воскресенье. Что вы имѣете ненасытимую жажду къ словамъ Божіимъ, это показалъ особенно тотъ день, въ который я говорилъ къ вамъ, что не должно злословить другъ друга; когда я указалъ вамъ и безопаснѣйшій предметъ для осужденія, увѣщевая васъ порицать собственные грѣхи, а не любопытствовать о чужихъ; когда приводилъ въ примѣръ святыхъ, которые осуждали самихъ себя, но щадили другихъ;—(приводилъ) Павла, который говорилъ о себѣ, что онъ первый изъ грѣшниковъ (1 Тим. 1, 18), и что его—богохульника, и гонителя, и обидчика помиловалъ Богъ (1, Тим. 1, 13),—который называлъ себя извергомъ, и не считалъ достойнымъ даже имени апостольскаго (1 Кор. 15. 8—9);—Петра, который говорилъ: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь* (Лук. 5, 8); Матѳея, который называлъ себя мытаремъ и во время апостольства (Мат. 10, 3);—Давида, который взывалъ и говорилъ: *яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, и яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ* (Псал. 37, 4); Исаію, который рыдалъ и съ плачемъ вопіялъ: *яко нечистъ есмь и нечисты устнѣ имый* (Ис. 6, 5):—трехъ отроковъ, которые въ печи огненной исповѣдали и говорили о себѣ, что они согрѣшили, преступили законъ, и не сохранили повелѣній Божіихъ (Дан. 3, 29—30);—Даніила, который плакалъ о томъ-же: когда, перечисливъ этихъ святыхъ, я назвалъ осуждающихъ мухами и представилъ справедливую

причину такого сравненія, то-есть, что, какъ тѣ (мухи) садятся на чужія раны, такъ и осуждающіе уязвляютъ чужіе грѣхи, причиняя чрезъ это болѣзнь и сообщающимся съ ними; когда дѣлающихъ противное назвалъ пчелами, не тѣми, которыя причиняютъ болѣзни, но которыя устрояютъ ульи величайшаго благоговѣнія и затѣмъ летаютъ по лугу добродѣтели святыхъ: тогда-то, тогда показали вы ненасытимую свою любовь! Какъ рѣчь наша продлилась (тогда) долго, безмѣрно долго, какъ никогда еще не бывало, то многіе ожидали, что отъ такой продолжительности слова погаснетъ въ васъ усердіе (къ слушанію): но вышло противное; въ васъ еще болѣе разгаралось сердце, болѣе воспламенялось усердіе. Изъ чего же это видно? Изъ того, что рукоплесканія подъ конецъ увеличились и восклицанія усилились: и случилось тоже самое, что бываетъ въ печахъ. Какъ тамъ сначала не очень ярокъ бываетъ блескъ огня, но, когда пламя охватитъ накладенныя дрова, то и поднимается на большую высоту: такъ точно случилось и въ тотъ день. Сначала это собраніе волновалось не сильно; но когда рѣчь простерлась далеко, обняла всѣ части предмета, и предложено было обильнѣйшее наставленіе, тогда-то именно и разгорѣлась въ васъ охота къ слушанію, и стали раздаваться сильнѣйшія рукоплесканія. Поэтому я тогда, хоть и располагался было сказать меньше, нежели сколько сказалъ, преступилъ однакожъ обыкновенную мѣру; а лучше сказать, нисколько не преступилъ я мѣры, потому что количество ученія привыкъ я измѣрять не множествомъ словъ, но расположеніемъ слушающихъ. У кого слушатели нерадивы, тотъ, хоть и сократитъ бесѣду, кажется скучнымъ: а у кого слушатели усердны, живы и бодры, тотъ, если и далеко продлитъ рѣчь, и тогда еще не удовлетворитъ желанію (слушателей). Впрочемъ, такъ какъ въ такомъ множествѣ слушателей есть, конечно, и слабые, которые не могутъ прослѣдить (до конца) за продолжительнымъ словомъ; то я посовѣтую таковымъ вотъ что: выслушавъ, что могутъ, пусть примутъ они это, и принявъ сколько для нихъ вмѣстимо, пусть и удаляются отсюда; никто не запрещаетъ имъ (уходить), никто не при-

нуждаетъ ихъ и оставаться здѣсь сверхъ силы; пусть не заставляютъ они насъ прервать слово прежде времени и обычнаго часа. Ты насытился: но братъ еще алчетъ; ты упоенъ обиліемъ сказаннаго: но братъ твой еще жаждетъ. Пусть же и онъ не отягощаетъ твоей слабости, заставляя тебя принять что-либо сверхъ силы; и ты не оскорбляй его усердія, препятствуя ему принять все, что только онъ можетъ вмѣстить. Это бываетъ и на мірскихъ трапезахъ. Одни насыщаются скорѣе, другіе медленнѣе: но ни эти не укоряютъ тѣхъ, ни тѣ не осуждаютъ этихъ. Только тамъ—выдти (изъ за стола) скорѣе—похвально; а здѣсь выдти (изъ церкви) не похвально, но (только) простительно. Тамъ оставаться дольше предосудительно и позорно: а здѣсь выходить позднѣе—похвально и достойно величайшаго одобренія. Почему такъ? Потому, что тамъ отъ пресыщенія происходитъ разслабленіе: а здѣсь отъ духовнаго усердія и богоугодной ревности раждается постоянство и терпѣніе. Третью бесѣду на Евангеліе отъ Іоанна Златоустъ начинаетъ такъ: „Излишне было бы теперь убѣждать васъ къ внимательному слушанію (слова). Вы уже поспѣшили показать это на самомъ дѣлѣ. Это стеченіе (народа), это стояніе съ напряженнымъ вниманіемъ, эта поспѣшность, оттѣсняя другъ друга, занять ближайшее (къ намъ) мѣсто, откуда внятнѣе для васъ былъ бы нашъ голосъ, нежеланіе выйти отсюда, не смотря на тѣсноту, пока не окончится это духовное зрѣлище, рукоплесканія и возгласы одобренія, все свидѣтельствуетъ о вашей душевной теплотѣ и усердіи къ слушанію. Потому-то и излишне уже увѣщавать васъ къ слушанію, а нужно только внушить вамъ, чтобы вы и всегда сохраняли въ себѣ такое усердіе, и не только бы здѣсь его показывали, но чтобы и дома находясь, мужъ съ женою, отецъ—съ дѣтьми бесѣдовали объ этомъ; пусть одни передаютъ другимъ и спрашиваютъ другъ друга, и пусть всѣ оказываютъ взаимно такую добрую помощь“. Такъ какъ продолжительность слова увлекавшагося проповѣдника отзывалась иногда утомленіемъ слушателей изъ слабыхъ, то Златоустъ иногда сокращалъ слово. Но были опять такіе усердные, которые сѣтовали на сокраще-

ніе. А когда проповѣдникъ удлинялъ проповѣди, то опять были сѣтующіе, особенно вслѣдствіе тѣсноты, духоты и духоты въ церкви при многочисленномъ собраніи. Все это поставляло проповѣдника въ затрудненія, изъ которыхъ онъ старался выйти добрыми совѣтами слушателямъ. Вотъ одно изъ характеристическихъ въ этомъ отношеніи вступленій его, начинающее собою вторую бесѣду его о перемѣнѣ имени: „Что намъ сдѣлать сегодня? Видя, какъ васъ много, боюсь распространять слово, потому что, когда поученіе продолжается дольше, вы, я вижу, толпитесь, тѣснитесь и непріятность отъ тѣсноты препятствуетъ вамъ внимательно слушать, ибо слушатель, не имѣя простора, не можетъ усердно внимать тому, что говорится. Итакъ, видя, что васъ много, я, какъ сказалъ, опасаюсь распространять слово. Но съ другой стороны, смотря на ваше усердіе, боюсь сократить поученіе; ибо жаждущій, если напередъ не увидитъ, что чаша полна, не охотно поднесетъ ее къ устамъ; но, хоть и не выпьетъ ее всю, желаетъ однакожъ видѣть ее полною. Поэтому не знаю я, какъ мнѣ поступить въ (настоящей) бесѣдѣ. Хочется мнѣ и краткостію слова облегчить вашъ трудъ, и обширностію его удовлетворить вашему усердію. Но я часто дѣлалъ и то и другое, и ни разу не избѣгалъ порицанія. Знаю, что часто я, щадя васъ, прекращалъ слово прежде конца, и на меня поднимали ропотъ имѣющіе душу ненасытную, постоянно услаждающіеся Божественными струями и никогда не насыщающіеся,— тѣ блаженные, которые *алчутъ и жаждутъ правды* (Матѳ. 5, 6),—и я, убоявшись ихъ ропота, опять шелъ дальше, продолжалъ слово и за это терпѣлъ нареканіе. Ибо тѣ, кому нравятся краткія поученія, встрѣчаясь (со мною), просили щадить ихъ немощь и сокращать слова. Итакъ, когда вижу, что вамъ тѣсно, спѣшу окончить слово; но когда примѣчаю, что вы, не смотря на тѣсноту не отступаете, а расположены идти дальше, мнѣ хочется дать свободу языку. *Тѣсно ми отвсюду* (Дан. 13, 22). Что мнѣ дѣлать? Кто служитъ одному господину и обязанъ подчиняться одной волѣ, тотъ легко можетъ угождать владыкѣ (своему) и не погрѣшать.

А у меня много господъ, и я обязанъ служить такому многолюдству, съ такими разнообразными требованіями. Впрочемъ, это сказалъ я не потому, чтобы тяготился такимъ рабствомъ,—да не будетъ!—и не потому, чтобы желалъ освободиться отъ вашего господства. Для меня нѣтъ ничего почетнѣе этого рабства: не столько царь восхищается діадемою и порфирою, сколько я теперь красуюсь служеніемъ вашей любви. За тѣмъ царствомъ послѣдуетъ смерть, а этому служенію, если оно хорошо будетъ пройдено, уготовано царствіе небесное. Ибо *блаженъ вѣрный рабъ и мудрый, его же постави Господь его даяти житомѣрie сорабамъ его. Аминь глаголю вамъ: надъ всѣмъ имѣніемъ своимъ поставитъ его* (Матѳ. 24, 45—47. Лук. 12, 42). Видишь, каковъ плодъ этого служенія, если оно (пройдено) будетъ усердно: оно поставляетъ (раба) надъ всѣмъ имѣніемъ господина. Итакъ не убѣгаю отъ сего служенія, потому что служу вмѣстѣ съ Павломъ. И онъ говоритъ: *не себе проповѣдаемъ, но Христа Іисуса Господа: себе же самихъ рабовъ вамъ Іисуса ради* (2 Кор. 4, 5). И что говорить о Павлѣ? Если *во образѣ Божіи Сый умали Себе, зракъ раба пріимъ ради рабовъ* (Фил. 2, 7): то что за важность, если я, рабъ, сдѣлался рабомъ сорабамъ (моимъ) ради себя самого? Итакъ это сказалъ я не потому, чтобы хотѣлъ освободиться отъ вашего господства, но потому, что желаю получить (отъ васъ) прощеніе, если предложу трапезу, не всѣмъ угодную. А лучше сдѣлайте то, что скажу теперь. Вы, не могущіе никогда насытиться, но алчущіе и жаждущіе правды, и требующіе продолжительныхъ словъ, будьте снисходительны, когда, ради немощи братій вашихъ, обычная мѣра поученія сокращается. А вы, любящіе краткія слова и немощные, потерпите, ради ненасытимыхъ вашихъ братій; небольшой это трудъ, несите *тяготы другъ друга, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. 6, 2). Не видите ли, какъ борцы на олимпійскихъ играхъ, въ самый полдень, стоятъ среди театра на аренѣ, какъ въ печи, и, какъ мѣдныя какія статуи, воспринимаютъ солнечные лучи обнаженнымъ тѣломъ, и борются на солнцѣ, въ жару и въ пыли, чтобы увѣнчать лавровыми листьями свою,

столько вытерпѣвшую, голову? А вамъ, въ награду за слушаніе, уготованъ не лавровый вѣнокъ, но вѣнецъ правды,— и мы не удерживаемъ васъ до полудня, но, снисходя вашей немощи, отпускаемъ васъ *въ самомъ началѣ дня*, когда воздухъ еще прохладенъ и не раскаленъ паденіемъ (солнечныхъ) лучей:—не заставляемъ васъ принимать эти лучи на обнаженную голову, но вводимъ подъ этотъ прекрасный сводъ и подъ кровлею доставляемъ вамъ прохладу, всячески заботясь о вашемъ удобствѣ, чтобы вы могли долго слушать. Не будемъ же слабѣе дѣтей нашихъ, ходящихъ въ школу. Они раньше полудня не смѣютъ возвратиться домой; но, только что отставши отъ молока, только что отнятые отъ груди, не достигши еще *пятилѣтняго* возраста, съ тѣломъ молодымъ и нѣжнымъ, показываютъ совершенное терпѣніе; хоть безпокоитъ ихъ жаръ, или жажда, или другое что, они до самаго полудня терпятъ и переносятъ, сидя въ школѣ [1]. Такъ, если не другому кому, то этимъ дѣтямъ будемъ подражать мы, мужи, достигшіе полнаго возраста. Ибо, если у васъ недостаетъ терпѣнія слушать слова о добродѣтели, кто повѣритъ намъ, что мы поднимемъ самые труды добродѣтели? Если мы такъ не расположены къ слушанію; то чѣмъ докажемъ, что будемъ ревностны къ дѣлу? Если откажемся отъ легчайшаго, какъ перенесемъ труднѣйшее? Но тѣснота велика, давка большая! Но послушай: *нудящіе себя восхищаютъ царствіе небесное* (Мат. 11, 12) и: *узокъ и тѣсенъ путь, вводяй въ животъ* (Мат. 7, 14). Итакъ, когда мы идемъ узкимъ и тѣснымъ путемъ: то и самимъ намъ нужно стѣснять и нудить себя, чтобы можно было пройти узкимъ и тѣснымъ путемъ. Кто ширится, тотъ не такъ легко пройдетъ тѣснымъ путемъ, какъ тотъ, кто сжимаетъ себя, нудитъ и стѣсняетъ“.

Въ приведенныхъ отрывкахъ упоминается о рукопле-

[1]) Интересное свидѣтельство о томъ, съ какого ранняго возраста начиналось тогда обученіе дѣтей *въ школахъ*, подъ которыми разумѣются, конечно, *домашнія школы*, устраиваемыя учителями.

скаціяхъ слушателей, какъ знакахъ одобренія проповѣдника. О рукоплесканіяхъ, бывшихъ тогда въ обычаѣ, упоминается не разъ еще въ его бесѣдахъ. Были и другія одобренія проповѣдника, напр. восклицанія, о которыхъ упоминается напр. въ слѣдующемъ вступленіи 7-ой бесѣды на книгу Бытія: *„Много просилъ я вчера вашу любовь запомнить сказанное (въ церкви), и предложить (дома) вечеромъ двоякую трапезу.—трапезу изъ снѣдей, и при ней угощеніе словами (духовными). Что-же? сдѣлали-ли вы это? предложили ли двоякую трапезу?—Знаю, что вы сдѣлали, и вкусили не только той (тѣлесной), но и этой (духовной трапезы). Позаботившись о худшей, вы, конечно, не могли пренебречь лучшею. И дѣйствительно, эта лучше той. Ту составили руки поваровъ, а эту приготовили уста пророковъ: въ той произрастенія земли, а въ этой плодъ Духа; брашна той трапезы скоро портятся, а этой—нетлѣнны; та поддерживаетъ настоящую вашу жизнь, а эта ведетъ васъ къ будущей. Итакъ, что вы, вмѣстѣ съ тою, приготовили и эту (духовную) трапезу,—это узналъ я, не отъ проводника, не отъ слуги вашего, но отъ такого вѣстника, который вѣрнѣе этихъ. Отъ какого-же это? Отъ (вашего) одобренія того, что (мною) сказано, отъ похвалы преподанному наставленію. Когда я сказалъ вчера: „пусть каждый изъ васъ сдѣлаетъ свой домъ церковію“, вы громко воскликнули, изъявляя удовольствіе по поводу этихъ словъ. А кто съ удовольствіемъ слушаетъ поученіе, тотъ готовъ представить доказательство и на дѣлѣ. Поэтому я сегодня еще съ большимъ усердіемъ поспѣшилъ къ проповѣданію. Только будьте внимательны и нынѣ“*.

Принимая снисходительно такіе знаки похвалы, какъ рукоплесканія и восклицанія, проповѣдникъ однако не всегда одобрялъ ихъ, желая видѣть другія проявленія дѣйственности его проповѣди. Уже въ концѣ втораго года своего проповѣдничества въ одной изъ своихъ бесѣдъ онъ говоритъ: *„церковь не театръ, чтобы приходить въ нее для забавы. Изъ нея должно выходить съ назиданіемъ... Что мнѣ пользы въ вашихъ рукоплесканіяхъ? Что пользы въ похвалахъ и*

въ восклицаніяхъ? То мнѣ похвала, если вы все вамъ внушенное исполняете на дѣлѣ“. Въ 3-емъ словѣ противъ Аномеевъ онъ отзывается: „вы хвалите слово; вы принимаете увѣщаніе съ великимъ шумомъ и рукоплесканіями: но лучше выразите намъ похвалу дѣлами“. Болѣе доволенъ онъ былъ, когда замѣчалъ другіе знаки дѣйствія его проповѣди, напр. молчаливое сокрушеніе, плачъ. Такое молчаніе замѣтилъ онъ напр. послѣ сильнаго и рѣзкаго описанія въ бесѣдѣ 2-й о Лазарѣ суда, ожидающаго грѣшнаго богача въ той жизни: „Вы молчите, слыша сіе? Благодарю васъ за это молчаніе болѣе, нежели за рукоплесканія: потому-что рукоплесканія и похвалы дѣлаютъ меня славнѣе, а это молчаніе содѣлываетъ васъ цѣломудреннѣе. Знаю, что слова мои огорчаютъ, но за то и доставляютъ великую и неописанную пользу“ Трогательное описаніе проповѣдникомъ глубокой скорби Давида о пораженіи и смерти Саула и Іонафана, изъ коихъ первый былъ упорнымъ врагомъ Давида, вызвало плачъ у слушателей и проповѣдникъ спѣшитъ сказать имъ: „вы растрогались теперь, заплакали, возмутились духомъ, и ваши глаза стали готовы проливать слезы? Вспомни-же теперь, пока еще сердце горитъ печалію, (вспомни) каждый о своемъ врагѣ и оскорбителѣ, и береги его при жизни, и оплакивай по смерти, не на показъ, но отъ души и отъ чистаго сердца И хотя-бы пришлось потерпѣть что, только бы не оскорбить обидѣвшаго, все сдѣлай и перенеси, въ надеждѣ великихъ наградъ отъ Бога“. Плачъ вызвалъ въ слушателяхъ живое описаніе проповѣдникомъ страданій праведнаго Іова, и проповѣдникъ замѣчаетъ: „вы смутились и плачете, слыша объ этомъ. Подумайте-же, каково было ему это видѣть. Ибо, если мы, послѣ столь долгаго времени, не можемъ безъ слезъ слышать объ этомъ печальномъ событіи, и слышать притомъ о чужомъ несчастіи: то какой адамантъ былъ тотъ, кто видѣлъ это своими глазами, и любомудрствовалъ—не въ чужихъ, а въ собственныхъ злоключеніяхъ“?

Радуясь подобнымъ проявленіямъ дѣйствія своей проповѣди на слушателей, Златоустъ ревновалъ и часто напоминалъ имъ о томъ, чтобы и по выходѣ изъ церкви, въ домѣ

они не только сами хранили въ памяти и исполняли слышанное, но и передавали его другимъ, начиная съ своихъ домашнихъ, чтобы проповѣдническое слово его изъ церкви переходило въ семью, даже на рынокъ. Въ концѣ 8-ой бесѣды на книгу Бытія, онъ говоритъ: вижу, что время у васъ теперь перешло за предѣлы, поэтому отложу слово до другой бесѣды. А вы пока храните и помните сказанное; передавайте его и тѣмъ, которые не слышали; и пусть каждый размышляетъ объ этомъ и въ церкви, и на рынкѣ, и дома. Нѣтъ ничего пріятнѣе божественнаго наставленія. Послушай, что объ немъ говоритъ Пророкъ: *коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меда и сота устомъ моимъ.* (Псал. 118, 103). Этотъ-то сотъ полагай на вечерней трапезѣ, чтобы она вся полна была духовной сладости. Не видите-ли, какъ богатые люди послѣ обѣда вводятъ къ себѣ арфистовъ и флейщиковъ? Они свой домъ дѣлаютъ театромъ, ты сдѣлай твой домъ церковію, и—сдѣлаешь, не тогда, какъ перемѣнишь стѣны, или переиначишь основаніе, но когда призовешь къ своей трапезѣ самаго Владыку небеснаго. Богъ не стыдится такихъ вечерей. Ибо, гдѣ духовное поученіе, тамъ и цѣломудріе и честность и скромность; гдѣ мужъ и жена, и дѣти, и согласіе и дружба, и (всѣ) связаны узами добродѣтели, тамъ—среди ихъ Христосъ". Подобныя наставленія, какихъ много у него, имѣли свое дѣйствіе, по крайней мѣрѣ, принимались слушателями съ сочувственными восклицаніями, какъ то мы видѣли уже изъ свидѣтельства самого проповѣдника. Но онъ любилъ развѣдывать и слѣдить за дѣйствіями его проповѣди путемъ частныхъ наблюденій и бесѣдъ, чего и не скрывалъ въ сознаніи, что это дѣлаетъ по любви къ нимъ и ревности о спасеніи ихъ. Трогательнѣе высказывается этотъ мотивъ въ заключеніи одной (пятой) и въ началѣ другой (осьмой) изъ его бесѣдъ о статуяхъ. „Дайте мнѣ похвалиться вами и въ настоящей жизни, и въ тотъ день, когда приведутся (на судъ) получившіе таланты. Достаточная мнѣ награда за труды—ваша добрая слава; и, лишь увижу, что вы живете благочестиво,—я все получилъ. Итакъ сдѣлайте, что я и вчера внушалъ вамъ, и сегодня

говорю, и не перестану говорить: опредѣливъ наказаніе клянущимся,—наказаніе, приносящее пользу, а не вредъ, постарайтесь представить намъ и доказательство своего успѣха. А я постараюсь, по выходѣ изъ сего собранія, съ каждымъ изъ васъ имѣть продолжителную бесѣду, чтобы во время такой бесѣды усмотрѣть мнѣ, кто исправился; и если увижу кого-либо клянущимся, объявлю его предъ всѣми исправившимися, дабы упреками, обличеніемъ и вразумленіемъ тотчасъ отклонить его отъ дурной привычки. Ибо гораздо лучше здѣсь вытерпѣть стыдъ и исправиться, чѣмъ быть посрамлену и наказану предъ лицемъ всей вселенной, въ тотъ день, когда грѣхи наши откроются предъ очами всѣхъ. Впрочемъ, не дай Богъ, чтобы кто-либо изъ сего почтеннаго собранія явился тамъ въ такомъ несчастномъ положеніи: но молитвами святыхъ отцевъ нашихъ, исправивъ всѣ грѣхи, и принесши обильный плодъ добродѣтели, да отыдемъ отсюда съ великимъ дерзновеніемъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ слава Отцу со Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь". Восьмую бесѣду онъ начинаетъ [1] такъ: „и недавно къ вамъ, и теперь къ вамъ говорю: о, если бы и всегда быть съ вами! А впрочемъ, я и всегда съ вами, если и не тѣломъ, то силою любви; потому-что для меня и нѣтъ другой жизни, кромѣ васъ и заботы о вашемъ спасеніи. Земледѣлецъ только и заботится, что о сѣменахъ и посѣвахъ, и кормчій—о волнахъ и пристаняхъ: такъ и проповѣдникъ—о слушателяхъ и ихъ успѣхѣ, какъ и я теперь. Потому и ношу всѣхъ васъ въ умѣ моемъ, не только здѣсь, но и дома. Хотя число народа и велико, а мѣра моего сердца мала, за то любовь обширна, и не тѣсно вмѣщаетеся въ васъ (2. Кор. 6, 12); а что далѣе, того уже не скажу, потому-что и мы не тѣсно помѣщаемся у васъ. Откуда это видно?—Многіе сказали мнѣ о себѣ: „мы исполнили прика-

[1] Отрывокъ изъ нея, приведенный уже выше съ другою цѣлію, здѣсь приводится нѣсколько полнѣе.

заввое, постановили другъ другу законы, опредѣлили взысканія клянущимся, наложили наказаніе на преступающихъ законъ,—наказаніе, приличное вамъ", что доказываетъ весьма великую любовь. И не стыжусь я развѣдывать объ этомъ; потому-что эта любознательность происходитъ не отъ пытливости, но отъ заботливости. Не безчестіе для врача освѣдомляться о болящемъ: и намъ не порокъ всегда разузнавать о вашемъ спасеніи: ибо узнавъ такимъ образомъ, что вами *исполнено, и что осталось не сдѣланнымъ*, мы съ должнымъ разумѣніемъ приложимъ и остальныя лекарства. Итакъ, по развѣданіи, мы узнали это, и поблагодарили Бога, что не на камнѣ *посѣяли мы, не въ тернія бросили сѣмена,* и не потребовалось намъ продолжительнаго времени и большой отсрочки, чтобы пожать ниву. Вотъ почему всегда имѣю васъ въ умѣ моемъ; вотъ почему не чувствую труда отъ учительства: меня облегчаетъ польза слушанія! Этой награды достаточно, чтобы ободрить насъ и окрылить, и сдѣлать отважными, и убѣдить къ перенесенію всякаго за васъ труда".

Слѣдуетъ замѣтить, что клятвы, о которыхъ здѣсь говорится, были предметомъ, о которомъ онъ говорилъ и нарочитыя бесѣды и о которомъ онъ часто говорилъ и въ другихъ бесѣдахъ. Клятвы были какимъ-то закоренѣлымъ обычаемъ у антіохійцевъ. Къ клятвѣ или присягѣ привлекали истцы, тяжущіеся, заподозрѣвшіе кого-либо въ кражѣ, обманѣ и т. под. Клятвы эти совершались въ церкви, предъ священной трапезою и предлежащимъ евангеліемъ, какъ описываетъ Златоустъ, въ высшей степени возмущавшійся этимъ обычаемъ. „Что ты дѣлаешь, человѣкъ?—заставляешь клясться предъ священною трапезою, и тамъ, гдѣ лежитъ Христосъ закланный, закалаешь брата своего? Разбойники убиваютъ на дорогахъ: а ты убиваешь сына предъ лицемъ матери, и—совершаешь убійство преступнѣе Каинова! Тотъ умертвилъ своего брата въ пустынѣ, и временною смертію: а ты наносишь брату смерть среди церкви, и смерть вѣчную! Ужели для того устроена церковь, чтобы намъ клясться? Нѣтъ,—для того, чтобы молиться. Ужели для того стоитъ трапеза, чтобы мы заставляли (другихъ) клясться? Нѣтъ,

для того стоитъ она, чтобы разрѣшали мы грѣхи, а не вязали. Но если ты (не стыдишься) ничего другаго, такъ постыдись этой самой книги, которую подаешь для клятвы; раскрой Евангеліе, которое держа въ рукахъ, заставляешь ты другаго клясться, и, услышавъ, что Христосъ говоритъ тамъ о клятвахъ, вострепещи, и удержись. Что же Онъ говоритъ тамъ о клятвахъ? *Азъ же глаголю вамъ, не клянитеся всяко* (Матѳ. 5, 34). А ты этотъ законъ, запрещающій клятву, дѣлаешь клятвою? о, дерзость! о безуміе! Ты дѣлаешь тоже, какъ если бы кто самаго законодателя, воспрещающаго убійство, заставилъ быть помощникомъ въ убійствѣ. Не такъ стенаю и плачу я, когда слышу, что иныхъ убиваютъ на дорогахъ, какъ стенаю и плачу, и содрогаюсь, когда вижу, что кто-нибудь подходитъ къ этой трапезѣ, полагаетъ на нее руки, прикасается къ Евангелію, и—клянется. На счетъ денегъ ты сомнѣваешься, скажи мнѣ, и убиваешь душу? Пріобрѣтаешь ли ты столько, сколько дѣлаешь вреда душѣ и своей, и ближняго? Если вѣришь, что этотъ человѣкъ правдивъ, не вводи его въ неволю клятвы; а если знаешь, что онъ лживъ, не заставь его нарушить клятву. Но это для того, говоришь, чтобы мнѣ быть вполнѣ успокоеннымъ? Нѣтъ, когда ты не заставишь клясться, тогда-то и будешь вполнѣ успокоенъ; а теперь, возвратившись домой, ты постоянно будешь угрызаемъ совѣстію, размышляя такъ: не напрасно ли я заставилъ его поклясться? не нарушилъ ли онъ клятву? не я ли былъ причиною грѣха? Но если ты не заставишь (другаго) поклясться, то, возвратившись домой, получишь большое утѣшеніе, благодаря Бога и говоря: слава Богу, что я воздержался, и не заставилъ поклясться напрасно и безъ нужды. Пусть гибнетъ золото, пусть пропадаютъ деньги, только бы имѣть намъ полную увѣренность, болѣе всего, въ томъ, что мы и сами не преступили закона, и другаго не заставили это сдѣлать. Подумай, для чего ты не заставилъ другаго поклясться, и этого будетъ довольно для твоего успокоенія и утѣшенія“ Златоустъ задался мыслію совершенно искоренить обычай клятвы. То, что онъ говоритъ по этому предмету въ первыхъ двухъ

отрывкахъ изъ болѣе раннихъ бесѣдъ его, было только началомъ успѣха его въ борьбѣ съ обычаемъ. Но онъ продолжалъ борьбу, стремясь въ конецъ искоренить его въ Антіохіи: „вездѣ поютъ о нашемъ городѣ, что онъ первый изъ всѣхъ во вселенной украсился именемъ христіанъ: такъ дайте всѣмъ говорить, что Антіохія, одна между всѣми городами во вселенной, изгнала клятвы изъ своихъ предѣловъ. Даже, если это будетъ, она не только сама увѣнчается, но и въ другихъ городахъ возбудитъ ревность къ тому-же. И какъ имя Христіанъ, начавшись отселѣ, какъ изъ нѣкоего источника, распространилось по всей вселенной: такъ и это доброе дѣло, получивъ здѣсь корень и начало, сдѣлаетъ вашими учениками всѣхъ людей, населяющихъ землю, такъ что будетъ вамъ двойная и тройная награда—и за собственныя добрыя дѣла и за наученіе другихъ". Но вотъ обычай клятвы начинаетъ болѣе и болѣе слабѣть, такъ что многіе совсѣмъ отстали отъ него, а другіе оправдывались пока тѣмъ, что только изрѣдка грѣшатъ старою привычкою. Златоустъ отвѣчаетъ на это въ 18-й бесѣдѣ о статуяхъ: „Вы, какъ извѣстно мнѣ и какъ прежде сказалъ я, исполнили уже этотъ законъ о клятвахъ: но этого недостаточно для нашего спасенія, если мы притомъ, не научимъ и неисправимъ и другихъ; потому-что и принесшій талантъ, хотя возвратилъ залогъ въ цѣлости, однакожъ подвергся наказанію за то, что не пріумножилъ даннаго (Мат. 25, 30). Итакъ не будемъ смотрѣть только на то, освободились ли мы сами отъ грѣха, но не отстанемъ, пока не освободимъ и другихъ; и каждый, слугъ ли имѣешь, или учениковъ, собравъ около себя друзей десять, приведи ихъ къ Богу. Но нѣтъ у тебя ни учениковъ, ни слугъ? Такъ есть друзья;—ихъ исправь. И не говори мнѣ: „отъ частаго употребленія клятвъ мы отстали, а только изрѣдка увлекаемся къ нимъ"; брось и это „изрѣдка". Если потеряешь одинъ золотой, не обойдешь ли всѣхъ съ распросами и поисками, только бы найти его. Такъ поступи и съ клятвами. Если увидишь, что вырвалась у тебя одна клятва, плачь, стенай, какъ будто бы все имущество твое пропало. Опять говорю, что и прежде: заприсъ дома, займись и потрудись съ женою, съ дѣтьми и домашними: ска-

жи напередъ самъ себѣ: не примусь ни за частныя, ни за общественныя дѣла, пока не исправлю душу свою. Если вы научите дѣтей своихъ: и они научатъ своихъ дѣтей, и такимъ образомъ исполненіе заповѣди, дошедши до конца вѣка и до пришествія Христова,—всю награду за это принесетъ тѣмъ, кто положилъ корень". Эта бесѣда говорена была въ концѣ великаго поста предъ Пасхою 387 года. Къ концу бесѣды проповѣдникъ заключаетъ такимъ уже грознымъ и властнымъ предупрежденіемъ: „Сорокъ дней уже прошло; если еще пройдетъ и святая Пасха, то никому уже не прощу, и употреблю, не увѣщаніе, но запрещеніе и отлученіе, которымъ нельзя пренебрегать: ссылка на привычку не сильное оправданіе! Почему воръ не ссылается на привычку и не освобождается отъ наказанія? почему также и убійца и прелюбодѣй? Итакъ, напередъ говорю и объявляю всѣмъ, что, если я, сошедшись съ вами наединѣ и сдѣлавъ опытъ (а непремѣнно сдѣлаю), найду нѣкоторыхъ неисправившимися въ этомъ недостаткѣ, такихъ подвергну наказанію, прикажу не допускать къ святымъ тайнамъ, не для того чтобы они оставались безъ нихъ, но—чтобы исправились и затѣмъ приступили, и съ чистою совѣстію вкусили священной трапезы: потому что это и значитъ быть причастникомъ. Дай вамъ Богъ, по молитвамъ предстоятелей и всѣхъ святыхъ, исправивъ эти и всѣ другіе недостатки, получить царство небесное, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу и Святому Духу, слава, честь и поклоненіе, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь". Увѣщанія проповѣдника, поддержанныя новыми напоминаніями въ разныхъ бесѣдахъ въ дни Пятидесятницы, возымѣли силу, такъ что въ одной изъ этихъ бесѣдъ (на притчу о должникѣ десятью тысячами талантовъ) онъ имѣлъ утѣшеніе выразить: „вотъ мы уже ударяли по одной струнѣ во всю пятидесятницу, читая вамъ законъ о клятвахъ и,—по милости Божіей, многія уста слушателей научились у насъ мелодіи этого закона, и, бросивъ дурную привычку, вмѣсто того, чтобы клясться Богомъ, всегда при каждомъ разговорѣ носятъ на языкѣ: *ей* и *ни*, и *повѣрь*;

пусть будетъ нудить ихъ безчисленное множество дѣлъ, они не рѣшатся пойти дальше.

Успѣхъ борьбы съ обычаемъ клятвъ является такимъ образомъ однимъ изъ примѣровъ дѣйствія проповѣди его на слушателей, послушанія ихъ увѣщаніямъ проповѣдника. Были и другіе подобные примѣры, о которыхъ онъ неоднократно упоминаетъ съ радостію и благодарностію.

Но имѣя много доказательствъ любви и вниманія къ его проповѣди и благопріятнаго дѣйствія ея на слушателей, Златоустъ имѣлъ случаи испытывать и неблагопріятное отношеніе къ нему со стороны слушателей или извѣстной части ихъ. Такъ ему приходилось слышать ропотъ на нѣкоторыя обличенія ихъ. Такъ въ одной проповѣди его обличенія и угрозы недостойно причащающимся были такъ сильны и рѣзки, что многіе изъ слушателей въ частной бесѣдѣ говорили ему: ты отвращаешь насъ отъ причастія св. Таинъ. Златоустъ поспѣшилъ разъяснить свои обличенія раскрытіемъ мысли о силѣ покаянія и пріемлющаго его милосердія Божія. Были случаи ропота на рѣзкіе упреки богачамъ и вообще слушателямъ за недостатокъ усердія къ помощи бѣднымъ и нищимъ. Нѣкоторые говорили проповѣднику: пощади насъ, ты заставляешь насъ краснѣть и стыдиться. Вообще Златоусту нерѣдко приходилось видѣть или предполагать, что слушатели могли огорчаться его упреками и обличеніями. Въ такихъ случаяхъ, онъ спѣшилъ въ ближайшей бесѣдѣ растворить сказанное прежде словами кротости. Въ 12 бесѣдѣ на Евангеліе отъ Іоанна онъ начинаетъ такъ: „Вчера слово наше, можетъ быть, показалось вамъ, болѣе надлежащаго, стѣснительно и тяжко, такъ какъ мы произнесли слово укорительное и далеко простерли обличеніе многихъ въ нерадѣніи. Но если бы мы дѣлали это только съ намѣреніемъ — оскорбить васъ, то, можетъ быть, справедливо каждый изъ васъ негодовалъ бы. А какъ мы пренебрегли пріятность въ словахъ, имѣя въ виду пользу вашу, то, хотя-бы вы и не хотѣли принять нашего попеченія о васъ, вы должны по крайней мѣрѣ простить такой любви нашей. Ибо мы и очень опасались, чтобы, при нашемъ стараніи, вы съ своей стороны,

не желая показать такого же усердія къ слушанію, не подверглись тѣмъ болѣе тяжкому отвѣту за послѣдствія. Поэтому мы и вынуждаемся непрестанно возбуждать васъ и воздвигать отъ сна, чтобы ничто изъ сказаннаго не было для васъ потеряно. Только такимъ образомъ можете вы съ дерзновеніемъ въ настоящемъ вѣкѣ жить, и въ будущій день предстать престолу Христову. Но такъ какъ мы вчера уже довольно тронули васъ, то приступимъ теперь прямо къ самымъ изреченіямъ Евангелія. Въ 14-ой бесѣдѣ онъ выражается: „Для того-то мы и дѣлаемъ все, и умоляемъ и докучаемъ, и укоряемъ и хвалимъ, чтобы устроить ваше спасеніе. И вы потому не досадуйте на наши частыя увѣщанія къ жизни добропорядочной. Мы говоримъ, не какъ осуждающіе ваше нерадѣніе, но какъ имѣющіе самыя добрыя о васъ надежды. Притомъ, что̀ доселѣ сказано и что̀ впредь сказано будетъ, то касается не васъ только, а и насъ говорящихъ. Ибо и мы сами имѣемъ нужду въ такомъ же назиданіи: и хотя сами говоримъ, но ничто не препятствуетъ обратить тѣ же рѣчи и къ намъ. Слово, встрѣтивъ виновнаго въ грѣхахъ, исправляетъ его; не причастнаго грѣху и свободнаго отъ него отводитъ отъ него еще далѣе. Вѣдь и мы не чисты отъ согрѣшеній. Итакъ врачеваніе одно для всѣхъ и пособія врачебныя всѣмъ предлагаются“. Въ отвѣтъ на предполагаемыя или слышанныя сѣтованія, что онъ слишкомъ часто повторяетъ увѣщанія объ одномъ и томъ же предметѣ, Златоустъ даетъ объясненія, подобныя слѣдующимъ: „мы часто говоримъ объ этомъ не потому, будто хотимъ тревожить васъ, но для того, чтобы доставить вамъ великую и чудную пользу. Кто не исправился, услышавъ однажды, можетъ быть—исправится, услышавъ въ другой разъ, а кто пропустилъ другой разъ,—исправится въ третій (бесѣда 52-ая на Евангеліе отъ Іоанна)“. Или: „я желалъ бы перестать всякій разъ говорить объ этомъ; но вы не позволяете, подавая всегда поводъ къ тому и побужденіе (бесѣда 54-ая на Евангеліе отъ Іоанна)“. Не одинъ разъ проповѣдникъ имѣлъ поводы сѣтовать и на уменьшеніе церковныхъ собраній, а слѣд. и слушателей проповѣди, на

ихъ охлажденіе, особенно въ сезоны зрѣлищъ, а также и на то, что нѣкоторые слушатели, посѣщая утреннія церковныя собранія и проповѣди, лѣнились или тяготились приходить на послѣобѣденныя или вечернія. Съ грустью приходилось ему видѣть иногда и малоплодность и малоуспѣшность своихъ увѣщаній и обличеній противъ укоренившихся дурныхъ обычаевъ и страстей, а иногда даже и насмѣшки надъ его усиліями побороть такія страсти какъ страсть къ зрѣлищамъ или пьяному разгулу въ дни народныхъ, отъ язычества оставшихся, праздниковъ, или даже праздниковъ христіанскихъ. На все это есть довольно частые намеки въ его словахъ и бесѣдахъ. Но онъ не упадалъ духомъ, не ослабѣвалъ въ ревности къ проповѣди, основательно утѣшаясь тѣмъ, что слова его дѣйствуютъ по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ, что по крайней мѣрѣ онъ исполнилъ свой долгъ. Нерѣдки у него обращенія, подобныя слѣдующимъ: „праздникъ не для того, чтобы намъ безчинствовать и умножать грѣхи свои, но чтобы очистить и тѣ, какіе есть у насъ. Знаю, что говорю это напрасно, но не перестану говорить. Если вы не всѣ послушаетесь, то не всѣ же и не послушаетесь; а если всѣ не послушаетесь, то мнѣ будетъ тѣмъ большая награда, а вамъ тѣмъ большее осужденіе. Дабы съ вами не случилось этого, я не перестану говорить; частымъ повтореніемъ, можетъ быть, и трону васъ (бесѣда 27-ая на I посланіе къ Коринѳ.)“. Или еще: „напрасно, кажется, увѣщевали мы бывшихъ у насъ въ предшедшее собраніе—(постоянно) пребывать въ домѣ отеческомъ (т. е. въ церкви), а не приходить (сюда) только въ праздникъ, и опять уходить. А вѣрнѣе сказать, не напрасно: потому-что, если и никто изъ нихъ не убѣдился нашими словами, за то намъ уготована награда, и все сдѣлано для нашего оправданія предъ Богомъ. Поэтому проповѣдникъ, слушаетъ-ли его кто, или нѣтъ, долженъ бросать сѣмена и отдавать (въ ростъ) серебро, чтобы Богъ требовалъ отчета уже не отъ него, а отъ мѣновщиковъ, взявшихъ то серебро. Такъ и мы сдѣлали: обличили, упрекнули, попросили, внушили“. Далѣе, выразивъ свое утѣшеніе тѣмъ, что хотя

многіе и не пришли въ церковное собраніе и къ проповѣди но пришли другіе, что все таки есть и теперь собраніе, хотя и меньшее въ сравненіи съ прошедшимъ, проповѣдникъ высказываетъ, что это меньшее собраніе даже лучше прежняго многочисленнаго. „Чѣмъ предшедшее собраніе лучше настоящаго? Не шумомъ-ли только и смятеніемъ, а больше ничѣмъ? Ибо, если и сегодня тоже—и причастіе св. таинъ, и общеніе въ другихъ духовныхъ благахъ, какъ то: въ молитвѣ, въ слушаніи, въ благословеніяхъ, въ любви и во всемъ прочемъ: то настоящій день отнюдь не меньше прошедшаго: ни для васъ, ни для меня, говорящаго. Кто слушалъ насъ тогда, тѣ будутъ слушать и теперь, а кого нѣтъ здѣсь теперь, тѣхъ не было и тогда, хотя они, казалось, и были здѣсь тѣломъ; они не слушаютъ теперь, не слушали и тогда, и не только не слушали, но и безпокоили слушающихъ, производя шумъ и смятеніе. Значитъ, для меня и тогда и теперь—одинаковое зрѣлище, одинаковое собраніе слушателей, и теперешнее нисколько не меньше прежняго. Даже, если уже сказать что и удивительное, это собраніе еще лучше того, потому-что́ теперь бесѣда идетъ безъ шума, поученіе безъ смятенія, а слушаніе съ бо́льшимъ разумѣніемъ, такъ какъ никакой шумъ не безпокоитъ нашего слуха. Говорю это не потому, чтобы пренебрегалъ я многочисленностью собравшихся тогда, но для того, чтобы убѣдить васъ—не печалиться и не скорбѣть о малочисленности собравшихся сюда нынѣ. Не множество тѣлъ мы желаемъ видѣть въ церкви, но множество слушателей. Итакъ, поелику одни и тѣ же гости у насъ, какъ тогда такъ и теперь, то я и сегодня съ тѣмъ же усердіемъ предложу вамъ угощеніе, возвратившись къ предмету, который прерванъ былъ праздничнымъ временемъ (бесѣда 5 ая объ Аннѣ)“ [1]). Естественно.

[1]) Разумѣется перерывъ, обусловившійся бесѣдою на праздникъ Пятидесятницы. Всѣхъ бесѣдъ объ Аннѣ сказано было Златоустомъ *шесть*, именно въ 387 г. Первая произнесена, незадолго предъ Вознесеніемъ; послѣдняя *шестая* сейчасъ послѣ Пятидесятницы. Приведенные здѣсь выдержки взяты именно изъ *шестой* бесѣды, которая въ изданіяхъ значится, впрочемъ, *пятою*, т. е. пятою изъ дошедшихъ бесѣдъ, ибо *четвертая* бесѣда не дошла, и дошло всѣхъ

что во время какихъ-либо общественныхъ бѣдствій, посѣщавшихъ антіохійцевъ, они были усерднѣе къ церковнымъ собраніямъ, къ слушанію проповѣди и внимательнѣе къ исправленію своихъ нравовъ. Таковы напр. бѣдствія каръ по случаю низверженія царскихъ статуй, землетрясеніе, по поводу котораго народъ три дня молился въ храмахъ, или же бѣдствія голода, моровой язвы и т. п. Такъ какъ въ дни такихъ бѣдствій проповѣдникъ не только обличалъ и увѣщевалъ, но и утѣшалъ унылыхъ и скорбѣвшихъ; то это давало ему право напоминать слушателямъ о временахъ этихъ бѣдствій, чтобы кротко посѣтовать на ослабленіе усердія ихъ, замѣчаемое по минованіи бѣдствія. Въ бесѣдѣ 4-ой о покаяніи онъ говоритъ: „когда мы страдали отъ голода и заразы, отъ града и засухи, отъ пожаровъ и нашествія непріятелей, то не каждый ли день церковь тѣсна была отъ множества собиравшихся? Великое тогда было у насъ любомудріе и пренебреженіе мірскими дѣлами; не тревожили насъ ни любовь къ деньгамъ, ни исканіе славы, ни страсть и стремленіе къ распутству, и никакой другой злой помыслъ, но всѣ вы предались благочестію, съ молитвою и слезами. Блудникъ сталъ тогда воздерживаться, злопамятный спѣшилъ мириться, сребролюбецъ склонялся къ подаянію милостыни, гнѣвливый и дерзкій обращался къ смиренномудрію и кротости. Но когда Богъ разсѣялъ тотъ гнѣвъ, отвелъ бурю и послѣ такого волненія устроилъ тишину: мы опять обратились къ прежнимъ дѣламъ. Объ этомъ я и тогда, во время самыхъ искушеній, напередъ говорилъ и предостерегалъ непрестанно, однакожъ не имѣлъ никакого успѣха, но всѣ тѣ (внушенія) вы выбросили изъ ума, какъ сонъ и мимошедшую тѣнь. Посему-то боюсь теперь больше, нежели тогда, и, о чемъ тогда говорилъ я, особенно боюсь теперь, чтобы намъ не навлечь на себя несчастій, болѣе тяжкихъ, чѣмъ прежнія, и за тѣмъ не получить отъ Бога неизлѣчимой раны“. Приведемъ еще слѣдующее, глубоко трогательное у Златоуста и назидательное и утѣшительное для проповѣдниковъ всѣхъ временъ, собесѣдованіе его по поводу безплодности для нѣкоторой части его слушателей увѣщаній его противъ

праздничнаго пьянства и насмѣшекъ болѣе распущенныхъ людей надъ этою безплодностію его усилій. „Если они и послѣ увѣщанія останутся въ томъ же состояніи, мы и тогда не перестанемъ предлагать имъ совѣтъ; ибо и ключи текутъ, хотя бы никто не черпалъ изъ нихъ, и родники источаютъ воду, хотя бы никто не бралъ ея, и рѣки бѣгутъ, хотябы никто не пилъ изъ нихъ: такъ и проповѣдникъ, хотя бы никто не внималъ ему, долженъ исполнить все, что отъ него зависитъ. Ибо намъ, принявшимъ служеніе Слова, положенъ человѣколюбивымъ Богомъ законъ—никогда не оставлять своего дома и не молчать, слушаютъ ли насъ, или убѣгаютъ. Когда Іеремія за то, что изрекалъ Іудеямъ много угрозъ и предсказывалъ будущія бѣдствія, былъ отъ слушателей поносимъ и осмѣиваемъ цѣлый день: то, по слабости человѣческой, не могши сносить насмѣшекъ и поруганія, онъ рѣшился было оставить такое пророчество. И послушай, какъ самъ онъ показываетъ это сими словами: *быхъ посмѣхъ весь день. Рекохъ: не возглаголю, ниже вспомяну имене Господня. И бысть въ сердцы моемъ, яко огнь горящь, палящь въ костехъ моихъ, и разслабѣхъ отвсюду, и не могу носити* (Іер. 20, 7—9). Смыслъ словъ такой: „я рѣшился оставить пророчество, потому что Іудеи не слушали; но лишь только я рѣшился на это, сила Духа, какъ огонь, запала въ мою душу и опалила всѣ внутренности, изможадая и снѣдая кости мои, такъ что я не могъ вынести этого пожара“. Если же онъ подвергся такому наказанію за то, что, будучи каждодневно осмѣиваемъ, поносимъ и поругаемъ, рѣшился замолчать: то мы какого снисхожденія были бы достойны, если бы, не потерпѣвши еще ничего такого, изъ-за небрежности нѣкоторыхъ впали въ малодушіе и перестали предлагать имъ наставленіе, и особенно, когда столько есть внимающихъ? Впрочемъ, я говорю это не для своего утѣшенія и ободренія: ибо я убѣдилъ душу мою, чтобы, доколѣ буду дышать и Богу угодно будетъ соблюсти насъ въ настоящей жизни, исполнять сіе служеніе, и дѣлать повелѣнное, будетъ ли кто внимать или нѣтъ. Но какъ есть такіе, которые разслабляютъ руки у народа, и, сами не принося никакой пользы

нашей жизни, охлаждають и въ другихъ ревность, насмѣхаясь, издѣваясь и говоря: оставь совѣтовать, перестань увѣщевать; не хотятъ слушать тебя; не имѣй никакого общенія съ ними; такъ какъ есть нѣкоторые говорящіе, это: то, желая исторгнуть изъ души народа сію злобную и безчеловѣчную мысль и діавольскій навѣтъ, поговорю объ этомъ подолѣе. Знаю, что и вчера произносили слова сіи многіе, которые, увидѣвъ, что нѣкоторые провели день въ корчемницѣ, съ насмѣшкою и издѣваясь говорили: „вѣдь совершенно убѣдились! Совсѣмъ никто не пошелъ въ корчемницу: всѣ истрезвились!“—Что говоришь, человѣкъ? Развѣ мы обѣщали уловить всѣхъ въ одинъ день? Если убѣдилось только десять, если только пять, если даже одинъ: не достаточно ли и сего для нашего утѣшенія? Скажу и еще болѣе. Пусть никто не убѣдился нашими словами, хотя не возможно, чтобы безплодно было слово, посѣваемое въ столь многіе слухи; но пусть это будетъ такъ: однакожъ и въ семъ случаѣ слово не безполезно намъ. Ибо, если они и вошли въ корчемницу, то вошли уже не съ такимъ безстыдствомъ; да и за столами часто вспоминали о нашихъ словахъ, укоризнѣ, обличеніи, и, вспомнивъ, устыдились, покраснѣли мысленно; они сдѣлали обычное не съ такою уже наглостію. А почувствовать вполнѣ стыдъ, сознать вполнѣ свои дѣла, это—начало спасенія и прекрасной перемѣны. Сверхъ сего произошла отъ этого и другая не меньшая польза. Какая же? Та, что трезвыхъ мы сдѣлали степеннѣе, и словами своими убѣдили въ томъ, что лучше всѣхъ разсуждаютъ тѣ, кои не увлекаются толпою. Я не возстановилъ болящихъ? за то здоровыхъ сдѣлалъ болѣе благонадежными. Слово не отвело нѣкоторыхъ отъ порока? за то живущихъ добродѣтельно сдѣлало внимательнѣйшими. Присовокуплю къ этому и нѣчто третье. Не убѣдилъ я сегодня? но завтра, можетъ быть, успѣю убѣдить. Но и завтра не успѣю? такъ, можетъ быть, послѣ завтра, или еще въ послѣдующій затѣмъ день. Кто сегодня слушалъ и отвергъ (слово), тотъ, можетъ быть, завтра послушаетъ и приметъ; а кто сегодня и завтра показалъ пренебреженіе,

тотъ спустя много дней, можетъ быть, окажетъ вниманіе къ словамъ моимъ. Вѣдь и рыбакъ нерѣдко, цѣлый день закидывалъ сѣть по напрасну, и къ вечеру, намѣреваясь уже уйдти, уловляетъ во весь день избѣгавшую отъ него рыбу, и съ нею уходитъ. А если бы мы, изъ за всегдашнихъ неудачъ, вздумали быть въ праздности и отстать отъ всѣхъ дѣлъ: то разстроилась бы у насъ вся жизнь, и погибло бы все, не только духовное, но и житейское. И земледѣлецъ если бы, изъ-за случившейся одинъ и два и много разъ непогоды, рѣшился бросить земледѣліе,—мы всѣ скоро погибли-бы отъ голода. И кормчій если бы, изъ за случающейся одинъ два и много разъ бури, оставилъ море,—бездна была бы для насъ непреплываемою, и отъ этого жизнь опять была бы для насъ безполезною. Да и въ отношеніи къ каждому искусству если будешь такъ же превратно судить и располагаться, все совершенно погибнетъ, и земля сдѣлается необитаемою. И такъ, зная сіе, всѣ, хотя одинъ, два и много разъ не достигаютъ конца дѣлъ, коими занимаются, однакожъ опять принимаются за нихъ съ одинаковымъ усердіемъ. Все это зная, и мы, возлюбленные, прошу, не станемъ говорить такъ: какая намъ нужда въ столь многихъ словахъ? никакой нѣтъ пользы отъ этихъ словъ. И земледѣлецъ, хотя бы одинъ, два и много разъ засѣявши одну и ту-же ниву, не получалъ плода, однакожъ опять начинаетъ ее воздѣлывать, и часто въ одинъ годъ вознаграждаетъ убытокъ всего, (прежняго) времени. (бесѣда 1-я о Лазарѣ)". А вотъ еще и другой образецъ подобныхъ, успокоительныхъ для всякаго проповѣдника, размышленій Златоуста по поводу говора о безполезности его проповѣдническихъ увѣщаній. „Скажешь мнѣ: какая польза отъ словъ твоихъ? Есть польза, если кто слушаетъ меня. Я дѣлаю свое; сѣятель сѣетъ. Вышелъ сѣятель сѣять; и пали сѣмена— одни подлѣ дороги, другія на камень, иныя на тернія, а иныя на добрую землю (Матѳ. 13, 3—8). Три части (сѣмянъ) погибли, одна только сохранилась: однакожъ сѣятель не отсталъ отъ земледѣлія; но такъ какъ одна часть сохранилась, то и не переставалъ онъ трудиться надъ землею.—И

теперь, невѣроятно, чтобы сѣмя, повергаемое, въ такомъ множествѣ, не принесло мнѣ класа. Если не всѣ послушаютъ, половина послушаетъ; не половина, такъ третья часть; не третья, такъ десятая; не десятая, такъ хоть одинъ изъ такого множества послушаетъ, лишь бы послушалъ. Не маловажно спасти и одну овцу: потому-что и пастырь тотъ (*Мато*. 18, 12), оставивъ девяносто девять овецъ, пошелъ за одною заблудшею. Не пренебрегаю человѣкомъ: пусть и одинъ будетъ,—но это человѣкъ, живое существо, любезнѣйшее Богу. Пусть будетъ рабъ; не считаю его достойнымъ *презрѣнія*: потому что не чиновъ ищу, а добродѣтели; не господства, не рабства, а души. Пусть одинъ будетъ, но это человѣкъ, для котораго небо распростерто, и солнце сіяетъ, и луна течетъ, и воздухъ разлитъ, и источники бѣгутъ, и море разостлано, и пророки посылались, и законъ данъ; но къ чему все пересказывать?—для котораго единородный Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ. Господь мой закланъ былъ, и излилъ кровь свою ради человѣка: и я ли буду *пренебрегать* имъ? Но какое будетъ у меня оправданіе? Не слышите ли, что Господь разговаривалъ съ самарянкою и потратилъ тысячи словъ? Не презрѣлъ ея за то, что она была самарянка, но оказалъ къ ней вниманіе, потому-что она имѣла душу; не пренебрегъ ею за то, что она была блудница, но приложилъ великое о ней попеченіе, потому-что и она могла быть спасена и показала вѣру. Не перестану говорить и я, хотя бы никто не слушалъ: я врачъ, и предлагаю врачевство; я учитель, и долженъ увѣщевать, потому-что говоритъ (Господь): *стража дахъ тя дому израилеву* (Езек. 3, 17). Никого не исправляю? Что жъ такое? Я за это имѣю награду.—И это сказалъ я по преувеличенію; ибо невѣроятно, чтобы въ такомъ множествѣ никто не исправился. Но таковы отговорки и извиненія нерадивыхъ слушателей.—Каждодневно, говорятъ, слушаю и не дѣлаю.—Слушай, хотя бы ты и не дѣлалъ; потому что отъ слушанія доходятъ и до дѣланія. Хотя бы ты и не дѣлалъ, но будешь стыдиться за грѣхъ; хотя бы не дѣлалъ, но перемѣнишь образъ мыслей; хотя бы и не дѣлалъ, но будешь

осуждать себя за то, что не дѣлаешь. Откуда же это самоосужденіе? Оно плодъ моихъ словъ. Когда ты скажешь: увы! я слышалъ и не дѣлаю!—это увы есть уже начало перемѣны къ лучшему (Бесѣда 6-я о Лазарѣ)".

Понятно, что сказывающаяся въ подобныхъ рѣчахъ увѣренность Златоуста въ дѣйствительности своей проповѣди даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ замѣчалъ недостатокъ вниманія къ ней со стороны нѣкоторой части слушателей,—эта увѣренность могла быть присущею только такому проповѣднику, который видѣлъ многочисленныя доказательства и знаменія дѣйственности ея во все теченіе своего проповѣдническаго служенія. И дѣйствительно, этимъ служеніемъ онъ стяжалъ въ глазахъ современниковъ и потомства неувядаемую славу величайшаго и образцоваго проповѣдника. Заключимъ указаніемъ на ту глубоко назидательную черту въ характерѣ пресвитера-проповѣдника, какою является отсутствіе въ немъ всякаго самомнѣнія, всякаго превозношенія своею славою проповѣдника и сохраненіе до самаго конца своего служенія всегда почтительнаго и сыновняго отношенія къ своему архипастырю Флавіану и также и къ епископамъ, высшимъ учителямъ церкви. Черты этой почтительности сказываются особенно въ словахъ и бесѣдахъ, говоренныхъ Златоустымъ антіохійскимъ пресвитеромъ, въ присутствіи Флавіана и епископовъ, которые слушали Іоанна во время своихъ обычныхъ съѣздовъ на соборы въ Антіохію, а иногда, какъ полагаютъ, и нарочито пріѣзжали въ Антіохію слушать знаменитаго проповѣдника. Свою 8-ю бесѣду на книгу Бытія, которая надписывается на дождливый день и послучаю собранія епископовъ", онъ начинаетъ такъ: „скопленіе облаковъ помрачило у насъ день, а присутствіе учителя (архіепископа Флавіана) сдѣлало его свѣтлымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не такъ солнце освѣщаетъ тѣла, пуская лучи съ высоты небесной, какъ взоръ отеческой любви озаряетъ наши души, испуская лучи отъ престола (архіепископскаго). Зная это, и онъ, не только самъ пришелъ къ намъ, но и привелъ съ собою хоръ свѣтилъ (епископовъ), чтобы свѣта было больше. Потому и церковь у насъ веселится, и стадо

скачетъ, и мы съ большимъ усердіемъ беремся за слово. Ибо гдѣ стеченіе пастырей, тамъ безопасно и овцамъ. Такъ и корабельщики радуются, когда съ ними много кормчихъ; потому—что эти, во время тишины и безвѣтрія, облегчаютъ имъ, посредствомъ рулей, трудъ гребли, а при волненіи моря, своимъ искусствомъ и множествомъ рукъ, усмиряютъ борьбу воды. Поэтому и мы, поручивъ все молитвамъ ихъ (епископовъ), смѣло простираемъ слово къ ученію. Въ бесѣдѣ 1-й о перемѣнѣ имевъ, заключая эту бесѣду мыслію о Божественномъ Писаніи, какъ неизсякаемомъ источникѣ ученія, проповѣдникъ выражается: „какъ въ землѣ влажной, гдѣ ни станешь копать, вездѣ выбѣгаютъ источники: такъ и въ землѣ Божественнаго Писанія, гдѣ ни будешь раскапывать, вездѣ станутъ вытекать многія рѣки; оттого и весьма страшно пустить сегодня всѣ эти рѣки вдругъ. Посему, заградивъ нашъ потокъ, отошлю вашу любовь къ священному источнику сихъ предстоятелей и учителей (епископовъ Сиріи, собравшихся въ Антіохію),—къ этому чистому, упоительному и сладкому источнику, который выходитъ изъ самаго духовнаго камня (т. е. Христа, 1-е коринѳ. 10, 4)“. Свою 5-ю бесѣду о покаяніи Златоустъ заканчиваетъ такъ: „надобно прекратить слово, потому-что хочу я послушать и голоса отца (т. е. еписк. Флавіана). Мы, какъ малыя дѣти пастушескія, играемъ на легкой свирѣли, сидя подъ сѣнію этого святилища, какъ бы подъ дубомъ или тополемъ, а онъ какъ отличный какой музыкантъ, настроивъ золотую арфу, стройностію восхищаетъ всѣхъ слушателей,—такъ онъ доставляетъ намъ великую пользу не стройностію звуковъ, но согласіемъ словъ и дѣлъ. Такихъ-то учителей и Христосъ ищетъ: *иже сотворитъ*, сказалъ Онъ, и *научитъ*, *сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. 5, 19). Таковъ и сей (т. е. епископъ Флавіанъ): потому онъ и великъ въ царствіи небесномъ. Да сподобимся же и мы, по молитвамъ его и всѣхъ сослужителей, получить царство небесное, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Слава двѣнадцатилѣтняго служенія Іоанна въ санѣ пресвитера—проповѣдника достигла и столицы имперіи—Константинополя. Императоръ Аркадій возымѣлъ мысль призвать его на высшее іерархическое служеніе въ столицу. Но здѣсь знали, что Антіохія, блиставшая славою своего проповѣдника, не легко разстанется съ нимъ, что и самъ онъ, по любви къ родному городу, а также и по свойственному ему смиренію, готовъ будетъ отклонить отъ себя предлагаемое высокое положеніе въ столицѣ. Поэтому рѣшено было прибѣгнуть, такъ сказать, къ хитрости, чтобы взять Іоанна для столицы. По внушеніямъ изъ Царьграда, правитель Антіохіи и востока Астерій пригласилъ Златоуста посѣтить вмѣстѣ съ нимъ загородныя мѣста мучениковъ. Златоустъ явился и на приготовленной колесницѣ увезенъ былъ по дорогѣ въ Константинополь. Здѣсь 26 февраля 398 года онъ рукоположенъ былъ во епископа съ званіемъ архіепископа константинопольскаго. Новое обширное поле открылось для его дѣятельности. Это была прежде всего дѣятельность проповѣдническая, въ которой онъ уже первыми своими проповѣдями привлекъ всеобщее вниманіе жителей столицы, возбуждалъ ихъ всеобщіе восторги. Это затѣмъ дѣятельность архипастырская, правящая и устрояющая, одушевленная ревностью о воспитаніи и исправленіи клира, о нравственномъ возвышеніи діоцезальной іерархіи, о созданіи лучшихъ способовъ къ насажденію христіанскаго просвѣщенія, объ улучшеніи общественныхъ нравовъ, искорененіи общественныхъ злоупотребленій и неправдъ, о развитіи новыхъ разнообразныхъ средствъ призрѣнія и благотворенія, о борьбѣ съ ересями и сильными защитниками ихъ; это дѣятельность по лучшему устроенію и возвышенію благолѣпія общественнаго богослуженія, ознаменованная молитвеннымъ творчествомъ и имѣющая вѣчный памятникъ себѣ въ *литургіи Златоуста*; это, наконецъ, дѣятельность миссіонерская, обращенная на инородцевъ въ предѣлахъ имперіи и на ея окраинахъ. Извѣстно, что строгія и нелицепріятныя обличенія архипастыря, ревновавшаго о правдѣ и благочестіи, вызвали непріязненное настроеніе про-

тивъ него въ одной изъ сильныхъ придворныхъ партій. Ему пришлось много страдать, и его страданія, переносимыя имъ съ глубокою преданностью волѣ Божіей, возвеличили славу его въ церкви. Святитель—страдалецъ—скончался на пути во вторую ссылку 14-го сентября 407 года. Въ 438 году мощи св. Іоанна перенесены были въ Константинополь, и затѣмъ имя св. Іоанна Златоуста стало чествоваться во всей церкви Восточной и Западной, какъ имя величайшаго изъ святыхъ отцевъ и учителей церкви, какъ имя вселенскаго учителя и святителя.